

ISSN 0206-8680

2

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

КИНОСЦЕНАРИИ

1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1973 ГОДА

КИНОСЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

В. Трунин
3 Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

В. Кузин
28 БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

О. Манджиев
51 САКМАН

П. Финн
70 ОЖИДАНИЕ

Д. Иванов, В. Трифонов
91 АКСЕЛЕРАТКА

Ф. Агамалиев
110 ИГРА В ФУТБОЛ

В. Фрид, М. Вольпин
130 СКАЗКА О МАЛЯРЕ

И. Сельвинский
147 МОЛОДОСТЬ ИВАНА IV

Д. Писаревский
172 ПОДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА

2

1986

ГОСКИНО СССР
МОСКВА • 1986

В номере публикуется семь новых сценариев художественных фильмов разных жанров. Актуальным нравственным проблемам современности посвящены «Будни и праздники» В. Кузина, «Сакман» О. Манджиева (дебют в художественной кинематографии), «Игра в футбол» Ф. Агамалиева. К событиям предвоенной и послевоенной поры возвращают читателя сценарии В. Трунина «Я хочу рассказать» и П. Финна «Ожидание». Сценарий «Акселератка» Д. Иванова и В. Трифонова и «Сказка о маляре» В. Фрида и М. Вольпина написаны в жанре комедии. Вниманию читателей предлагаются также ранее не публиковавшийся сценарий Ильи Сельвинского «Молодость Ивана IV» и статья Д. Писаревского о сценарных уроках фильма «Чапаев».

Главный редактор Б. ПАВЛЕНОК

Редакционная коллегия:

О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ,
С. ЖГЕНТИ, В. СЫТИН, В. СОЛОВЬЕВ, В. ТРУНИН

Ответственный секретарь Е. КЛЕЙНЕР

Номер подготовили к печати:

О. ГОРБАЧЕВА, Н. РЮРИКОВА, Т. ПОКРОВСКАЯ, М. СЕРГИЕНКО

Технический редактор Л. Рябыкина

Корректор И. Шараевская

© В/О «Союзинформкино»

Сдано в набор 06.02.86. Подписано к печати 10.04.86. А 05219
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 15,6+0,32 (обл.) Уч.-изд. л. 21,58
Усл. кр.-отт 796,0 Печать офсетная. Бумага кн.-журн. «Сыктывкар»
Гарн. лит. Тираж 50 000 экз. Заказ № 360. Цена 1 руб. 20 коп.

Всесоюзное объединение «Союзинформкино» 109017, Москва
Б. Ордынка, 43. Тел. 231-11-33
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12
Телефон 299-47-74

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат В/О «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
142300 г. Чехов Московской области.

ВАДИМ ВАСИЛЬЕВИЧ ТРУНИН (родился в 1935 году) окончил Литературный институт им. М. Горького. По сценариям В. Трунина поставлен ряд художественных фильмов, в том числе: «Это было в разведке», «Белорусский вокзал», «Единственная дорога», «Вернемся осенью», «Через Гоби и Хинган», «Родителей не выбирают», «Жаркое лето в Кабуле», «Победа».

Публикуемый сценарий «Я хочу рассказать» готовится к постановке на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького.

ВАДИМ ТРУНИН

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

Тяжелый мотоцикл с коляской мчался по пустынному ночному шоссе. Лицо водителя защищали очки-консервы, ремешок от фуражки был затянут на подбородке. Широкие плечи туго облегал кожаная куртка, из-под воротника которой были видны петлицы с рубиновыми шпалами.

Батальонный комиссар Василий Брагин был молод, здоров и счастлив. Он ехал в отпуск — сначала в Ленинград за семьей, потом на юг.

Шоссе от Выборга до Ленинграда петляет среди лесов и озер Карельского перешейка. Изредка, пробиваясь сквозь бурые скалы, оно выходит к просторам залива. Зачарованную тишину, стоявшую над миром в эту светлую июньскую ночь, разрывал лишь треск мотоцикла.

У старой границы короткая проверка документов.

Аккуратные домики Сестрорецка. Дачки Лисьего Носа и, наконец, окраины Ленинграда. Этот город прекрасен всегда, а особенно в белые ночи. На пустынных улицах матово поблескивают трамвайные рельсы, изредка, цокая копытами по мостовой, пройдет лошадка, тянущая фургончик с

хлебом или с другими продуктами, редкие грузовики, одна-две «эмочки» повстречаются за всю дорогу да прогремит дежурный трамвай.

Только что свели мост над свинцовыми водами Невы. По набережной, во всю ее ширину от гранитного парапета до фасада домов, шли выпускники. Девочки в белых платьях, парни в рубашках с расстегнутыми воротниками. А на Марсовом поле цвела сирень...

Брагин подъехал к дому, когда солнце уже поднялось над крышами и дворники в белых фартуках деловито махали метлами. Один из них, представительный, с бородой и медной бляхой на фартуке, оставил свое занятие и, опершись на метлу, скептически наблюдал, как Брагин слезал с мотоцикла, и, когда Брагин направился к подъезду, остановил его хриплым окриком:

— Эй, мил человек! Ты вот бросил свою тархтелку и побежал, а мне ведь тут месть надо. И вообще я за ей следить не обязан, а тут мальчишки бегают, шпана всякая, мало ли что...

Брагин остановился, поднял очки-консервы и улыбнулся:

— Что это вы, Иван Семенович, своих не признаете?

— Чего? — искренне удивился дворник. — Василий Федорович, товарищ Брагин!.. Не признал... Извиняюсь. А я гляжу, кто это с таким форсом к нашему дому подкатывает, понимаешь... Давненько вас не было видно.

— Служба, Иван Семенович.

— А... Ну да... ну да... А нынче надолго пожаловали?

— Да нет. Заберу своих и на юг, к теплому морю.

— Отпуск, значит...

— Так точно.

— Ну, счастливо, — сказал дворник степенно и добавил: — Да вы идите, не сомневайтесь, я пригляжу тут за вашей керосинкой.

Брагин кивнул и вошел в подъезд.

Приветливое выражение с лица дворника почти тотчас исчезло. Он глубоко вздохнул и проворчал, размахнувшись метлой:

— Комиссаришь? Ну-ну...

Лестница в этом доме была широкой и пологой, с раскрашенными под мрамор стенами, с высокими двустворчатыми дверьми на площадках. Вот только обилие почтовых ящиков, звонков и табличек портило их. Но у той двери на третьем этаже, к которой Брагин подошел, доставая ключи, было всего лишь две таблички, два почтовых ящика и два звонка. Брагин отпер двери, вошел, и тут, уже в сумраке коридора, ему на шею бросилась женщина — сонная, теплая, с распущенными волосами, в халатике, небрежно наброшенном. Она обняла его и прижалась всем телом.

— Таня, Танюша, — шептал он, глядя ее волосы. — Ты что, не спала?

— Нет. Я спала, — сказала она. — Я чутко спала. Мотоцикл меня разбудил. Здравствуй, милый.

Они поцеловались.

— Ох, подожди, — сказал он, — я грязный с дороги.

— Да, да, пойдем умоешься, — она потащила его к ванной комнате. — Только вымыться вот нельзя, в ванной опять картошка.

— Зачем же разрешили? — Он раздевался, на ходу передавая жене куртку, потом гимнастерку, потом рубашку. Остался голый по пояс.

— Да я не умею ругаться, — сказала жена. — А бабуся пыталась бороться, но безуспешно. Ты же знаешь — словом его не проймешь.

— Безобразие, — сказал он, умываясь из-под крана над раковиной. — Ладно, я с ним сегодня же поговорю.

— Да ладно, Вася, — сказала жена. — Мы же уедем, а когда вернемся, я на-

деюсь, он ее съест. Они же едят, знаешь, как. Быстро и много. — Любуясь им, она погладила его по голой спине, подала ему полотенце.

Он вытерся и, накинув ей полотенце на шею, потянул к себе за концы. Снова поцеловал.

— Хочешь есть? — спросила она.

— Да. Потом. Я хочу на ребят посмотреть.

— Они спят...

— Я соскучился.

Когда-то это была трехкомнатная квартира, и теперь две комнаты, смежные, занимал с семьей Брагин. В первой комнате на диване с высокой спинкой и полочкой с зеркальцем спала его теща. Собственно, она уже не спала, а сидела на диване, расчесывая волосы, поблескивающие сединой.

— Доброе утро, Нина Константиновна, — сказал ей полушепотом Брагин.

— Здравствуй, Вася.

— Вы чего так рано?

— Да разве вы дадите поспать, — сказала ворчливо она.

— Прошу прощения. Виноват.

— То-то же...

Он прошел во вторую комнату. Там были детская кроватка, маленький диванчик и большая, как ее называли тогда, полуторная кровать, железная, с никелированными шарами. Постель на ней была разбросана и, наверное, еще хранила тепло. В детской кровати спала двухлетняя дочка. На диванчике — шестилетний сын. Брагин наклонился над дочкой, поцеловал, но она даже не проснулась.

— Спит, шишига водяная, — любовно прошептал Брагин и отошел к сыну, который тотчас же открыл глаза и сказал неожиданным баском:

— Пить и писать.

Брагин поднял его, сунул в руки чашку с водой, которая стояла здесь же на столике у дивана, и подставил горшок. Мальчик шумно сделал свое дело, закрыл было глаза, но тут же открыл их, улыбнулся и сказал:

— Здравствуй, папа.

— Спи, спи, герой, еще рано, — улыбнулся в ответ ему Брагин, потрепал волосы и отошел.

В большой комнате Нина Константиновна уже убирала постель и накрывала на стол. Тани не было — видно, готовила завтрак на кухне.

— Ну что же вы решили окончательно? — спросила Нина Константиновна.

— Да то, что и раньше, — ответил Брагин. — Аленку к моим в деревню на парное молочко. Димку в Евпаторию, в детский санаторий РККА. Ну а мы с Таней — в Сочи.

— Ишь, как придумали. Хорошо придумали, ничего не скажешь, — сказала Нина Константиновна и поджала губы.

— А чего ж тут плохого? — спросил Брагин.

— А то, что детей разбросали по разным углам, а сами в Сочи покатили. Телеса на солнышке греть. Ишь ты... Я вот, как бы тяжело ни было — муж погиб, с двумя детьми: одна на руках, другая за подол цепляется... революция, гражданская война, разруха, голод... Как бы ни было тяжело, но я своих детей не бросала.

Таня вошла с яичницей, шипящей на сковородке:

— Мама, опять ты... Да кто же детей бросает? Да что ты, в самом деле! У Димки коленки болят. Его лечить надо грязями. В Алёнке родители Васи души не чают.

— Что ж ты хочешь сказать, что я ее не люблю?

— При чем тут ты, мама?

— Вот именно, что я у вас ни при чем.

— А может быть, вы тоже в деревню поедете? — сказал Василий. — Вам будут рады. Отдохнете на природе.

— Еще чего! — Нина Константиновна снова поджала губы. — Никуда я не поеду из Ленинграда. Не хватало мне на старости лет по чужим углам... — И слезы у нее на глаза навернулись.

— Ну что ты обижаешься, мама! — сказала Татьяна, всплеснув руками.

— Ничего я не обижаюсь. А просто разбрасывать семью в такое тревожное время... Не дело это, по-моему.

Брагин промолчал, опустив голову. Только желваки заиграли на скулах.

— А что же такого особо тревожного? — пожала плечико Таня. — Финны теперь не сунутся. С немцами у нас пакт о ненападении. Англичане и французы воюют, им теперь не до нас... Правильно я говорю, Вася?

— Да, конечно, — сказал он и вздохнул.

— Там чайник, наверное, вскипел, — сказала Таня.

Брагин поднялся, вышел и в дверях кухни едва не столкнулся с соседом. Тот был в нижней рубашке, галифе и шлепанцах.

— Здорово, Брагин, с приездом, — сказал сосед.

— Привет, Полозов.

Брагин направился к плите, а Полозов к водопроводному крану. Отвернул и, припав к струе, жадно напился. Брагин снял с плиты чайник.

— Слышал? — спросил Полозов, вытерев рот тыльной стороной ладони.

— О чем?

— Не слышал, значит. Шмидта взяли.

— Как это взяли?

— Не знаешь, как берут?

— Арестовали, что ли?

— Ну да.

— За что?

Полозов рассмеялся.

— Не знаю, но, наверное, было за что.

Брагин опустился на табурет.

— Шутишь? Черт... Как обухом по голове... Когда это случилось?

— Дня три назад.

— Ах ты черт! Юрий Иванович... Честнейший же человек.

— Дыма без огня не бывает, Вася, — сказал Полозов.

— Не городи ерунды.

— Да какой же ерунды... Все эти поездочки, знаешь, за границу...

— Что он, сам ездил? Его ж посылали в командировку...

— Ну вот и доездили. И Анька тоже, расфуфырилась в заграничное...

— Да при чем тут это?

— При том, Вася, при том, что скромнее надо быть, понимаешь.

Таня вошла в кухню.

— Чего ж ты застрял? — спросила она у Брагина. — Чайник вскипел?

— Вскипел, — кивнул Брагин. — Ты о Юрии Ивановиче знала?

— Ну, знала, — ответила, сникнув немного, Таня.

— Почему же не сказала?

— Я хотела сказать, но потом, не сразу же...

— Ты Аню видела?

— Нет.

— Почему?

— Я по телефону с ней разговаривала.

— О чем ты с ней разговаривала?

— Она сказала мне, что вот так... несчастье случилось. И все...

— Но почему ж ты к ней не зашла?

— Вася, я не знаю... я... Честно говоря, я боялась, как бы тебе не повредить...

— Ты бы правда, Брагин, — солидно вмешался Полозов, — не очень, знаешь, не очень вмешивался бы... А то за связь с врагами народа по головке не гладят.

— Дурак ты, Полозов... Ты смотри — уже и ярлычок приклеил, сволочь...

— Ты бы полегче все-таки, Брагин.

— Да пошел ты со своими советами... Брагин направился было к телефону, но передумал. Снял с вешалки кожанку.

— Ты куда? — сказала Таня. — Не позавтракал ведь как следует.

— В глотку мне теперь этот завтрак не полезет, — ответил Брагин, толкнул дверь и вышел.

— Ох, Танечка, — сказал сочувственно Полозов, — доиграется ваш муж, честное слово, доиграется...

— Что за шум, а драки нет? — сказала, выходя на кухню, Нина Константиновна. — Куда вы все пропали, почему не стали завтракать?

— Вася узнал про Шмидта, — ответила Таня, — и куда-то уехал. Наверное, к Ане.

— И правильно сделал, — сказала Нина Константиновна.

— Вот вы старая большевичка, — сказал Полозов, — а рассуждаете...

— Да, я рассуждаю, — перебила его Нина Константиновна, — а вы, я смотрю, рассуждать совсем разучились... — Она сняла с плиты выкипевший чайник и стала доливать его из-под крана. — Ах, Коба, Коба...

— Это вы о ком? — спросил Полозов. — О каком таком Кобе?

— Ну, если вы не знаете, кто такой Коба, о чем мне вообще тогда говорить с вами...

— Я-то знаю, кто такой Коба, — сказал Полозов.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Нина Константиновна. — Это для вас он великий вождь и учитель, а для меня он товарищ по туруханской ссылке — Коба, которому не раз влетало на собраниях политических ссыльно-каторжных, от Яши Свердлова особенно, за грубость...

— Мама! — в ужасе остановила ее Таня. — Мама! Я же просила тебя!

А Полозов только головой покачал. Ничего не сказал и торопливо вышел из кухни.

Меж тем, Брагин, одолев на мотоцикле полгорода, ехал по уже оживленным улицам и, когда свернул в тихий переулок, упирающийся в сквер, то сразу увидел издалека еще молодую женщину и девочку лет девяти, сидевших в буквальном смысле на чемоданах. Да, у них было два больших кожаных чемодана, несколько связок книг и узел...

Брагин медленно подъехал к ним, остановился, снял очки и взглянул на женщину. Она ответила ему молчаливым усталым взглядом и грустно улыбнулась.

— Здравствуй, Аня, здравствуй, Юлька, — поздоровался с ней и с девочкой Брагин. — Почему вы здесь, на улице?

— Ох, Вася, — сказала женщина и вдруг, закрыв лицо руками, расплакалась.

Девочка пыталась утешить ее:

— Мама, мама... не надо, пожалуйста, мама...

Брагин слез с мотоцикла, отнял от лица ее руки, достал платок, вытер слезы на ее щеках и сказал:

— Так. Про Юру я главное знаю. Ты скажи мне сейчас, почему ты здесь, на улице, почему?

— Потому что двое пришли и сказали, чтоб к утру я убралась из квартиры.

— Когда пришли? — спросил Брагин.

— Вчера. Поздно вечером. Я всю ночь собиралась. Ну вот... уложила самое необходимое, а утром они пришли. Сказали, чтоб я сидела и ждала машину.

— Так... А где они сейчас?

— Да там, наверное, еще, — ответила Аня.

— Так... Ну-ка подожди меня здесь, подожди.

Брагин сорвался с места и бегом в подъезд. В подъезде не стал ждать лифта. Через две-три ступени помчался вверх на третий этаж. Там ногой, сапогом, толкнул одну из дверей. Она раскрылась. Вошел. В разоренной квартире хозяйничали трое. Один из них обернулся, спросил:

— Что, машина пришла?

Но другой был более внимательным. Разглядел петлицы под кожанкой и звездочку на фуражке.

— Вам что здесь нужно, товарищ? — спросил он с холодной вежливостью.

— Я хотел бы знать, — сказал Брагин, сдерживая рвущуюся ярость, — по какому праву вы выбросили на улицу женщину с ребенком?

— А по какому праву... — начал было этот второй, но Брагин оборвал его:

— А по такому праву, что если вы мне сейчас не предъявите ордер на вселение и постановление районного Совета о выселении, то я спущу отсюда по лестнице вас всех вместе или поодиночке, как вам будет угодно.

— А я вот сейчас милицию вызову, — сказал второй и направился было к телефону, но первый остановил его.

— Одну минуточку, товарищ, одну минуточку. Я не хочу никаких неприятностей и недоразумений. Мне сказали, что эта квартира будет за мной и гражданку...

— Шмидт, — подсказал второй.

— И гражданку Шмидт переселят в другое помещение...

— Кто вам сказал? — спросил Брагин. — Я спрашиваю, ордер есть у вас или нет?

— Пока нет, пока еще нет...

— Ну так и убирайтесь отсюда к чертовой матери!

— Возможно, это недоразумение, товарищ, — нудным голосом начал первый, — но вот товарищ комендант меня уверил, что эта квартира свободна или, во всяком случае, освобождается.

— Насколько мне известно, — перебил его Брагин, — выселение и вселение в квартиры происходит по решению исполнительного комитета районных Советов, то есть Советской власти. Решения такого у вас нет. Советская власть еще не отменена, так что катитесь отсюда подобра-поздорову...

— Безобразие,— сказал возмущенно первый и направился к двери, а второй, тот, что был комендантом, Брагину пригрозил:

— Я этого так не оставлю.

— Я до тебя доберусь еще, сукин сын,— сказал Брагин.

Третий, молчавший все время, сочувственно улыбнулся Брагину и, уходя, подмигнул.

Брагин тоже вышел. Прикрыл за собой дверь. Те трое ждали лифта, переругиваясь вполголоса, и при появлении Брагина умолкли. Он ждать с ними лифта не стал, пошел пешком вниз. Из подъезда вышел чуть раньше тех троих, они вышли следом, и в это время подъехал грузовик, полторка, груженная всяким скарбом. В кабине сидела женщина с мальчишкой на коленях. Полторка остановилась как раз напротив чемоданов и Ани, и обе женщины некоторое время молча смотрели друг на друга.

Аня обернулась, услышав шаги за спиной, глаза ее были широко раскрыты от ужаса. Брагин ободряюще улыбнулся ей. Комендант сразу же покатился куда-то за угол, а тот, первый, подошел к кабине и сказал извиняющимся голосом:

— Мусечка, тут... Ну, в общем, переезд откладывается пока, так что ты поезжай домой, разгружайся, а я на службу. К обеду постараюсь приехать.

— Шляпа... дерьмо,— сказала Мусечка.— Поехали! — толкнула она шофера, и грузовик, заскрежетав передачей, тронулся с места.

Мусечкин муж, не взглянув на Брагина и Аню, засеменял к скверу, где стояла темная «эмочка». Аня глубоко по-детски вздохнула и улыбнулась.

Вещи внесли обратно в квартиру, сложили в коридоре и сидели на кухне, где разорение чувствовалось меньше всего. Девочка жалась к матери, не спуская глаз с Брагина и не скрывая своего, уже почти недетского, восхищения.

— Вот такие дела, Василий,— сказала Аня, прижав к себе дочь.— Я была просто в полном отчаянии и больше всего боялась, что вот он вернется, а нас тут нет. Где он будет искать? Ведь он же вернется, Вася, вернется, правда?

— Я не сомневаюсь,— ответил Брагин.— А ты успокойся, возьми себя в руки, и давай подумаем, что делать.

— Да, да, Вася, да... Что это я все о себе... Ты-то как? Как у вас? Как Татьяна?

— У нас все хорошо. Вот... в отпуск, видишь, приехал...

— Да, да...— кивнула Аня.— Мы ж собирались все вместе...

— Послушай, мы Аленку отправляем к своим в деревню, может, и Юльку тоже... Тебе одной было бы легче.

— Нет,— резко ответила Аня и еще крепче прижала дочку к себе.— Ни за что! Мы должны быть вместе сейчас, только вместе...

А позже Брагин сидел один на скамеечке неподалеку от дома Шмидтов и курил. Вокруг него мальчишки с игрушечными ружьями играли в войну.

— Ленька, Ленька, я тебя вижу! Трах-тах-тах!.. Ты убит! — кричал белобрысы мальчуган, прячась за скамейкой, на которой сидел Брагин. Но тут из-за кустов сирени выскочили двое мальчишек и расстреляли в упор белобрысого: трах-тах-тах-тах!.. Тот упал так естественно, перевесившись через спинку скамейки, что Брагин даже встревожился, подергал его за плечо:

— Эй...

Руки и белобрысые волосы безжизненно свесились.

— Ну хватит,— снова дернул его за плечо Брагин.

— Я убит,— печально сказал мальчуган.

— Вставай, вставай, герои не умирают...

Мальчишка вскочил, тряхнул льяными волосами и с криком: «Герои не умирают! Ура!» помчался в кусты.

Брагин улыбнулся, глядя ему вслед, поднялся и направился к будке телефона-автомата. Вошел в кабину, снял трубку, опустил в прорезь гривенник и набрал номер. Ответил коммутатор.

— Двадцать семь, пожалуйста,— попросил Брагин и, когда соединили с нужным номером, продолжал: — Здравствуйте. Говорит батальонный комиссар Брагин. Я хотел бы, чтобы меня принял Алексей Ермолаевич. Да, по неотложному и весьма важному делу. А вы доложите, он меня знает. Хорошо знает. Да, я подожду.— И после недолгой паузы: — Да. Я слушаю. Понятно. А сегодня никак нельзя? Уезжает? Ну что ж, благодарю, завтра утром буду. Вы пропуск закажете? Благодарю еще раз. До свидания.— Брагин повесил трубку, опустил еще один гривенник, снова набрал номер: — Алло! Танюша? Это я. Мы сегодня не едем. Наверное, завтра. Не знаю точно. Все равно собирайся. Я тебя прошу. Позвони сейчас Ане и пригласи ее к нам сегодня поужинать. Ну, я хочу, чтобы это сделала ты. Именно ты. Благодарю тебя. Да, я постараюсь. Ну хорошо, до свидания.— Брагин повесил трубку и вышел из телефонной будки. Взглянул на часы.

Потом его мотоцикл можно было видеть на набережной, на мостах и снова на загородном шоссе.

Летний лагерь кавалерийского полка расположился на берегу озера. Палатки прятались под соснами, а над самым озером — взрытая копытами полоса ипподрома, манеж, с искусственными препятствиями, стрельбищем и дорожки для рубки лозы.

На ипподроме шли занятия, за которыми с импровизированной трибуны наблюдал командир полка, высокий человек в сапогах со шпорами и с длинной саблей на боку. Рядом с ним на трибуне было еще несколько политработников и командиров.

У шлагбаума Брагин предъявил документы и получил разрешение на проезд.

Комполка еще издали услышал треск мотоцикла, обернулся и уже больше не спускал глаз, наблюдая за тем, как Брагин осторожно приближался к трибуне, приглушив двигатель и стараясь не пугать лошадей. Однако несколько лошадок все же взбрыкнуло, и один из командиров на трибуне рассердился:

— Сколько раз предупреждать, чтобы не пускали посторонних во время занятий, да еще на этих тарактелках!

Комполка покосился на него с усмешкой:

— Твои лихие кони мотоцикла испугались? Что же будет, когда у них над ухом стрелять начнут или из минометов собачить? Завтра же... нет, сегодня же, немедленно приучать лошадей не бояться любого шума!

— Есть! Слушаюсь! — ответили командиры.

А Брагин меж тем подъехал к трибуне, слез с мотоцикла, поднял очки на лоб и, отдав честь рукой в перчатке с широкими крагами, спросил:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

— Вася! Брагин!.. — крикнул комполка и скатился с трибуны вниз, грохоча каблучками по деревянным ступенькам и бряцая шпорами.

Брагин и комполка обнялись. Потом комполка обернулся к своим командирам и сказал, широко улыбаясь:

— Вот, мой дружок туркестанский. Прощу любить и жаловать. — Командиры вежливо отдали честь, а комполка продолжал восторженно: — Вместе под жарким солнышком жарились, вместе и голодали, и без воды подыхали, и от басмаческих пуль друг друга прикрывали. Помнишь, Вася? Да ты к нам какими судьбами?

— В отпуск я, — сказал Брагин.

— Ну и ну... Это какой же умник отпуск сейчас разрешил?

— А что? Разве есть приказ запрещающий?

— Да нет такого приказа, — сказал комполка, — но... голову же надо свою на плечах

иметь. Какие сейчас могут быть отпуска, когда обстановка такая? Да ты ж политработник, чего мне тебе объяснять... А знаете, хлопцы, каким лихим рубакой был Вася!

— Почему ж это был? — сказал Брагин.

— Ну да? — обрадованно воскликнул комполка: — Неужели не забыл, как на коне сидеть? А ну, мы это сейчас проверим. Скидай-ка свою тужурку. Эскадронный! Коня и шашку батальонному комиссару! И мне Орленка.

Брагин снял кожанку, передал ее вестовому, который подвел коня. У него же и саблю принял, достал из ножен, приладил к руке, махнул пару раз, рассекая воздух. Вскочил на коня.

— Молодец, — похвалил комполка, который уже сидел на своем Орленке. — Ну, готов?

— Готов.

— Тогда за мной... Вперед! Аллюр три креста... Марш! Марш!.. — Комполка поднял своего Орленка на дыбы и с места в галоп к аллее для рубки лозы.

Брагин пустил коня следом.

Топот копыт. Свист сабель. Комполка рубит справа и слева через одну. За ним Брагин, не оставляя позади себя ни единой. Так прошлись до конца аллеи, а потом над озером сдержали коней и двинулись рядом шагом.

— Молодчага! Ну молодчага ты, Вася, — сказал комполка и добавил, покосившись на серебристые танки в черных петлицах Брагина: — Уверен, остался бы строевым, командовал бы сейчас соседними полками. Да и вообще, знаешь, изменил ты нашему кавалерийскому делу.

— Танки самый современный род войск, — сказал Брагин.

— Да слышали мы все это: танки, танки... Танки твои через этот лесок пройдут? Нет. А я пройду. А через речку, вон ту, они переправятся? Нет. А я за хвост уцеплюсь и переплыву, и на том берегу. А горючее не подвезут? Что твои танки? Мертвое железо.

— Ну, этого быть не должно в современной войне.

— Да что там, на войне все бывает.

— Так ты думаешь, будет она? — спросил Брагин.

— Знаешь, Вася, я как старый боевой конь драку чую. Будет, конечно, будет. Гитлер всю Европу взял, кроме мелочишки там всякой, теперь мы одни у него поперек глотки стоим. Да ты не дрейфь, езжай в отпуск спокойно. Если чего, мы его дальше границ не пустим. Размолотим к чертовой матери, впервой нам, что ли...

— Не так все это просто, — вздохнул Брагин.

— А когда же нам просто было? Там,

в Туркестане, что ли, или на Халхин-Голе, или на Хасане, или тут позапрошлой зимой. Так что, Вася, не сомневайся. Наше счастье молодое мы стальными клинками оградим.

Некоторое время они ехали молча, а потом Брагин сказал:

— Я с тобой вот о чем потолковать хотел...

— Не надо, — остановил его комполка. — Не надо, Вася. Не затевай ты этого разговора.

— Так ты уже знаешь?

— Конечно, знаю, а то нет. Донесли доброты, доложили: вашего, мол, дружка туркестанского товарища Шмидта... Да я сразу понял, когда тебя увидел, для чего ты крюка такого в наш лагерь дал.

— Так ты что, не веришь, что Юрка как был, так и остался честным человеком?

— Отчего же не верю? Верю.

— Так что ж ты, трусишь, что ли?

— Да. Боюсь я, Вася. Ничего никогда не боялся, ты знаешь, одного боюсь: накануне великих событий, великой драки сгинуть, понимаешь, не за понюх табаку, не за фунт прованского масла. Не могу. Если спросят, аттестацию дам наилучшую, ты меня знаешь, а сам на рожон не полезешь, ты уж прости меня, Вася:

Некоторое время они снова молчали, потом Брагин, так ни слова и не сказав больше, развернул коня и поскакал обратно в ту сторону, где оставил свой мотоцикл.

Комполка сначала смотрел ему вслед, потом слез с коня, забросил ему повод на спину и спустился к озеру, к самой воде, прошел по ней к гряде валунов и сел на один из них, покрупнее, и так долго сидел, глядя на воду. А по берегу шли его кавалеристы строем, на прекрасных конях, масть в масть, и пели старинную грустную казачью песню.

Вечером в большой комнате шторы были задернуты и от низкого абажура с кистями, висящего над столом, было уютно. Дети шалили на диване, на котором спала утром бабушка. Их было трое — Димка, Аленка и Юлька. Они крутили абажур, и тогда по стенам комнаты плыли тени от его кистей, и казалось, что все куда-то плывет, будто это не комната, а карусели или пароход.

А взрослые — Брагин, его жена Таня, бабуся и Аннушка — пили чай из большого самовара, не обращая внимания на возню детей.

— Налить еще чаю, Аннушка? — спросила бабуся.

— Нет, нет, спасибо. Хватит. — Аня посмотрела на часы. — Да и идти пора уже.

— Ну перестань, рано еще.

— Да нет, Юльку спать укладывать надо.

— Ну, мам... — заканючила Юлька.

— Аня, — сказала Таня, — а может, вообще останешься у нас ночевать?

— Ты что, Танюша, спасибо. И так спасибо за все. Спасибо, — повторила Аннушка, и видно было, что с трудом сдержала слезы.

— Ну-ну, — сказала Нина Константиновна. — Ты только носа не вешай. Бывает и хуже, поверь мне. Я в девятом году совсем девчонкой была, что там, восемнадцать лет, Алексея приговорили к смертной казни через повешенье. Помните столыпинские галстучки? Ну не помните, так проходили, наверное, в школе. Что мне было делать? Я все глаза проплакала, а тут приходят и говорят: если оформите с ним брак по-церковному и поедете следом за ним в Сибирь, то виселицу заменят каторгой, а потом ссылкой. Такой, значит, был у них, у царских властей, гуманизм. Что было делать? Оформила. И поехала. И каторги отведать пришлось, и жить потом в Курейке, в снегах. Знаете, где это Курейка? У самого полярного круга. И уж думала, все худшее позади, хуже уж быть ничего не может, а в девятнадцатом году, когда осталась одна с двумя детьми на руках и вокруг колчаковские бандиты...

— Мама, — перебила ее Татьяна, — мы уже это десять раз слышали...

— Хорошо, хорошо, молчу, я только хочу сказать, что не надо нос вешать, что может быть и хуже.

— Ну спасибо, — улыбнулась Аня, — утешили, честное слово.

И все рассмеялись грустно.

В это время в дверь постучали.

— Да-да, войдите, — сказал, обернувшись, Брагин.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул, на удивление несмело, Полозов, и лицо у него было какое-то странное и испуганное.

— Я извиняюсь, — сказал он, оглядывая всех, и, увидев среди присутствующих Аню, смутился еще больше: — Извините, пожалуйста.

— Что случилось? — спросил, вставая со стула Брагин и подходя к нему.

— Да вот, — сказал Полозов, бочком протиснувшись в полураскрытую дверь. — Вот. — Он поднял руку, которая была располосована между большим и указательным пальцем, и из раны всюю хлестала кровь.

— О господи! — Татьяну аж передернуло. — Как же это так?

— Да вот, открывал консервную банку и напоролся. А дома ни йода, ни бинта, ничего, меня аж мутит немного чего-то.

— Да ты проходи,— сказал ему Брагин.— Сюда, на диван.

— Руку держи на весу,— сказала бабушка.— Кровищей-то все залил.

Аннушка решительно встала.

— Таня, уведи детей. Йод у вас есть или перекись водорода? Что-нибудь и бинт. Давайте быстрее.— Она подошла к Полозову.— Ну чего вы бледный такой, крови боитесь, что ли?

— Да вот не знаю... Выходит так. Прямо кружится голова, в глазах темнеет.

— Спокойно,— сказала Аня, принимая у Брагина бинт и перекись в пузырьке.— Ну-ну, сидите спокойно.— Она стала обрабатывать рану ваткой, смоченной в перекиси.— Не дергайтесь, тоже мне мужчина. Пощиплет немного, и все. Нина Константиновна, дайте ему понюхать нашатырного спирта, что ли.

Тем временем Таня в соседней комнате уложила дочку в кроватку и помогала раздеться Димке. Когда сняла с него рубашку, он обнял за шею ручонками и зашептал:

— Мамочка, я тебя очень люблю, расскази, пожалуйста, сказку.

— Ах ты подлиза, какую сказку тебе?

— Не страшную,— сказал Дима.

Но сестра из своей кроватки возразила:

— Нет страшную, страшную!

И Юля, которая сидела на стульчике у дверей, ее поддержала:

— Пожалуйста, страшную, тетя Таня.

— Большинством,— сказала Таня.

Дима торопливо полез под одеяло.

— В темном, темном лесу,— начала завывающим голосом Таня.

— Не надо,— попросил ее Дима жалобно.— Пожалуйста.— И спрятался с головой под одеяло.

Девочки рассмеялись, повизгивая от удовольствия.

— В темном, темном лесу,— продолжала Таня,— в черном и мрачном замке жил страшный черный волшебник.

Дима заплакал под одеялом. В это время вошла в комнату бабушка и сердито сказала:

— Ну что, опять ты за свое? Как малое дитя, честное слово.

— Мама, да что же это, мальчишка боится сказки какой-то,— сказала Таня.— Надо ж его отучить.

— Ладно. Иди,— сказала бабушка.— Там все уже кончено, без тебя разберемся тут. Дима, солнышко взошло, всю темноту разогнало, и из черного старого замка... Черный старый замок превратился в прекрасный светлый дворец.

Дима выглянул из-под одеяла и улыбнулся сквозь слезы. Таня пожалала плечами:

— Пойдем, Юленька.— И вышла в большую комнату.

— Ну чего ты боишься, чего испугался? — спросила бабушка у Димки.

— Не знаю,— ответил он, шмыгнув носом.— Как она начнет завывать «в темном, темном лесу», у меня мороз по коже, страшно, и все.

— А мне не страшно, мне не страшно,— сказала с кровати сестра.

— Тебе не страшно, потому что ты маленькая,— сказал ей Дима,— и никогда не была в темном лесу.

— А ты был?

— Да, я был.

— Где же? — спросила бабушка.

— На даче,— ответил Димка.

А в большой комнате Аня, туго перебинтовав Полозову руку, отошла от него:

— Вот и все. Нам правда надо идти.

— Спасибо. Огромное вам спасибо,— сказал ей Полозов. Он начал уже приходить в себя. Лицо его изменилось, приобрело прежнее туповато-наглое выражение.

Руку он держал у груди, прижимая другой, как куклу или ребенка.— Вы знаете, что я хочу вам посоветовать, Анна Викторовна, от чистого сердца? Вы письмо напишите товарищу Сталину, прямо товарищу Сталину.

— Благодарю за совет,— сказала холодно Аня.

— Да,— продолжал Полозов, развалившись на диване. Уходить он явно не собирался.— Напишите, что, мол, так-то и так, с мужем своим я общего ничего не имею, отмежевываюсь от него на все сто процентов, ну и так далее, и живите себе спокойно.— Он был очень доволен своим советом.

— Мы пойдем,— сказала Аня, опершись на плечо дочки.

— Подожди, я тебя провожу,— сказал Брагин.

— Я тоже,— сказала Таня,— вот только уберу это свинство.— Она взяла какую-то тряпку, бросила на пол, туда, где было залито кровью, около ног рассеявшегося на диване Полозова.

И пока Татьяна вытирала пол, он продолжал сидеть.

— Ну все, пошли,— сказал Брагин, открывая двери и пропуская вперед Аннушку с Юлей.

Вышла и Татьяна, отбросив тряпку ногой. Брагин посмотрел на Полозова. Тот только сейчас сообразил, что остался один в комнате, улыбнулся:

— Ох ты! Я расселся-то. Извиняюсь. Спасибо за помощь, конечно.

Он тоже вышел в коридор. Здесь ему Брагин сказал:

— Ты к нашему возвращению картошку из ванной убрал бы, а то ни вымыться, ни постирать.

— Я ее к вашему возвращению съем,— ответил Полозов со смешком.— А мне тут, знаешь, Василий Федорович, не очень, когда голые женщины бродят по квартире,— для этого баня имеется, а стирать и в корыте можно. И вообще у меня одна просьбочка: не говори, что я заходил к вам сегодня. Мало ли что...

Брагин молча повернулся к нему спиной.

Они проводили Аннушку до остановки трамвая. Здесь Таня расцеловалась с Юлькой и с ней, и обе растрогались до слез.

— Ты мне пиши,— сказала Таня, вытирая платочком глаза.— Обязательно. Сочи, до востребования. Хорошо?

— Хорошо,— кивнула Аннушка.— Спасибо вам огромное. Я не знаю, как бы я без вас...

— Ну ладно, ладно,— сказал ей Брагин,— я с тобой еще не прощаюсь. Завтра позвоню обязательно. Если успею, заеду.

— Спасибо, Вася.— Они тоже поцеловали друг друга в щеку.

Подошел трамвай. Брагин подсадил прямо на площадку Юльку, помог подняться Аннушке. Трамвай звякнул и тронулся. Они еще долго — Юлька и Аннушка — махали из раскрытого окна стоявшим на остановке Татьяне и Брагину.

Вечер был тихий и светлый, и откуда-то доносилась танцевальная музыка. Таня и Брагин, не сговариваясь, под руку пошли в ту сторону. Таня прижалась к мужу и тихо сказала:

— Бедная Аннушка. Если бы с тобой такое случилось, я бы, наверное, умерла.

Они шли по пустынным и светлым ленинградским улицам обнявшись, как ходят влюбленные. Возле дома остановились у мотоцикла, и только Брагин хотел поправить брезент на коляске, как вдруг услышал сердитый окрик:

— Эй, мил человек, а ну отойди-ка! Не тронь, а то...

Брагин улыбнулся:

— Что это вы, Иван Семенович, сегодня...

— Тю, опять обознался, — развел дворник руками. — Не признал в штатском-то, извиняюсь, Василий Федорович. Это значит, разбогатеете, точно, уж вскорости. У меня глаз легкий. Я вот также купцу Холмову предсказывал. И что ты думаешь? Разбогател! Не надолго, правда. Аккурат перед самой войной это было, а потом революция, то да се... — Дворник махнул рукой. Брагин и Таня рассмеялись. — Смейтесь,

смейтесь, — сказал дворник. — А вот запомните, какое сегодня число.

Брагин посмотрел на большие часы со светящимся циферблатом, которые в те годы называли «командирские»:

— Уже семнадцатое июня, вторник.

Следующим утром, с началом рабочего дня, Брагин был в приемной бригадного комиссара, которому он звонил со скверика перед поездкой в кавалерийский полк.

В приемной, кроме Брагина, адъютанта и секретаря-машинистки, было еще трое: военный, моряк и женщина, немолодая, стриженная, по виду активистка из командирских жен.

Адъютант вошел в кабинет и тотчас же вышел, оставив дверь приоткрытой.

— Прошу вас, Ольга Николаевна.

И когда она скрылась за дверью, военный усмехнулся:

— Бригадный комиссар, как всегда, галантен — женщин вперед.

Адъютант строго посмотрел на него.

— При чем тут галантность, товарищ. Ольга Николаевна директор детского дома, в котором воспитываются дети погибших бойцов и командиров.

— Значит, все правильно, — сказал с улыбкой моряк. — Это не галантность, а старый морской закон — детей и женщин вперед.

— Да... — сказал военный задумчиво и серьезно. — Давно ли последних беспризорников из подвалов да подворотен вытаскивали, а теперь и слово это забывать стали.

— А вот забывать нельзя,— сказал моряк. — Ничего забывать нельзя, а то это может, знаете, дорого обойтись.

— Да мы-то уж не забудем,— сказал со вздохом военный. — Но надо, чтоб и эти не забыли, которых мы растим сейчас в холе да неге, чтобы и они не забывали, понимаешь, откуда ноги растут.

Двери кабинета растворились, женщина кивнула на прощанье адъютанту и ушла.

— Товарищ батальонный комиссар,— сказал адъютант,— пройдите, пожалуйста.

Брагин поднялся, расправил под ремнем гимнастерку и шагнул за порог кабинета.

Из-за большого стола навстречу поднялся плотный человек с крепко посаженной и обритой наголо головой, с живыми цепкими глазами. Два ордена Красного Знамени на гимнастерке.

— Разрешите, товарищ бригадный комиссар? — вытянулся Брагин.

— Входи, Вася, входи. Рад тебя видеть,— комиссар крепко пожал Брагину руку.— Я тебя вчера сразу после звонка принять не смог, вызвали к члену воен-

совета. Проходи, садись, рассказывай, что стряслось.

— Да у меня все в порядке, Алексей Ермолаевич, вот еду в отпуск.

— Ну-ну.— Бригадный комиссар сел на свое место за столом, затем пригласил Брагина сестра на один из стульев напротив.

— Вы Шмидта помните? — спросил после небольшой паузы Брагин.— Вместе служили, в одной бригаде в ТуркВО.

— Шмидта?

— Да. Юрия Ивановича.

— Да нет, что-то не припомню. Тебя вот, крестник, помню прекрасно. Всех не упомнишь, Вася.

— Да, конечно. Но дело не в этом. Шмидт честнейший и преданный партии и Родине человек. Я в этом убежден абсолютно.

Бригадный комиссар нахмурился и сказал:

— Короче. Что, арестован?

— Да,— кивнул Брагин.— Дня четыре назад. Я уверен, что это ошибка. Чистейшее недоразумение. Надо в этом только разобраться, захотеть разобраться.

Алексей Ермолаевич тяжело из-под бровей взглянул на него, опустил глаза и что-то записал на листочке. Потом снял трубку одного из телефонов, стоящих на отдельном столике, набрал номер, глуховато спросил:

— Семен? Это я. Да. Здравствуй. Я вот к тебе по какому делу. Там у вас задержан дня четыре назад Шмидт Юрий Иванович. Да, вот такое сочетание. Не в службу, а в дружбу, что с ним? Хорошо? — Он положил трубку и снова взглянул на Брагина.— Перезвонит.

— Спасибо, Алексей Ермолаевич,— сказал Брагин.

Бригадный комиссар ничего не ответил на это. Закурил. Спросил:

— Не жалеешь, что перешел на политработу?

— Нет,— ответил Брагин.— С вашей же легкой руки, Алексей Ермолаевич.

— Я помню, помню,— кивнул бригадный комиссар.— А сверстники твои уже полками командуют.

— Да,— сказал Брагин.— Знаю.

— Ну-ну... Комиссар — пусть и небольшая, но ответственной обязанностью на этой земле, я скажу тебе, Вася. И я уверен, что за тебя мне краснеть не придется.

— Благодарю,— сказал Брагин.— И я в своем товарище так же уверен.

Бригадный комиссар вздохнул:

— Ты погоди, не горячись,— погасил папиросу, взглянул на Брагина: — Своих-то давно не видел, родителей?

— С прошлого года,— ответил Брагин.

— Я помню отца твоего. Могучий му-

жик. Как он добрался тогда до нас с чемоданом мороженых яблок? А вкусная это штука, мороженая антоновка.

— Я вам пришлю,— сказал Брагин.

— Да ну что ты, не надо.

И в это время зазвонил телефон. Алексей Ермолаевич снял трубку:

— Слушаю. Да. Понятно. Понятно.— Лицо бригадного комиссара все больше мрачнело.— Так... Ясно. Ну спасибо тебе. Спасибо. Да какая там рыбалка! Ну ладно, пока.— Он положил трубку, прикурил новую папиросу и, взглянув исподлобья на Брагина, глухо сказал: — Плохо дело, Вася, дорогой мой.

— Почему?

— Потому что дружок твой виноват, и мало того, что виноват, он еще и во всем признался.

— В чем признался? — прошептал одними губами Брагин.

— В умышленном распространении провокационных слухов,— сказал резковато бригадный комиссар и добавил: — О неизбежности скорой войны и непременном нападении на нас гитлеровской Германии.

Некоторое время Брагин смотрел на бригадного комиссара, широко раскрыв глаза, потом спросил каким-то новым прорезавшимся голосом:

— И ничего нельзя сделать?

— Нет,— сказал Алексей Ермолаевич.— Пока ничего.

Брагин опустил голову, но тут же вскинул ее и, взглянув в глаза бригадному комиссару, спросил:

— А если это не слухи, Алексей Ермолаевич? Ведь он же был там недавно в командировке, своими глазами видел.

— В том-то и дело, что был,— сказал Алексей Ермолаевич.

А Брагин меж тем продолжал:

— Он же военный инженер: он мог и не ошибиться.

— В такой ошибке его никто и не обвиняет,— сказал бригадный комиссар.

— А в чем же? — не понял Брагин.

— В том, что сейчас обстановка такая, что от малейшей искры может вспыхнуть пожар. Кое-кто спит и видит, чтобы столкнуть нас лбами с Германией.

— Алексей Ермолаевич,— возразил ему Брагин,— а если Шмидт не ошибся? Ведь если мы будем закрывать глаза на реальность, она от этого не изменится, а станет только еще опаснее.

— А что ж ты думаешь, мы слепые и не готовимся ни к чему? Мы готовимся, и нам нельзя позволить сейчас себя спровоцировать. Старая граница разоружена, новая еще не укреплена как следует. Нам бы еще год или хотя бы полгода, а там пусть попробуют сунуться.

— И все же, — не унимался Брагин, — если Шмидт никакой не провокатор, если он... Ну, если он прав?..

— Все, — сказал бригадный комиссар, поднимаясь, — хватит об этом. Разговор этот кончен. Собрался в отпуск, так поезжай, а когда вернешься, зайди ко мне, обстановка к тому времени, возможно, изменится, и нам удастся кое-что сделать.

— Спасибо, — сказал Брагин. — Простите, но у меня еще одна просьба...

— Слушаю.

— Дело в том, что семью Шмидта пытались выселить из квартиры...

— А вот об этом ты не волнуйся. Я прослежу. Этого не будет. Вот это-то я тебе обещаю твердо, Вася. Поезжай спокойно. Счастливо. И дай бог, чтоб этот твой друг ошибался.

После полудня того же дня Брагин сидел на кухне в знакомой квартире Шмидтов напротив Ани. В квартире на этот раз было прибрано, чисто, даже по-особенному чисто и прибрано, как будто ждали гостей, и Аня ни минуты не могла усидеть спокойно. Она вскакивала, что-то вытирала, перебирала, чистила, мыла...

— Вот так, — вздохнул Брагин. — Что теперь делать, просто ума не приложу.

— А ничего не надо делать, — ответила Аня. — Спасибо тебе, ты и так много сделал, очень много, а сейчас после твоего рассказа я успокоилась. Честное слово, я совсем успокоилась. Я думала что-то гораздо худшее, а это... Это он говорил все время и повторял, как вернулся... Просто даже мне надоело. Я ему говорила: ну, что ты мелешь, какая война! Четырнадцать держав нас не одолели в девятнадцатом, а тут какая-то Германия. Сама-то только едва встала на ноги. Что мы им, Бельгия какая-нибудь или Чехословакия? Разве посмеют сунуться? Ну ничего, пройдет время, предсказания его не сбудутся, и его отпустят. Я уверена... я просто убеждена в этом. Так что ты поезжай, отдыхай спокойно, не нервничай, я думаю, ты, как вернешься, так все уже позади будет, весь кошмар...

— Дай-то бог, если б так.

— Да-да, я уверена, Вася, так и будет, так и будет.

Ранним утром следующего дня Брагин с женой и детьми собирался в дорогу. На коляску мотоцикла навьючили два чемодана — один большой, другой чуть поменьше. Детей потеплее одели. Димка весь сиял в предвкушении долгой поездки на мотоцикле и приставал с вопросами:

— Па, а нам бензина хватит? До самой деревни? Ма, а ты где поедешь, с Аленкой в коляске, а я на заднем сиденье? Ба, а ты когда-нибудь ездила на мотоцикле?

— Нет, бог миловал, — отвечала ему Нина Константиновна. Остальные же просто отмахивались.

Аленка не выспалась и капризничала: — Не хочу в мотоцикле... Не хочу в деревню... Не хочу этот свитер, кусается...

— Просто не знаю, /мама, — сказала Татьяна, — душа не лежит у меня оставлять тут тебя одну.

— Ну вот еще, чего это вдруг...

— Ты хоть готовь себе здесь. Не ешь всухомятку.

— Еще чего. У нас прекрасная столовая в клубе бывших политкаторжан. И на работе буфет. Не пропаду, не волнуйся.

— И языком поменьше, — сказала Таня. — Особенно с этим, с Полозовым. Боюсь, что он уже накатал про всех нас, про то, что здесь Аня была...

— Еще чего! Я никогда никого не боялась и не боюсь. Что посчитаю нужным, то и скажу. Давайте-ка лучше присядем на дорожку, подумаем. — ничего не забыли?

Они все расселись: кто на стул, кто на табуретку.

— Аленка, не вертись, посиди хоть минутку спокойно.

— Я провожать вас не пойду, — сказала Нина Константиновна. — Здесь простимся. — Она расцеловала детей, чмокнула дочку в лоб. Брагин поколебался и тоже наклонился к ней, чтобы поцеловать, но Нина Константиновна отстранилась: — Что за телячьи нежности? Ты лучше мне их береги. Езжай аккуратней. Не доверяй этим каракатицам. — Она поджала губы, видно, с трудом сдерживая слезы. — Ну ладно, ступайте...

Брагин подхватил Аленку на руки. Татьяна взяла сумку с провизией в одну руку, в другую вцепился Димка, и они вышли из этой квартиры. Навсегда.

Внизу обих детей усадили в коляску, накрыли брезентом так, что только головы их торчали. Таня села на заднее сиденье, а Брагин, прежде чем завести мотоцикл, взглянул наверх и увидел в окне Нину Константиновну, которая все же не выдержала характера и смотрела, как они уезжали.

Брагин уже завел мотоцикл, когда появился дворник:

— Уезжаете, значит?

— Уезжаем, Семеныч, — ответил Брагин.

— А не разбогатели еще?

— Нет пока, — улыбнулся Брагин.

— Жаль, а то б подкинули мне на чай, как в старые добрые времена. Все ж я приглядывал за этим вашим мотоциклом.

Брагин снял перчатку и полез в карман, а Таня ворчала:

— Зачем это? Его обязанность смотреть за порядком, он за это зарплату получает. Откуда у тебя, крестьянского сына, такие купеческие замашки, не пойму я, Вася.

— Да ладно, не ворчи,— сказал добродушно Брагин и дал Семенычу деньги.— Вот тут как раз на пол-литра чаю.

— Спасибо,— поклонился дворник.— Ну, дай бог вам счастливой дороги и благополучного возвращения.

Брагин сел в седло. Мотоцикл затарахтел громче и двинулся, а дворник стоял, опершись на метлу, и долго смотрел ему вслед, как и Нина Константиновна с третьего этажа.

Снова ехали по пустынным утренним улицам Ленинграда, через мосты над Фонтанкой и Обводным, проскочили между поливальными машинами. Немного обрызгало. Весело. А потом — по свободному шоссе, мимо Пулковских высот, мимо Гатчины, все дальше и дальше в сторону Пскова.

Ленинград сверкнул последний раз куполом Исаакия и пропал за дымкой, за далью.

Где-то не доезжая Луги Брагин съехал с шоссе на полянку недалеко от опушки леса, чтобы немного отдохнуть, размяться и перекусить. Дети вылезли из коляски и разбежались по зеленой лужайке среди ландышей и одуванчиков. И пока Брагин возился с мотоциклом, проверяя давление в шинах и уровень горючего в баке, а Татьяна готовила завтрак, Димка зашагал по тропинке в лес.

Сначала лес был веселый, зеленый и светлый, с высокими янтарными соснами, а потом неожиданно тропинка исчезла, стало темнее, ветки кустов хлестали в лицо, сучья упавших деревьев путались под ногами, но Димка упрямо, сжав губы, шел вперед и вперед. «Пусть она не думает, я не боюсь ни темного леса, ни страшных сказок,— говорил он сам себе вслух.— Я не люблю, когда она завывает, вот и все...» Под ногами захлюпало болотце, он промочил ноги, остановился, огляделся, и ему стало страшно.

— Мама! — крикнул он.— Ма-ма!.. — побежал, споткнулся, упал, поднялся и снова побежал, не разбирая куда, в какую сторону.

Таня спохватилась, что Димки нет, когда стала звать всех к расстеленной на траве скатерти с бутербродами.

— Ребята, идите есть! А где Димка?
— Не знаю,— ответил Брагин.— Тут только что вертелся. Алена, ты не видела?

— Нет,— сказала девочка и украдкой посмотрела в ту сторону, куда он ушел.

— Дима! Димочка! — крикнула Таня.

— Димка! — крикнул отец.

— Господи, да что ж это такое,— сказала Татьяна.— Может, он побежал к шоссе? Там машины!

Она метнулась в сторону дороги. Но Димки там не было. Дорога была пустынна, где-то далеко-далеко гудел грузовик. Таня вернулась на полянку, спросила с надеждой мужа:

— Он не появлялся?

— Нет. Вот что, ты посиди здесь с Аленой, а я пойду в лес, поищу его, он где-нибудь здесь. Спрятался и сидит под кустом, хулиганит.

— Ну, я ему!.. Я его выдеру,— сказала Таня.— Ты только, когда я буду кричать, отзывайся.

— Хорошо,— кивнул Брагин и пошел в лес по той же тропинке, по которой недавно ушел Димка.

А он, весь вымазанный в грязи, промокший, сидел на корточках под деревом, прильнув спиной к стволу, дрожал от холода и плакал. Он слышал, как отец его звал, но где-то так далеко и не понятно, в какой стороне, что ему становилось еще страшней.

Здесь, под деревом, и нашел его Брагин. Димка крепко обнял отца за шею, прижался щекой к щеке и, все еще всхлипывая, сказал:

— Я не боялся леса, скажи ей, что я не боюсь темного леса. Мне стало страшно, когда подумал, что потерял вас всех.

— Ну-ну, ты молодец,— сказал Брагин, глядя его по спине,— молодец, успокойся. Разве ты можешь нас потерять? Мы никогда не потеряемся. Мы всегда с тобой.

Он вынес сына на полянку, где ждали Татьяна с Аленкой, и опустил на землю. Димка сразу бросился к матери, и она навстречу ему.

— Мама! — крикнул Димка, собираясь ей, наверное, рассказать о том, как он потерял всех в лесу.

Но мать схватила его за руку, развернула и неожиданно с силой шлепнула по попе раз, а потом и другой, и Димка заревел не столько от боли, сколько от обиды. Следом заголосила Аленка, и Татьяна тоже заплакала.

Некоторое время Брагин стоял, глядя на них, потом неожиданно заревел, как медведь, и, став на руки, задргал ногами в воздухе и пошел по полянке на руках. Первой без всякого перехода — только что плакала — засмеялась Аленка. Засмеялся и Димка, изредка всхлипывая и шмыгая носом, и Татьяна, наконец, улыбнулась...

...После еды дети уснули на той же подстилке, на которой сидели. Брагин укрыв их своей кожаной курткой.

— Где ты нашел его? — тихо спросила Таня.

— Там, в лесу за оврагом,— ответил он и добавил: — Он хотел тебе доказать, что не трус, что он не боится темного леса.

Таня вздохнула, покачала головой:

— Не надо было мне его бить.

— Да, не надо,— сказал жестко Брагин.

— Прости, Вася. Проклятые нервы. Я так издергалась — то едем, то не едем. Эта история с Юрой, Аней...

Брагин лег на спину, закинув за голову руки, и, глядя в чистое голубое небо, сказал:

— Знаешь, Таня, прости, но мне кажется иногда, ты как-то легко живешь.

— Я легко? — искренне удивилась Таня.

— Да,— сказал Брагин.— Немного бездумно, без напряжения. Ну вот с Димкой сегодня сорвалась. И с Аней тоже... Как можно было не зайти к ней все эти дни?

— Я легко живу? — повторила Таня.— Побойся бога. На мне семья, дом, двое детей, стирка, готовка, базар, магазины... Ты бы сам попробовал. Я — легко...

— Я же не об этом,— попытался возразить Брагин.

— А я об этом! — резко сказала Таня.— Я женщина, Вася, понимаешь? Женщина, а не боец хоззвода. И уж раз у меня есть семья и муж, то мне нужно, чтобы он был рядом, чтобы мужик был в доме, чтоб он помогал мне и вообще был со мной, а не появлялся, как ясное солнышко, в Ленинграде два-три раза в году. Вот тогда у меня, может быть, хватило бы нервов и времени подумать о чем-нибудь другом, кроме семьи и детей, понятно, товарищ Брагин?

Он повернулся на бок и взял ее за руку:

— Таня, я не хочу с тобой ссориться.

— Я тоже,— сказала она,— но ты думай, что говоришь. Я сама переживаю и из-за Ани и за то, что Димку сейчас ударила, а ты все же подумай о том, что я сказала.

— Ты, конечно, во многом права,— сказал примирительно Брагин.

— Еще бы.

— Вас надо бы вообще перевезти в гарнизон,— сказал Брагин.— Квартира у меня там небольшая, зато отдельная.

— Или тебе перевестись в Ленинград,— сказала Таня.— Если бы хоть часть энергии, с которой ты бегаешь хлопотать за других, ты бы обратил на себя, то давно уже был бы в Ленинграде с семьей, как другие.

Брагин сорвал травинку, прикусил и сказал:

— Ты же знаешь, Таня, что этого никогда не будет.

— Да, знаю,— сказала она.— За это, наверное, и люблю. Черт знает что такое.

Брагин засмеялся, притянул ее к себе, обнял и крепко поцеловал.

К вечеру Брагин свернул с шоссе и запылил по проселочной дороге. Вокруг были поля с еще зелеными, но уже поднявшимися в рост хлебами, а за тенистой березовой рощей был длинный и довольно крутой спуск к реке.

— Вася, мы лучше сойдем, пожалуй,— сказала Таня, когда они подъехали почти к самой воде.

— Сиди спокойно. Тут воробью по колению,— сказал Брагин.— Я на этой речке каждый камешек, каждую ямку знаю, пескаррей руками ловил...

Речку переехали с веселыми брызгами. Стали подниматься на другой берег и тут едва не столкнулись с колесным трактором, который неожиданно выскочил из-за бугра.

Брагин дернул руль вправо. Тракторист успел вывернуть свои железные колеса в другую сторону, и так они разъехались, только тракторист еще успел кулаком погрозить Василию. Тогда Василий заглушил мотоцикл, перекинул ногу через бак и, сев на сиденье так, как сидят на скамейке, поманил тракториста рукой: иди, мол, сюда, иди...

Тот тоже остановил свой трактор, не глуша его, правда, и прыгнул с железного кресла на землю: крепкий был парень, широкий в плечах, очки закрывали половину черного от пыли лица.

— Вася,— сказала предупреждающе Таня.— Я прошу тебя...

— Спокойно, Танюша, спокойно,— ответил Брагин.— Я научу его, как надо ездить и кому можно грозить кулачком, а кому нельзя.— Он слез с мотоцикла и пошел навстречу трактористу со словами:— Ты что же, убийца, делаешь, разве так ездят?

— А ты,— сказал тракторист,— как едешь? Разобьешь своих малолеток о мое железо, а мне за тебя в тюрьму садиться?

— Вася! — крикнула Таня, но поздно. Они уже сцепились друг с другом и покатались по земле.

— Ну, будьешь грозить кулачком?

— Нет, братка, все, сдаюсь, больше не буду,— сказал тракторист, и оба они рассмеялись. Тракторист вскинул очки на лоб:— Здорово, родня!

— Федя! А ну вас к черту,— сказала Таня, повернулась и зашагала назад к мотоциклу.

Братья добродушно смеялись ей вслед.

— Поезжай,— сказал Федор.— Там заждались уж вас. Мать у окошка сидит прислушивается, а старик на дорогу выходит по десять раз в день.

— А ты куда на ночь гляди? — спросил Василий.

— Как куда? В МТС. Отведу машину в стойло и вернусь.

— Ну счастливо.

— До вечера! — крикнул Федор Татьяне и побежал бегом к своему трактору, тархтевшему около воды.

Василий подошел к мотоциклу.

— Папа, папа! — кричал ему радостно Димка. — Ты его победил?

— Победил. Еще бы не победить... Младшего брательника-то...

— А сколько у тебя брательников? — спросил Димка.

— Четверо нас, — степенно ответил Василий. — И еще две сестренки — Дуняша да Анисья. Так что забижать нас не стоит, защитники найдутся.

— Вас обидишь, — сказала Татьяна.

Брагин завел мотоцикл, сел, и они поехали дальше.

— Места-то тут какие! — крикнул, обернувшись на ходу, Василий.

— Каждый кулик свое болото хвалит, — сказала Татьяна.

— Чего?

— Да, говорю, изумительные места.

— Ага... На черта нам эти Сочи...

— Вася! — крикнула Таня. — Ты этих разговоров лучше не затевай, а то поссоримся при твоих, неудобно будет...

— Ладно, ладно, — махнул Брагин рукой.

Влетели на пригорок, и с него открылась деревня, вся как на ладони: вытянулась вдоль речки, укрылась садами, вокруг изумрудная свежая зелень полей, и бор синее на той стороне реки.

А на въезде в деревню дорогу перегородило стадо, возвращающееся домой. Пыль столбом, ревет коровы, блеют овцы и козы, щелкает быч пастуха, и все это движется по-деревенски неторопливо и бестолково.

Василий попытался было проскочить, да где там — перегородили всю улицу от плетня до плетня. Смирился, сбавил скорость, поехал медленно следом.

Коров встречали хозяйки, стояли у калиток, смотрели из-под руки против солнца. То и дело звякло ботало да слышалось: «Катька, Катька!.. Ласточка, Ласточка!.. Ах ты, куда ж окаянная!..»

Дети из коляски радостно смотрели на это новое зрелище, а Татьяна, сидя позади мужа, зажимала пальцами нос.

Наконец свернули к реке в проулочек, куда отделилась от стада малая часть.

— А вот это, кажется, наши, — показал Василий на группу овец. — Материна отметина марганцовкой. И корова, значит, наша, вон та, что впереди. Ишь, вымя-то какое наела, едва не по земле волочит. Попьем парного молочка.

— Я не люблю парное, — сказала Татьяна.

— А я люблю, — ответил Василий. — И дети любят. Верно, Димка?

— Не знаю, — сказал он, пожав плечами.

— Я люблю, — твердо сказала Аленка. — Я все люблю!

В это время из калитки предпоследнего дома навстречу корове вышла простоволосая, босая, крепкая девушка лет шестнадцати, ловко завернула корову в калитку, наподдала ногой отбившейся от группы овце, обернулась и, увидев мотоцикл, замерла на месте как вкопанная. Потом вдруг так же на месте подпрыгнула, крикнула: «Ой!» и умчалась в калитку.

— Анисья, что ли? — спросила Татьяна.

— А кто же, — рассмеялся Брагин. — Конечно, она.

Брагин остановил мотоцикл у калитки, заглушил мотор, и из пыли, оседающей позади, тотчас же возникли мальчишки. Они тоже остановились в нескольких шагах, почти все белобрысые, босоногие, крепкие. Димка из коляски поглядывал на них снисходительно, но в то же время с затаенной тревогой.

Брагин слез с мотоцикла, потянулся, помог спуститься на землю Тане. Она была в брюках неопределенного цвета от пыли, и, как спустилась на землю, так и пошла на полусогнутых, делая это в общем-то нарочно, чтобы показать: мол, вот-как она устала.

Мальчишки, которых она не видела, потому что они были у нее за спиной, оценили эту походку дружным смехом. Татьяна тотчас же выпрямилась и погрозила им кулачком. Смеялся и Брагин, не в открытую, правда, немного сдержанно.

И в это время раскрылась калитка. Из нее сначала показался серый подшитый валенок, потом борода, а потом и сам дед — коренастый, кряжистый, с синими искорками глаз под густыми седыми бровями.

— Ну, здорово, сынок, — сказал старик.

— Здравствуйте, — ответил Брагин.

Они шагнули друг другу навстречу, крепко обнялись и трижды расцеловались. Потом старик подхватил из коляски Димку, подбросил вверх. Димка аж завизжал. Поставил на землю, качнул головой:

— Легкий больно. — И осторожно взял из коляски Аленку. Прижал к себе, пощекотал бородой. Она весело рассмеялась. — Пригожая девка, — сказал старик и только после того, как поставил Аленку на землю аккуратно, подошел к снохе, поклонился: — Милости просим. — И разрешил поцеловать себя в бороду.

Тем часом через порог калитки осторожно переступила пожилая женщина. Именно пожилая женщина, потому что из-за прямой осанки и какой-то особой крепкой стати ее трудно было назвать старухой, хотя лицо ее было темным от постоянного деревен-

ского загара и в глубоких морщинах. Она была худа, но худоба эта не бросалась в глаза из-за крепкой широкой кости.

— Мама! — кинулся к ней Василий.

Она протянула руки вперед. Он обнял ее, расцеловал в обе щеки, и по тому, как она, глядя на сына недвижными глазами, ощупала его лицо длинными, изогнутыми от тяжелой работы пальцами, можно было понять, что она слепая.

— Сыночек мой, — шептала она. — Дождалась все-таки, родимый.

Татьяне она тоже провела рукой по волосам, лицу, сказала с улыбкой:

— Здравствуй, красавица...

Старик стоял позади Татьяны и, заложив руки за спину, критически оглядывал ее брюки, качая головой и хмыкая.

Потом бабушка щупала Димку, несмотря на то, что он вертел головой и даже плевался.

— Вырос, вырос байстрюк, — говорила бабка. — Стой спокойно... — Аленку на руки взяла. Та доверчиво к ней прильнула. — Ну, проходите-ка в избу-то...

— Умыться бы нам надо с дороги сначала всем, — сказала Татьяна.

— Иди умывайся, — сказал старик. — Вон умывальня-то... Только срамотищу эту сними, будь добра, а то не поймешь — ни мужик, ни баба.

— Сниму, сниму, — ответила Таня. — Умоюсь, разберу чемодан и переоденусь.

— На мотоцикле иначе нельзя было, — заступился Брагин за жену.

— Ладно, ладно, хватит, дед, — остановила его жена. — На-ко лучше полотенце им передай...

Брагин куртку снял, стянул гимнастерку. Отец взял у него, потрогал шпалы.

— Сольешь из ведра? — спросил его Брагин.

— А чего ж, нагибайся. — И стал лить ему из ведра на шею. Брагин кряхтел, растирая лицо и грудь:

— А-ах... хорошо...

— А чинов, я гляжу, у тебя не прибавилось с прошлого года, — сказал отец.

— Не прибавилось, батя, — согласился Брагин.

— Во-от... А Санька Рогов, Фомки Рогова сын, помнишь его?

— А как же, — ответил Брагин.

— Ну да, одногодки вы, уходили в армию вместе, так вот, он весной приезжал — у него в петличке, ну это, ну как его... вроде туза...

— Ромб, — сказал Брагин.

— Ну да, так как это будет теперь понешнему?

— Комбриг, — сказал Брагин.

— Ну вот, а ты чего же? Спросил дед, передавая ему полотенце. — Или вас, политических комиссаров, чинами не жалуют?

— Не в чинах наша сила, отец, — ответил Брагин.

— Да это-то я понимаю, — сказал отец, — но все-таки, знаешь, каждому-то не объяснишь...

Брагин подхватил чемодан, который еще раньше снял с мотоцикла, внес во двор, и они вошли в избу.

Дети уже были здесь, сидели за столом умытые, перед каждым стояла кружка с парным молоком и лежал большой ломоть черного хлеба. Уплетали они с аппетитом, и от жирного домашнего молока над верхней губой у них были белые усы.

Тут из-за перегородки вышла Анисья, уже переодетая, в праздничном платье, с лентами в косах.

— Здравствуй, Вася, — сказала она с достоинством.

— Здорово, сестренка, — широко улыбнулся Брагин. — Ух ты, какая стала... Ну-ка погоди, погоди. — Он расстегнул чемодан, достал коробочку. — Вот тебе, по-моему, будет к лицу.

— Спасибо. — Анисья раскрыла коробочку и снова едва не запрыгала: — Ой!.. — достала серьги, примерила, посмотрелась в зеркальце. — Ох, уши-то у меня не проколо-ты, — чуть не плача, сказала она.

— Ничего, проколешь, — ответил Брагин. — А это тебе, отец, — достал из чемодана темную большую пачку.

— Да что там, сынок, спасибо, — ответил старик, но по глазам его было видно, что весьма он доволен подарком. Сразу отошел в уголок, разорвал бумажку.

— А это вот матери, — Брагин протянул ей большую цветастый платок.

— Ишь красивый какой, — вздохнул дед. — Жаль, что не видит...

— Дед, а тебя как зовут? — спросил Димка из-за стола.

— Дед Федор, — ответил тот. — А бабушку — баба Марфа. Что ж, забыл?

— Ага... — сказал Димка.

— Не часто, видать, вспоминали, — сказал дед, посмотрев на сына.

— Да я и сам бывал дома всего ничего, — сказал Брагин. — Они и от меня-то отвыкли...

— Понятно, служба, — кивнул старик. — Ну а что там у вас говорят?

— О чем? — спросил Брагин.

— Ну, вообще...

— Вообще-то много чего говорят, — сказал Василий.

— Да-а, — старик почесал затылок. — А у нас тут такие дела творятся... — Он умолк.

— Ты чего туману-то напускаешь, отец? Что случилось? — спросил его Брагин.

— Да понимаешь, Алешка коммунизм объявил...

— Чего-чего? — поднял брови Брагин.

— Алешка Бабинов, Дуняшки нашей муж, председатель колхоза...

— Да знаю я, кто такой Алешка,— перебил его Брагин.— Ты скажи, чего объявил-то?

— Так я ж и говорю — коммунизм.

— То есть как?

— А вот так. Я и сам-то в толк взять всего не могу, но такой шурум-бурум получился! Из района приезжали, уполномоченные всякие отговаривали его...— Он закашлялся и умолк, потому что в это время в избу вошла молодая женщина, породой вся в мать, такая же прямая и статная, с мальчишкой на руках, его розовая голая попка прямо-таки светилась.

— Здорово, брательник,— сказала она.

— Здравствуй, Дуняша.— Брагин шагнул ей навстречу, поцеловал, ущипнул за попку мальчишку. Тот завопил.— Ох ты, какой голосистый племяш. Это какой у тебя по счету?

— Четвертый,— сказала Дуняша.— Ты тоже время зря не терял,— кивнула она на ребят.— А Татьяна где?

— Здесь я,— сказала она, выходя в горницу из-за перегородки. Она уже умылась, причесалась, переделалась. Переделалась она так, что дед даже крикнул,— в легкой сарафан с накладными кармашками, с пояском и на тонких бретельках, так что руки, шея и плечи — все было открыто настолько, насколько это было возможно.— Ну,— спросила она, глядя прямо на деда,— так можно ходить по деревне?

Дед снова крикнул в ответ и только рукой махнул.

— Здравствуй, Дуняша,— сказала Таня.

— Здравствуй.

Женщины расцеловались и отошли, явно любясь друг другом. Татьяна достала из чемодана резной гнутый гребень:

— Вот, Дуняша, специально для твоих волос, черепаховый, крепкий.

— Спасибо,— сказала Дуня и, взяв гребень, небрежно воткнула его в густые волосы и, казалось, тотчас же забыла о нем.

— Алексей твой где? — спросил ее Брагин.

— Да в правлении, где ж ему быть, или на мельнице. Все там пропадал последнее время. Сегодня, вроде, эту мельницу открывают.

— А ты работаешь? — спросил ее Брагин.

— А то как же. Вот сейчас пацана бабке заброшу и мы с Аниськой помчимся на ферму, на вечернюю дойку.

— У Алексея не поваландаешь,— сказал дед.— Он ведь это — «кто не работает, тот не ест» понимает прямо без всяких там обиняков. Ему без разницы — кум ли, сват ли, родная жена...

— Это точно,— улыбнулась Дуняша.— Анисья, ты скоро? — Она передала мальчишку бабушке и добавила: — Вечером

мужики рыбалку надумали. Тогда и повидаемся, поговорим как следует.

Анисья вышла в горницу, снова переодетая в рабочий халат и сапоги.

— Пошли, сестрица,— сказала Дуня,— а то вон Ванюшка уже идет,— кивнула она в окно.— Значит, стадо на месте уже.

— Ты там нашу Пеструху видишь? — спросила бабка.

— А как же,— ответила Дуня.

— Не забивай ее...

— Да что ты, ма, я ей то сена клоп лишний подброшу, то клевера чистого натрясу. Ну пошли. Я не прощаюсь, я еще за пацаном своим забегу.

И когда они с Анисьей ушли, Брагин спросил:

— Это что за Пеструха, ма?

— А корова у нас была, ты помнишь? В колхоз отдали.

— Неужели жива еще?

— Вот, как видишь, жива.

Тут дверь со скрипом отворилась и в избу вошел молодой человек лет тридцати, в сапогах и дешевой, но аккуратной одежде. Даже слишком, пожалуй, аккуратной. И пиджачок и рубашка застегнуты на все пуговицы. Светлая борода, соломенная шляпа на русых волосах, и глаза — ясные и пронзительно синие, и слова у него такие же ясные, и мысли... Вошедший повесил на гвоздик у двери свернутый кнут, снял шляпу и поклонился:

— Здравствуйте, люди добрые.

— Здравствуй, брательник,— сказал Брагин, и Татьяна улыбнулась сердечно:

— Здравствуй, Ванечка.

А он, как фокусник, откуда-то из-за спины, что ли, достал букет белоснежных кувшинок и протянул его Тане:

— А это для вас, красавица. Я так рад, что вы приехали. Я так вас люблю.

— Ну вот,— сказал дед Федор.— Больше ждать никого не будем. Собирай, Марфа, на стол.

Бабушка Марфа поднялась и, хоть на ощупь, но ловко уложила внука в люльку, подвешенную на крюк, шагнула к печи, без ошибки взяла ухват...

— Я помогу вам,— сказала Таня.

— Сиди, сиди. Я хозяйка здесь. Я сама...

Баба Марфа достала из печи чугунок и безошибочно точно поставила его на середину стола. На руке ее от локтя до кисти был заметен темный широкий и, видимо, очень старый шрам.

— Бабушка Марфа, а что это у вас? — спросил Димка, осторожно погладив шрам указательным пальцем.

— А, это...— улыбнулась она, продолжая работать, расставляя на дощатом, выскребленном добела столе миски с зеленью, с редиской и луком, деревянные ложки, солон-

ку.— Это память с детства еще. Лет тринадцать мне было, служила я у барыни нашей в девках, а когда она куда-нибудь ехала, я на карете должна была стоять, на запятках. Вот однажды возвращались из города, а на спуске к реке, есть у нас там крутой такой спуск, лошади испугались чего-то и понесли... Карета опрокинулась — я руку-то и расплосовала. А потом еще от барыни досталось за то, что платье я ей новое забрызгала кровью-то...

Старик широким и длинным ножом нарезал хлеб большими ломтями, выложил их на стол, перекрестился на икону и, подождя, пока жена сядет, взял ложку: «С богом». Он потянулся было к чугунку, но в это время Димка спросил:

— Ба, а что такое запятки? — И тотчас же звонко получил деревянной ложкой по лбу.

— Тихо,— сказал ему дед.— Не болтай, когда ешь.

Димка потер лоб ладошкой, хотел было расплакаться, но, встретившись с взглядом отца, передумал.

Однако поесть им спокойно не дали. За окном послышался топот коня, громыханье брички и зычный горос:

— Прруу... черт, стой. Вася, Брагин!

Дед в сердцах хлопнул ложкой по столу:

— Вот человек... ни пожить, ни помереть спокойно не даст...

А тот толкнул уже кнутовищем раму и влез по поясу в окно:

— Хлеб да соль честному народу. С приездом вас, Татьяна Алексеевна. Вася, я за тобой.

— Заходи, Алеша, садись,— сказал ему Брагин.

— Пообедайте с нами,— сказала Таня.

— Благодарю вас, некогда. Ни единой минутки нет, митинг сейчас. Открываем мельницу. Вы же знаете. Народ собрался. Начальство сейчас пожалует, так что, Вася, поехали.

— Я-то тебе зачем?

— Для вдохновения, Вася, для вдохновения. Только форму надень: кобуру, ремень, портупею — все, как положено, чтобы видел народ — наши воины не дремлют, наша армия начеку.

— Пообедать не дашь? — спросил его Брагин.

— Не, потом пообедаешь. Пошли. Татьяна Алексеевна, и вы приходите. После торжественной части концерт самодеятельности, а потом танцы под настоящий оркестр. Так что ждем вас.— Он убедился, что Брагин уже встал из-за стола, надел портупею, повернулся и решительно направился к бричке, а оттуда крикнул: — Дед, не забудь, сегодня ночью рыбалка...

— С тобой помереть забудешь скорей,— ворчал старик.

Алексей Бабинов оглядел подошедшего Васю Брагина и остался доволен.

— Хорош. То, что надо. Поехали.

— А может, на мотоцикле на моем, с треском? — сказал с усмешкой Василий. — Э, нет,— ответил Алексей, уже залезший в бричку.— Меня от одного ихнего запаха с души воротит.

Ехали сначала через деревню, потом по проселку вдоль реки. Гулко стучали копыта лошади. Бабинов весело поглядывал по сторонам. Он даже напевал что-то. Потом сказал:

— Жизнь прекрасна, Вася. У меня сегодня такое настроение, понимаешь... Ты мельника помнишь, Вася?

— Нет.

— Ну да, ты малой еще был, а я этой рожи гнусной вовек не забуду. Как ехать к нему, так слезы. Вся деревня была у него в долгу. А теперь бесплатно будем молоты. Всякому, кто ни пожелает. Вот ради такого, понимаешь, момента и стоит жить, Вася.

— Мне отец сегодня сказал,— ответил, помолчав немного, Брагин.— Я, правда, не очень понял... Ты коммунизм объявил в колхозе или чего?

— Точно. Объявил коммунизм,— ответил серьезно и даже несколько с вызовом Бабинов.— А тебе не нравится, что ли?

— Да при чем тут нравится, не нравится? Не в этом дело, а просто странновато как-то.

— А, ну да, странновато, конечно, диковато, еще скажи. Не в столице, а где-то в глуши, захолустье каком-то, никому не известный председатель колхоза объявил коммунизм...

— Погоди, не горячись, Алексей,— остановил его Брагин.— Ну ты сам посуди: вот мать моя сегодня рассказывала, как ее барыня по щекам отхлестала за то, что она ей платье кровью забрызгала... Так это ж совсем недавно еще было. А Дуняшка твоя, наша Дунька-то, бывшей нашей корове Пеструхе сенца подкладывает лишнюю порцию, не забыла еще, понимаешь... Я к тому, что не рановато ли, а, Алексей, коммунизм?

— Нет, не рановато. Мне ожидать его некогда, Вася. Я при жизни хочу на вкус попробовать, что это за штука такая, за которую мои товарищи дорогие кровь проливали и жизни отдавали.

— Ну хорошо,— сказал примирительно Брагин, видя, что Алексей начинает злиться.— Ну в чем же он у тебя выражается конкретно?

— А в том, что ясли бесплатные — раз, одежда рабочая, спецодежда, значит, бесплатная — два, столовая бесплатная на полях и вообще во время работы — три. Теперь вот мельницу прибавь — четыре! Да плюс образование, это уже от государства, и лечение — шесть. Я сам понимаю, что не густо пока, но не сразу же, постепенно. А мне, понимаешь, говорят... А, да пересказывать тошно... — Он хлестнул коня.

К мельнице подъехали как раз вовремя. Народ уже собрался, и начальство на «эмочке» подкатило.

Мельница была украшена флагом и зелеными еловыми ветками, а на высоком крыльце, с которого грузят обычно мешки с мукой, был поставлен стол, накрытый кумачом, и несколько стульев. Небольшой оркестр старательно играл торжественный марш.

Алексей прыгнул с брички, бросил подбевашему мальчишке поводья. Брагин тоже слез с другой стороны. Подошли туда, к крыльцу, где уже собралось начальство. Познакомились.

— Секретарь райкома, — представил Бабинов. — Рошин Александр Сергеевич. А это батальонный комиссар Брагин. Наш земляк, на побывку приехал. Я надеюсь, тоже скажет несколько слов.

— Зачем? — пожал плечом Вася.

— Скажите, скажите, — поддержал Бабинова секретарь Рошин, — что армия наша на страже, чтобы люди трудились спокойно и уверенно. Ну не мне же вас учить, батальонного комиссара.

— Хорошо, — кивнул Брагин. А Бабинов сказал:

— Я открою митинг, скажу несколько слов о первых ростках коммунизма...

— Так, — усмехнулся секретарь райкома. — Сел на конька своего.

Бабинов это замечание не игнорировал.

— Я от коммунизма своего не отступлюсь, Александр Сергеевич, и вообще шуток на эту тему не понимаю.

— Но-но, вот уже и обиделся, — сказал секретарь райкома. — Я тоже сяду на своего конька, так что будем квиты. Коммунизм коммунизмом, а работать надо. Надо закончить косовицу трав и заготовку кормов. Это на данном этапе главное, следом жатва пойдет, значит, надо готовить тока к приемке хлеба. Ну и уборка картофеля тоже не за горами, так что надо мобилизовать все силы. Ну и так далее... Ленточку кто разрезать будет?

— Вы, конечно, Александр Сергеевич, — ответил Бабинов. — Только чем резать-то, ножницы я позабыл.

— А может, не надо ленточки, — сказал секретарь. — Шлюз поднимем, и все. Дружно, все вместе, по-коммунистически.

— Хорошо, — сказал Бабинов. — Идем?

И под редкие хлопки людей, собравшихся на лужайке перед мельницей, они поднялись на крыльцо, на эту импровизированную трибуну. Секретарь райкома и Брагин сели. Бабинов остался стоять, уперев кулаки в сукно на столе.

— Товарищи! Митинг, посвященный открытию первой в мире коммунистической мельницы, считаю открытым. — Оркестр начал было что-то играть, но Бабинов резко махнул рукой, чтобы они замолчали. — Мы строим коммунизм, товарищи, — продолжал он. — Коммунизм — это самый прекрасный, самый передовой общественный порядок на земле, и мы с каждым днем, с каждым шагом, с каждым делом своим будем приближать коммунизм к нашей жизни, внедрять коммунизм в нашу жизнь. Я сегодня насчитал, что у нас целых шесть признаков коммунизма. Я не буду все их перечислять, подумайте сами немного — вы их знаете. Я хочу сказать не об этом, я хочу сказать, что сегодня их шесть, завтра будет семь, а потом все больше и больше, и так будет в каждом колхозе, на каждом заводе и фабрике, по всей нашей стране! И так будет, товарищи! Непременно будет. Только бы нам не помешали всякие там чемерберлены и керзоны... Но тут у нас, товарищи, есть надежда, что наша родная Рабоче-Крестьянская Красная Армия этого им не позволит. Били мы и Антанту, били белогвардейскую сволочь, били японцев и белофиннов, разобьем мы любого другого агрессора, если посмеют сунуться! Правильно я говорю?

Одобрительный гул и аплодисменты были ему ответом.

— А подтвердит мои слова, — продолжал, выждав паузу, Бабинов, — наш товарищ, наш земляк, политический комиссар нашей доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии Вася Брагин. Тебе слово, Вася, прошу.

Брагин поднялся, посмотрел на людей, стоящих перед ним, на мужчин и женщин, мальчишек и стариков, доверчиво или с добродушным интересом разглядывающих его, и на какое-то время у него перехватило горло. Он просто не мог ни слова сказать, и было так тихо, что слышно, как птицы посвистывали и шумела вода у плотин.

Наконец кто-то крикнул из толпы:

— Ну, давай, Вася...

И другой голос добавил под дружный смех:

— Не бойся, тут все свои.

Брагин улыбнулся, вздохнул и просто сказал:

— Я не боюсь, я просто хочу быть с вами откровенным. Тревожно сегодня в мире. У

западных наших границ война. На востоке, в Китае, тоже война. Мы как остров в море безумия и жестокости. Мы строим коммунизм. Мы не хотим войны, но долго ли они нам дадут спокойно дышать? Не знаю. Этого, к сожалению, я не знаю, товарищи. Но знаю твердо одно и говорю это вам уверенно и ответственно: когда бы и какой бы ни напал на нас враг, он будет разбит! Непременно будет разбит! — добавил он последние слова, уже захлестнутые одобрительным гулом и хлопками.

Дома обед уже был закончен, со стола убрали, начисто вытерли доски. Димка отпросился:

— Ма, можно я пойду погуляю?

— Ну иди, только недалеко, — разрешила Таня. — И на речку не ходи.

Димка тотчас же убежал. Дед Федор играл с Аленкой. Он пугал ее, хмурия брови и сердито тряся бородой. Аленка делала вид, что пугалась, визжала и прятала лицо у него на груди, а потом они оба смеялись весело. Баба Марфа собрала всю посуду в тазик и ушла на улицу мыть ее. Брат Иван сидел у окна, задумчиво глядя куда-то вдаль на леса за рекой. Татьяна некоторое время молча смотрела на него, потом решительно подошла к чемодану, раскрыла, достала оттуда пластинку, аккуратно завернутую в платок. Платок развернула — пластинка лежала в сером невзрачном конверте.

— Ванечка, — позвала Татьяна. Он вздрогнул, словно очнулся от своих каких-то далеких мыслей, обернулся и светло улыбнулся ей. — Вот, — продолжала Татьяна, протягивая пластинку, — в прошлом году ты это слушал по радио...

— Что? — спросил встревоженно Ваня. — Когда? Я не помню... — Он взял пластинку и с некоторым недоумением повертел ее.

— Это Шопен, — сказала Таня.

— Ох, спасибо... — Иван прижал пластинку к груди и добавил: — Спасибо, Танечка.

— Не за что, — сказала она. — У вас патефон еще цел?

— Конечно, — ответил Иван и, суетливо торопясь, достал патефон из угла, отер рукавом с него пыль, раскрыл, покрутил рукоятку...

Таня, достав из конверта пластинку, поставила ее на диск и опустила мембрану.

Странно было слышать порывистого, мятежного, рвущегося из всего мирского Шопена в этой русской простой избе. И в самом патетическом месте дверь неожиданно за скрипела и на пороге возник лысый старикан с острыми глазками и ехидной ухмылочкой на тонких губах. Одной рукой он крепко держал за шиворот Димку, в другой

руке за ноги роскошного петуха, голова и крылья которого безжизненно свисали почти до самого пола.

Таня сняла мембрану с пластинки и оставила диск.

— Вот, — старикан демонстративно поднял петуха. — Полюбуйтесь, это был лучший петух. Самый голосистый, самый трудолюбивый во всей деревне. И вот что с ним стало. Как теперь быть?

— Да объясните же наконец, что случилось? — сказала Татьяна, теряя терпение. — Дима, ты швырял в него камнями?

— Нет, — сказал Димка. Поначалу он был очень испуганным, но теперь понемногу приходил в себя, видимо, понимая, что тут его в обиду особенно не дадут.

— Нет, — печально подтвердил старикан с петухом. — Он не бросал в него камнем. Он загонял его до смерти. Эта несчастная благородная птица умерла от разрыва сердца. Вот. Это первая жертва, Федор Егорович, пребывания вашего внука в деревне. — Ты отпустил бы мальчонку, Фома Поликарпович, — сказал дед Федор.

— Пожалуйста, — старикан выпустил Димку. — Я надеюсь, ему воздастся здесь по заслугам.

— Иди сюда, — позвала сына Таня и повторила, видя, что сын побаивается к ней подойти: — Иди, иди, не бойся, не трону.

Он подошел, обнял ее и сказал, глубоко вздохнув:

— Я только хотел погладить, честное слово. Он такой красивый был, мама.

— Вот. — Старикан положил птицу на стол.

Брат Иван, молчавший все это время, расправил крылья петуха, осторожно погладил яркое оперенье.

— Я просто не знаю, — продолжал старикан, — чем смогу утешить горе свое.

— Я знаю, чем ты можешь утешиться, — сказала бабушка Марфа. Она неслышно вошла и стояла уже какое-то время у него за спиной. Теперь она шагнула уверенно к шкафчику, висевшему рядом с дверью, раскрыла створки и, пошарив на верхней полке в углу, достала четвертинку «московской». — Берегла на случай болезни, — сказала она, поставив бутылку на стол рядом с петухом.

— Ну что ж, — старикан откашлялся, косясь на бутылку, — это, конечно, может утешить. Хотя не надолго, конечно.

— Ладно, ладно, бери, что дают, не в церкви. Петух твой был хоть крикливый, но пустельга, как ты сам, и курам от него никакого не было проку.

— Сурова ты, Марфа, и несправедлива, — сказал старикан, присаживаясь к столу поближе к бутылке. При этом он все время зыркал острыми глазками в сторону Тани. —

Да если бы еще стаканчик да грибочка солененького, утешенье было бы полное.

— Ты вот что, мил человек,— сказала бабушка Марфа,— никак рассесться тут собираешься? У меня не кабак, а дом. Забирай, уходи и пей, где хочешь.

— Ну что ж. Мы люди не гордые.— Старикан поджал обиженно губы, поднялся и забрал со стола пегуха и бутылку. Однако ушел не сразу, а перед уходом спросил у Тани: — Я, конечно, извиняюсь, но тут у нас спорят, значит, и многие интересуются вашим социальным происхождением. Вы, конечно, не из крестьян будете?

— Нет,— ответила Татьяна.

— А... И не из рабочих, значит, наверное.

— Нет, не из рабочих,— подтвердила Татьяна.— Мой дед был генералом.

Старикан даже поперхнулся и растерялся от такого откровенного признания.

— Вот как, значит? Извиняюсь, конечно... До свиданища.— Он отступал к двери, пятясь задом и кланяясь. Наконец ушел.

— Кто этот странный старик? — спросила Таня.

— А...— махнула бабка рукой.— Пустой человек.

А дед Федор добавил:

— Бывший дьячок. Балабол и пьяница.

В наступившей тишине ветер донес изда-лека, с реки, звуки бравурной музыки и крики «ура!».

— Митинг, наверное, кончился,— сказал Иван.— Сейчас начнется концерт, а потом будут танцы. Танечка, пойдем поглядим.

— Детей надо укладывать, Ваня,— сказала она.

— Вы идите, идите,— сказала бабушка Марфа.— Я сама уложу.

— И сказку расскажешь? — спросил ее Димка.

— И сказку расскажу.

— Не страшную?

— Ну зачем же страшную.

— Ма, ты иди,— сказал Димка Татьяне.

Она улыбнулась:

— Спасибо за разрешение, Дима.

А в это время на мельнице под звуки марша и громкие крики «ура!» секретарь райкома, Брагин и Бабинов подняли шлюз. Вода с веселым шумом упала на свежестру-ганые, желтые еще плицы большого колеса. Колесо завертелось, закрутились валы, потом тяжелые жернова, в которые Бабинов высыпал из мешка зерно, и, сбегав вниз, подставил руки под желоб, набрал полную горсть муки. То же самое сделали и другие и стали осыпать друг друга, и были все белыми от муки и счастливыми.

На крыльце убрали стулья и стол, и девчата пели, отстукивая лихую дробь по доскам: «Загудели, заиграли провода, мы такого не видали никогда!».

Иван и Таня шли к мельнице напрямик по высокой траве заливного луга. Иван время от времени нагибался, срывал цветок или травку и объяснял Тане спокойным и ровным голосом:

— Вот это «дудник» лесной. Невзрачный такой цветочек, видите, а листочки его целебные. Их можно сушить, мариновать, можно ши из них делать, а бутончики этих цветочков жарить. А вот это «звездочка», по ней погоду можно предсказывать. Если утром, после восхода, венчик не раскрылся и не поднялся, то днем будет дождь, это уж непременно. И влажный цветочек всегда. И в дождь, и в сухую погоду, так что если пить очень хочется, на язык положишь — и жажда проходит...

— Ванечка,— перебила его Татьяна,— вы не обижайтесь, но скажите, пожалуйста, почему вы пастух? Ваши братья, вот даже младший, Федор, и тот, я знаю, в техникум поступать собирается...

— А вы, вы думаете, я хуже их?—спросил с тревогой Иван.

— Нет, нет, я так не думаю,— торопливо сказала она,— но почему, почему у вас нет мечты какой-нибудь?

— Как же нет? — сказал Ваня.— Я с детства мечтал стать пастухом. Как увидел первый раз, не помню уже когда, пастуха с длинным кнутом, в соломенной шляпе, как он хлопнул своим кнутом, так с тех пор и мечтал я быть пастухом. И в армии при лошадах был...

— Значит, ваша мечта сбылась? — спросила Таня.

— Да, сбылась.

— И вы ничего не хотите больше, ничего не желаете?

— Ну почему же. Желания есть. Желаний много. Но я о них не люблю говорить. А вот это — «калужина», еще ее называют «лягушатник», «курослеп» или «водяная змейка»...

И в это время за спиной раздалось громкое:

— Здрасьте.

Татьяна обернулась. Их нагнала женщина, не девчонка уже, а именно женщина, лет двадцати пяти, в ситцевом платье, с косыночкой на плечах, в парусиновых туфлях с носочками.

— А я думаю, с кем это Ванечка наш гуляет,— сказала она.— А потом смотрю — это же сродственница. Ну, думаю, ничего, подойти можно, не помешаю. Не помешаю? — спросила она.

— Нет,— ответила Таня.

— А вас, кажется, Таней зовут?

— Да. А как вас называть?

— А меня называйте Любовью. Любовь я,— сказала женщина, рассмеялась и побежала вперед, туда, где на поляне у мельницы играл оркестр и люди парами танцевали кадрили.

Брагин не танцевал. Он стоял в стороне рядом с секретарем райкома и Бабиновым. От муки они отряхнулись, но не совсем. Кое-где она еще оставалась — на воротниках, да и на лицах. Брагин еще издали увидел Ивана и Таню и помахал им рукой. Но тут перед ним возникла Любовь, каблучком притопнула, плечиком повела.

— Ну что, Вася, спляшем по старой памяти?

— Да я не знаю, давно я это...— смутился Брагин.

— А чего это ты испугался, Вася, или я такая страшная стала, или ты свою жену молодую побаиваешься? — наступала Любовь.

Мужчины вокруг посмеивались. Брагин понял, что не отвяжется, а только еще больше в конфуз введет. Махнул рукой:

— Пошли.

Любовь взяла его за руку и потащила в круг. Тут как раз подошли к танцующим и Иван с Татьяной. Увидели Брагина с Любовью, Анисью мимо них как раз промелькнула с парнем, подмигнула Тане: не тушуйся, мол.

— Пойдем и мы потанцуем,— сказал Иван.

— Да я не умею,— попыталась отнекиваться Таня.

— Кадрили? Да это просто. Идемте, я вас научу.— Иван взял Таню за руку и повел ее в круг.

Таня быстро освоилась, и на переходе, когда поровнялась с Брагиным, тот улыбнулся ей:

— Молодец! — И добавил: — Мужики на рыбалку зовут.

— Иди.

— А ты с нами пойдешь?

— Так не звали меня.

— Ну так я зову.

И они разошлись.

— Ванечка, а ты на рыбалку пойдешь? — спросила она погодя.

— Нет,— покачал он головой.— Я не могу убивать живое. Будь то рыба, птица или зверюшка какая, все равно не могу.

В это время они опять поровнялись с Брагиным, и Василий, ловко крутнув портнершу, подставил ее Ивану и забрал у него жену.

— Оп-ля... Вот так будет лучше.— Он обнял Татьяну.— Ну, пойдем на рыбалку?

— Пойдем,— сказала она.

А Иван, танцую с Любовью, все оборачивался, глядя на удалявшихся Василия и Татьяну.

— И что вы нашли в ней? Баба как баба. Ну, потощей других маленько,— сказала Люба.

— Это не баба, Любушка,— мягко сказал Иван и, вздохнув, добавил: — Это мечта...

Ночь была июньская, светлая, да еще луна висела над лесом, и этот лес, и все берега, и стога на лугу над озером видно было почти как на ладони. И вода серебрилась в озере, по которому шла рябь, не от ветра, потому что было тихо, а от рыбаков, взбаламутивших его.

Мужики, раздевшись, тянули бредень, и верховодил во всем этом деле дед Федор. А с бреднем шли все, кто был здесь: и Бабинов, и секретарь, и Вася, и брат его Федька, который приехал на велосипеде. Велосипед его стоял невдалеке около стога. И ребята были с ними. А женщины — Татьяна, Анисья и Дуняша — палили костер. Хворост был приготовлен заранее, и они только побрасывали его, и огонь стоял высоко, искры взлетали в светлое небо.

Наконец подтянули к берегу бредень. Он был тяжелый, рыба плескалась на отгороженной отмели и билась в сеть, пытаясь уйти.

— Хорош, хорош,— приговаривал дед,— еще немного... снизу прижимай, снизу! А то шука хитрая, под низ уйдет.

Сильно всплеснула, видно, прорвалась все же большая рыба.

— Лешка, черт корявый! — заорал на Бабинова старик.— Я говорю тебе, кнizu больше держи!

— Ну ладно, ладно, в следующий раз поймает,— ответил Бабинов, стуча зубами от холода.

Вытащили мотню на берег и завалили песок живой серебристой играющей рыбой. Бабинов распоржался:

— Давай собери на уху немного, а остальное в садок и на утро в столовку.

— В коммунистическую,— добавил секретарь райкома.

— А в какую же еще? — сказал Бабинов.

Брагин подбежал к костру в длинных мокрых трусах, аж рыча от холода.

— Куда ты в таком виде? — сказала ему Татьяна.— Как не стыдно...

— А чего ему тут стесняться,— возразила Дуняша.— Тут жена да сестры.

— Хорошо устроился,— сказала Анисья. Татьяна отошла за стог, позвала:

— Иди сюда.

Брагин послушно пошел. Она вытерла ему лицо и плечи косынкой.

— Переодевайся быстро, а то простудишься.

— Танюша,— сказал он,— а мне там, на танцах, почудилось, а вдруг я тебя потеряю, так меня аж пот холодный прошиб.

— Переодевайся, переодевайся давай,— сказала она.

А он вдруг сгреб ее, прижал и крепко поцеловал прямо в губы.

Дуняша и Анисья чистили и потрошили рыбу у воды. Летели серебряные блестящие чешуи, кровь из распоротых рыбьих животиков густо красила воду. Мужчины поставили рогатки над костром, подвесили казанок, и пока шло это все священнодействие с ухой, разгорался меж мужчинами спор.

— Ну хорошо,— говорил секретарь, обращаясь к Бабинову,— мельница у тебя бесплатно, ясли бесплатно, столовка тоже бесплатно. Это у тебя. А если со стороны придут в твои ясли детей отдавать, или на мельницу привезут зерно на муку помолоть, или в столовку придут, что тогда?

— Тогда, извиняюсь, платите денежки,— ответил Бабинов.

— Вот видишь.

— А что видишь? Я же говорю и повторяю: я строю коммунизм в одном, отдельно взятом колхозе.

— Ну, ты даешь,— сказал секретарь.

— А что даю-то, что я даю? Ведь возражали же, говорили, что нельзя построить социализм в одной отдельно взятой стране, а мы построили. Так почему же нельзя коммунизм построить в одном колхозе?

— Ну хорошо. Ты построил. А рядом что?

— Что рядом, что?

— А то, что с крыш солому на корм скоту стравляют.

— Так что ж мне тоже, как они, соломой скотину кормить, или пусть они примеры с меня берут? — возражал горячо Бабинов. — Почему же я на них должен работать, на них равняться, а не они смотреть, как жить нужно, учиться хотя бы? Вы только не забирайте у меня последнее. Заберите, что положено по плану, по заготовкам, а остальное — что мое, то мое. И уж как я с ним поступлю, это тоже дело мое, то есть наше, колхозное. Мы сами решим.

— Ну хорошо, хорошо. Но ты назови эти свои эксперименты как-нибудь по-другому. А то ведь просто политическая безграмотность получается. Люди смеются.

— Кто смеется? — набычился Бабинов. — Над чем смеется? За что же мы бились не на живот, а на смерть? Терпели холод и голод... за то, чтоб брюхо было набито да нос в табаке? Нет, врешь, брат. Мы за идею бились, за самую великую идею коммунизма, за нее люди шли на пули, на штыки, на колючую проволоку, под казачьи шаш-

ки. А за что нам народ поверил? За красивые глазки, что ли? За нее, за великую идею коммунизма народ поверил большевикам. За идею многое нам и прощается — и перегибы наши, и недомыслие. Так что ты меня не сбивай, Александр Сергеевич. Я не экспериментировать буду, а строить коммунизм, пусть пока в одном отдельно взятом колхозе, пусть! В другом тоже начнет кто-нибудь, а там в третьем и десятом, и, глядишь, уже по всей республике будет коммунизм. Мне бы только хоть десяток лет покойных, мирных, хотя бы десяток лет.

Он умолк, и в это время к костру подошли Брагин и Таня. Секретарь вскинул голову.

— Так что говорят там у вас в столицах, будет война? Или нет?

Брагин ответил не сразу.

— Мы так хотим мира,— сказал он наконец,— что готовы верить всему, даже вранью всякой сволочи. Я думаю, что война все же будет,— сказал он тверже.— И, наверное, это будет самая жестокая, самая кровавая война... Они ведь никого, кроме себя, за людей не считают, а нас в особенности, за то, что мы славяне, за то, что мы русские, за то, что мы коммунисты... А раз мы, с их точки зрения, нелюдь, так они за нами никаких людских прав признавать не будут.

— Ну что ж, и у нас тогда разговор с ними будет короткий,— сказал резко Бабинов.

— А я вот что скажу,— вмешался дед.— Правду надо народу говорить, только правду, тогда он все поймет и за правду костями ляжет, а дело сделает. А то у нас многовато врать уже начинают. И все-то у нас лучше всех, и танки наши быстры, и кони сытые, бьют копытами...— Он умолк. И в этой паузе Таня, стоявшая над костром, сказала:

— Смотрите, какое зарево, как красиво...

— Зарево? Где?

Все обернулись.

— Что-то горит,— сказал встревоженно Бабинов.

— Так это же мельница наша горит! — крикнул младший брат Федя.

И тотчас же все повскакивали с мест, побросали все: и сети, и рыбу... Кто-то задел одну из рогатин, и уха опрокинулась в костер, зашипела, гася огонь...

Добежали, когда уже полыхало повсюду. Далеко в деревне гремел колокол. Оттуда спешили люди — кто пешком, кто на лошади. Стали гасить, цепочкой к реке, к бучилу. Передавали друг другу ведра. Рядом стояли Татьяна и Люба, Анисья и Дуня. Мужики — ближе к огню, но ведер было слишком мало. Огонь разгорался, пожирая бревно за бревном. Помпа подкатила, в кон-

це концов, стали поливать из брандспойта, но и этого было мало.

Брагин и младший брат Федор полезли в огонь с баграми. Тысячами искр разлеталось зерно. Вот и крыша обрушилась. Федор едва успел вытащить из-под горящих обломков брата...

К утру остались от мельницы только дымящиеся развалины. Люди все были усталые, перепачканные в саже, у многих и у Брагина перевязаны обожженные руки. Кто-то просто отдыхал на песке, а некоторые уже разбрелись по домам... И как-то незаметно к развалинам подъехала черная «эмочка», и вышли из нее двое в форме со значками шита и меча на рукавах. Осмотрели развалины, подошли к тому месту, где сидели на перевернутой лодке секретарь райкома, Бабинов, Брагин и другие. Отдали честь секретарю райкома.

Брагин заметил вполголоса:

— Оперативно работают. Смотри, еще не догорело, а они уже здесь.— Говорил он тихо, но реплику эту услышали. Один из подошедших взглянул на него тяжело и сказал:

— Я, кажется, всех тут знаю, а вас вот что-то не знаю. Документики ваши, пожалуйста.

Брагин машинально потрогал то место, где должны быть на гимнастерке карманы, но был он не в гимнастерке, а в рубашке и в чьем-то ватнике, накинутом на плечи. Смуглил. Сказал:

— Да нет у меня сейчас с собой документов.

— Это земляк наш,— вступился Бабинов за него.

— Сынок мой,— сказал дед Федор.

А Иван шагнул вперед и сказал:

— Это брат мой. Вот мои документы.

— Мы все были на озере, когда загорелось,— сказала Татьяна.

Человек в форме взглянул на нее, усмехнулся.

— Хорошо, хорошо, только документики все же потом представите и объясните, почему вы здесь,— сказал он Брагину.

— Как вы думаете, отчего загорелось? — спросил секретарь райкома.

— Поджог,— твердо сказал второй чекист, до сих пор молчавший.

— Вы в этом уверены?

— Да. Тут и сомневаться нечего. Банку от керосина даже спрятать не удосужились.

— Это они не мельницу подожгли,— хлопнул кулаком по ладони Бабинов.— Это они мечту мою подожгли. Идея моя им поперек глотки встала... Ведь рядом где-то живет, среди нас, гад ползучий... Ну ничего, рано или поздно поймаю, тогда мне за все ответит...

— Ответит, ответит,— сказал первый че-

кист.— А пока что с вас будет спрос, товарищ Бабинов.— Бабинов вскинул на него глаза, и чекист пояснил: — Потому что вы руководитель. Потому что не фантазии надо разводить, а бдительность укреплять. Вот так.

Несколько позже около дома Брагина стояла «эмочка», та, что приехала после пожара. Здесь же у калитки были Вася Брагин, его отец, Татьяна и один из чекистов. Он вернул Василию документы, отдал честь и сказал:

— Счастливого отдыха, товарищ батальонный комиссар.

Брагин молча кивнул в ответ.

Хлопнула дверца «эмочки», зарычал мотор, и через несколько секунд она скрылась за пылью.

— Уехала, слава богу,— сказал дед Федор.

Брагин обнял жену за плечи, и она сказала:

— Ну и нам пора...

— А чего же это так вдруг заторопиться? — спросил обиженно дед.— Погостили бы еще.

— Мы не вдруг,— возразила Таня.— У нас билеты на поезд, надо ехать.

Дед посмотрел на Василия, но тот промолчал.

— Ну что ж, коли билеты...— дед не договорил, шмыгнув носом сердито и ушел в калитку.

Татьяна тоже хотела пойти было следом, но Брагин сел на скамью у калитки, вскинул голову и сказал:

— Татьяна, присядь.

— Что случилось? — спросила она с тревожным предчувствием.

— Я не могу сейчас ехать на юг.

— То есть как это не можешь? Как так не можешь? А путевки? А у Димки Евпатория с двадцать первого? Как это не можешь?

— Таня, послушай...

— И слушать ничего не хочу. Ты что, собираешься здесь остаться?

— Нет,— сказал Брагин.— Я должен вернуться в Ленинград.

— Так,— вздохнула Татьяна.— Понятно. Ты думаешь обо всех — об Ане, о Юре, о каждом своем красноармейце, только не о нас. Ты бы хоть раз о нас подумал...

— Я... я,— начал сбивчиво Брагин,— о вас я и думаю...

— А,— отмахнулась Татьяна.— Слова...

— Я, может быть, не надолго,— сказал не очень уверенно Брагин.— Может, скоро вернусь, так что ты пока побудь здесь, с ребятами.

— Еще чего,— сказала Татьяна голосом своей матери.— Вместо отдыха быть здесь прислугой за всеми и нянькой. Нет уж, увольте. В общем, ты как знаешь, а Димке нужно лечение. Я отвезу его в Евпаторию, а потом поеду в Сочи, чтоб вернуться за ним на обратном пути, а если ты захочешь побыть со мной хотя бы несколько дней в году, то ты найдешь меня там, в нашем санатории. Вот и все, что я скажу тебе, Вася, и больше ни на эту тему, ни на какую другую я не хочу с тобой разговаривать.— Она хлопнула калиткой и ушла.

Брагин так и не двинулся с места.

К вечеру собрались все, кто уезжал. Чемодан был уже собран, и младший Федор отнес его в мотоцикл. В избе, кроме отъезжавших, были Дуняша с малым, бабка Марфа, дед Федор и Аленка, конечно. Бабушка Марфа протянула узелок Татьяне:

— Вот, возьми на дорогу. Здесь курочка еще теплая, молоко, яички.— Она пошевелила губами беззвучно, видно, старалась, чтоб не заплакать, и добавила: — Таня, ты уж не забывай моего Васечку, он у меня хороший...

— Ну что вы, Марфа Егоровна,— сказала со вздохом Таня, поцеловала ее, потом взяла на руки Аленку, стала ее целовать, и девочка, видимо, почувствовав, что ее оставляют, вдруг разревелась. Бабушка Марфа взяла ее из рук Татьяны и стала отвлекать:

— А вот у нас пуговка есть, видишь, какая красивая пуговка...— Девочка стала зачихать, и бабка Марфа замахала рукой.— Уходите, уходите,— сказала она тихонько. Василий подошел, чтобы с ней попрощаться, обнять, но она и его рукой оттолкнула: — Идите, идите... А вот какая у нас пуговка, видишь, ну вот, мы и плакать перестали. Мы ведь хорошие...

Все пошли из избы. Василий последним. В дверях еще обернулся, взглянул последний раз на дочку и мать и вышел.

Татьяна расцеловалась со всеми и села с Димкой в коляску. Дед крепился, обнял сына:

— Ну, ну, счастливо тебе.

— Вот с матерью не попрощался как следует,— вздохнул Василий.

— Ничего, ничего, на обратном пути за Аленкой заедешь, тогда и... С богом, с богом...

Василий завел мотоцикл, развернулся, помахав на прощанье рукой, и они уехали. А у калитки те, кто остался, так и остались стоять.

По дороге у правления Брагин остановил мотоцикл, посигналил, и тотчас же выскочил на крыльцо Бабинов, спрыгнул на землю

прямо через ступени. Брагин слез с мотоцикла, они обнялись.

— Прощай, Вася,— сказал Бабинов.

— Что ж ты, «прощай»? До свидания.

— Я так уж, на всякий случай,— улыбнулся Бабинов.— Ну, бывай,— хлопнул его по кожаному плечу.

Выехали за околицу, потом мимо сгоревшей мельницы. Колесо вертелось, вода на него лилась, и было тихо вокруг, как будто ничего не случилось.

А от стада, пасущегося возле реки на лугу, к дороге бежал человек. Это был Ванечка. И собака с лаем за ним. Василий притормозил, подождал его.

— Вот,— сказал Ваня, обойдя мотоцикл и протягивая Татьяне маленький букетик.— До свидания, Танечка, и возьмите эту траву. Эта травка особая. Вы ее положите в любимую книгу между страницами, а потом раскроете когда-нибудь, она так пахнет на вас нашим временем и лугами, и вы сразу вспомните нас. Прощайте, Танечка.

— До свидания,— улыбнулась в ответ Татьяна.

Уже стемнело, когда они ждали поезда на маленькой станции. Кроме них, на дощатом перроне и не было никого. Молчали. Прошел мимо начальник станции, предупредил:

— Поезд стоит одну минуту, так что вы поаккуратнее, граждане.

Таня посмотрела на перевязанные руки Василия и сказала:

— Как ты поведешь мотоцикл с такими руками?

— Ничего, как-нибудь доеду,— ответил Брагин.

И хотя они ждали поезда долго, а подошел он как-то неожиданно, сразу, и остановился, зашипел, и тотчас дежурный по станции ударил в колокол. Брагин успел занести чемодан в купе, взглянул на попутчика: симпатичный молодой человек в костюме-тройке. Проводник заторопил:

— Кто у вас провожающий, выходите, выходите, а то сейчас тронемся.

— Ничего,— сказал Брагин.— Таня, я думаю, все обойдется, и я приеду в Сочи, наверное, на той неделе, так что ты не нервничай, не волнуйся.

— Хорошо,— сказала Татьяна.

Снова колокол. Поезд дернулся. Василий поднял сына на руки, поцеловал. Потом сорвал у себя с петлицы танкетку и сунул ему в кулачок.

— На, возьми на память, играй.

Димка обнял его, прижался, и Василий нехотя, с трудом разорвал его ручонки, обнимавшие шею, и поставил сына на пол.

Потом пошел к тамбуру и уже на ходу прыгнул с поезда.

Татьяна, уцепившись за поручни, выглянула, увидела его шагавшим рядом с вагоном.

— Вася! — крикнула она. — Ты не думай ничего, ты будь спокоен, я люблю тебя, слышишь, Вася!

Он помахал ей рукой и все отставал, отставал от вагона.

Ехали долго. Димка спал, сладко посапывая на полке. Попутчик что-то галантно ей говорил. Она не слушала, смотрела мимо него, и все ей почему-то виделась под стук колес та маленькая платформа и Василий, который все отставал и отставал от поезда.

В Евпаторию приехали ярким солнечным днем. Море было пронзительно синим, ослепительно белыми корпуса санаториев.

В приемном покое для детей было придумано много отвлекающих моментов: игрушки, мишки, даже железная дорога, чтобы они не плакали, расставаясь с родителями. Формальности все были закончены, и Тане оставалось только проститься с Димкой. Татьяна ждала, что он расплчется, уже готовилась к этому, но он только улыбнулся ей, помахал рукой, повернулся и пошел рядом с нянечкой куда-то не оглядываясь. Тут Татьяна не выдержала и расплакалась. Ее утешали, даже валерьянку ей дали выпить.

— Ну что вы, успокойтесь. Здесь ему будет хорошо.

— Я знаю, — сказала сквозь слезы Татьяна. — Ну что за мальчишка, ну хоть бы расплакался или поцеловал...

Потом была пристань, белый пароход в огнях и веселая музыка. В оживленной радостной толпе Таня поднялась по трапу. Здесь было все празднично и весело. И светло из-за сотен огней. Даже попутчик вчерашний ей встретился, и они улыбнулись друг другу. И диктор по радио объявил, что завтра, в воскресенье, двадцать второго июня, теплоход причалит в ялтинском порту и будет стоять три часа. За это время пассажиры теплохода могут отправиться на экскурсии по чеховским местам, в винный совхоз «Массандра». С радостной, праздничной публикой на борту корабль отошел от пристани и растаял в ночном море. И было только море, пустынное море и крики чаек.

И маленький человечек, одинокий на огромном пустынном берегу.

Пронзительно кричали чайки, а мальчик шел по пустынному берегу, то спотыкаясь и падая, то снова поднимаясь, размазывая слезы по лицу, упрямо шел, и в кулачке у него была зажата серебряная танкетка — все, что осталось у него от того, довоенного, мира и от тех людей, о которых я вам рассказал.

ВАЛЕНТИН СЕМЕНОВИЧ КУЗИН (родился в 1938 году) окончил сценарный факультет ВГИКа, работает старшим редактором на киностудии «Центрнаучфильм». По его сценариям снято более двадцати научно-популярных фильмов, в том числе: «Земля крупным планом», «Люди и звезды», «Вдохновенные мастера России», «Аналога не имеет!» и другие.

Фильм по литературному сценарию «Будни и праздники» ставит на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького режиссер Сергей Шпаковский.

ВАЛЕНТИН КУЗИН

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

В огромном, как ангар, производственном корпусе лаборатории сварки, заставленном множеством самых разнообразных сварочных машин, шла обычная работа.

Людей в цеху было немного. В халатах поверх платьев и костюмов — инженеры и техники; рабочие — в брезентовых робах и спецовках.

На громоздкой, некрашеной, без кожухов (сразу видно — самодельной) сварочной машине работали инженеры Вадим Сняковский, Николай Басков и рабочий-сварщик Юра. Отпыхала сварочная дуга, отошел автоматический электрод, и экспериментаторы склонились над сваренными «внахлест» стальными пластинами. На верхней матово поблескивала большая сварная точка.

— Тихо, тихо, робяты, главное не спугнуть! — Сняковский высвободил сваренные пластины из зажимов. — Это уже похоже на дело!

Он слегка стукнул пластины о корпус машины, они развалились.

— Вот тебе и «похоже»... — разочарованно сказал Басков.

— Спугнули! — по инерции сбалагурил Сняковский и попросил сварщика: — Ну-ка, Юра, прибавь чуточку!

— Безнадёга вся эта затея, — уныло буб-

нил Басков. — Плавить так можно, а не сваривать.

Сняковский взял из вороха пластин одну с прожженным посредине отверстием, повертел ее на пальце.

— Вот дырки она классные делает. Может, ее как сверлильный станок приспособить?

Шутка успеха не имела.

— У шефа какие-то были идеи, — без особой надежды сказал Сняковский.

— Какие тут могут быть идеи? Глухо тут дело! — убежденно фыркнул Басков.

— Внимание, оне! — тихо сказал сварщик.

На участке появился «шеф» — заведующая лабораторией сварки Елена Павловна Оскольцева, стройная, стремительная женщина лет двадцати семи в джинсах и легкой яркой кофточке.

— Держи уши топориком, — толкнул Баскова Сняковский. — Сейчас ты увидишь, «какие могут быть идеи»...

— Привет, экспериментаторы! — бросила Оскольцева на ходу.

— Здравствуйте, Елена Павловна.

— Здравствуйте. Я уже в отпуске, специально из-за вас приехала, на час — не больше. Хвалитесь достижениями.

И сразу все изменилось с появлением Оскольцевой: совсем другие — энергичные и уверенные — люди окружали сварочную машину, и сама машина казалась иной, и эксперимент теперь просто не мог не кончиться удачей...

— Надо увеличить силу тока, и значительно, ампер на триста, — сказала она, повертев в руках прожженный образец.

У Сняжковского удивленно поднялись брови.

— Увеличить? — не поверил ушам и Басков. — Но ведь и так все горит!

— Горит потому, что медленно подаете электроды. Ускорьте подачу электродов!

— Трансформатор на пределе, — сказал сварщик.

— Подключите еще один!

— Кабель не выдержит такие токи, — покачал головой Вадим.

— Рискнем! — решила Елена Павловна. — Нагрузки кратковременные — должен выдержат!

Сняжковский, Басков и сварщик подкатили второй трансформатор и подключили его. Снова вспыхнула под электродами дуга. И снова образец оказался прожженным.

— Еще ускорьте подачу электродов! — потребовала Оскольцева.

Сварили еще один образец. Он получился с мощной, проплавившей и прочно соединившей обе пластины электрозаклепкой.

Сварщик и оба инженера тшкетно пытались разъединить пластины. Разрушить соединение удалось только в тисках кувалдой и зубилом. При этом электрозаклепка была вывана из пластины «с мясом».

— Шикарная работа! — оценил Сняжковский.

— Все-таки тут что-то от черта... — недоверчиво щупал электрозаклепку Басков.

Елена Павловна азартно прищурилась: — А ну-ка, давайте пластины потолще!

Увеличьте еще ток! — скомандовала она. Басков испуганно схватил ее за рукав:

— Елена Павловна!

— Эх, Федорыч, — отмахнулась она, — будь все такие осторожные, как ты, огня бы мы до сих пор не знали!

В держателе зажали две толстые стальные пластины. Вспыхнула дуга. Натужно завывали трансформаторы. И вдруг оглушительный взрыв сорвал дверь предохранительной будки. Близкими молниями полыхнули электрические разряды, взлетел сноп искр.

Оскольцева метнулась к грохочущей, извергающей пламя и искры будке, повисла на рубильнике. Но повернуть рукоятку рубильника, оплавленного коротким замыканием, у нее не хватало сил. На помощь Оскольцевой бросились Сняжковский и свар-

щик. Втроем они выключили наконец рубильник, и будка перестала грохотать и полыхать огнем. Только тяжелый ядовитый дым расплзался по цеху, да по силовому кабелю лениво ползло желтое коптящее пламя.

Со всего цеха к месту аварии сбегались люди.

— Ч-черт!!! — с закрытыми глазами повернулась к сотрудникам Оскольцева, схватилась за лицо: — Брови не опалила?

— Да нет, лицо ничего, — успокоил ее Вадим и осторожно коснулся руки с багровым рубцом ожога: — Рука вот...

— Ну, рука — не лицо, — успокоилась Оскольцева и широко и счастливо улыбнулась: — Будем считать это фейерверком в честь нового способа сварки — сварки проплавлением!

Радостная и взволнованная, она держала в руках сваренные образцы и с нежностью смотрела на них.

— Вот, зараза! — тихо и восхищенно сказал сварщик.

— Вызывайте электриков, пусть чинят сборку да кабель помощней поставят, — отдавала Оскольцева последние распоряжения. — А мне пора. Приветите!

Она увидела своего заместителя Абахова, немолодого медлительного и величественного дагестанца, и пригласила:

— Заур Аминович, зайдите ко мне.

...Через приоткрытую дверь смежной с кабинетом комнаты Елена Павловна говорила Абахову:

— Приказ подписан — остаетесь за меня. На вас я могу положиться. Только пожалуйста, без самостоятельности! И постороже, не распускайте мне людей. А то с вашей мягкостью и доверчивостью дурачат вас все, кому не лень: и эта многодетная мамаша Граева, и шалопай Сняжковский, хитрец Надеин...

Абахов возмущенно сверкнул глазами и расправил грудь, явно намереваясь возразить, но гневные слова замерли у него на устах: в кабинет вошла поразительно преобразившаяся Елена Павловна. Она была сейчас просто ослепительна: в роскошном платье, наимоднейших туфельках, с красивой прической.

...Так, сама красота и грация, она и прошла по цеху, провожаемая восхищенными взглядами.

Выйдя из корпуса, она увидела инженера Надеина, который явно поджидал ее.

— Ох, какая вы... — расплылся он в сладкой улыбке. — Счастливого отпуска, Елена Павловна.

— Спасибо, Надеин. — Оскольцева доверительно понизила голос: — Меня будет замещать Абахов. Он хороший инженер,

но... Словом, посмотрите тут. На вас я надеюсь.

— Будет сделано, Елена Павловна! — преданно заверил Надеев.

Оскольцева удовлетворенно кивнула и села в машину.

Когда ее «волга» остановилась у ворот проходной, к машине подбежал Синяковский.

— Елена Павловна, извините, что ловлю на дороге, очень нужно — ведь вы теперь надолго уезжаете. Шабаров пришел, инженер, одноклассник мой по институту. Помните, я говорил вам о нем? Работу ищет. Может, решили бы с ним? — кивнул он в сторону скромно ожидавшего Шабарова.

— С ума сошел! — возмутилась Елена Павловна. — На шоссе бы еще встретил! Вадим заговорщически понизил голос: — Башка, Елена Павловна! Келдыш! Благодарить будете!

Та невольно рассмеялась и сдалась:

— Ладно, садитесь в машину. В темпе!

Тяжелые клепаные створки ворот вздрогнули. Не успели они еще до конца раздвинуться, как машина стремительно скользнула между ними.

Оскольцева почти сразу набрала скорость под сто километров.

— Где работаете? — спросила она, не оборачиваясь.

— В экспериментальном кабэ, — ответил Шабаров.

— Сколько вам платят?

— Сто восемьдесят.

— У меня ставка сто шестьдесят.

— Я знаю.

Андрей говорил с Еленой Павловной располагаясь бесхитростно, не суетясь и ничуть не заискивая.

— Почему хотите уходить? — допытывалась Оскольцева. — Начальство не жалуется или коллектив не тот?

— Да нет, — усмехнулся Андрей, — и начальство вроде не обижает, и коллектив тот. Работа не та.

— Много, что ли?

— Канцелярской...

— Ясно. Кабэ есть, экспериментов нет.

Шабаров согласно кивнул.

Оскольцева глянула на него искоса:

— Футурологией занимаетесь?

— Ч-что?

— Собственную жизнь расписали?

— Н-нет, я как-то не думал над этим...

— Ну так и не добьетесь ничего, — уверенно предсказала Елена Павловна. — Я наметила себе: в двадцать семь я кандидат наук, в тридцать два — доктор, в сорок — член-корр... и так далее...

— Здорово... Ну и как, угадали? — Андрей был заинтригован.

— Я не «угадывала», — ответила Оскольцева, — а выполняла план. Кандидатскую защитила на полгода раньше срока, докторская и все остальное тоже будет в срок, можете быть уверены.

— У вас только в науке так?

— Во всем. Разумеется, минус юношеские ошибки.

— Нет, у меня пока как-то все само собой получается.

— На «само собой» далеко не уедете. — Елена Павловна снова метнула на Шабарова пристальный взгляд. — Задумки есть?

— Из-за них и хочу к вам.

— Вадим наверное рассказал вам, что работать у меня не сладко? Шкуру снимаю запросто.

— Да.

— Не боитесь?

— Нет.

Оскольцева остановила машину у бровки шоссе, недалеко от вестибюля метро.

— Зайдите завтра к Абахову, он меня замещает. Скажите, что я дала «добро» на ваше оформление. Синяковский вас проводит. Пошефствуйте над ним, Вадим, на первых порах. Да, кстати, и вообще за делом тут без меня присматривайте. Вам я верю.

Шабаров и Синяковский вышли из машины.

— Спасибо, — сказал Андрей.

«Волга» рванула с места и унеслась.

— Ну как? — наслаждаясь произведенным эффектом, спросил Вадим.

— Ну и гоняет она! — задумчиво усмехнулся Андрей.

— Говорит, скорость напряжение снимает... Да, непросто жить под этой бабой. Но хватка у нее бульдожья. И талантлива, собака. Только спектакли обожает, как все бабы.

На летном поле аэропорта развернулась и встала французская «Каравелла».

Взволнованная Елена Павловна за ажурной изгородью не сводила глаз с трапа. И вот на верхней площадке появился он, Иван Михайлович Долгушин — рослый, светловолосый, лет около сорока. Взгляды их встретились и не расставались больше, пока Иван Михайлович не вошел в таможеню. Когда он вышел наконец из таможеню, Елена Павловна прильнула к нему.

— Ваня!..

— Аленка...

— Уж и не верится, что это ты... Мотаться годами по свету...

— Вот, вернулся.

На них смотрели и прибывшие, и встречающие, но они никого и ничего не видели и не слышали.

— Я не отпущу тебя больше, Ваня, никуда, ни на минуту! — с жутковатой решимостью и силой сказала Елена Павловна. — И никому больше не отдам! Никому!

На лицо Ивана Михайловича набежала тень, но руки Елены Павловны с такой страстью и нежностью обвилились вокруг его шеи, что опять радость заслонилась все. Елена Павловна продолжала наступать:

— Мы едем в деревню, к маме, — просто и твердо сообщила она. — Надо отдохнуть и все решить.

Стрелка спидометра покачивается возле цифры «100». Елена Павловна гонит машину так, будто боится, что Иван Михайлович передумает и не поедет. Рискуя врезаться в придорожные столбы, она то и дело поворачивается к нему, гладит его руки, касается щекой его плеча.

Машина уносится вдаль, в разметавшийся за лесом пожар заката.

...Над маленькой деревушкой синел вечер.

Елена Павловна и Иван Михайлович тихо ехали по ее единственной улочке. Остановились у старого бревенчатого дома.

— Здравствуй, пропащая! — обняла Елену Павловну на крыльце мать — крепкая, сурового вида старуха. — Слава богу, собралась. А я уж думала, только на похороны приедешь...

— Ну что ты, мамуль! — поцеловала ее дочь и представила: — Познакомьтесь, это мой самый близкий человек.

— А-а... — неопределенно протянула старуха, строго взглянув на Ивана Михайловича, и подала руку: — Степанида Яковлевна.

— Долгушин... Иван...

Солнечное, веселое утро.

Степанида Яковлевна, стараясь не шуметь, готовила у печи завтрак. На скрип двери оглянувшись: потягиваясь, вошла Елена Павловна.

— Доброе утро, мамуль.

— Утро доброе. Как спали-почивали?

— Душно. Сегодня на сеновал переберемся.

— Глядите. Мне на ферму пора. Ешьте тут сами. — Степанида Яковлевна накинула кофту, открыла дверь в сенцы и поманила дочь: — Поди-ка.

Елена Павловна вышла за ней.

— Леночка, а дружок твой, он, поди, на двух? — спросила мать сурово. — Что плохо лежит, к рукам прибираешь?

— Ты же меня знаешь, мамуль, — повела плечами Елена Павловна, — я не люблю ни в чем половину.

— А похоже, что половина...

— Не будет, не будет похоже!

— Ну зачем тебе такой? Что ты у меня, уродка какая-нибудь, кривая-горбатая?

— Люблю я его, мама, люблю. Сама себя иной раз ненавижу за это, за слабость, но люблю. Такая уж порода наша дурная — ничего не можем вополсилы...

— Возжи бы взять по старой памяти... — вздохнула Степанида Яковлевна.

— Ну, мамуль! — вся обвилась вокруг нее дочь.

— Кошка ластивая, — оттаяв, невольно засмеялась мать.

Выходя со двора, Степанида Яковлевна оглянулась. Елена Павловна и Иван Михайлович выходили во двор умываться. Елена Павловна брызгала на Ивана Михайловича водой, как расшалившаяся девчонка, прыгала вокруг него, хохотала.

Техник Люба Граева, маленькая приятная женщина с неоправимо домашним видом, прикрыв трубку рукой, негромко говорила по телефону:

— Регистратура? Скажите, пожалуйста, когда Тураева принимает? С двух? Запишите меня к ней. Граев Виталик, три годика. Котельный переулок, восемь. Спасибо!

Стол Любы завален шлифами сварных образцов и протоколами испытаний. Под затертым стеклом перед Любой несколько детских фотографий. На одной детишки изображены все вместе. Их трое — два мальчика, лет трех и лет восьми, и девочка лет одиннадцати.

В другом углу лаборатории, перед величественным Абаховым стоят Шабаров и Синяковский.

— Значит, теперь вопросы оформления на работу решаются в машине? На всем скаку, так сказать... — не без желчи насмешничает врио зав. лабораторией. — Оперативность Елены Павловны, конечно, восхитительна, но она, как всегда, хочет решить все сама и за всех. Для чего же существует отдел кадров, дирекция института? Я их подменить не могу и не хочу.

— Но Оскольцева сказала «оформляйтесь», и я уже подал заявление об увольнении... — пытается настаивать Шабаров.

— Хо! — пренебрежительно фыркнул Абахов. — И уволились тоже «на скаку»! Не поторопились ли? Насколько я знаю, нашу свободную штатную единицу собирались передать лаборатории сейсмики.

— Заур Аминович... — заговорил было Синяковский, но Абахов замахал руками:

— И, пожалуйста, не надо меня уговаривать! Идите в отдел кадров, пусть там решают...

— Я вам еще раз говорю: Сергей Панкратьевич занят! — решительно встала на

пути Шабарова, рвущегося в кабинет директора института, пожилая секретарша.

— Чем он занят? — запальчиво спросил Андрей. — Я жду тут третий час, к нему без конца заходят какие-то люди, и только для меня он занят!

На пороге кабинета появился директор института Сергей Панкратьевич Дорошенко — очень живой, крепкий мужчина лет пятидесяти пяти. Правая рука у него неподвижна, и Дорошенко все время держит ее в кармане пиджака.

— Что тут за громы и молнии? — спросил он весело и обратился к Шабарову: — Про что шумим?

— Зашумишь... — чуть сбавил тон Андрей. — Полдня у вас по кабинетам хожу. То говорят: оформляйся, то ставки нет, а я уже уволился со старой работы...

— Ну, прошу! — пригласил его Дорошенко в кабинет. — Посмотрим, с чем ходите.

— ...Стало быть, в поисках стоящего дела к нам пожаловали? — Дорошенко взял со стола лист бумаги с набросанными на нем сложными формулами и протянул сидящему перед ним Шабарову. — Что это?

Андрей просмотрел формулы, нахмурился, затем решительно перевернул лист, написал на обратной стороне несколько не менее головоломных формул и вернул лист директору.

— А это что?

— Не знаю, — не сразу признался озадаченный Дорошенко. — Что-то из электроники...

— А это «что-то» из динамики... — Шабаров вновь перевернул лист.

Дорошенко заразительно расхохотался.

— Это хорошо вы меня! Хорошо! — и хитро прищурился. — А не слишком ли лихо для первого-то знакомства?

Чуть оттаявший было Андрей вновь нахмурился.

— Себя уважать надо и при первом и при десятом знакомстве...

— Тоже верно, — с удовлетворением согласился Дорошенко и размашисто написал левой рукой на заявлении Шабарова: «ОК. Оформить. Дорошенко». — Но смотрите, если окажется, что вы только шуметь да начальство обижать горазды! Прослежу! — И энергично протянул Шабарову левую руку.

Сняковский и Шабаров шли по производственному корпусу лаборатории.

— Что у директора с правой рукой? — спросил Андрей.

— Нет у него правой. На войне оставил в девятнадцать лет, — ответил тот с неожиданной для него теплотой и уважением. — Лет-

чиком был... А потом тут упирался так, что глаза на лоб лезли. От вахтера до директора прошел. Член-корр, без пяти минут академик, лауреат два раза. И никаких тебе «лохматых рук», все ворота своим лбом открывал. Поэтому и человек: сам хлебнул горячего до слез и других понимает. Золотой мужик.

Андрей с интересом осматривал оборудование. На кожухе одной из сварочных машин он увидел нарисованную мелом карикатуру — в изображении можно было без труда узнать Баскова.

— Ха-а, — усмехнулся Андрей.

Они прошли дальше и за трансформатором увидели нарисованный кирпичом на асфальтовом полу еще один, тоже очень профессиональный рисунок; женщина, в которой с первого взгляда можно было узнать Любу Граеву, одной рукой подсовывала горшок под малыша, другой заряжала сварочной образец в ударный копер, а рядом с ней, на костерке из электродов, убежала из кастрюльки каша.

— Ты, конечно, творил? — спросил Андрей Вадима.

— На память потомкам, — отшутился тот.

— Всерьез этим делом так и не занялся?

— Науку осиротить боюсь.

— Втянулся?

— Ва-э... — отрицательно мотнул Вадим головой. — Служу.

— А я думал, стерпелось-слюбилося.

— Стерпелось, да не слюбилося...

Они подошли к огромному баку, одна сторона которого была прозрачной. К баку были подведены трубы, внутри него было установлено какое-то подобие сварочного стола.

— А это что за аквариум? — удивился Шабаров.

— Елена химичит. Какой-то особый способ подводной сварки выдумывает.

Андрей оживился, подошел к баку, перегнулся через край.

— Интересно...

Из дверей своей комнаты высунулась Люба Граева:

— Сняковский, к телефону!

Шабаров за своим рабочим столом увлеченно набрасывал эскиз установки для подводной сварки. Задумался, перечеркнул, принялся рисовать снова.

Рядом Басков отчитывал виновато повесившего голову восьмилетнего сынишку. Штаны и рубашка у мальчишки были залепаны грязью.

— Ну где ты так изволился? Я что, каждый день тебе стирать буду?

— Машина обрызгала...

— А зачем ты лезешь на дорогу? Там не только обрызгать, голову отшибить могут!

Сын в ответ только вздыхал.

Синяковский за своим столом тоже рисовал. Рисовал с натуры мальчишку, очень точно схватывая и всю его неухоженность, и притворное раскаяние на плутоватой рожице.

В соседней комнате, у Любы, зазвонил телефон.

— Синегорского, пожалуйста,— попросил женский голос.

— Синегорского? Может, Синяковского?

— Синегорского Вадима Ильича! — настаивала дама.

— Да, да, сейчас позову. Ну, аран! — рассмеялась Люба.— Синегорский, к телефону!

— Во, язва! — беззлобно проворчал Вадим, поднимаясь.

—...Соображай ты хоть немного, ведь не маленький уже! — уткнувшись в чертеж, продолжал увещевать сына Басков.

Андрей ободряюще улыбнулся мальчишке, достал из кармана конфету и незаметно, будто невзначай, положил ее на край стола. Мальчишка подвинулся к конфете и, тоже будто невзначай, взял ее.

— А ты новенький? — спросил он тихо.

— Угу,— также тихо ответил Шабаров и спросил сочувственно: — Попало?

Мальчишка отвернулся от отца и скорчил пренебрежительную рожицу.

— А ты сними,— посоветовал Андрей,— и хорошенько ототри. Вот так,— потер он брюки мальчишке.— А то и от матери влетит.

— У нас нет матери,— сказал мальчишка.

— Как нет? — не понял Андрей.— Где же она?

— Совсем нет. Умерла. Димку родила, а сама умерла,— не по-детски печально пояснил мальчишка.

— А-а... что же Димка?

— Он в детском саду.

Шабаров растерянно посмотрел на Баскова-старшего. Тот ответил ему невеселым усталым взглядом.

— Ну, иди,— сказал он сыну.— Не забудь молоко купить!

Шабаров сидел в «аквариуме» для подводной сварки и прикручивал к его стенке кронштейны для сварочной головки. За ним, уже в плаще, зашел Синяковский.

— Ты домой-то сегодня пойдешь, Ломоносов? Пять уже.

По цеху тянулись к выходу сотрудники лаборатории.

— Иди, я еще чуть повоюю,— ответил Андрей.

— Боюсь, что весь этот твой творческий тире трудовой энтузиазм закончится здоровенной клизмой,— глубококомасленно заметил Вадим.— Инициатива наказуема...

— Ладно, иди,— улыбнулся Андрей, заворачивая винт.

На бревенчатой стене в горнице уже тронутые временем фотографии Елены Павловны в разном возрасте, ее матери и отца — видного, красивого мужчины. Иван Михайлович разглядывал их.

Степанида Яковлевна сидела рядом на скамейке, сбивала в ручной деревянной маслобойке масло и продолжала свой рассказ:

— Эх, и почертила его головушка!.. Красивый был мужик, рослый и отчаянный — оторви и брось... С войны пришел, орденов принес — вешать некуда, и четыре раны. Одна-то так и свела его в могилу. Любил он Ленку без ума, а она и вовсе в нем души не чаяла. Даже тем, что бабы на него, как мухи на мед липли, гордилась, дуреха... Прикатит, бывало, каких только подарков, гостинцев ей не привезет! Случалось — всю зарплату до рубля ей на подарки тратил. Широко жил мужик. В селе его так и звали: «лихой». Лихой и был. Много Ленка от него взяла. Когда он умер, я думала, и она за ним пойдет. Почернела вся. Две недели слова не сказала и крошки в рот не взяла. Лет пятнадцать ей уже было. Только в больнице глюкозой выходили...

Степанида Яковлевна помолчала.

Иван Михайлович сидел на невысоком подоконнике и ждал продолжения рассказа.

Но старуха только глухо сказала:

— Похож ты на него... Может, и любит она тебя за то...

Иван Михайлович вздрогнул от неожиданности: Елена Павловна обняла его через окно за плечи:

— Ну готовься, косарь! Косы к вечеру отобьют.

Простоволосая, в ситцевом сарафанчике, шагала она с Иваном Михайловичем по деревне. На плечах они несли косы.

— Здравствуй, тетя Ариша! — крикнула Елена Павловна через улицу.

— Здравствуй, Лена,— расплылась в улыбке пожилая женщина и исправилась, с большим интересом разглядывая Ивана Михайловича: — Здравствуйте...

— Бог в помощь! — почтительно поклонился и поднял над плешивой головой линияющую кепчонку тщедушный дедок, привязывавший в переулке теленка.

— Спасибо, дедушка Егор! — отозвалась Елена Павловна.

— Здорово, Алена! — широко улыбнулась в окне одного из домов женщина с грудным ребенком на руках.

— Привет, Вера!

— Любят тебя здесь,— сказал Иван Михайлович.

— Любят? — весело рассмеялась Елена Павловна.— Святая простота. Да они бы с грязью меня смешали, если б могли!..

Иван Михайлович даже приостановился:

— Это за что?

— За то, что не такая, как они. За то, что все у меня есть — высокая должность, деньги, машина, ты... Здравствуйте! — в очередной раз улыбнулась Елена Павловна двум теткам у колодца.

— Здрасьте,— приветливо закивали те.

А когда Елена Павловна и Иван Михайлович прошли, одна из теток сказала одобрительно, провожая их взглядом:

— Хорошего мужика отхватила Аленка.

— А разве она сама плоха? — отозвалась другая.

— Да уж, этих, городских-то, красногубок, любую за пояс заткнет.

— Наша!..

Елена Павловна косила уверенно и ловко. Там, где она проходила, оставалась ровно выкошенная полоса. Из-под разметанных ветром волос постреливал на Ивана Михайловича огневой, лукавый глаз: смотрит ли, восхищается ли?

Иван Михайлович смотрел и восхищался. Загляделся на Елену Павловну и пожилой колхозник-косарь. Он сидел на склоне лощины, перекуривал. «И-и-эх!» — вырвалось у него восхищенное восклицание, и в вылинявших глазах шевельнулись бесенята.

Потом Елена Павловна и Иван Михайлович косили вместе — она легко, словно танцует, он напряженно, неумело.

Полдничали у большой копны сена.

— Хорошо! — широко раскинув руки, растянувшись на сене Елена Павловна, оглядывая бездонное синее небо, пестрое разнотравье луга, желтеющие вдаль поля.

Потом снова косили: Иван Михайлович уже сноровистей, чище, Елена Павловна еще изящней.

...Гасли последние отсветы зарь. Ночь лунная и звездная.

Елена Павловна и Иван Михайлович, обнявшись, медленно шли по берегу реки. Вдали вспыхнул и стал приближаться свет автомобильных фар.

— Не хочу спать, хочу плясать! — резко повернулась Елена Павловна к Ивану Михайловичу и решительно потащила его на дорогу.

Тот только смеялся.

На шоссе Елена Павловна остановила машину:

— А, Слава! Подбрось до клуба!

Они танцевали в переполненном молодежно колхозном клубе. Елена Павловна

была в ударе — легкая, воздушная, вся светящаяся счастьем, она просто-таки летала вокруг Ивана Михайловича. Неплохим танцором оказался и он. Молодежь, особенно девушки, не без зависти глядя на них, невольно расступились.

Начался новый танец — быстрый, современный, и Елена Павловна «показывала класс». Один за другим перестали танцевать парни и девушки, обступили кругом Елену Павловну и Ивана Михайловича.

Иван Михайлович колот дрова. Широко размахивался и разваливал колуном толстые плахи. Работа была явно по душе ему. В стороне на пне сидела Елена Павловна, грызла семечки и с хозяйской улыбкой любовалась им. Поглядывал на нее между взмахами, улыбался и Иван Михайлович.

— Па-па! — вдруг изо всех сил, с отчаянием, со слезами выкрикнул совсем рядом звонкий мальчишеский голос. И еще раз: — Па-па!

Ивану Михайловичу будто выстрелили в спину. Он медленно распрямился.

Елена Павловна вскочила.

Иван Михайлович медленно повернулся. Нет, это соседский мальчишка бежал за отцом, выведившим на дорогу мотоцикл.

— Я тебе сказал: не ходи за мной! — цыкнул отец на мальчишку.

Иван Михайлович как-то сразу сник, будто воздух из него вышел. Он стоял на своей, упавшей с забора рубашке, и не замечал этого.

— Здравствуйте,— как насмешка, прозвучало приветствие соседа.

Елена Павловна, бешено сверкнув глазами в сторону соседей, метнулась к Ивану Михайловичу.

— Ну что ты? Хватит тебе колоть, пойдем на речку. Рубашку вот затоптал, сейчас свежую принесу.

Иван Михайлович смотрел вслед мальчишке.

В сарай через дыры в старой соломенной крыше заглядывала ненастная ночь: Шуршал дождь. На сене спала Елена Павловна. Она пошевелилась, приоткрыла глаза, протянула руку и невольно вскрикнула: Иван Михайловича не было рядом.

— Ваня! — встревоженно позвала Елена Павловна.

Иван Михайлович сидел под навесом, курил. Елену Павловну он заметил не сразу. И голова и плечи его были низко опущены, и весь он был в своих невеселых мыслях.

— Ты чего? — спросила Елена Павловна.

— Завтра поеду к ребятам,— твердо сказал Иван Михайлович.

Елену Павловну сразу будто подменили.
— Поезжай сейчас, чего же откладывать, — холодно проговорила она и ушла в сарай.

...Они лежали на сеновале. Оба не спали. По-прежнему шуршал по крыше мелкий дождь.

— К черту! Хватит этих воровских тайных встреч! — со злыми слезами выкрикнула Елена Павловна. — Я измучилась с ними... Какой уж год! Я не девчонка скрываться, делить тебя с кем-то! Не могу больше! Не хочу!

— Ну что я могу сделать? Наступить на своих детей так, чтобы под ногами хрустнуло, это, знаешь, не всякий может. Я не могу! — с горечью ответил Иван Михайлович.

— Да брось ты, Ваня, в слова играть! «Наступить», «хрустнуло»... Кругом вон «хрустит», куда ни глянь. И никто что-то не пропадает из-за этого. Из-за пустяков, из-за какой-нибудь глупой ссоры люди расходятся, а тут... Да и не расстаешься ты с ними! Ходи к ним, пусть к нам приходят. И прав ты перед всеми! Прав! Не бывает любовь неправой... Словом, решай, Иван: либо мы совсем вместе, либо давай прощаться. Так, как было, больше не будет. Я тоже не игрушка. — Чуть помолчав, Елена Павловна горько усмехнулась: — Привыкли все, что Елена — фонтан идей, яркий ученый, энергичный руководитель и вроде — всё, вся характеристика. А я еще и обыкновенная баба. Семью хочу, ребенка... твоего ребенка! Сниться стал... А уж страшно подумать, как и разрожусь. Так что решай, Иван. Но одно знай: немногие такое, как у нас, находят, единицы из тысяч, и предать, погубить все это — просто преступление перед самими собой! Такого ни у тебя, ни у меня больше не будет. Так что подумай, с чем останешься. Ведь семь-то у тебя тоже давно уже нет.

Иван Михайлович ответил не сразу.

— Поеду я все-таки к ним. Прости, иначе не могу. Но без тебя мне тоже не жизнь. Мы обязательно должны быть вместе, только когда они подрастут немного...

Иван Михайлович с чемоданом в руке, по-дорожному одетый вышел со двора Оскольцевых и пошел к автобусной остановке на большаке.

Сумрачным, тяжелым взглядом смотрела на него в окно Елена Павловна. Вдруг выдержала, сорвалась с места.

Ленка! — остановил ее строгий голос матери. — Не унижайся. Пусть уходит. Коль решил уйти, то все равно — не сегодня, так завтра сделает по-своему...

— А я, мама, — негромко, с силой сказала Елена Павловна, — давно уже отвыкла, чтобы что-нибудь в моей жизни было не по-моему. И тут будет по-моему!

Она швырнула на пол чемодан и стала бросать в него свои вещи.

Шабаров и Сняковский опробовали на холостом ходу установку для подводной сварки, пока без воды. Мотор зашумел, заработал, сварочная головка поползла по направляющим.

Вокруг стали собираться сотрудники лаборатории. Покрутился среди них и Надеин.

Андрей включил воду, стал наполнять резервуар.

И в это время в цех вошел разъяренный Абахов. В двери, за его спиной, мелькнула физиономия Надеина.

— Это кто же такой деловой да скорый? — еще издали гневно загремел Абахов. — Вы, что ли? — спросил он у Шабарова, подходя. И, не дожидаясь ответа, задал новый вопрос: — А перед Оскольцевой хлопать глазами тоже вы будете? Или я за вас?

— Конечно, сам... — смущенно начал было Андрей, но Абахов бесцеремонно оборвал его:

— Вы, простите, «сам» тут еще никто! Сегодня же разберите все это!

— Заур Аминович, но, может быть... — попытался было вступить за друга Сняковский, но Абахов резко оборвал его:

— Ничего не может быть, кроме того, что я сказал! Разобрать!

И он пошел в свой кабинет.

Собравшиеся сочувственно смотрели на огорченного и растерянного Шабарова.

— Никакого нет резона
Разговаривать с бизоном,
Потому, что это жвачное
Свирепое и мрачное... —

будто про себя, но очень внятно прочитала Люба Граева.

Все дружно рассмеялись.

— Ну, Любаха! — восхищенно сказал Сняковский. — Все, с сегодняшнего дня читаю только Михалкова и Чуковского.

Но Андрею было не до шуток.

— Да ты не тоскуй, Андрюха, — ободряюще двинул его локтем Вадим. — Не надо ничего разбирать. Если эта штука чего-нибудь стоит, репрессий не будет. Елена обожает юные дарования.

— Сняковский, к телефону! — крикнул из комнаты Надеин.

— Как я всем нужен! — вздохнул Вадим и пошел к телефону.

— Слушай, женишься ты когда-нибудь или нет? — напустился на него еще не остывший Абахов, едва Вадим вошел в ком-

нату.— Все телефоны твои обожательницы пооборвали! Мурлычут и мурлычут с утра до вечера!

— Сам замучился с ними, Заур Аминович! — возопил Вадим, прижимая руки к груди.— Выбрать никак не могу — то по темпераменту не та, то по колеру не подходит!..

— Торопится бегемот —

Скоро кончится завод! — как всегда, будто про себя прочитала Люба, вошедшая вслед за Синяковским.

Надеин громко расхохотался.

Не удержался от смеха и Абахов.

— Вот-вот, торопись,— повторил он Синяковскому.— Бегемот...

— Просто страшно подумать, что было бы, если бы ты прочитала что-нибудь еще, кроме детских книжек,— сказал Вадим Любе, беря, наконец, телефонную трубку. Люба показала ему язык.

Оскольцева, мрачная, неприступная, обходила с Абаховым лабораторию. У входа прямо на нее налетела запыхавшаяся, растрепанная Люба.

— Здравствуйте... — обреченно пролепетала она.

Елена Павловна только смерила ее презрительным взглядом.

— Она отпрашивалась,— уверенно соврал Абахов и не выдержал, смутился.

Они пошли дальше.

— Вот эмансипировать-то вас эмансипировали, а ума-то вам не вложили,— поучал Вадим Любу.— Уж коль ты опаздываешь на целый час, так надо огородами где-нибудь красться, по-пластунски, а ты летишь прямо на начальство так, будто невесть как обрдовать его хочешь.

— Она же в понедельник только выйти должна была,— сокрушенно сказала Люба.— Чего ее принесло раньше времени?

— Пути начальства, мать, несповедимы,— философствовал Вадим.— Но так подзалететь — надо уметь... Туча-тучей,— кивнул он на Оскольцеву.— Глянула на тебя, я аж зажмурился, думал, дым пойдет...

У резервуара для подвальной сварки с установкой Шабарова Елена Павловна остановилась пораженная.

— Это что еще такое? — спросила она гневно.— Кто разрешил?

— Я сам... — весьма твердо сказал появившийся перед заведующей лабораторией Шабаров.— Заур Аминович тут не при чем.

— Рвение свое хотели показать? — хлестала его словами Оскольцева.— А показала безобразное отношение к чужой работе. Подобного больше не потерплю! Даю два часа на демонтаж!

У Андрея потемнели глаза, жестко обозначились скулы. Он схватил кувалду и решительно шагнул к установке.

— Вы что, с ума сошли?! — в последний момент остановил его возглас Оскольцевой.

— Сейчас я ее демонтирую,— ожесточенно сказал Шабаров.— Меньше чем за два часа...

Елена Павловна впервые пристально и заинтересованно посмотрела на него.

— Не рано ли норов показывать? — Она вдруг вернулась к установке, стала ее рассматривать.— Работает?

— Варит,— нехотя отозвался Андрей.

— Но сварной шов пористый?

Шабаров был удивлен проницательностью Оскольцевой:

— Да...

— Так и должно быть,— уже несколькими интонациями сказала она.— Кислород-то не только в воздухе, но и в воде есть. А ваш колокол защищает сварочную ванну только от воды, а от кислорода из воды — нет. Поэтому и поры.

— Ой, балда! — схватился за голову Андрей.— Как же я не сообразил?

— А это что? — ткнула Елена Павловна пальцем.

— Регулятор подачи сварочной проволоки.

— Вот это интересно.

Оскольцева осмотрела регулятор, пощелкала ручкой переключателя. Затем уже спокойно сказала:

— Демонтируйте. Не кувалдой, разумеется.

Шабаров в перепачканном, прожженном халате увлеченно возился с какими-то железками. Оскольцева с Любой просматривали алюминиевые сварные образцы.

С большим карандашным чертежом к Андрею подошли Синяковский и Басков.

— Да не будет, не будет он так работать, еще раз тебе говорю! — доказывал Вадим Баскову.— Ну скажи хоть ты ему, Андрюха, разве можно тут эксцентрик ставить? Его же покорежит и заклинит после первой же сварки!

Привлеченная горячими возгласами Синяковского, Оскольцева прислушалась к разговору.

— Да, пожалуй,— согласился Шабаров, заглянув в чертеж.— По-моему, вот так будет лучше.— Он начертил совсем иное положение эксцентрика, затем ткнул карандашом в другой узел: — А этот огород зачем городили? Поставили бы тут кулису на двух штифтах, и никаких пружин и упоров. Она под собственным весом будет работать как часы...

— Ну, старичок, и тыква у тебя! — восхищенно сказал Синяковский.

А Басков как-то сразу сник и понуро полпелся в комнату. За ним вошел Шабаров, достал из аптечки йод, помазал свежую ссадину. Басков с убитым видом пытался что-то чертить, сломал карандаш, в сердцах отшвырнул его и вышел.

— Чего-то Федорыч какой-то смурной? — удивленно спросил Андрей у Сняжковского, который тем временем уже рисовал его самого в виде факира «с инженерным уклоном».

— Дите! — усмехнулся тот. — Сам же ему по мозгам дал и даже не заметил.

— Я? — поразился Шабаров.

— А то я? Быть талантливым, старичок, не всегда достоинство, — серьезно пояснил Вадим. — Иногда это просто свинство...

— Это ты про что?

— Федорыч две недели в поте лица колупался с этим зажимом, а ты увидел один раз, и — получи решение. И какое!..

— Да ведь я же... — начал было объяснять Андрей и, не закончив, огорченно махнул рукой: — У, черт!

В комнату вошла Оскольцева.

— Андрей Алексеевич, с завтрашнего дня будете работать со мной...

По лицу Шабарова скользнула радость.

Елена Павловна вышла.

— Что делается! — театрально развел руками Сняжковский, пряча за ерничанием свое удивление и радость за друга. — Я бы на твоём месте, Андрюха, больше ни с кем не здоровался...

— Идея в чем? — набрасывает Елена Павловна Шабарову эскиз мелом на доске в своем кабинете. — Укрыть сварочную ванну от воды и ее элементов не колпаком, как у вас, а подушкой из нейтральных газов. Эти нейтральные газы должны выделять при сварке обмазку электродов.

— Любопытно... — загорелся Андрей. Зазвонил телефон. Елена Павловна подняла трубку.

— Я слушаю.

— Здравствуй, Аленка! — послышался в трубке мягкий, усталый голос Ивана Михайловича.

Елена Павловна изменилась в лице, но усилием воли справилась с собой и сказала в трубку холодно и спокойно:

— Одну минуту. — Зажав трубку рукой, она торопливо закончила разговор с Шабаровым: — Поищите подходящий состав обмазки электродов. Начните с типовых. Подумайте, как это сделать, и приходите, посоветуемся. Все.

— Хорошо. — Андрей вышел из кабинета.

— Здравствуй, Ваня. Что новенького скажешь?

— Ничего новенького не скажу. Люблю тебя, в глазах стоишь, увидеть хочу...

— На часок-другой?

— Ну зачем ты так?

— А как, как, Ваня? Любишь, так иди за своей любовью! Хочешь быть счастливым — будь им!

— Да пойми ты, самый близкий мой человек, — взмолился Иван Михайлович, — нельзя их сейчас оставить. Вот увидел их, особенно хорошо это понял. Маленькие, беззащитные, доверчивые...

— Какой ты сердобольный, чуткий ко всем... кроме меня... кроме — нас! Впрочем, обо всем этом мы уже говорили. Чего мусолить одно и то же? У меня тоже ничего нет нового: так, как было, больше не будет. Всего хорошего.

Елена Павловна положила трубку и сжала виски руками, готовая вот-вот расплакаться. И ничего в ней сейчас не было от деловой, решительной, волевой женщины. В глазах у нее не měla самая обыкновенная женская боль и обида.

В кабинет вошла Люба Граева с какими-то бумагами.

— Зайди попозже, — надломленным, усталым голосом попросила Оскольцева.

— Хорошо, — недоуменно попятилась Люба.

Но не успела она прикрыть за собой дверь, как ее остановил прежний, сильный и уверенный, голос Елены Павловны:

— Люба, давайте ваши бумаги!

Оскольцева с Шабаровым стояли в цехе у стеллажа, заваленного шлифами сварных образцов из стальных пластин.

— Нет, Андрюша, это пока совсем не тот состав обмазки электродов, — качает головой Оскольцева. — Даже при пресной воде сплошные поры.

— Будем искать дальше, — вздыхает Шабаров.

— На том ли пути ищем?

— Я думал об этом, — вздохнул волосы Андрей. — Все губит прямой контакт с водой. Если бы его избежать!

— Вот-вот. Есть у меня одна мыслишка. Что, если обмазку спрятать от воды внутрь электрода?

— Электрод-трубка? — живо отреагировал Шабаров. — Но ведь тогда металл электрода не будет защищен снаружи. Впрочем, какое-то покрытие можно оставить и снаружи...

— Угу! — хитровато прищурилась Елена Павловна, и стало ясно, что она давно уже все это придумала. — Давайте попробуем, Андрюша, — дружески тронула она Шабарова за плечо.

Андрей согласно кивнул.

Под высокими пролетами цеха всюду горели мощные лампы — за окнами густо синел вечер. Было непривычно тихо и пусто.

Облокотясь о край резервуара для подводной сварки, с усталым, но довольным видом Елена Павловна жевала бутерброд. Рядом закусывали Шабаров, Басков и рабочий-сварщик.

— Спасибо, Андрюша, — доев, поблагодарила Оскольцева. — Ну, поехали дальше? Значит, теперь — вертикаль...

Сквозь стекло сварщицкого «забрала» Елена Павловна внимательно следила, как вспыхивает сварочная дуга, бурлит, кипит в баке вода...

— Я гляжу, вас не пересидишь, — раздался рядом голос Дорошенко. — Я засиделся, а уж вы, судя по всему, вообще не спать тут собрались. Добрый вечер. — И протянул руку Шабарову. — Я почему-то был уверен, что здесь — вы.

Оскольцева настороженно глянула на Дорошенко, на Шабарова.

— Что так поздно сверкаете, полуночники? — спросил директор.

— Есть из-за чего полуночничать, Сергей Панкратьевич, — интригуяще улыбнулась Елена Павловна. — Нашли принципиально новый способ подводной сварки.

— Чем новый? — заинтересовался Дорошенко.

— Новый способ защиты сварочной ванны не шлаком, а газовой подушкой. Совершенно новая конструкция электрода. Наш электрод — трубка. Элементы для легирования шва и создания газовой подушки внутри него.

— Остроумно! — рассмотрев электрод, оценил директор. — И уже есть результаты? Молодцы!

Дорошенко осмотрел несколько образцов, затем взял Оскольцеву под локоть и медленно повел по цеху.

— Только, Елена Павловна, так ли уж необходимо работать пятнадцать часов кряду? — спросил он. — Одиннадцатый час. Наверно, можно обойтись без этих ночных бдений и спокойно продолжать работу завтра?

— Увлелась, Сергей Панкратьевич! — обезоруживающе улыбнулась Оскольцева. — Не терпелось получить результаты. А потом — по начальству равняемся!..

— Я сидел один, так что это мое личное дело, сколько работать, а с вами еще трое бодрствуют.

— Ну, это уж пусть мои сотрудники равняются по мне, а не я по ним.

— На чем же основано такое ваше исключительное право?

— Сергей Панкратьевич, дорогой, ну вам-то уж вряд ли надо доказывать, что есть голова, а есть руки-ноги. Голове и решать,

куда идти и что делать, а рукам-ногам — идти и делать...

— Но, если пользоваться вашей терминологией, «голове», в свою очередь, надо заботиться о «руках-ногах», думать, как рационально использовать их, как не поломать, не покалечить.

— Думает «голова», Сергей Панкратьевич, думает, — игриво заверила Елена Павловна. — Доказательство тому то, что вы сами лабораторию частенько разными хорошими словами балуете, и переходящее звание от нас какой год никуда не переходит, и вся стенка вон грамотами увешана... Люди могут дать куда больше, чем дают. Но надо заставить их работать на иных, повышенных, предельных оборотах! Как вы сами работаете, как я работаю!

— Да разные мы все, разные. По способностям, по работоспособности, по силе! Да что там люди — собак вон и то, попробуйте, сравните: одна — меньше кошки, на дрожащих ножках, а другая с теленка. Вот и заставьте их тягаться... А люди и вовсе... Не под силу большинству ваши обороты!

— Значит, пусть уйдут из науки те, кому не под силу!

— Куда уйдут?

— А хоть в дворники!

— Дворники тоже предпочтительнее с «повышенными оборотами», чтоб не один двор убирал, а два, три... Но если у него сил только на один двор хватает, тоже пользу приносит, сколько может. И на хлеб зарабатывает.

— Я говорю о науке, а не о благотворительности.

— Я тоже говорю о науке, но еще и о людях в ней...

Из института Оскольцева выехала вместе с Дорошенко на его машине. Была уже ночь. Едва они миновали институтские ворота, директор тронул шофера за плечо, и тот остановил машину. Они видели, как из проходной вышел Басков. К нему от зарослей акации кинулся заплаканный, продрогший сынишка.

— Ты чего здесь? — испугался отец.

— Тебя жду, — всхлипывая, ответил мальчик. — Думал, случилось что. Может, опять под ток попал.

— Как же ты Димку-то одного оставил?

— Он спит.

— А если проснется? Пошли скорее! Дурачок... — мягко тронул голову сына Басков, и они заторопились домой.

Дорошенко выразительно взглянул на Оскольцеву.

— Ох, Сергей Панкратьевич, Сергей Панкратьевич! — невозмутимо усмехнулась

та.— Искусство, как известно, требует жертв. А наука — особа куда как кровожаднее...

— Догони их,— сказал директор шоферу. Машина остановилась рядом с Басковыми.

— Садитесь, подвезем,— открыл дверцу Дорошенко.

— Спасибо, нам не далеко.

— Садитесь, садитесь.

Басковы сели в машину. Оскольцева чувствовала себя очень неудобно рядом со все еще шмыгающим носом мальчишкой. Дорошенко искоса с интересом наблюдал за ней.

Дома, удобно усевшись с ногами в кресло, Елена Павловна говорила по телефону.

— Зоенька, милая, соскучилась не знаю как! Давай встретимся. Приезжайте ко мне с Борисом в выходные.

— Хорошо, договорились,— отвечали в трубке.

— Как он там? Что снимает?

— Если бы только снимал! Он ведь теперь еще и худрук объединения. Ты не видела его последний фильм «Робот»?

— Нет, к сожалению.

— Позавчера по телевизору показывали в программе научно-популярных фильмов. Во Франции на конкурсе «Гран-при» получили.

— Что ты говоришь! Очень рада за вас. Борису большой привет и поздравления. Скажи ему: у меня есть для него интереснейшая тема. Приедете, расскажу. Ну, жду!

Елена Павловна положила трубку и тут же, найдя в адресной книге телефон, снова набрала номер.

— Константин Андреевич?

— Да, я слушаю.

— Здравствуйте. С вами говорит заведующая лабораторией сварки института промышленного строительства Оскольцева. Явот по какому поводу: как-то на совещании в Академии наук вы призывали ученых активнее сотрудничать с вашим журналом, давать материалы о научных новинках. Так вот, у нас в лаборатории появилось нечто любопытное.

— Превосходно. Я пришлю вам толкового журналиста. Значит, лаборатория сварки? Спасибо.

— Ждем. Всего хорошего.

И Елена Павловна еще раз набрала номер телефона:

— Всеволод Петрович?

— Да-да.

— Здравствуй, Сева! Не узнаешь?

— Таких голосов больше во всей Москве нет. Здравствуй, Леночка!

— Как жизнь? Что-то пропал, не звонишь?

— Три дня как из командировки.

— Читала, читала твои репортажи с космодрома. Как всегда, здорово. Все такой же неутомимый популяризатор науки?

— В моем возрасте уже не меняются.

— Могу тебе по дружбе подарить превосходную тему.

— Интересно. Твоя работа?

— Да, только торопись, на нее уже нацелились. Попрдержу пока для тебя, денька два, не больше.

— Завтра я приеду.

— Давай. А то я через недельку уезжаю в командировку. До встречи.

— До встречи.

Елена Павловна стала набирать новый номер телефона, но раздался мелодичный сигнал дверного звонка. Она положила трубку и пошла открывать.

На пороге стоял Иван Михайлович с чемоданом в одной руке, с прекрасным букетом цветов в другой.

— Здравствуй,— с чувством сказал он.— Не могу больше без тебя...

Елена Павловна рванулась к нему, обвила шею руками. Поцелуи были долгими, жадными.

— Ой, какая прелесть! — увидела она наконец цветы, и, вся прильнув к Ивану Михайловичу, повела его в квартиру: — Ну пойдем, пойдем!

— О, у тебя перестановка,— кивнул Иван Михайлович на приоткрытую дверь одной из комнат.

— У нас,— мягко поправила его Елена Павловна и распахнула дверь: — Моя комната, а это твоя.

— Моя?

— Твоя. Я же знала, что ты придешь.

Елена Павловна опять порывисто прижалась к плечу Ивана Михайловича:

— Боже, как я ждала тебя!

И, будто устыдившись своей минутной слабости, засуетилась:

— Ну, располагайся, поставлю цветы и буду тебя кормить.

Она ушла на кухню.

Иван Михайлович остановился на пороге «своей» — удобной, заботливо и продуманно обставленной комнаты. На стенах висели фотографии его с Еленой Павловной, на фоне египетских пирамид. Среди книг Иван Михайлович увидел три своих, вынул, посмотрел на свои дарственные Елене Павловне и снова поставил на полку. Открыл дверцу платяного шкафа и увидел на вешалках пижаму, несколько рубашек и галстуков. «52 размер, 4 рост», — разглядел он сохранившийся на пижаме ярлык.

В дверях появилась улыбающаяся Елена Павловна с цветами. Она поставила вазу на стол.

Иван Михайлович подошел к ней, взял за руки.

— Спасибо, Аленушка,— произнес он растроганно.— Я буду мечтать поскорее переселиться сюда.

— Мечтать? — потрясенно повторила Елена Павловна. С ее лица разом смахнуло улыбку.— А... а чемодан?

— Я из командировки.

— Так ты, значит, опять только поиграть?

— Алена... — с болезненной grimасой встрепенулся Иван Михайлович, но Елена Павловна не слушала.

— Уходи, Ваня,— сказала она каким-то надтреснутым, слабым, но полным решимости голосом, распахнув входную дверь.

— Алена! — еще раз взмолился Иван Михайлович, но Елена Павловна с той же решительностью повторила:

— Уходи.

Она вынула из вазы цветы, сунула их в руки Ивану Михайловичу и подтолкнула его к выходу. Захлопнула за ним дверь и разъяренная, со злыми слезами на глазах, заметалась по «его» комнате. Ахнула об пол портрет Ивана Михайловича так, что только осколки разлетелись, стала выбрасывать из шкафа на пол его одежду. Чуть успокоившись, вышла в коридор, сдернула с вешалки плащ, схватила с телефонного столика ключи от машины.

...Она гнала «волгу» так, будто уходила от погони. Взвизгнув тормозами, чуть не положив машину на бок, свернула с шоссе за городом на какой-то проселок. Шарахнулись из-под самых колес двое прохожих.

— Во, чокнутая! Гляди, что делает! — едва перевел дух один.— Ну бабы пошли!

— Эта добром не кончит,— убежденно предсказал другой.

А Елена Павловна гнала и гнала машину. Стрелка спидометра устойчиво показывала за сто.

На безлюдной полевой дороге, подняв тучу пыли, Елена Павловна резко затормозила и, склонившись к самой баранке, заплакала зло и горько.

— Баба! Баба! Дура! Дурища! — рычала она сквозь слезы и стучала кулаками по баранке.

Шабаров сидел в газетном киоске и торговал утренними газетами. Управлялся умело, споро, видно, не впервой — с ним здоровались многие.

В киоск вошла мать Андрея — пожилая интеллигентная женщина.

— Все собрала, сынок. Только еду в

чемодан класть не стала, отдельно завернула. Смотри, не забудь.

— Ну зачем еду, мам, мы же самолетом! Четыре часа — и там!

— Возьми, возьми, кто знает, как там встретят.

— Да хорошо встретят — нас там очень ждут.

Мать заменила в киоске сына.

— Рада до смерти, что хоть работу ты наконец нашел по душе. Люда если позвонит, что сказать?

— Пусть не звонит,— нахмурился Андрей.

— Может, еще помирились бы?

— Нет, мама! Комбинатор из меня не получится, а так до роскошной жизни мне далеко. А для нее — это главное. Тут женись — они презирают такого босяка! всей семьей... Ну, побегу...

— Нескладеха ты моя... — обняла его мать, и глаза ее влажно блеснули.

— Не бойся, мам, в девках не останусь... — целуя мать, пообещал Андрей.

Оскольцева, Шабаров, институтский сварщик и главный инженер строительства стояли перед грандиозной панорамой строящейся ГЭС. Сухое русло перегородил огромный арматурный каркас плотины.

— Вот такой у нас каркасик — восемьсот метров в длину и сто десять в высоту,— не без гордости сказал главный инженер, уже немолодой усталый человек.

— Н-да, впечатляет... — отозвалась Елена Павловна.

— Пойдемте поближе,— предложил главный инженер.

Они спустились в котлован, где ни на минуту не прекращали работу арматурщики и сварщики, подошли вплотную к каркасу.

— Вот тут она и есть, наша главная задачка. Надо сварить около трех тысяч вот таких стыков,— показал главный инженер сварные стыки из арматуры в руку толщиной.— Сварить на весу, на высоте. Выполнить такую работу, как вы знаете, могут только самые квалифицированные сварщики. Каждый может сварить не больше четырех стыков за смену. Мы тут посчитали, и получилось, что на сварке мы отстаем по срокам от графика строительства на три с половиной месяца. А это значит, что срок сдачи ГЭС будет сорван. Вот и помогите изобрести чудо, чтобы его не сорвать...

Оскольцева и Шабаров стояли на краю котлована и смотрели на высвеченный про-

жекторами каркас плотины, тут и там искрящийся огнями сварки.

— Красиво,— сказала Елена Павловна.

— Да,— согласился Андрей и неуверенно продолжил: — А если сделать еще красивее... стыковыми машинами?

Оскольцева резко повернулась к нему.

— Стыковые машины? — спросила она увлеченно и, не дожидаясь ответа, сказала убежденно: — Да-да! Сделайте площадки и... поднять кранами! А-а?..

Елена Павловна буквально ворвалась в прорабскую. Шабаров торопился следом. — Срочно свяжите меня с главным инженером! — потребовала Оскольцева у прораба.

— Это не так просто,— сказал тот.— В кабинете он не сидит. Час назад был у бетонщиков, а где сейчас...

— Ищите, ищите! — командовала Елена Павловна.— Объявите по громкой связи! — Она сама решительно подступила к селектору: — Главному инженеру срочно связаться с прорабом...

— Охотиным,— подсказал прораб.

— ...Охотиным! — прокатился над стройкой властный голос Оскольцевой.

— ...Кранами поднять к стыкам стационарные машины? — переспросил ее по телефону главный инженер.— Вы что?.. Это на сто-сто десять метров высоты! На весу! А охлаждение? А токопровод? Да эти машины и на земле-то установить непросто. Им же жесткий фундамент нужен!

— Все продумано. Фундамент заменим мощными сварными рамами из швеллеров, силовой кабель — гибким, бронированным, трубы охлаждения — шлангами. И стационарные машины станут подвижными! — уверенно и подчеркнуто четко говорит в трубку Елена Павловна.

Голос ее разносится по громкой связи по всей стройке. Его слушают рабочие на перемышке, в котловане, на каркасе.

— Микрофон включен! — шепнул прораб и подтянулся к телефону, но Оскольцева отстранила его руку.

— Нет, это надо обдумать, обсудить,— сомневался главный инженер.— Это что-то невысказанное...

— Да нет у вас никаких мыслимых выходов! Нет! — наступала Елена Павловна.— Только невысказанные и остались! Иначе полетят все ваши сроки. А тут все ваши проблемы как ветром сдует! Сварщик варит четыре стыка в смену, а стыковая машина двадцать стыков в час. И работать на ней сможет сварщик любой квалификации.

Наступила пауза. К ней прислушивалась вся стройка.

— Ладно,— сказал наконец главный,— попробуем. Но сначала на бумаге!

Ночью в номере гостиницы Оскольцева и Шабаров заканчивали подготовку эскизов и чертежей переносной рамы-фундамента для стыковых машин.

— Начертил? — Елена Павловна взяла последний эскиз Андрея и, довольная, похвалила: — Отлично! С чертежами все. А ведь получится! Ну, если получится! На руках нас строители должны носить, Андрейша! На днях к ним замминистра приезжает снимать с них головы за сварку. Сохраним им головы, пусть носят. Ух ты, первый час! — удивилась она, взглянув на часы, и скомандовала: — Спать! — Но тут же вдруг озорно предложила: — А пойдем окунемся в Енисей перед сном, Андрейша?

Восторженно взвизгнув, как расшалившаяся девчонка, Елена Павловна прыгнула в воду с берегового камня.

Андрей долго не решался купаться и топтался у берега, по-юношески угловатый, совсем не Аполлон фигурой. Только беспокойство за Елену Павловну, бесстрашно ринувшуюся в бурную, незнакомую реку, заставило его шагнуть в ледяную воду.

— Ух, водичка! — судорожно выдохнул он и энергично поплыл к ней.

Потом Андрей, посиневший от холода, сидел на берегу, накинув на плечи рубашку, а Елена Павловна в купальнике, при свете огня стройки выдавала ему на плоском камне зажигательный танец.

— Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас! Двигайся, двигайся, черт возьми! Тоже мне мужик!

Она, не одеваясь, долго расчесывала свои роскошные волосы, Андрей украдкой любовался ею. Елена Павловна знала, что ею любят и хотела, чтобы любили.

— Ну, еще разок? — предложила она.

— Н-не, я пас,— замотал головой Андрей.

— Гоняй, гоняй кровь, парень!

Елена Павловна, явно «на зрителя», вошла в воду в другом месте, с каменной гряды, где течение реки было особенно стремительным.

— Ух, хорошо! — блаженствовала она. Неожиданно поток понес ее от берега, закружил.— Ого, потащило!

Голос у Елены Павловны был не на шутку испуганным, она лихорадочно работала руками и ногами, но ее неодолимо затягивало в воронку. Андрей в три

прыжка достиг крайнего камня и, изо всех сил оттолкнувшись от него, нырнул. Мощными бросками он догнал Елену Павловну, уже изрядно хлебнувшую воды, подхватил ее за талию.

— Нырнем до дна и сильно отталкиваемся к берегу! — приказал он. — Ну!

Они набрали воздуха и погрузились в воду. Вынырнули недалеко от берега, в стороне от коварного места. Андрей уже не отпускал Елену Павловну и греб одной рукой.

— Все, Андрюша, спасибо, — смущенно благодарила переволновавшаяся и уставшая Елена Павловна, но тот отпустил ее, только когда вывел на берег. — Вон ты, оказывается, какой... — с удивлением и уважением сказала она, разглядывая Андрея, будто в первый раз видела.

— Какой?

— Надежный, решительный. А не скажешь... И силенка есть — схватил, ребра болят. Синяки теперь будут, — потерла она бока.

— Извините. Одевайтесь, простудитесь.

Елена Павловна положила Андрею руку на плечо:

— Можешь называть меня Лена и на «ты»... когда мы вдвоем...

— Хлебнула?

— Ну надо же попробовать енисейской водички.

Идея Шабарова и Оскольцевой прошла испытания при настороженном внимании нескольких сот зрителей на обоих берегах реки.

Стыковая сварочная машина, смонтированная на прочной металлической раме, покачивалась на крюке подъемного крана. На крюке другого крана висел «паук» с дощатой платформой для сварщика. Оскольцева, Шабаров и руководители стройки подошли к машине.

Кран осторожно поднял тяжелую сварочную машину с тянущимися за ней шлангами и кабелем на высоту седьмого-восьмого этажа. Второй кран чуть оторвал от земли платформу для сварщика.

— Пошел! — заметно волнуясь, тронула Оскольцева за рукав все того же знакомого институтского сварщика.

Но сварщик, испуганно косясь на повисшую высоко вверху сварочную машину и на покачивающуюся у его ног платформу, глухо сказал, заикаясь:

— Я что, циркач?.. Пусть сделают настил какой-нибудь, леса возле стыков...

Елена Павловна на мгновение растерялась, но тут же вся подобралась и, жестко сжав губы,скомандовала:

— Снимай пояс!

Сварщику ничего не оставалось, как снять монтажный пояс. Оскольцева застегнула его на себе, шагнула на платформу и решительно вскинула руку:

— Вира!

Кран медленно поднимал Елену Павловну к сварочной машине. Маленькая удаляющаяся фигура Оскольцевой приковала к себе внимание всех свидетелей этого эксперимента. С восхищением и тревогой следил за Еленой Павловной Шабаров.

Засверкав, полетели вниз искры. Стационарная машина отлично работала и на весу! Елена Павловна закончила сварку массивного арматурного стыка и победно подняла руки.

— Порядок! Майна! — донеслось до собравшихся внизу.

Кран опустил Оскольцеву к подножью будущей плотины, строители встретили ее аплодисментами. Оскольцева, возбужденная, счастливая, отвечала на рукопожатия, ослепительно улыбалась.

Когда всеобщее волнение и радость чуть улеглись, Елена Павловна подошла к сварщику и тихо, почти не разжимая губ, произнесла:

— Ну, спасибо... Вернемся в Москву, катись-ка ты, дружок, из лаборатории куда подальше!

— Но почему?

— Мне такие работнички не нужны.

— Но я же не верхолаз, а тут хоть бы какие-нибудь леса... — оправдывался сварщик, но Оскольцева не слушала его.

— Мы экспериментаторы. Риск входит в наши обязанности, — отрезала она.

Часы над институтской проходной показывали полвосьмого. Шабаров с тубусом в руке шел по совсем еще безлюдной территории института. У двери кабинета Оскольцевой оглянулся, прислушался. В корпусе ни души. Вошел, торопливо достал из тубуса букет цветов. На окне, за шторой, нашел вазу, налил воды, поставил цветы на стол.

Андрей возился с установкой для подводной сварки.

Подошла Елена Павловна, тронула его за локоть:

— Спасибо за цветы, Андрюша.

Андрей смутился. А Елена Павловна, тепло улыбаясь ему, продолжала:

— Ты славный парень. Я очень рада, что ты пришел к нам. — Она еще сжала его локоть и пошла по цеху.

— Лена! — остановил ее негромкий, взволнованный оклик Андрея. — У меня завтра день рождения. Может быть, отметим в кафе?

— Завтра? А что, можно,— помедлив, кивнула Елена Павловна.

Счастливо улыбаясь, Андрей влюбленно смотрел ей вслед. К нему подошел оговоренный увиденным Вадим и простонал:

— Старикашечка, роднуля, уж не врезался ли ты в нее? В сибирской-то дальней сторонке?

Вместо ответа Андрей, не в силах скрыть расправившую его радость, вдруг подхватил Вадима на руки, подбросил. Тот дурашливо, по-девчоночьи взвизгнул, но когда снова оказался на ногах, нешуточно засомневался:

— Дай бог нашему теляти съест ихнего волка...

Надеин прикрепил к стене цеха «Строительную газету» с фотографией Оскольцевой и статьей о ней. Возле газеты собрались сотрудники лаборатории.

— Идет!

— Елена!

В цехе появилась Оскольцева.

— С вас причитается, Елена Павловна,— показал Надеин газету.

— Что это? — подошла Елена Павловна, увидела фотографию и статью.— О-о... — и, довольная, прошла в свой кабинет.

— А что-то о вашем-то участии — ни словечка нет? — не без ехидства заметил Шабаров Абахов.

— Сочтемся славою... — отшутился Андрей.

— Богато живете...

— Я над этой задачкой кумекал еще в институте,— говорил Шабаров Синяковскому, рассматривавшему черновые эскизы,— но до конца разобрался, кажется, только сейчас. Вот, посмотри: установка для вакуумной сварки. Это — перемещающаяся камера, которая и будет создавать вакуум вокруг сварочной машины, а это — вольфрамовый неплавящийся электрод, это — присадочная проволока. Варить на одной и той же установке можно будет практически любой материал: сталь, алюминий, титан. Только присадочку меняй. Понимаешь?

Вадим был взволнован.

— Знаешь, старичок,— не сразу сказал он,— либо я совсем ни бельмеса не петрю в нашем деле, либо это такая штука, которая и Елене не снилась... Обязательно покажи ей.

Оскольцева и Шабаров сидели за столиком в кафе.

— Тебе, Андрюша,— говорила Елена

Павловна,— нужно поскорее избавляться от своих комплексов и энергично и целеустремленно двигаться по своей лестнице до самого верха. У тебя хорошая голова, но скажу по дружбе: ты мягковат и много оглядываешься на всякие «около дела». Все в жизни надо подчинять одному — достижению цели, тогда будет успех. На жизнь надо идти, как летчики в лобовую атаку ходили: либо победа, либо всмятку! И никаких колебаний и сомнений — чем больше ты уверен в победе, тем больше у тебя шансов на нее!

— Интересно, ты всегда была такой уверенной в себе или это пришло потому, что достигла многого? — спросил Андрей.

— Я всегда считала, что могу все. Только выкладываться надо по-настоящему, до упаду. И до конца использовать все, что тебе может помочь добиться своего. Так оно и есть. Вот хочешь пари: через три года я буду директором института. Только между нами.

— Не хочу проигрывать.

— То-то. А ведь ступенька — ой какая! Таких, как Дорошенко, обойти — башку сломаешь. И талант, и работоспособность, и авторитет — кажется, уж больше некуда. Но институт зажать в кулак, заставить всех работать по-настоящему, как на отца родного, не может. Тем и уязвим.

— Редкая ты женщина,— задумчиво сказал Андрей.— Я никак не могу понять: что тобою движет? Тщеславие?

— Я просто ненавижу понятие «упущенные возможности». И остро чувствую свои возможности вообще и в каждый отдельный период. Вот сейчас я доросла до возможности руководить институтом. Чувствую это! Значит, нужно подниматься на этот уровень, чего бы это ни стоило. Тесно мне в лаборатории.

Заиграл оркестр. От соседних столиков поднялись пары танцевать.

— Пойдем? — предложил Андрей.

Гибкая, изящная в каждом своем движении, Елена Павловна танцевала отлично, но как-то без огня, без души. Глаза ее, смотревшие на Андрея в упор, были чужими, холодными, и в самой глубине их таилась грусть. А когда оркестр грянул тот огневой танец, который они с Иваном с таким блеском и упоением танцевали в деревенском клубе, Елена Павловна неожиданно вышла из круга:

— Не хочу...

Они остановились у подъезда Оскольцевой.

— Извини, Андрюша, что не приглашаю к себе,— сказала Елена Павловна, пода-

вая Шабарову руку,— мне хочется побыть одной. Не обижайся.

— Ну что ты,— смущенно улыбнулся Андрей.

Елена Павловна вошла в подъезд.

— Да,— вспомнил Андрей,— Лена, ты не могла бы посмотреть тут одну мою затею?

— С удовольствием.

Шабаров достал из «дипломата» папку.

— Разберись. Пока.

Елена Павловна сняла плащ, привычно задержалась у зеркала. В зеркале она отразилась в совсем еще незнакомом обличье: из резной рамы смотрела усталая, невеселая женщина с первыми, еще едва заметными следами увядания: морщинками у глаз и поползшими вниз уголками губ.

Елена Павловна прошла в комнату, взяла с книжной полки пострадавший портрет Ивана Михайловича, осторожно вынула из-под осколков фотографию, посмотрела на нее долгим грустным взглядом и поставила к вазочке на журнальном столике. Затем включила телевизор, забралась с ногами в свое любимое кресло, рассеянно посмотрела цветную мельтешню на экране и нехотя взяла в руки папку Шабарова. Со все возрастающим интересом она всматривалась в эскизы и расчеты Андрея и, ошеломленная, откинувшись на спинку кресла. Встала, взволнованно прошла по комнате и снова приникла к чертежам. От ее недавней усталости и расслабленности не осталось и следа.

Шабаров вошел в кабинет Оскольцевой.

— Здравствуй. Ты меня вызывала?

Елена Павловна поднялась из-за стола, пошла навстречу Андрею. Она взяла его голову обеими руками и крепко поцеловала в губы.

— Умница! — сказала она с чувством.— Да мы с тобой из этой идеи,— она кивнула на папку Андрея на столе,— открытие мирового уровня отгрохаем! Все сварочное дело с ног на голову перевернем!

Шабаров стоял перед заведующей лабораторией счастливым, взволнованным.

— Значит, так: работаем вместе,— как о решенном продолжала Оскольцева.— Все свои прочие дела в лаборатории бросай, я их передам другим. С сегодняшнего дня занимаешься только этим.

— Ну, молодчага! Ну, шустряк! — Сняковский радостно хлопал по плечу сияюще-

го, как именинник, Шабарова.— Вот тебе и тихоня! Десять лет его знаю, но никогда не думал, что он такой ловкач. На всякий случай начинаю звать по имени-отчеству и «на вы».

— Какой он ловкач? Он «негр»,— тихо и грустно сказал со своего места Басков.

— Что? — не понял Вадим.

— А-то, что никакого изобретения у него больше нет и в помине. У Оскольцевой оно будет, а он-то при чем?

— Да они же соавторы, на равных! — доказывал Сняковский, но Басков только усмехнулся:

— Он и в подводной сварке был с ней соавтором. Его там не меньше, чем ее. А хотя бы упоминает она где-нибудь о его участии? А сварка стыковыми машинами на весу на гидроэлектростанции? Кто-нибудь еще, вот кроме нас с тобой, знает, что это его идея?

И Андрей и Вадим растерянно молчали.

— Да дело-то даже не в этом, не в славе, не в наградах: себя уважать надо, ребята,— как-то устало, но убежденно закончил Басков.— Взятки и брать и давать одинаково гнусно..

... Сняковский торопливо собирал портфель.

— Все, мужики, я попер,— и мечтательно помотал головой: — У меня сегодня такая рандевушечка!.. Чао!

Басков нехотя листал какой-то справочник, а Шабаров сидел неподвижно, смотрел куда-то мимо лежащего перед ним чистого листа бумаги. Мысли его были где-то далеко отсюда..

За стеной прозвенел долгий звонок, возвещавший конец рабочего дня. На часах на стене — пять.

— Всего доброго,— попрощался с Андреем и Басков. Остановился в дверях и как-то по-особенному — с сожалением и сочувствием — посмотрел на Шабарова. Андрей поймал этот взгляд и невольно опустил глаза..

В производственном корпусе лаборатории ни души. Даже уборщица, судя по еще влажным, недавно протертым полам, ушла. Молчаливо глыбились сварочные машины.

Шабаров в глубокой задумчивости сидел за столом один в своей рабочей комнате.

А утром он, стоя перед Оскольцевой в ее кабинете, тихо, но решительно сказал:

— Лена, я буду делать эту работу один.

Елена Павловна в упор заглянула ему в глаза и, как тогда в водовороте на Енисее, увидела в них отблеск металла.

— Ну что ж... — улыбнулась она. — Только мне кажется, что ты тут не все до конца понимаешь, Андрюша. От идеи до авторского свидетельства об изобретении путь долгий. Надо еще все сто раз взвесить, проработать в деталях, просчитать, добиться включения темы в план, сделать опытную установку. Все это куда сложнее, чем тебе кажется. Рогаток на этом пути не счесть. Но предположим: хватило тебя на все эти мытарства, довел ты свое изобретение до конца, получил авторское свидетельство, повесил его на стенку. И что дальше? Думаешь, все кинутся внедрять скорее твой новый способ сварки в промышленности, в строительстве и так далее? Нет, голубчик! Ты знаешь о том, что в стране внедряется лишь двадцать процентов открытий, и в основном тех, которые наименее трудоемки? А этот способ как раз и трудоемок, и дорог. И внедрить его, дать ему жизнь опять же может только человек с большим авторитетом и энергией.

— Такой, как ты?

— Да, дорогой, да, такой, как я. А ты чтобы рядышком при этом был, поучился — тут есть чему учиться. И дело чтобы до ума довел, и ручки-ножки в этой мясорубке за моей спиной сберег. Вот и все, что я хотела.

— Я не умею прятаться за чужую спину, тем более за женскую, и на успех без труда не надеюсь. Все эти рогатки, мытарства, синяки и шишки — тоже наука. Буду постигать.

В словах Шабарова было неодолимое, выношенное упорство и решимость.

— Ну-ну, — снова отчужденно улыбнулась Оскольцева, — желаю успеха, Андрей Алексеевич.

Андрей горько усмехнулся:

— Спасибо, Елена Павловна...

Он пошел к двери. У самой двери обернулся, долгим, грустным взглядом, будто прощаясь, посмотрел на Елену Павловну и вышел из кабинета.

Недобро прищурясь, Оскольцева смотрела ему вслед.

Шабаров и Синяковский медленно шли по дорожке на территории института.

— С тобой не соскучишься, Андрюша, — смеялся Вадим. — У меня уж какой день рот не закрывается от изумления твоими фортелями. Ты хоть понимаешь, что теперь в планы лаборатории она твою работу, конечно, не включит, ни от каких прочих дел тебя не освободит и вообще вместо всяческой поддержки ты будешь иметь всяческие бляки?

Андрей только пренебрежительно хмыкнул.

— До чего же все-таки головастая баба! — восхищено покрутил головой Синяковский. — Никаких тебе резких движений, никаких кровопролитий. Просто оставила тебе единственный — самый долгий и изнурительный — путь через всю, какая только у нас есть, бюрократию и формализм и ждет, когда сломаешься и придешь сдаваться.

— Не приду, — сумрачно сказал Андрей.

— Кстати о птичках, то бишь о любви: прекрасный случай приоткрыть глазки и увидеть, что почем. Если бы ты для нее хоть что-нибудь значил, разве бы она так себя вела?

— Не надо об этом, Вадим...

— Не буду.

Они помолчали.

— Может, к Дорошенко пойти? — предложил Синяковский. — Он мужик не чета Елене.

— С чем? С черновиками? Надо все как следует просчитать, детально вычертить.

— Вечерами да ночами ты будешь колупаться с этим еще полгода.

— Значит, буду.

— Ты вот что, старичок, — обнял Вадим Андрея за плечо, — в соавторы я не лезу и равняться с тобой не собираюсь, но что-то я в этом темном деле тоже смекаю. Используй.

Шабаров благодарно кивнул.

Над ними густая, еще ничуть не тронутая увяданием зелень аллеи. Вдали за деревьями высится административный корпус института.

Та же аллея, но теперь уже с почти голыми деревьями видна из кабинета директора.

— Вы видели вот эту «самодеятельную» разработку Шабарова по вакуумной сварке? — спросил Дорошенко сидящую перед ним Оскольцеву.

— Да, еще в черновиках, месяца три назад.

— И как находите?

— Считаю, что это может быть крупным изобретением, если Шабарова хватит на то, чтобы довести его до конца.

— Ему помочь надо довести дело до конца. Почему все это вот уже три месяца ни с места?

— Не знаю. Меня Шабаров в курсе своих дел не держит.

— Почему тема не в плане лаборатории?

— А потому, уважаемый Сергей Панкратьевич, что в плане и без того двенадцать тем вместо девяти.

— Значит, надо было включить эту тему вместо одной из менее значительных.

— По всем темам плана заключены хоздоговоры с заказчиками, взяты обязательства, произведены значительные затраты. Вы же понимаете, что значит поломать все это. Впрочем,— смиренно улыбнулась Елена Павловна,— вы руководитель, вам и решать. Вот план лаборатории, вычеркивайте любую тему.

Дорошенко долго изучал план лаборатории.

В самой глубине глаз Оскольцевой таилась насмешка.

— Три месяца назад этот план выглядел совсем иначе,— сказал наконец директор института, подняв на заведующую лабораторией тяжелый, пристальный взгляд.— Теперь из него действительно ничего исключить нельзя. Но и не делать эту работу мы тоже не можем. Сами говорите, не рядовое изобретение. Остается одно: включить в план тринадцатую тему. И я вас буду очень просить об этом.

— Не могу, Сергей Панкратьевич,— с почти искренним сожалением развела руками Елена Павловна.— При всем желании никак не могу. Лаборатория перегружена выше всякой меры. А вы же сами учили меня беречь людей, не перегружать...

Директор института посмотрел на Оскольцеву с грустью и едва заметной усмешкой: он знал, что в действительности стоит за ее словами.

...Совсем иначе — участливо и дружелюбно — смотрел Дорошенко на сидящего перед ним Шабарова.

— В план этого года вашу тему включить, к сожалению, нельзя,— говорил он мягко и чуть виновато. И поправился: — Теперь уже нельзя. Но ждать еще год я бы вам очень не советовал.— Директор подошел к Шабарову, дружески тронул его за плечо.— Выход один: внеплановая, сверхурочная работа.

— Я хотел вас просить об этом,— обрадованно кивнул Шабаров.

— Тогда так: все необходимые материалы и приборы для установки получите, я распоряжусь. Работать можете в любое время — вечерами, в выходные. Наверное, нужно подключить вам в помощь кого-то из наших комсомольцев-энтузиастов?

— У меня есть друзья. Помогут.

Дорошенко крепко пожал Андрею руку.

— Ну, успехов. Будут проблемы — приходите.

— Спасибо.

Зимний вечер. На институтской аллее, пролегающей теперь между высокими снежными валами, падали новые и новые белые хлопья.

По одной из дорожек, ведущей к корпусу лаборатории сварки, Люба Граева везла на санках малыша лет трех. На колесиках у мальчика лежал большой целлофановый пакет с яблоками. Они вошли в корпус.

Из-под электрода летели искры. Это орудовал Андрей Шабаров — как заправский сварщик сваривал детали своей экспериментальной установки. Ему помогал — придерживал металлические пластины — Басков. Рядом возился с собранным узлом установки Синяковский. Новая сварочная машина была наполовину готова.

— О, кто к нам идет! — первым заметил Любу с сынишкой Вадим.— Здоров, мужик! Да ты смотри, ты же меня скоро перерастешь! Иди помогай. Вот этот дядька,— он кивнул на Андрея,— и тебе работу найдет, он такой.

— Привет, Виталик,— улыбнулся мальчику Басков.

— Идет дело,— похвалила их Люба.— Что-то уже похожее на машину появляется. А мы гуляли, гляжу на окна — сверкает. Значит, здесь мученики. Дай, думаю, хоть яблочек отнесу, голодные небось, как цуцки.

— Да что ты, Любаша,— смутился Шабаров.— Спасибо.

— Ешьте, ешьте,— развернула Люба пакет,— это свои. У нас же садовый участок.

— Ваша доброта подобна вашей красоте! — пылко воскликнул Вадим.

— Молотилка ты! — засмеялась Люба.

В кабинете у Оскольцевой, с бесконечным почтением глядя на нее, сидел Надеин. Рядом с ним стоял Шабаров.

— Андрей Алексеевич, вам придется съездить в командировку,— говорила заведующая лабораторией.

— Куда?

— В Бережанск, на строительство химического комбината. Поможете строителям освоить наши электрошлаковые установки.

— Но это же тема Владимира Николаевича,— кивнул Андрей на Надеина.

— У Владимира Николаевича большая жена.

— Да, — с готовностью закивал Надеин.

— Вы эти установки тоже знаете,— продолжала Оскольцева,— и вообще серьезный, ответственный специалист, сможете достойно представить институт.

— Но вы же знаете... — умоляюще заговорил Шабаров, но Елена Павловна перебила:

— Знаю. Но ваша главная работа — плановые темы. Зарплату всем нам начислят за них...

...Шабаров, Сняковский и Басков, все трое огорченные, стояли в цехе у верстаков.

— Значит, опять на месяц, если не на полтора, стоп машина, — вздохнул Вадим. — Может, ты все-таки сходишь к Дорошенко?

— Да ну, — отмахнулся Андрей. — Что теперь, так и бегать к нему жаловаться каждый день? Формально-то она имеет право...

Вечер. Сняковский и Басков вдвоем у сварочной установки Шабарова.

— Да не спорь ты, Федорыч! — горячился Вадим, раскидывая на сварочном столе чертеж узла: — Вот, гляди, он чертил: сначала штангу, а уж потом гребенку надо ставить!

За спором они не заметили, как к ним подошел директор института.

— Салют, энтузиасты!

— Здравствуйте.

— Дело, гляжу, хоть не шибко, но к концу движется? А где же главный закоперщик?

— В командировке, — невесело ответил Сняковский.

— Как в командировке? Где?

— В Бережанске. Уже месяц.

— Н-да... — жестко прищурился, протянул директор. — Что же он ко мне не зашел?

— Не любитель он ходить по начальству, — пояснил Вадим.

— Вот теперь по телефону руководит, — добавил Басков и не удержался попыткой: — Разве это работа?

— Ну ладно... — со скрытой яростью сказал Дорошенко. — Показывайте, что натворили.

— Сегодня же отзовите Шабарова из командировки! — ледяным тоном приказал директор института сидевшей перед ним в его кабинете Оскольцевой. — И впредь все его поездки и перемещения по работе согласовывайте со мной.

— Хорошо, — всем своим видом изображая недоумение суровостью начальства, ответила Оскольцева.

Басков нажимал кнопку электропривода на почти полностью собранной сварочной установке Шабарова, и катушка со сварочной проволокой перемещалась по штанге.

— Еще чуть-чуть, — попросил Андрей. — Хорошо, теперь не задевает. Ну что,

остается только поставить каретку — и можно пробовать варить.

— Не, — убежденно покачал головой Басков, — этого не может быть. Вот увидишь, обязательно еще что-нибудь случится.

Шабаров рассмеялся:

— Фаталист ты, Федорыч!

На участке появился Сняковский, необычно взволнованный и расстроенный, со свернутым в трубку журналом в руке.

— Смеетесь? Не к добру. Плакать не пришлось бы. Поглядите, что я вам принес. Только сначала сядьте, а то упадете.

— Ну сел, — смеясь, присел Шабаров на стол сварочной установки.

— Сейчас посмеешься...

Вадим развернул западногерманский технический журнал, нашел нужную страницу, показал:

— Вот. В библиотеке через плечо у какого-то дядьки чертежик в этом журнальчике увидел. Мартовский номер.

— Вакуумная сварка? — схватил Андрей журнал. — Мой чертеж? Нет, вот здесь немножко по-другому...

— А вот переводик, — девчонки для меня постарались... Одна западногерманская машиностроительная фирма сообщает о выдающемся, сенсационном открытии специалистом этой фирмы принципиально нового, вакуумного, «космического», как его называли на Западе, способа сварки металлов. Этот способ сварки, как они пишут, по мнению крупных западных специалистов, произведет переворот во многих областях машиностроения и строительства...

— Как же это? — беспомощно оглянулся Андрей.

— А так, что ты сделал это «сенсационное», «выдающееся» открытие на полгода раньше этого немца и прохлопал его, как последний лопух! — безжалостно пояснил Вадим.

Андрей был потрясен.

Басков был настолько огорошен происшедшим, что даже не сразу нашел в себе силы потерянню и обреченно выговорить свое всегдашнее:

— Я же говорил...

Утром в кабинете Оскольцевой Шабаров протянул ей журнал.

— Что это? — спросила Елена Павловна.

— Посмотрите, там заложено, — сказал Андрей севшим, тусклым голосом. — Вот перевод.

Оскольцева открыла заложенную страницу, и брови ее поползли вверх. Когда она подняла глаза, в них было сплошное сочувствие и сожаление.

— Дурачок! — протянула она с мягким

и ласковым укором, будто мать с неразумным ребенком говорила.— Вот ты сам, собственными руками, все и погубил...

Шабаров глянул в самые глаза Елены Павловны. Она смотрела на него спокойным, невинным и дружелюбным взглядом.

Андрей молча взял чистый лист из стопки, лежавшей перед Оскольцевой, быстро набросал заявление об увольнении, подвинул заведующей лабораторией.

— Не валяй дурака, Андрей,— твердо и спокойно сказала Елена Павловна.— Садись.

— Спасибо, постою.

— Садись! — повторила Оскольцева властно.— Поговорим.— Она протянула Шабарову его заявление об увольнении.— Порви эту бумажку и забудь о своем несостоявшемся изобретении. Пока для тебя подобное открытие все равно, что мертворожденное дитя. Талант, Андрюша, это только часть деловых качеств ученого, причем меньшая часть. А другая, большая часть — это способность реализовать талант. Вот эту большую часть тебе еще предстоит приобрести. А это бывает нередко посложнее, чем делать открытия. И многие, даже очень талантливые люди так и не приобретают эту большую часть ученого и так и пропадают в неизвестности... — Елена Павловна подошла к Андрею, положила ему руку на плечо: — Не гони лошадей. Не опережай себя. Иди со мной, и дай время, все у тебя будет — и открытия, и патенты, и ученые звания, и на мое место сядешь.

— Нет, Елена Павловна,— отстранился Шабаров от руки Оскольцевой,— я уж лучше с теми, которые в неизвестности. Ваша школа не для меня...

— Мальчишка! Что ты знаешь о моей школе?! — выкрикнула Елена Павловна.— Да тебе и не снилось то, что я прошла! Я еще зеленой девчонкой бросилась из деревни в этот город как в омут, совсем одна, без пап и мам! Я водила трамвай в две смены и кончила экстерном — три класса за год. И надо было не просто кончить, а здорово кончить: с тройками в МВТУ не брали... И я сдала восемнадцать экзаменов подряд без троек и еще шесть в институт в том же году, и конкурс прошла, и училась так, что все балбесы и снобы на курсе только рты открывали! Меня называли «танком», «тараном», «феноменом». А я плакала от головной боли! А у меня пальцы сводило от рейсфедера! А я человека искалечила из-за того, что в обморок упала, когда трамвай вела после нескольких бессонных ночей перед очередным экзаменом! Все прошла! Мои подружки

до сих пор трамваи водят, на перекрестках матерятся, а я — кандидат наук, заведующая лабораторией, автор трех десятков открытий!.. Да я к этому и бежала, и шла, и ползла из последних сил! А ты, видишь ли, хочешь ворваться в науку с ходу, с лету, на белом коне, без особых трудов и мук. Нет, миленький, поползай тоже хоть немножко!

— Не думаю, что то, что вы прошли, может оправдать все. Подпишите, пожалуйста,— кивнул Андрей на заявление.

Оскольцева, яростно сверкнув глазами, подписала бумагу.

Шабаров вышел.

Елена Павловна нервно прошлась по кабинету и остановилась у окна.

В кабинет вошел Синяковский с листом бумаги в руке.

— Что тебе? — раздраженно повернулась к нему Оскольцева.

Вадим молча положил на стол заявление об уходе.

— Это так уж обязательно, Вадим?

Синяковский был необыкновенно для него немногословен.

— Да,— ответил он сухо и холодно.

— Я очень прошу тебя остаться.

— Нет.

— Я не подпишу заявление.

— Я не буду больше с вами работать.

По тому, как бесстрастно Вадим проговорил эти слова, Елена Павловна поняла, что уговаривать бесполезно.

— Хорошо,— вдруг легко и почти весело сказала она и подписала заявление.

В это время в кабинет вошел Басков и тоже положил перед Оскольцевой заявление.

— Вы-то куда? — выдохнула она с ненавистью и бесконечным презрением, едва закрылась дверь за Синяковским.

Басков сглотнул обиду и упрямо сжал губы.

Елена Павловна расписалась еще раз!

На столе перед директором института лежали заявления Шабарова, Синяковского и Баскова, подписанные Оскольцевой.

Дорошенко вызвал звонком секретаршу:

— Срочно разыщите и пригласите ко мне вот этих товарищей.

— Хорошо, Сергей Панкратьевич.

Шабаров, Синяковский и Басков сидели перед директором.

— Обида ваша понятна,— сказал Дорошенко.— Но, к сожалению, кроме вашей обиды, за всем этим есть еще некоторые «мелочи»: страна потеряла приоритет над крупным открытием, а значит, и многие

миллионы долларов валюты, и мы теперь будем сами платить за патент...

— Так почему же вы миритесь с этим? Вы же директор! — начал Андрей возбужденно.

— Милый мой! — вскочил из-за стола Дорошенко. — Сядь вот в это кресло хоть на месячишко, поймешь, почему! Вот именно потому, что директор, и мирюсь! И с одной ли только Оскольцевой! Радуемся: «научная революция», «интеллектуальный взрыв», «за пятьдесят лет открыли больше, чем за пятьсот», а с позиций кадровика современная наука — постоянный вакуум, который жадно вытягивает энергичных, талантливых, смелых людей. А ты поищи их, энергичных, талантливых, смелых. Они на дороге не валяются. А когда приходят такие — рады им до смерти, носимся с ними как с писаной торбой. И уж какая там моральная база у них — вроде, дело десятое. А у кого она вот такая хищническая, эта база!.. Сами ее, по существу, растим. И только когда совсем зарвутся, тогда за голову хватаемся: выгонять! увольнять! А что делать? Ведь и впредь таких принимать буду! Вынужден! Только нам-то, тем, кто без этой гнили в душе, за ними смотреть да смотреть надо, за руку хватать, когда нашкуют, мозги им вправлять, а не бежать от них, не увольняться. Мне тоже ой как не хочется работать с таким коллегой, как ваша начальница. Так что теперь, тоже заявление подавать? Так мы не только науку, а все государство карьеристам и дельцам на откуп отдадим. А красавицу вашу отвечать заставим. Не по юридическим законам, так по партийным, по законам истинных ученых! Разбирайте заявления. Не идет нам в такие бирюльки играть. Не от Оскольцевой уходите — от дела. Уметь постоять за свое надо, а не бежать. А будете телятами — нигде себе места не найдете. Оскольцевых много...

Шабаров первый протянул руку за заявлением.

Оскольцева шла по цеху и чутко ловила осуждающие взгляды сотрудников лаборатории. Как они жутко едины сейчас, такие разные люди — инженеры, техники, рабочие...

Она вошла в комнату Граевой.

— Звонили из Макеевки, с металлургического комбината, — деловито и строго сказала Люба. — Составьте для них отчет об испытаниях стали двадцать пять хагээс.

— Это работа Синяковского, — сухо и неприязненно ответила Граева. — Я ему только помогала испытывать образцы.

— Теперь эту тему будете вести вы.

— Я не буду вести эту тему.

— Будете! — жестко прищурилась Елена Павловна.

— Я — техник и выполнять работу инженера не могу и не буду, — решительно заявила Люба.

— Будете! — не выдержала, сорвалась на крик Елена Павловна. — Иначе и работать в лаборатории вы тоже не будете!

— Не надо так, Елена Павловна, не надо...

Эти слова Абахова прозвучали, как предупредительный выстрел. Оскольцева ответила своему заместителю взглядом, полным ярости, и поспешно вышла из комнаты.

— Видно с первого же взгляда —

Мало мозга, много яда... — даже сейчас Люба не смогла удержаться от стишка.

— Нет, Любушка, тут ты кругом не права, — серьезно сказал Абахов, — и мозга больше, чем достаточно, и яд видно совсем не с первого взгляда.

Возле установки для подводной сварки суежилась съемочная группа.

— Сюда эти приборчики! — командовал осветителями голосистый шустрый режиссер. — Лева, сними пару общих планов цеха, — сказал он оператору. — Нашли, где подключиться? — спросил рабочего с мотком кабеля на плече.

Рядом с режиссером — Оскольцева.

— Елена Павловна, — обратился он к ней, — значит, снимаем неудачный опыт. Вы руководите экспериментом. Нам нужно три-четыре исполнителя — инженеры, техники.

— Алексей Васильевич! Володя! — позвала Елена Павловна.

— Я не имею к этой работе никакого отношения, — холодно сказал инженер. — Пусть кто занимался этой работой, тот и снимается...

— Я не люблю сниматься, — дерзко глядя в глаза разъяренной заведующей лабораторией, ответил рабочий.

— Не хочу я сниматься! — наотрез отказалась женщина-техник.

— Не буду, и все! — сказал и немолодой сварщик в робе.

— Я не желаю быть ни для кого фоном, — решительно отчеканил режиссеру Абахов.

Елена Павловна металась по цеху, взбешенная и ошеломленная происходящим.

— Я в последний раз говорю: идите к машине! — кричала она набычившемуся в молчаливом противодействии рабочему. — Эти съемки нужны не мне, и если они будут сорваны, я позабочусь о том, чтобы вы почувствовали всю меру ответственности за это!..

Подошла Люба Граева:

— Вас срочно вызывает директор.

Оскольцева вся подобралась.

Она вошла в свой кабинет, плотно закрыла дверь и бессильно опустилась в кресло. Но уже в следующую минуту усталости и бессилия как не бывало. Елена Павловна нашла в записной книжке телефон, набрала номер.

— Соедините меня, пожалуйста, с Геннадием Семеновичем. Оскольцева.

— Очень рад вас слышать, Елена Павловна, — послышалось в трубке.

— Мне тоже очень приятно вас слышать, Геннадий Семенович! — весело и чуть кокетливо сказала Оскольцева. — Геннадий Семенович, вы по-прежнему хотите, чтобы я перешла к вам работать?

— Непостоянством не страдаю, Елена Павловна.

— В таком случае я, пожалуй, решусь воспользоваться вашим предложением.

— Прекрасно. Приезжайте завтра часам к одиннадцати, и мы все оговорим.

«Директору института тов. Дорошенко С. П. от заведующей лабораторией сварки Оскольцевой Е. П. Заявление». — размашисто написала Елена Павловна на листе бумаги. — «Прошу уволить меня по собственному желанию в связи с моим переходом непосредственно в сферу производства, где я, имея значительный практический опыт и знания, смогу принести большую пользу. Е. Оскольцева».

Она положила заявление в конверт и заклеила его.

Конверт Оскольцева отдала Надеину:

— Передайте это, пожалуйста, директору института. Скажите ему, что я прошу меня извинить, но сама зайти к нему, к сожалению, не могу — очень занята...

...И, как в начале нашей истории, только теперь в роскошной шубке, Елена Павловна шла по цеху. Но не было сейчас в ее походке легкости и уверенности.

Все силы Оскольцевой были направлены на одно: не выглядеть жалкой, развенчанной, раздавленной. Она по-прежнему гордо держала голову, на губах у нее играла прежняя, чуть пренебрежительная полуулыбка...

Елена Павловна мчалась на «волге» по загородному шоссе.

Затрещал милицейский свисток, но Оскольцева не слышала или не хотела слышать его.

Мотоцикл ГАИ обошел «волгу», развернулся и встал поперек шоссе.

Елена Павловна с досадой затормозила.

— Ваши права! — подошел к машине суровый капитан милиции.

Оскольцева вышла из машины улыбающаяся, очаровательная, в распахнутой шубке.

— Капитан, капитан, вы любите когда-нибудь? — прочувствованно спросила она, подавая права.

— Не вижу связи между вашими гонками и любовью, — все еще был строг капитан.

— Связь самая прямая: я очень спешу... Мы не виделись много-много дней...

Такое объяснение офицер слышал впервые.

— Этак ведь можно и не доехать туда, куда спешите, — смягчившись, он вернул Елене Павловне права.

— Доеду, капитан, обещаю вам!

Оскольцева села в машину, и «волга» тронулась.

Капитан смотрел вслед удаляющейся машине, и на лице его неожиданно появилось теплое и мечтательное выражение.

А Елена Павловна, едва отвернувшись от офицера, резко сдержала с лица фальшивую улыбку и снова стала набирать предельную скорость. Она мчалась по шоссе, как гонщик, низко склонившись над рулем, а на глазах у нее блестели злые, бессильные слезы...

ОЛЕГ ЛИДЖИЕВИЧ МАНДЖИЕВ (родился в 1949 году) окончил Литературный институт им. М. Горького, а затем — Высшие курсы режиссеров и сценаристов при Госкино СССР. Прозаик, поэт, автор восьми книг. Член Союза писателей СССР. По сценариям О. Манджиева поставлен ряд короткометражных художественных фильмов, в том числе: «Вера и Зойка», «Разбитое зеркало».

Литературный сценарий О. Манджиева «Сакман» удостоен премии на Всесоюзном конкурсе сценариев, проводившемся Госкино СССР и Союзом кинематографистов СССР под девизом «Герои жизни — герои экрана». Фильм по этому сценарию снимается на киностудии «Мосфильм», режиссер Леонид Ясеницкий.

ОЛЕГ МАНДЖИЕВ

САКМАН

В эти короткие минуты, когда апрельское солнце еще не показалось из-за края калмыцкой степи, а город Элиста уже залит предрассветным, режущим глаза матовым светом, тишина царит над землей.

Молчит город, молчит двор, молчат пятиэтажные дома. Поэтому так ясно слышится с верхнего балкона тихое бормотание и мелодичный звон токугов — серебряных подвесок на чехлах для кос. Это бабка Сангаджиха, сидя на белой овчине, приветствует солнце:

— Слава Солнцу — великому зеркалу мира! — она склоняется в ритуальном поклоне, и токуги звенят. — Все проявления жизни рождаются в тебе! Даруй нам, Солнце, твои божественные силы на благо всего живущего!

И тогда, медленно набухая, из-за края степи показывается солнце. Багровым отсветом вспыхивают окна верхних этажей. На бронзовых скулах Сангаджихи играют солнечные блики.

— Мир, счастье всем! — она замирает, протянув руки к солнцу. — Ихт яранге хум! Ом мани падме хум! Да будет так!

И снова тишина воцаряется над городом. Но Наран знает, что эта тишина обманчива. Чирикнул, проснувшись на дереве, воробей. Ему звонко откликнулся другой. Не открывая глаз, Наран поспешно натянул на голову одеяло.

В доме напротив с балкона робко заблеял баран. Из распахнутого окна затрезвонил будильник, где-то уже жужжала электробритва, а сосед внизу включил радио на полную громкость.

«...пора сакмана! Пора окота овец! В это напряженное для чабанов время на помощь животноводам, как всегда, придет молодежь республики! Полтора месяца будет длиться сакман...»

Наран тяжело вздыхает и поднимается. Все звуки сливаются в сплошной монотонный гул.

И над всей этой суетой на балконе пятого этажа бабка Сангаджиха прядет из бараньей шерсти нить. Жужжит веретено, тянется, скручиваясь туго, шерсть. Натруженные краснокаменные руки двигаются неспешно, привычно. Золотится шерсть в лучах солнца, и из солнечного кружева вытекает нить, древняя и вечная...

Хмурый Наран закинул вещи в спортивную сумку.

«...сотни студентов выстроились на площади перед университетом. Шум, смех, песни под гитару. Вы слышите их веселые голоса? Неунывающее племя студентов. Они отправляются помочь овцеводам республики», — частил корреспондент по радио.

Наран подскочил к приемнику, резко выкрутил звук и еще злее стал набивать сумку. В комнату вошла мать.

— Вот как нормальных-то на сакман провозжают, — кивнула она на радио.

Наран сделал вид, что не слышит. Выждав паузу, мать продолжила:

— А таких, как ты, от которых завод избавляется, так тех по-человечески не провозят!

Наран засопел.

— Вот Кермен! Ведь моложе тебя, а уже и комсорг цеха, и передовик, и все к ней с уважением. Все...

— Да ей директор направление обещал! В университет! Вот и корячится! — взорвался Наран. — Начальству — тютю-тютю, а на остальных — гав-гав-гав!

— Какой ты... — покачала головой мать. — Ведь не среди волков живешь.

Машина мчала по степи. Дорога петляла, с каждым поворотом меняя цвет. Красный песок. Желтый песок. Белая ракушечная пыль. Лысая и твердая, как чугун, сухая земля. Мелькают редкие кустики. Трава сливается в сплошной желто-коричневый ковер.

Наран вытащил из сумки кубик Рубика. Повертел. Бросил. Снова полез в сумку. Машину качнуло на повороте. Наран едва успел схватиться за борта. Отпихнул ногой прыгающее ведро. Скрипнули тормоза, резко, визгливо. Нарана швырнуло в сторону, и он ударился спиной о кабину.

Клацнула дверь кабины, и появилось улыбающееся лицо водителя. Наран сердито глянул на него.

— Видал? — возбужденно крикнул шофер, показывая в небо.

Над машиной, над дорогой, над степью, распластав крылья в невидимых потоках воздуха, парил орел.

— Крас-савец! Царь! — восхищался водитель. — Гляди, по ходу солнца идет! Круги удачи. Прими такая.

В бездонной голубизне неба солнце золотило оперение орла, создавая сверкающий нимб. Водитель помолчал, подмигнул Нарану:

— Вот так-то! Знай наших! Давай в кабину, студент, простудишься!

— Я рабочий.

— А чего кислый? Ты ж авангард! Звать-то как?

— Наран Лиджиевич, — важно ответил Наран.

— Лиджиевич... — хмыкнул водитель. — Отчество, парень, еще заработать надо.

Перегоняя машину, вдоль дороги мчались сайгаки. Светло-рыжие, с темной полосой вдоль спины, с белой мощной грудью, бодая лирами рогов свистящий ветер, они легко обогнали машину и стремительно удалялись к горизонту.

— Ровесники мамонтов! — с восхищением сказал шофер.

— Эх, ружья нет! — пожалел Наран. — Сейчас бы в рог им, а? — Но почувствовав недоброжелательность во взгляде водителя, добавил как бы оправдываясь: — Сам же лезут.

Стрелка спидометра прыгала на шестидесяти. Сайгаки желтыми призраками пересекали дорогу, скрылись в низине. Шофер молча крутил баранку, искоса поглядывая на Нарана.

— Они же от волков... чтоб не окружили, — наконец с обидой за сайгаков пояснил шофер.

— Мы же не волки, — пожал плечами Наран.

Водитель не ответил.

На чабанской точке не было ни души. Летняя кухня, дом, кошара, загон выглядели заброшенными. Темные окна, открытые настежь двери. Пусто.

Близился вечер. На небе проклюнулась белая лдыстая луна. Солнце подошло к горизонту, ядовитая желтизна заката густо разлилась по фиолетовой, мертвой траве, багрово искрились солонцовые проплешины. Черными тенями падали вниз и резко взвивались вверх летучие мыши.

— Э-э, — робко позвал Наран, подождал, прокашлялся, крикнул: — Эй, люди!

Тишина. Он нерешительно вошел в темный дом. Сочно хрустнула половица.

— Есть кто?

Прислушался. Пошарил по стене. Шелкнул выключателем. Лампочка без абажура вспыхнула, озарив комнату. Стол под клеенкой, железные койки, табуретки. На окнах — занавески из старых простыней. На стене — часы-ходики. Вместо гири висела шестеренка. Стрелки застыли на двенадцати. Наран подтянул цепь, толкнул маятник, но часы не пошли. Наран подошел к другой стене. Репродукция из «Огонька» — Иван-царевич с царевной на спине бегущего волка. Пожелтевшие районные «молнии». Показатели соцсоревнования. Множество фотографий. Выцветших — времен войны, послевоенных — с целующимися голубками, с виньетками в виде сердца. Похороны, свадьбы,

слеты передовиков и простые, житейские, выхваченные из будней. Долго разглядывал одну с подписью: «О-в Сахалин, 1954 г.» Мужчина и паренек лет пятнадцати опирались на лопаты, смеялись. Фуфайки, сапоги. Ушанки сдвинуты на затылок.

Наран погасил свет, тихо вышел.

С другой стороны дома обнаружил еще дверь. Здесь вдоль стены стояли деревянные нары. Комнату разделяла шелястая перегородка из неструганных досок. Наран бросил ватник, сел, вздохнул.

Разбудил его натужный скрип медленно отворяемой двери. Наран приподнялся на локте. В проеме виднелся прямоугольник неба, усеянный звездной росой. Черное бесформенное существо, прерывисто дыша, вкатывалось в комнату.

— Кто здесь?— сдавленно спросил Наран, прижимаясь к стене.

Стукот темноты замер.

— Кто?— закричал Наран, услышав булькающий длинный хрип.

С улицы раздался шорох, дверь еще раз скрипнула, и в комнату проник желтый свет керосинового фонаря, освещающая грудь и ноги вошедшего. Человек поднял фонарь над головой, и теперь Наран смог разглядеть лицо старика и огромную овчарку, застывшую в углу комнаты.

— Менде кевюн,— поздоровался чабан.

— Здравсте,— буркнул Наран.

— Кена кевюн?— поинтересовался старик.

— Что?

Чабан разочарованно зацокал языком, покачал головой. Овчарка поднялась, тихо зарычала.

— Не кусается,— сказал чабан, заметив, как Наран отодвинулся от собаки.— По-калмыцки совсем не говоришь?

Наран пожал плечами. Старик тяжело вздохнул.

— Спи, сакманщик.

Он накрыл Нарана старым тулупом и вышел, унося лампу. За чабаном бесшумно вошла собака. Комната погрузилась в полумрак. Дверь осталась открытой, и Наран снова увидел, как в черной бесконечности неба перемигиваются апрельские звезды и тяжелая луна низко катится над землей.

Яркий утренний свет бил в открытую дверь, из-за которой выглядывала голова старай фетровой шляпе.

— В жидком серебре — бесконечность и безначальность. Отгадай, что это?— спросил детский голос.

— Тебя как звать?— спросил Наран.

— Джамуха. Ну, отгадай.

— Ну-у...— Наран почесал за ухом, уставился в потолок.

Джамуха ждал. Глазенки его хитро поблескивали. Наран развел руками. Довольный Джамуха засмеялся, вошел в комнату. Он был в длинном, не по росту, свитере, перетянтом армейским ремнем, в кирзовых сапогах.

— Это Луна. Луна это. А к нам еще сакманщики приехали.

— Где они?

— Там,— махнул рукой Джамуха.— Рукобойник делаю. Ру-гаются! Ты выпался? Амуланга сказала, тебя не будить.

Наран торопливо одевался.

— Амуланга — это кто?

— Сестра моя. А вот отгадай еще...

— А где пистолет?— перебил его Наран, делая вид, что шарит по карманам. Заглянул под кровать.— Не видел?

Джамуха вытаращил глаза. Улыбка исчезла, он энергично замотал головой.

— Найдешь — отдашь!— сказал Наран с напускной строгостью.

— Ага,— сглотнул воздух Джамуха, выходя за Нараном и пытаясь идти с ним в ногу.— А у нас... А у нас ружье есть и... машина!

— Да ну?— изумился Наран.

— Правда-правда. Дедушке дали. Премия.— Джамуха схватил Нарана за руку, потянул в сарай.— Вот!— с гордостью выдохнул он.

Наран провел пальцем по капоту «москвича».

— Сломалась,— огорченно сказал Джамуха.

Наран молча поднял капот, почесал затылок:

— Вы случайно гвозди микроскопом не забиваете?

— Не,— мотнул головой Джамуха.— Мы молотком.

Из-за дома доносилась песня:

Осторожный косматый туман

Притаился, как зверь, за курганом...

— Это Бадма,— сообщил Джамуха, прислушиваясь к песне.

— Трудиться ты не любишь!— раздался сердитый девичий голос.

— А это Кермен,— пояснил Джамуха и махнул рукой:— Сакманщики!

— Не люблю!— с вызовом ответил Бадма.

— Жизнь отыграется! Ох, как отыграется! Не любишь ты жизнь!— предостерегала Кермен.

— Чего ее любить, если она собачья?— ответил Бадма и брякнул по струнам гитары:

Я уеду от вас на сакман,

Чтоб остаться навеки болваном!

— А больше никто не приехал?— спросил Наран Джамуху.

Джамуха затотал головой.

— Я-ясно,— протянул Наран, закрывая капот машины.— Ну, пошли. Поздороваемся с комсоргом.

— А-а,— отмахнулся Джамуха.— Верблюжонка надо поить.

Джамуха побежал к загону. Наран проводил его взглядом и направился к сакманщикам.

— Хо! Какие люди!— заорал Бадма, увидев Нарана, и забренчал туш:— Та-а, та, та, та-ра-ра... А где остальные?

— Вот именно. Где?— спросил Наран.

— Ты что, один?— удивился Бадма и обернулся к Кермен:— Эй, комсорг! Ты куда остальных дела?

— Подъедут,— ответила она.

— Накололи!— ахнул возмущенный Бадма.— Чо деется, а? Мы уродуйся тут, а они...

— На готовенькое,— подсказал Наран.

— Ты давай работай!— крикнула Кермен Бадме.— Переработал уже!

— Чо орешь, чо орешь?— огрызнулся Бадма.— Видал? Ну, Лихоманка! Мы тебе тут работаем! Захлебнешься! Во накололи, а?

Подошел чабан. Ребята замолчали.

— Мы уже начали,— сказала чабану Кермен. Он кивнул, посмотрел на небо:

— У солнца начальников нет, а встает точно. Люди так не умеют.

Ребята переглянулись.

— Чего это он?— спросил шепотом Бадма, когда чабан ушел.

— Работать надо, вот чего,— сердито пояснила Кермен.

Вытянув шею, верблюжонок пил из ведра. Джамуха стоял на четвереньках и тоже пытался засунуть в ведро голову. Верблюжонок отфыркивался. Джамуха смеялся и тоже фыркал, отталкивая головой верблюжонка. Ведро опрокинулось, остатки воды пролились на землю.

— Сейчас еще принесу,— сказал Джамуха верблюжонку и схватил пустое ведро.

Наран и Бадма подошли к отесанному столбу, прислоненному к стене дома, взвалили на плечи, понесли. Дорогу им преградила Кермен.

— Я же сказала, не трогать!— топнула она ногой.— Вон там возьмите!— она показала на бревна, лежащие метрах в десяти.

— Сейчас грохну — в землю уйдешь!— пригрозил Наран, приподнимая с плеча бревно.

— Я тебе грохну! Я тебе так грохну!— Кермен сделала решительный шаг к ребятам.

— Усни, метелка,— сказал Бадма.— Иди, займись делом.

Но Кермен не уходила с дороги. Ребята сбросили бревно на землю. Стояли, смотрели на нее, гневно раздувая ноздри.

— Не связывайся,— сказал Бадма Нарану и, взяв лопату, начал копать яму.

Наран несколько секунд поартачился, но тоже принялась копать. Лениво, нехотя. Грозно уперев руки в бока, над ними стояла Кермен, следила за их работой.

— Ну чего пасешь? Гроби отсюда,— разозлился Наран.

Встретившись с Нараном взглядом, Бадма заговорщически подмигнул. Кермен фыркнула, дернула плечом, пошла в кухню.

Высунув кончик языка, Джамуха нес наполненное до краев ведро.

— Эй, Джамуха! Дай напиток!— крикнул Наран, выпрыгивая из ямы. Сделал несколько глотков.— Ну как? Пистолет нашел?

Джамуха мотнул головой. Наран тяжело вздохнул.

— Мне без него... ну никак нельзя.— Наран снизил голос до шепота, оглянулся по сторонам.— За мной банда охотится. Только ни-ни! Понял? Тайна.

Наран спрыгнул в яму, снова взялся за лопату. Джамуха понес ведро, оглядываясь на Нарана.

Дверь летней кухни открыта. Кермен одной рукой помешивала поварешкой в котле, в другой держала открытый учебник. На плите паровали кастрюли, шипели сковородки. Кермен утерла фартуком пот, выглянула во двор.

Наран и Бадма пилили на козлах бревно. Яма была уже выкопана.

Верблюжонок бежал по загону, смешно подбрасывая ноги, вытягивал шею, выскивая спрятавшегося Джамуху.

— Ку-ку,— выглядывал Джамуха и бежал на новое место.

Им обоим было весело.

Солнце уже стояло высоко.

Выпачканные в земле и опилках, усталые, привалившись к стене дома, сидели Наран и Бадма. Равнодушно окинули взглядом подошедшего Джамуху. Малыш остановился перед Нараном, многозначительно подмигнул, пошел за угол дома, оглядываясь на Нарана.

— Чего тебе, заусенец?— спросил Бадма, но Джамуха не ответил и даже не посмотрел в его сторону.

Наран поднялся. Джамуха вошел в дом, залез под кровать и с трудом вытащил какой-то тяжелый предмет, завернутый в тряпку.

— Вот,— выдохнул он, разворачивая тряпку.— Заряжено.

Наран восхищенно разглядывал ружье.

— А дед не заругается?

— Не,— замотал головой Джамуха и для убедительности добавил: — Тебе же для дела.

— Это конечно,— поспешно согласился Наран, надевая патронташ.— Но ведь каждому не объяснишь. Тайна. Сам понимаешь...

— Ты гость,— сказал Джамуха.— В степи без ружья нельзя. Я сам стреляю. Я ведь мужчина!— Джамуха с гордостью стукнул кулачком в свою выпяченную грудь.

Во дворе на Бадму насадела Кермен:

— Выкапывай, я сказала!

— А чо я, чо я? Должен? Где он кривой? Дерево такое!

Из дома вышли Наран и Джамуха.

— Она нас в гроб вгонит,— пожаловался Бадма Нарану.

Сильно заваливаясь на бок, колем вверх, торчал вкопанный столб. На самой макушке скворечником болтался рукомойник. Столб был уже истыкан гвоздями, на которых щевелились под ветром мочалки и полотенца. В выпиленных нишах лежали мыльницы и зубная паста.

— А ты чего вырядился?— Кермен смерила взглядом Нарана.— Выкапывай!

— А где остальные?— спросил Наран.

— Приедут.

— Вот и выкопают.

— Точно,— обрадовался Бадма.— А то на готовенькое...

— Ты как умываться будешь?— перебила егр Кермен.

Бадма поглядел на рукомойник, оглянулся, поискал глазами.

— А вот,— обрадованно кивнул он на подставную лестницу, лежащую у стены.

— Видал, Джамуха, что с людьми власть делает?— Наран кивнул на комсорга.— Не вздумай на ней жениться!— строго предупредил он.

Джамуха не повернул головы. Сидя на корточках, разглядывал отпиленный кусок столба, щупал дерево.

— Да сам-то ты кому нужен?— огрызнулась Кермен.

— Родине!— пояснил Наран.

— Этот столб для балки. Деда сам его

выбирал. На станцию ездил,— сказал Джамуха.

— Да они все одинаковые,— утешил его Наран.

— Не,— покачал головой Джамуха и показал на выдавленные цифры.— Этот столб — лунный!

— Какой еще лунный?— не понял Бадма.

— Ты что, не знаешь?— удивился Джамуха.— В полную луну спилен. Лунный. Не гниет, не рассыхается. Деда его берег... Попаде-ет вам...

— Откуда мы знали?— растерялся Бадма.

— А я говорила! Предупреждала,— напомнила Кермен.

Бадма отмахнулся. Джамуха потянул носом воздух, встал, оглядываясь. Кермен ахнула, бросилась в кухню. Джамуха повертел еще головой, открыл рот, прислушиваясь.

— Амуланга едет. За водой!— крикнул он, срываясь с места. Остановился, повернулся к сакманщикам:— А деда придет, вот вам да-аст!

Наран удивленно смотрел вслед скрывшемуся Джамухе.

— Как он услышал?— Наран покачал головой.— Ну и слух!

Только сейчас ребята различили шелест и пошелкивание сухих, ломких травинок под колесами телеги. Амуланга остановила лошадь у дверей летней кухни, поздоровалась и, несмотря на видимую хрупкость, легко подняла большой молочный бидон.

— Пойдем выкопаем, что ли?— тоскливо спросил Бадма.

Вместо ответа Наран подскочил к Амуланге, взял бидон, понес к телеге.

— Я за водой,— пояснил он, закидывая бидон на телегу.— Видишь? Помочь надо. Ты уж сам...

— Может, поменяемся?— без особой надежды спросил Бадма, но Наран словно и не расслышал.

Он деловито уложил на сене бидон, поправил закинутое за спину ружье. Глядя на него, Амуланга пыталась погасить улыбку. Рядом с Бадмой неслышно возник Джамуха.

— Скоро деда придет,— улыбаясь сообщил он.— Надо загон идти открывать.

— А сколько времени?— спросил Бадма.

Джамуха посмотрел на свою тень.

— Два часа скоро. Видишь?

Амуланга и Наран сели на телегу, поехали.

— Я пошел,— сказал Джамуха.— А то мне тоже попадет.

Бадма не ответил. Он с интересом разглядывал свою тень. Послышался отдаленный собачий лай, бляенье овец. Отойдя на безопасное расстояние, Джамуха снова обернулся к Бадме:

— Ну, деда вам сейчас да-аст!— И побегал.

Телега медленно катилась по пыльной дороге.

Вокруг Нарана все стрекотало и пело. Тонкие и прозрачные паутины сети ловили в траве солнечные лучи, из-под колес веером рассыпались пестрокрылые кузнечики. Стоя на задних лапках, посвистывали суслики, блестя черными любопытными глазками. Вдали вспархивали и ныряли в траву птицы. Медленно плыло море, и далекий горизонт дрожал, ломался, горбился.

Залаяла овчарка, догоняя телегу. Амуланга обернулась.

— Балтык! На место!— крикнула она.— Иди работать, лентяй!

Собака остановилась, не смея нарушить приказ. Тоскливым взглядом провожала телегу.

— Ну и здоровая!— сказал Наран.— Жуть!

— Старая уже. Нюх потеряла. Новую надо.

— А чего не возьмете? Могу достать. Надо мной генерал живет. У них овчарка — во!— Наран поднял над головой руку.— Породистая. Вся в медалях. Полгода молчит уже. Умная.

— Почему молчит?

— Спецдрессировка. Щенка предлагали, но я собак не люблю. Хочешь? Я с генералом запросто. Соседи.

— Джамуха не захочет. Они с Балтыком друзья.

— Тогда конечно,— быстро согласился Наран.— Друзей не предают.

Кермен сидела в летней кухне. Закрыв глаза, шевелила губами, отмечая каждую фразу из учебника взмахом поварешки.

— А Наран уехал,— сообщил Джамуха, входя в кухню.

Поварешка замерла. Кермен открыла глаза, уставилась на Джамуху, осознавая, что он сказал.

— Как уехал? Куда?— вскочила Кермен.

— А во-он,— показал Джамуха на едва видневшуюся телегу.

Кермен выбежала во двор, закричала:

— Стой! Вернись! Наран!

— Не,— решительно сказал Джамуха, подходя к комсоргу.— Не вернется. Он засекреченный.

— Что-о?

Джамуха смерил непонятливую Кермен презрительным взглядом и не удостоил ответа.

— Пуговицу пришей,— Кермен ткнула пальцем в рубашку Джамухи.

Пуговица болталась на одной нитке. Джамуха отмахнулся.

— Амуланга пришьет.

— А сам? Не можешь?

— Я мужчина!— с гордостью заявил Джамуха и показал на кошару:— А Бадма на крыше. Загорает.

Кермен быстрыми шагами направилась к кошаре.

— Сакманщики,— хмыкнул Джамуха ей вслед.

Амуланга остановила лошадь у древних каменных идолов, прошла к роднику, взяла лежащее у воды кожаное ведро.

Наран с удивлением разглядывал идолов, стерегущих родник с четырех сторон. Пустые глазницы, открытые рты — мрачное зрелище, отпугивающее. Наран стянул с головы воображаемую шляпу, склонил голову.

— За что вас так, ребята? А? Чего молчите?

— Они не молчат,— сказала Амуланга.

— Зубы скалим?— Наран присел перед идиолом, постучал по голове.— Над кем смеемся, ребята? Посмотрели б на себя — всплакнули. Жалко, глаз у вас нет...

— У них глаза внутрь обращены.

— Как это?

— В душу смотрят,— пояснила Амуланга.— Себя постигают.

— Давно?

— Лет сто, а может, тысячу...

— Ишь ты, как живые,— хмыкнул Наран.— Постига-ают...

— А ты послушай,— Амуланга кивнула на идолов.

— Да что я, опух?— усмехнулся Наран.

— Ты не смейся, прислонись ухом. И не дыши.

Несколько мгновений было тихо. Потом Наран услышал какой-то строгий гул, словно гудели далекие телеграфные столбы. И наконец различил едва слышимый шелест, идущий от губ идолов: с-с-сш-ш-шш-у-у-у-у-мм-мм...

Лицо Нарана вытянулось. Он отошел на шаг, замер, удивленно уставившись на каменное изваяние.

— В степи все живое,— сказала Амуланга, переливая воду в бидон. Наран почесал затылок.

— В музей бы их... по полсотни дали бы, а?— Он подошел к лошади, взял вожжи, потянул к роднику:— Н-нно-оо!

Лошадь переступала ногами, не шла. Наран дернул сильнее. Амуланга бросилась к нему, загородила дорогу.

— Нельзя! На телеге нельзя!

— Да ближе носить будет.

— Родник священный.

Наткнувшись на твердый взгляд Амуланги, Наран постоял, бросил вожжи.

— Ну, как знаешь.— Он обиженно забрался на телегу.

Конь фыркал, пятился, взбрыкивал. Сидя на коне, Джамуха боязливо обнимал его за шею.

— Деда, дай седло. Упаду.

Чабан похлопал коня по крупу, погладил, успокаивая.

— Думать: «упаду» — упадешь! Думать: «укрошу» — укротишь!

Увидев идущую к ним Кермен, Джамуха выпрямился и даже отпустил было руку, но тут же снова вцепился в гриву коня.

— Конь умный. Кто боится, конь таких не любит,— наставлял внука чабан.— Крепко держись!

И вдруг, резко и пронзительно крикнув, ударил тяжелой пятерней коня по крупу. Конь дал свечу, понес визжащего от страха Джамуху в степь. Кермен ахнула, выронила учебник, закрывая лицо руками.

— Вы что? Убьется! Ему же всего семь лет!

— Семь лет?— удивился чабан и зацокал, качая головой.— Какой большой, однако...

Кермен хотела что-то сказать, но слов не нашла. На крики из дома выскочил Бадма.

— Что тут случилось?

Кермен только передернула плечами, словно от холода, съезжилась, пошла. Старик смотрел ей вслед долгим внимательным взглядом.

— Что вы ее пугаете?— заступился за нее Бадма.— Она же комсорг, шутки не понимает.— Догнал Кермен:— Не бери в голову. Они все тут малость... с лунным календарем. Смываться надо... В город!

— Я тебе смоюсь! Я тебе так смоюсь!— гневно сверкнула глазами Кермен. Бадма растерялся.

— Обурела? А ну вас всех!— Он махнул рукой и направился в другую сторону.

¹⁵¹¹¹⁵¹¹ Солнце огромным приплюснутым диском стояло над красно-коричневой степью. Маленькой букашкой ползла телега по бесконечной степи. Поскрипывали колеса. Амуланга, казалось, уснула, разморенная солнцем. Лошадь лениво плелась. Наран разглядывал ползущего по ладони жука, такого же маленького, как телега в бескрайней степи. Наконец Нарану надоело, и он щелчком сбил жука с ладони. Увидел небольшую балку, покосился на Амулангу и тихо сполз с телеги.

Спрятавшись на дне балки, завыл по-волчьи. Амуланга усмехнулась. Наран завыл еще раз, громче. Неподалеку от него

высунулась из норы любопытная мордочка и сразу скрылась.

— Ух ты-ы,— обрадовался Наран. Бросился к норе, склонился, закрывая своей тенью вход, глубоко засунул руку:— Кыс-кыс... Ч-черт, кус-сается...

...Амуланга через плечо видела, как Наран вприпрыжку догоняет телегу. В руках он держал что-то, завернутое в куртку. На ходу он подсел в телегу.

Лошадь вдруг испуганно дернулась, всхрапнула, рванулась, кося белым бешеным глазом, заржала натужно и жалобно.

— Тпру-у,— Амуланга натянула повод и оглянулась. Лицо ее исказилось.— А-а-аа!— закричала она с нарастающим ужасом.

— Ты что? Рехнулась?— взвился Наран, едва не вывалившись из телеги.

— Ях! Чонос!— выдохнула Амуланга и огрела лошадь вожжами.— Волки!

Наран ахнул, судорожно схватился за край телеги. Глаза его расширились, из горла вырывались отрывистые, разрубаемые тряской звуки.

Рассекая траву огромными прыжками, наперез им несся волк. Не отрывая взгляда от зверя, Наран нашарил куртку, швырнул визжащий комок на дорогу.

Амуланга хлестнула лошадь. Оглянулась еще раз. Волк догонял.

Наран уперся ногами в бидон, изо всех сил пытаясь сбросить его с телеги. Бидон упал. Плеснула вода.

А волк уже заходил справа, и отчетливо видна была его лобастая голова, которой он мотал вверх-вниз, помогая себе при каждом прыжке.

— Уходи! Уходи! Нельзя!— и еще что-то, уже по-калмыцки, кричала Амуланга.

Наран дернул ружье, освобождая зацепившийся ремень, не целясь, навскидку выстрелил. Рядом с волком фонтанчиком брызнула земля.

— Не надо! Нельзя!— Амуланга рванула Нарана за плечо.

Наран упал на дно телеги. Она перекинула ему вожжи. Лошадь захрапела. С ее морды слетали ошметки пены.

— Болшго! Болшго!— умоляла Амуланга волка, стоя в телеге на коленях и прижимая ружье к груди.

— Стреляй!— завопил Наран.

Словно загипнотизированный, он не мог оторвать от волка взгляда. Медленно, мучительно медленно Амуланга взвела тугие курки. Бахнул выстрел. Волк перекувырнулся, судорожно задергался. Тяжело дыша, открыв рот, Амуланга смотрела на убегающую дорогу, не веря в свое спасение...

...Волчица обнюхала нору, подняла голову, завyla тоскливо и хрипло. Побежала по

следу, изредка останавливаясь и поводя носом. Найдя куртку Нарана, она с яростью набросилась, разорвала, схватила мертвого волчонка, скрылась в траве.

Сброшенный конем Джамуха лежал на земле, всхлипывал. Конь косился на малыша, подошел, виновато ткнулся мордой в плечо мальчика. Джамуха поднял голову.

Жук-монах, похожий на черную сливу, катил между травинок навозный шарик. Шарик застревал, жук упорно и терпеливо преодолевал препятствия.

Джамуха вздохнул, вытер слезы, залепил горстью земли царапины на ноге.

То появляясь, то исчезая в траве, вдоль дороги мелькала серая спина волчицы. Вспархивали с криком птицы, ныряли в норы суслики, мчались прочь сайгаки. Волчица не замечала их — она шла по следу.

Вот она остановилась, прислушалась, осторожно вышла на дорогу. Лужа волчьей крови уже загустела, припудрилась пылью. В ней копошились муравьи, букашки, трепыхалась, завязнув, бабочка. Волчица обнюхала кровь.

Джамуха поднялся, прихрамывая, шагнул к коню. Конь попятился.

— Ну чего ты, чего? — уговаривал коня Джамуха. — Я уже не плачу. Если я заплачу, деда больше коня не даст.

Конь беспокойно фыркнул, отбежал в сторону. Сквозь стрекот кузнечиков прорвался протяжный вой.

Подняв голову, овчарка глухо рычала на рукомойник. Чабан медленно обходил столб, качал головой, цокал. Погладил ствол, подергал вбитые гвозди. Кермен стояла рядом. Молчала. Из-за угла выглядывал Бадма.

Во двор въехала телега. На ней гордо восседал Наран, опираясь на трофей.

— Ух ты-ы! — восхищенно протянул Бадма, разглядывая убитого волка.

С яростным лаем к телеге бросилась овчарка. Наран испуганно задрал ноги, проворно отполз от края поближе к Амуланге. Амуланга цыкнула на собаку — та умолкла.

На бронзовых скулах чабана заходили желваки. Амуланга потупилась.

— Ох, здоровый! — восхитилась Кермен.

— Хищник, — пояснил Бадма.

— Он на нас вырулил, а мы ему в лобешник, х-ха! — похвастался Наран.

Чабан что-то тихо сказал Амуланге. Она виновато оправдывалась. Чабан поднял с

земли топор и стал вгонять торчащие из столба гвозди по самые шляпки. Амуланга вспыхнула, закрыла лицо руками, бросилась в дом.

Чабан вдруг на секунду замер, бросил топор. Во двор входил конь — один, без Джамухи.

Наран и Бадма рассматривали забитые чабаном гвозди.

— Любуетесь? На свой позор любуетесь? — сердито крикнула Кермен.

— Чего метешь? Какой позор? — возмутился Наран.

— Вот этот! — решительно подойдя к столбу, она ткнула пальцем в забитые гвозди. — Вот этот позор! За волка! За рукомойник! — перечисляла она, тыча пальцем в каждый забитый по шляпку гвоздь.

Наран и Бадма переглянулись.

— Лапшу вешает, — пояснил Наран Бадме. — Завидует.

— Я завидую? Из-за вас вон кому по пало, — Кермен кивнула на дом. — Да что с вами разговаривать! — Она развернулась и пошла к Амуланге.

Наран помолчал, сплюнул сердито.

— И этот туда же! Ну все перевоспитывают, все! Не жизнь, а педагогическая поэма!

— Гвоздей ему не хватит перевоспитывать, — хмыкнул Бадма.

— А я ему достану. Пусть потешится, — со злой иронией сказал Наран. — Пусть перевоспитывает. Достану гвоздей — ящик!

— Стратегия! — Бадма оттопырил большой палец и подмигнул...

...Чабан, приставив козырьком руку к глазам, всматривался в степь. Увидев бредущего по дороге Джамуху, облегченно выдохнул, вынул из кармана белую полынь, размял в жестких ладонях, медленно, глубоко втянул в себя горьковатый аромат травы.

В комнате сакманщиков играл магнитофон. Кермен и Бадма танцевали. Путался под ногами Джамуха, стараясь подражать горожанам. Наран показывал ему движения. Амуланга сидела в углу. Наран ловил на себе ее взгляды.

— Учись, Джамуха! — Бадма дал звук на полную мощность. — Нравится?

Джамуха кивнул. Под потолком раскачивалась лампочка, кидая в разные стороны извивающиеся тени. Джамуха уже отплясывал зажигательный чичердык: замирал, кружился орлом, припадал к земле, резко прямлялся, дрожа гибким мускулистым телом.

— Хадрис! Хадрис! — подбадривал Наран, хлопая в ладоши.

Оглянулся — Амуланги не было. Улыбка сошла с его лица. Наран вышел.

— Амуланга!— крикнул он в темноту. Никто не отозвался.

...Наран замер, боясь пошевелиться. Ярко светила луна. На кургане, как просыпающаяся птица, стояла Амуланга, вбирая в себя живительную энергию полной луны. И вся ее хрупкая фигурка искрилась в жидком серебре лучей...

Месяц Белой лошади. День Юпитера. За три дня до окота.

Кермен охапками разбрасывала по двору солому — для просушки. На крыше Бадма приколачивал кусок толи.

— Скорей бы окот. Осточертело все,— сказал Бадма.

— На завод потянуло?— съехидничала Кермен.— В родной коллектив?

— Коллектив. Приедут на готовенькое, дармеды.

— Между прочим, эти дармеды план дают в отличие от некоторых.

— План...— хмыкнул Бадма.— Сюда бы их! Посмотрел бы я...

Кермен вынесла из кошары обломанные сайгачьи рога, старую облысевшую лисью шкуру.

— Зачем тебе этот хлам?

— Положи, где взяла!— ошетинился Бадма.

— Плюшкин...

— Ну ты, Лихоманка!— взорвался Бадма.— На нашей крови характеристику зарабатываешь! В университет! Думаешь, не знаю?

— Зарабатываю! — уперев руки в бока, с вызовом сказала Кермен.— И заработаю!

— Пиявка ты! Нашу рабочую кровь пьешь! Не зря тебя Лихоманкой...— он оскеся.

Порыв ветра донес далекий вой волчицы.

— Слышала?— Бадма показал рукой в степь.

Что?

Волки!

— А чёрта там нет? Чини крышу, передвик!

— Фирма гарантирует!— топнул ногой по кровле Бадма.

Джамуха спрыгнул с коня. Амуланга передала ему герлыгу — аркан для ловли овец.

— Тень пропадет — перегонишь в низину, понял?

Джамуха кивнул, поискал глазами, побегал к овечке с колокольчиком на шее.

— Цаганка! Цаганка!

— Осторожно. Ей котиться скоро.

Джамуха склонился, пощупал живот Цаганки.

— Двойня будет,— со знанием дела сказал он и радостно засмеялся.

Амуланга вскочила в седло, легко, пружинисто, по-мужски.

— Луна прибывает, подольше паси. Травы сок набрали.

— А загадку?— спросил Джамуха.

— Если роса, какой ветер будет?

— Восточный. Это я знаю,— обиделся Джамуха.

— Ну, тогда... Верблюжонка сегодня к матери пустить надо. Почему?

— Эт-та-а... — Джамуха в раздумье почесал затылок, посмотрел на небо.— Луна прибывает?— нерешительно предположил он.

— Правильно. А дальше?

Джамуха молчал, думал.

— Молоко тучное будет,— подсказала Амуланга.

— Ага. Я знал, только забыл,— схитрил он.

Амуланга тронула коня.

Наран стоял у развилки дороги с ящиком гвоздей. Голосовал проезжающим машинам. Машин было мало.

— Куда?— высунулся из «газика» шофер.

— На точку Оконова.

— Не по пути.

— Шеф, я заплачу.

— Плати в ресторане. Здесь работают,— отрезал водитель, смерив Нарана взглядом, и хлопнул дверцей.

Наран удивленно присвистнул, глядя вслед резко рванувшему «газику». Оглянулся. Дорога была пустынна.

Амуланга подъезжала к кошаре, когда конь вдруг захрапел, попятился. Амуланга насторожилась, приподнялась в седле, оглядывая окрестности.

Солнце вытапливало из земли остатки влаги, и она беззвучно вскипала в прозрачном воздухе, дрожа стрекозиным крылом. В знойной беспредельности степи цепкий взгляд Амуланги не заметил ничего тревожного, но, доверяясь чутью, девушка рванула повод, пуская коня в намет.

Бадма помогал Кермен разбрасывать сено, мурлыкая под нос песню:

Застучали часы,

Поднялось на дыбы

Непокорное дикое Время!

Увидев въехавшую на точку Амулангу, оттопырив большой палец, ткнул себя в грудь:

— Сам сочинил! Хочешь, сыграю?— Он пошел было за гитарой, но Кермен, зорко следившая за ним, прикрикнула:

— Давай работай, Шаляпин!

Бадма сердито сплюнул, но вернулся к работе.

Амуланга вошла в дом, решительно сняла со стены короткую плеть со свинцовым шариком на конце — малю. Взяла ружье, вышла.

— Здесь всякое бывает,—протянула она Бадме ружье.—Джамуха придет, пусть куда не уходит. Я скоро...— Она вскочила на коня.

— Каждый смуться норовит,— покачал головой Бадма.— Стратегия.

Над кошарой, медленно разрезая сонную молочность неба, кружил орел. Бадма вскинул ружье, бахнул дуплетом. Подбитый орел упал на разбросанное сено.

— Ты посмотри, что он делает, а?— Кермен в ужасе обернулась к Амуланге.

— Хищник,— Бадма поднял орла.— Разлетался тут...

Амуланга сверкнула на Бадму глазами, развернула коня, ускакала.

Джамуха прыгал вокруг Цаганки, дергал плечами и бедрами, как учил его Бадма.

Выпучив глаза, Цаганка смотрела на Джамуху. Перехватив герлыгу поперек, как гитару, Джамуха подскочил к овце, брякнул по воображаемым струнам:

В грязных привокзальных ресторанах Я растратил молодость свою!

Цаганка испуганно заблела, отскочила от Джамухи, потрусила к отаре, позвякивая колокольчиком.

На платке была разложена пища. Чабан ел неторопливо, по степному закону очищая кость ножом до ослепительной белизны.

— Волчица у кошары бродит,— сказала Амуланга, спрыгивая с коня.

— Плохо. Луна в силу входит. Кровь густеет.

— Волчица, наверное, чувствует.

— Волк, где живет, не охотится. И дружим не дает. Эта волчица у родника живет.

— Может, обойдется?

— Обидели мы ее... Плохо.— Чабан покачал головой.

Амуланга сорвала травинку, размяла между пальцами, подняла голову к небу.

— Через три дня дождь будет.

Солнце зарывалось в горизонт, выжигая край степи, удлинило тень Нарана. Дорога была безлюдна.

— Застучали часы, поднялось на дыбы непокорное... дикое... время,— шептал, прерывисто дыша, сел. Сбросил с плеча ящик с гвоздями, сел, вытер рубашкой пот и снова поднялся.— И по небу плывут, разорвав горизонт, табуны, табуны, табуны.

Солнце скрылось. Он шел, одинокий и маленький в степной безбрежности.

Едва различимая в наступившей темноте дорога петляла. Редкие кусты полыни, бугры, ложбинки поглотила сплошная вязкая чернота. Выплыли яркие мерцающие звезды.

Наран осекся на полуслове — из черноты надвигались на него два зеленых глаза. Глаза остановились, полыхнув холодным беленым огнем. Наран попятился, бросил ящик, метнулся назад. Бежал, хрипло дыша, упал, тут же вскочил. Замер. Глаза были теперь совсем близко. Жадные, злые.

— Ы-ы!— сдавленно выдохнул Наран, бросился в сторону не разбирая дороги.

Впереди него в черное небо ввинтился хриплый долгий вой. Наран завертелся на месте, не соображая, с какой стороны волчица.

Джамуха расстилал на крыше дома зимнюю одежду: полушубки, валенки, шапки.

— На ночь-то зачем?— спросила снизу Кермен.

— Сушить. Чтоб моль не ела.

— Сушат-то на солнце.

— Луна, видишь, круглая?

— Вижу.

— Ну вот.

Загнанно дыша, стоял Наран, держа наготове армейский ремень.

Размытый темнотой силуэт волчицы замер метрах в пяти от него. Глаза ее вдруг потухли, липкая удушливая ночь всосала в себя зверя медленно и неслышно. Бухнул ружейный выстрел.

— На-ара-ан!— послышался отдаленный зов. И потом снова:— На-ра-ан!

— Я здесь! Зде-есь!— срывая голос, закричал он.

Топот копыт нарастал. В темноте замелькал прыгающий фонарь. Амуланга подскочила, спрыгнула с коня.

— Я тебя искала... Думала, заблудился... Что это?

Только сейчас, при ярком свете фонаря, Наран увидел у ног брошенный ящик. Наран зябко повел плечами:

— Г-гвозди...

Амуланга начала снимать куртку, но Наран остановил ее. Тогда Амуланга распахнула полы, и он молча прижался к ней...

В комнату сакманщиков заглянул Джамуха. Услышав скрип двери, Бадма поспешно прикрыл тряпкой разложенные на столе трофеи: два волчьих клыка, ружейную гильзу, букетик ковыля. Незакрытым остался убитый орел.

— Ты.. зачем? — опешил Джамуха, разглядывая орла.— Он в степи хозяин!

— Хозяин в степи — человек, Джамуха. Необъятной родины своей. Понял? Чучело будет. Одному человеку обещал.

— Без нужды нельзя убивать. Деда тебе да-аст...

— Человек уж больно хороший,— оправдывался Бадма.— Вот такой человек! — Бадма оттопырил большой палец.

— Родственник?

Бадма кивнул. Внук чабана перевел взгляд на стену.

— Это он? — Джамуха ткнул в фотографию западного певца.

— Это мой конкурент. С дикого Запада,— снисходительно пояснил Бадма.

— Стену испортил,— печально сказал Джамуха, трогая толстый гвоздь, которым была прибита фотография.— Теперь дырка будет.

Месяц Овцы. День Меркурия. За два дня до оюта.

Ребята сгрудились у столба. Гвоздей на нем заметно прибавилось.

— Да плевать я на них хотел! — бушевал Бадма.— Ну скажи, что мы сделали? — обратился он к Кермен.

— Это вас надо спросить!

— Другие вообще не приехали! — встрял Наран.— Нету их?

— И не будет,— отрезала Кермен.

— К-как... не будет? — опешил Бадма.

— Заводу план нужен.

— Значит, ты знала...— выдавил из себя Бадма.— Знала и молчала. Ну... Лихоманка! — задохнулся он от возмущения.

— Знала! — с вызовом ответила Кермен.

Подошел Джамуха.

— Кошару чистить надо,— сказал он.

— Да иди ты...— отмахнулся Бадма.

— Вот возьму и гвоздь забью! — пригрозил малыш, показывая на столб.

Чабан обходил кошару. Мелко тукал электродвижок. Под потолком неярко светили лампочки. Чабан молча показывал на неполадки, шел дальше. Кермен понимающе кивала, записывала в блокнот. Чабан показал на шель:

— Нога попадет — сломает.

В ночи кто-то крикнул. Кермен подняла голову.

— Сыч,— пояснил чабан, идя дальше.

— Сыч, говорят, к несчастью?

Чабан не ответил, молча показал на отошедшую доску с торчащими гвоздями. Кермен сделала пометку в блокноте.

При тусклом свете фонаря Наран и Бадма копались в моторе «москвича». Не поднимая головы, Наран протянул руку:

— Ключ.

Бадма потянулся за ключом, испуганно отшатнулся, столкнувшись с мордой верблюжонка. Любопытный верблюжонок вытягивал шею, принюхивался.

— Уф-ф,— облегченно выдохнул Бадма.— Брысь отсюда!

Он ткнул грязной тряпкой в морду верблюжонку, тот фыркнул.

— Иди, иди.

...Джамуха вышел из кошары с ведром мусора, прислушался к звуку мотора, с радостной улыбкой подошел к ребятам.

— Скоро покатаемся?

— Понимаешь, Джамуха...— Наран выдержал многозначительную паузу,— спецзадание у нас.

Джамуха приоткрыл рот, с восхищением глядя на Нарана и Бадму.

Подошла Кермен.

— Завтра клетки чинить будем,— сказала она.— Торопиться надо.

Ребята молчали. Кермен обвела их подозрительным взглядом:

— Вы что тут затеваете?

В темноте грохнули два выстрела. Ребята бросились на шум...

...Амуланга подняла фонарь над головой. В углу жались в кучу овцы. На земле, в луже крови, лежали четыре овцы. Цаганка была еще жива, но уже стекленели глаза, судорога шла по телу. Булькающие хрипы из перекушенного горла раздавались все тише и тише. Джамуха, плача, пытался поднять ее.

— Вставай, Цаганка! Ну вставай, Цаганка!

Тихо позванивал колокольчик на шее Цаганки.

Подошел чабан. Хмуро оглядел мертвых овец.

— Ну что? — спросила Амуланга.

— Ранил.

Он вздохнул, взял за ноги мертвых овец, поволок к яме. Джамуха упал на Цаганку, вцепился в нее, не давая деду тащить.

— Не трогай! Она оживет! Она встанет! Цаганка, вставай! Вставай, Цаганочка!

Амуланга обняла братишку за плечи, повела в дом.

— Джамуху жалко,— вздохнула Кер-

мен. — Прямо сердце разрывается. Я бы этих волков... ну не знаю, что бы с ними сделала!

— Однажды,— сказал чабан,— за путником грабитель погнался. С ножом. Увидел путник высохший колодец, прыгнул. Сидит, затаился. И вдруг из стены черт выходит. Затрясся от страха путник. Черт спрашивает: «Чего ты боишься?» «Тебя»,— отвечает путник. Тогда черт говорит ему: «Я тебе помогу отсюда выбраться». «Не надо,— взмолился путник.— Наверху грабитель с ножом. Он убьет меня». Засмеялся тогда черт и говорит: «Вот видишь. Человек-то страшнее...»

Бадма затолкал в машину брыкающегося барана. «Москвич», тихо урча, выехал с точки, простреливая темноту двумя стволами света.

— Если убьем — шкуру мне! — предупредил Бадма.

— Не боишься? — спросил Наран.

— А ты?

— Вообще-то есть немного...

— А зачем поехал?

— Мне надо доказать... одному человеку.

— А у меня своя стратегия,— помолчав, серьезно сказал Бадма.

Со стороны загона раздавались сухие крики верблюдицы.

— Ты что, Бондарча? — корила верблюдицу Амуланга.

Ночь была лунная, светлая. Верблюдица стояла в углу, кося настороженным глазом на своего детеныша. Верблюжонок жалобно смотрел на мать, но приблизиться не решался.

Амуланга взяла верблюдицу за протетое в ноздри кольцо, потянула. Сделав несколько шагов к верблюжонку, верблюдица вдруг фыркнула, попятилась.

— Ну что за фокусы? — рассердилась Амуланга.

Она потянула за кольцо снова. Верблюдица взбрыкнула, задев верблюжонка. Тот жалобно закричал. Амуланга в раздумье остановилась, потом, светя себе фонарем, стала осматривать верблюжонка. Заметила мазутные полосы на его морде. Рука с фонарем беспомощно опустилась.

— Что тут? — спросила Кермен.

Амуланга обернулась, медленно пошла на Кермен. Кермен попятилась.

— Ты чего? Ты чего?

Амуланга схватила Кермен и молча стала трясти ее за плечи.

— П-пусти. Пусты. Ты чего? — вырывалась Кермен.

Машина остановилась. Бадма привязал барана к каменному идолу.

— Загони в низину,— кивнул он на машину.

— Там родник,— сказал Наран.

— Ну и что?

— Нельзя.

— Почему?

— Священный.

— Я смотрю, тебя Амуланга...

Наран не дал ему договорить, сел в кабину. Машина завернула за каменных идолов, въехала колесами на родник. Днище обдало родниковой водой. Бадма забрался в «москвич», взял ружье, просунул стволы в приоткрытую дверь. В тишине жалобно заблеял баран, почувавший свою участь.

Верблюжонок был привязан к столбу, на котором висели два керосиновых фонаря. Кермен держала пачку стирального порошка, шмыгала носом, утирала слезы.
— Сыпь еще,— сказала Амуланга, обмахнув щетку в ведро с водой.

В углу душераздирающе кричала верблюдица.

— Ну что ты так кричишь? — всхлипнула Кермен.

— Молоко распирает,— сказала Амуланга, отмывая брыкающегося верблюжонка. Кермен уткнулась лицом в шерсть.

— Я запаха не чувствую.

Амуланга не ответила. Кермен снова всхлипнула, громче.

— Не реви! — одернула ее Амуланга.— Воду носи.

Кермен сняла фонарь, схватила ведро, побежала. У ворот столкнулась с чабаном.

— Сакманщики?! — крикнул в гневе чабан. Кермен еще никогда не видела его таким.— Помощь — никакой! Беды много! Домой уезжай! Все уезжай! — Он выдернул из кармана кисет, нервно помял в ладони листья полыни, поднес было к лицу, но передумал, резко отшвырнул, быстрым шагом подошел к Амуланге: — Баран режь! Кюр делай!

Амуланга безвольно опустила руки. Чабан вышел из загона, влез в седло, пустил коня в намет.

Машина стояла с погашенными фарами. Ребята вслушивались в тишину. Подул ветерок. Сердито загудели идолы. Слобно в ответ, послышался отдаленный дрожащий вой.

— Дуплетом бей,— едва слышно подсказал Наран.— Чтобы верняк.

Вой раздался ближе. Бадма до хруста в пальцах сжал ружье. Неслышно метнулась

чень. Резко вскрикнул баран. Оглушительно шаркнуло ружье. Наран испуганно откочнулся, замер. Стало тихо. Вопросительно посмотрели друг на друга.

Вой раздался позади машины. Наран зло сплюнул.

— Давай патроны,— сказал Бадма.

Наран полез на заднее сиденье.

— Где они?

— Там, в патронташе. Не видишь? — Бадма зажег свет.

— Идиот! — взвизгнул Наран.— Ты ж его на точке оставил! — Он схватил Бадму за грудки.

— А ты куда смотрел? — закричал Бадма, отталкивая Нарана.

— Вот сюда! — Наран ударил Бадму в челюсть.

Места для драки было мало. Машина скрипела, покачивалась.

И снова резко вскрикнул баран. Ребята оцепенели. Послышался хрип. Бадма и Наран прильнули к окнам. Темень. Наран включил фары.

Прямо на них смотрела волчица, скаля окровавленные клыки. В луже крови лежал растерзанный баран. Глаза волчицы вспыхнули зеленой ненавистью.

Наран рванулся заводить машину. «Москвич» натужно взревел, затрясся, но с места не сдвинулся. Волчица напряжилась, присела перед прыжком.

Наран скрипел зубами, давя до отказа на газ. Машина продолжала буксовать.

Амуланга еще раз подвела верблюдицу к верблюжонку, и снова та взбрыкнула.

— Амуланга, она не умрет? Она не умрет, Амуланга?

В трусах и сапогах рядом с сестрой стоял Джамуха и дергал ее за подол. Кермен молчала, опустив голову.

— Спать иди! — прикрикнула на него Амуланга и повернулась к Кермен: — Возьми его!

Кермен потащила упирающегося Джамуху.

— П-пусти! П-пусти! — вырывался он.— Амуланга! Она не умрет, Амуланга-а?!

Предраассветная степь погасила все звуки, затаилась.

— Может, ушла? — с робкой надеждой спросил Бадма.

— Она не уйдет... Я ее знаю.

— Х-холодно,— поежился Бадма.— Скорей бы рассвет... Знаешь, я хотел шкуру Лиджуньке привезти.

— Кто это? — спросил Наран.

— Братишка... Лежит он... Кость у него не срастается,— Бадма вздохнул.— Я ему

котенка принес, а мать выкинула. Лиджунька три дня плакал. Я ему пообещал подарок из степи привезти. Получше котенка, говорю. Верит он мне, любит. Понимаешь? У тебя такое было?

— Что?

— Ну, чтоб тебе верили, любили... ну, до конца.

— Не знаю,— сказал Наран.— Бабка у меня, когда умирала, бить меня начала... Подзовет и ударит. А потом отвернется и плачет.

— А чего она?

— Чтоб не тосковал, когда умрет. Не хотела, чтобы мучался. Потом умерла...— Наран вздохнул.

В тишине тоскливо и хрипло закричал какой-то зверь. Вторя ему, заплакал шакал. И постепенно степь заголосила, заухла, завывала, застонала.

— Чего это они? — забеспокоился Бадма.— Волчицу почуяли?

— Пить, наверное, хотят.

— Прямо душу выматывают,— сказал Бадма и поежился.

И снова пропали звуки. Только часто и хрипло дышали ребята. Озирались. Что-то неладное творилось в степи. Странное.

— Кувыркком как-то все...— подумал вслух Наран.

— Выберемся. Ночь кончается.

— Да я не об этом. Я вообще. На заводе... тут... Может, мы и вправду лишние?

— Да не-е,— после паузы протянул Бадма.— У нас стратегия такая.

— Чего-то мы не понимаем,— Наран сделал руками неопределенный жест.— Не та стратегия.

Месяц Овцы. День Сатурна. За день до окота.

Гигантские волны ослепительного матово-белого света хлынули на землю, слизывая прозрачную дымку синевы, и все растворилось в беспредельности пространства.

Старики калмыки говорят, что в эту минуту сознание человека расширяется, достигая конечной реальности, душа начинает вибрировать в единении с природой, и тогда открывается причинная связь вещей. В эту минуту и зверь, и трава, и земля не шелохнутся, вбирая в себя энергию.

Но вот с востока обогрилась степь, белизна потускнела, и холодный огонь солнца заискрился на соляных впадинах. По земле помчался нарастающий гул. Звуковая волна всколыхнула степь, пронеслась над машиной и пошла дальше, подминая тишину. Теперь стали слышны чириканье птиц, стрекот кузнечиков, посвистывание сусликов.

Наран завел мотор. Через заднее стекло Бадма видел летящие ошметки грязи. Машину качнуло, заскрежетал металл, мотор завыл на тоскливой ноте.

— Все,— сказал Наран.— Сидим на днище. Откапывать надо.

— А волчица?

Наран вздохнул. Бадма облизнул сухие губы.

— Пить хочется.

Наран вытащил гаечный ключ, взвесил на руке.

— Ладно. Двум смертям не бывать... Кто первый?

Они молча посмотрели друг на друга.

— Ладно,— вздохнул Бадма.— Давай кружку.

Клацнула дверь. Бадма, прижимаясь к земле, выполз из машины. Страхуя товарища, Наран с ключом наготове осматривал степь. Показалась голова Бадмы.

— Нету воды,— шепотом произнес он.— Родник высох.

— Как... высох?! — не поверил Наран.

Забыв про страх, вырвал кружку, распахнул дверь, вылез. За ним вышел растерянный Бадма.

Наран стоял у родника. На месте ключа еще виднелось пятно влажной земли, но воды не было. От русла шла продавленная колесами колея.

— Как же так? Ведь ему тыща лет...— Наран растерянно посмотрел на Бадму.

Баран был зарезан, и его шкура, посыпанная солью и распятая на деревянной раме, сушилась на солнце.

Амуланга делала юр. В вывернутую овечью требуху она залила баранью кровь, смешанную с солью, перцем, луком, мускатным орехом. Требуху повесила на деревянной крестовине над ямкой. Крестовину Амуланга закидала землей, насыпала сверху кизяка, развела костер.

Весь в грязи, Наран упирался плечом в машину, выталкивая ее из глубокой колеи. То и дело колеса оседали в опустевший ствол родника.

— Еще! Еще! Сильнее! — кричал Бадма, сидя за рулем.

Медленно, рывками машина выбиралась из колеи, продавливая новую.

С молотком в руках к Амуланге подошел Джамуха.

— Я им сто гвоздей набил,— гневно раздувая ноздри, кивнул он на Кермен.

— Иди, клетки проверь,— сухо сказала Амуланга.— Завтра-послезавтра окот начнется.

— Они не мужчины! Убежали,— с обидой сказал Джамуха.

Амуланга не ответила.

— Я думал, они... А они...— Джамуха махнул рукой.

— Это не их позор,— Амуланга кивнула на столб.— Это наш позор, Джамуха. Они временные.

— Нет,— мотнул головой Джамуха.— Деда говорил, временных в степи нет.

Наран сидел у высохшего родника, смотрел на изрытую колесами землю, перевел взгляд на остекленевшие глаза мертвого барана, на испачканного кровью каменного идола. Молчал. Бадма выглянул из машины:

— Ну что? Едем?

Наран подошел к машине, открыл багажник и вытащил лопату.

— Я не поеду,— сказал он.

— Обурел?

— Он тыщу лет бил! Тыщу! Подохну здесь, а все равно откопаю! А тебя не держу! — крикнул он.— Дуй!

Бадма вылез из машины, хлопнул с силой дверцей.

— Чего орешь-то? — возмутился он.— Сказал бы сразу... Псих!

Они посмотрели друг на друга и вдруг улыбнулись. Наран ударил несколько раз черенком о землю, поплевал на ладони.

Копали остервенело, молча, и песня, сочиненная Бадмой, звучала в их ушах.

И по небу плывут, разорвав горизонт, Табуны, табуны, табуны...

Песня звучала все сильнее и сильнее, и ее ритм заставлял ребят копать яростнее, не останавливаясь.

Большой желтый автобус вплыл во двор чабанской точки. Амуланга и дед помогали гостям сойти на землю. Вокруг вынесенных во двор и накрытых белой скатертью столов сутились Кермен и Джамуха.

Деда Дорджи — самого старого, самого уважаемого — отвели под руки в тень, усадили отдельно на стул. Старухи и старики настраивали домбры, подходили к Дорджи. Тот прислушивался к звуку, кивал неторопливо. И домбристка, положив инструмент на траву, шла к столу.

Кермен застыла с пиалой в руках. Смотрела на все это удивленно, робко, даже с каким-то затаенным страхом.

— А что они делают? — наклонившись к Джамухе, спросила она.

— Надо, чтобы домбре душа откликнулась,— объяснил Джамуха.

Наконец домбры были настроены и отложены. Все расселись за столом. Сидели молча, настраивая душу и сердце на гармонию степи, вечности. Пили соленый чай — джомбу, размягчая гортань, очищая ее для песни, величественной и древней.

Одежда ребят валялась на земле. В одних трусах, грязные с головы до ног, они выкидывали лопатами землю. Яма уже скрывала их по грудь, а воды все не было.

— Давай передохнем, не могу больше,— Бадма опустил на колени.

Он размотал тряпку на руке, потрогал кровавый мозоль, сморщился.

— Это тебе... не песни... писать. Стратег,— сказал Наран, продолжая работать.

Чабан подвел деда Дорджи к загону. За ними шли остальные гости. Дед Дорджи привязал дрожащего верблюжонка к жерди, вымыл тщательно руки. Амуланга зачерпывала кружкой парное молоко и лила на спину верблюжонку. Дорджи втирал молоко в верблюжью шерсть. Тщательно, сосредоточенно.

Амуланга вылила оставшиеся капли на руки старику, отошла за круг сидящих стариков и старух.

Тихо зазвенела домбра, за ней другая, третья. Медленно и тихо в наступившей тишине возникла грустная мелодия. Старческий голос подхватил ее, затем другой, и постепенно песня-плач, песня-причитание полилась над вечерней степью...

— Зачем же ты, верблюдица, отрекаешься от своего дитя? — старики и старухи мерно раскачивались в такт песне, закрыв глаза, словно в полузабытье.— Посмотри на него... Он едва стоит, он голоден. Солнце кормит землю, земля кормит травы, травы дают жизнь животным и людям. Не прерывай же вечного круговорота, отдай свое молоко ребенку. Он маленький, он не может сделать и шага. Напои его своим молоком, не дай ему умереть...

Верблюдица сначала не обращала внимания на песню, пережевывала колючку, фыркала, мотала головой. Но когда песня вошла в силу, верблюдица замерла, прынула ушами, перестала жевать. И вдруг из ее широко открытого глаза, блеснув, скатилась слеза. Верблюдица плакала. Вымя ее начало разбухать, с сосков закапало молоко.

Старик Дорджи подтолкнул боязливо упирающегося верблюжонка к матери. Почувяв запах молока, верблюжонок вытянул шею, коснулся губами вымени, чмокнул раз, другой и жадно припал, захлебываясь от нетерпения. Молоко текло по его мордочке, и верблюжонок счастливо отфыркивался.

Старики кончили пить, неторопливо встали и удалились, оставляя верблюжонка наедине с матерью.

Бадма сидел на дне ямы.

— Еще немного... Без родника нельзя,— Наран говорил хрипло, с расстановками.

Бадма молча показал ему ладони с кровавыми волдырями, тяжело поднялся, стал выбираться из ямы. Наран отбросил лопату, схватил его за ногу, стащил.

— Х-хочешь сволочью стать? — хрипел Наран.— Не дам! Братишка твой... спасибо скажет...

Бадма вдруг сразу сник. Всклипнул.

— Ну нету его! Нет! Ушел...— Бадма осекся, облизнул сухие грязные губы, замер с открытым ртом, потом резким движением утер лицо и снова устоял в одну точку.

Из боковины, почти у самого дна, сочилась вода, образуя грязную лужицу.

— Бежит,— прошептал Бадма. Попробовал на язык, не веря своим глазам. Улыбнулся: — Бежит.— Он зачерпнул ладонями грязную воду, полил на себя: — Бежит!

Месяц Овцы. День Солнца. Окот.

Колокольчик Цаганки сиротливо стоял на столе. Обхватив голову руками, смотрел на колокольчик Джамуха.

В другой комнате тоже не спали.

— Жила так: день прошел, и ладно,— рассказывала тихо Кермен.— На работу спешишь — там люди. А вечером — одна. Ти-ихо... У тебя парень есть?

Амуланга промолчала.

— Знаешь, мне свидание... еще ни разу... никто. Лихоманкой вот прозвали.

— Дедушка говорит, жизнь большая, дорог и тропинок много. Прицепи свою телегу к звезде, а то заблудишься,— ответила Амуланга.

Машина тихо въехала на чабанскую точку. Фары осветили утыканный гвоздями столб.

Ребята вышли из машины, обошли вокруг ошестинившегося позором столба.

— Когда же мы столько успели?

— И все новые,— сказал Наран, потрогав гвозди.

Дверь дома распахнулась.

— Приехали! — закричал Джамуха. Из-за его спины бросилась к ним Кермен. Амуланга остановилась у двери.

— Ну что? Прискакали? — уперев руки в бока, грозно начала Кермен.— Допрыгались... — растерянно закончила она, увидев вдруг, какие они жалкие, усталые, грязные с головы до ног.

— Они же голодные,— тихо сказала Амуланга.

— Я... я сейчас, я быстро,— Кермен метнулась к кухне.

— Воды принеси,— Амуланга протянула ведро Джамухе.

Мальчик схватил ведро, подбежал к ребятам.

— Это я забил,— похвастался он.— Чтобы вернулись! Стратегия! — подмигнул он Бадме.

Чабан слез с коня, обошел родник. По следам он прочитал все, что здесь произошло за эти сутки.

Чабан привязал коня к идолу и сел на землю, по старому калмыцкому обычаю подогнув одну ногу под себя, вторую вытянув вперед. Ружье положил рядом.

Калмыцкая мудрость гласит: хочешь узнать истину — отвори внутреннее зрение и устрями взгляд в золотой треугольник души, памяти, сердца.

Чабан замер.

Кермен перебинтовала Бадме ладони. — Больно? — спросила она участливо. — Нормально,— морщась, ответил он. Амуланга стояла в дверях. Почувствовав взгляд Нарана, она улыбнулась ему и едва заметно кивнула. Наран улыбнулся в ответ, смутившись, опустил голову, но тут же снова взглянул на Амулангу.

Джамуха дергал сестру за руку.

— Я же говорил, у них спецзадание! Секретное! — шептал Джамуха.— А вы не верили. Пойдем, им отдыхать надо.

Волчий вой приближался. Конь храпел, дергался, пытаясь сорвать узду.

Чабан не шевелился.

Конь заржал, забил копытом о землю. Волчица вышла на курган. Замерла, глядя на сидящего у подножья чабана.

Чабан не шелохнулся.

Кермен вошла в комнату. Лицо ее заливал румянец. На глазах блестели слезы. Отсутствующим взглядом она посмотрела

на Амулангу и не увидела ее. Остановившись у зеркала, с удивлением разглядывала себя.

— Что случилось, Кермен? — встревожилась Амуланга.

Кермен не услышала. Амуланга взяла ее за плечи, повернула к себе:

— Кермен!

Кермен показала на щеку, осторожно притронулась.

— Он... поцеловал.

— Кто? Кто он?

— Бад-ма,— произнесла Кермен как будто впервые и всхлипнула.

— А ты?

— А я сказала...

— Что?

— Балда.

Амуланга улыбнулась. Кермен стояла незнакомая, похорошевшая. Амуланга протянула Кермен веточку мяты.

— Разомни ее! Разомни хорошенько! А теперь вдыхай. Глубже! Вот та-ак. Теперь на всю жизнь запомнишь. Как этот запах услышишь, так и вспомнишь. Все-все, до мелочей.

Закрыв глаза, Кермен дышала веткой мяты.

Джамуха тоже не спал. Он встал, вышел во двор, подошел к рамам с распятыми овечьими шкурами, отыскал шкуру Цаганки, стал гладить.

Бадма лежал, заложив руки за голову, глядел в потолок.

— Наран, ты спишь?

Наран не отвечал. Он был единственным человеком на чабанской точке, кто спал в эту ночь. Спал и улыбался во сне.

— Она и не Лихоманка вовсе,— вслух говорил Бадма.— Сирота она. Заступитья некому. Вот и боится показаться слабой...— он вздохнул.

В комнату влетел Джамуха.

— Окотилась! — радостно закричал он.— Матка окотилась!

Он бросился на улицу. Ребята, лихорадочно натянув брюки, выскочили за Джамухой.

В кошаре стояла Кермен, держа на руках ягненка, удивленно таращившего глаза. Амуланга вытирала травой его мокрую шерстку и шептала какие-то ласковые слова. Ребята сгрудились вокруг новорожденного.

— Маленький ты мой,— Кермен чмокнула в нос ягненка.

Тот испуганно дернулся, засучил ногами, вырываясь.

— Дай подержать,— попросил Наран.
— Я его первый увидел,— похвастался Джамуха.

— И мне,— протянул руки Бадма.
— Осторожно,— предупредила, заволновавшись, Кермен.

— Отдай! Это мой! — кричал Джамуха, отбирая ягненка.— Цаганкой назову.

Он вытащил из-за пазухи колокольчик и повесил новорожденному на шею. Амуланга постелила сена на пол клетки. Джамуха положил ягненка, бережно укрыл его старым ватником. Ягненок тут же вскочил, завертел головой, звеня колокольчиком.

— Еще один! — крикнула Амуланга из глубины кошары.

Ребята разом бросились к ней.

Рядом с лежащей овцой выглядывала мордочка новорожденного.

— Ух ты-ы! — протянул Бадма.

— Чего стоите? Сена давайте! — распорядился Джамуха.

Ребята помчались за сеном.

— А ты чего? — строго сказал он Кермен.— Клетки подмети!

— А вот еще один! — радостно крикнул Бадма, останавливаясь с охапкой сена около барьера.

— Давай, давай! Шевелись! — раздался звонкий голос Джамухи.

Кермен и Амуланга возились в глубине кошары.

— Сюда! И вот здесь! — показывал рукой Джамуха.— Сейчас много будет!

— Чего это они? — удивился Наран.— Как взбесились.

— К непогоде. Дождь, наверное, будет,— пояснил Джамуха и кричал на Нарана: — Ну чего стоишь?!

По приказу Джамухи ребята разбрасывали сено, стараясь устлать его ровнее.

Откуда-то из глубины кошары стал нарастать непонятный гул. Сначала заблеял первый новорожденный, ему отозвалась матка. По дощатому настилу затопали копытца. В эти звуки вплетались новые, нарастали, густая волна шума медленно поднялась под крышу, заполняя все пространство кошары. Ребята заметались.

— Сено смени! — крикнул Джамуха Нарану, бежавшему ему навстречу, и показал на ягненка.

— Зачем?

— Мокрое.

— Я только сейчас положил!

— Делай, что говорят! — рассердился Джамуха и побежал, скрылся в глубине кошары.

Наран остановился, провел рукой под ягненок — рука стала влажной.

— Куда кладешь? Не путай! — крикнул Джамуха Бадме, увидев, что тот подклады-

вал в клеть второго ягненка. И снова возник перед Нараном: — Ты что, уснул? Сена давай! Шевелись, стратеги!

Наран и Бадма выскочили во двор, вырвали из стога по охапке, помчались в кошару.

Прижавшись к столбу, с испуганными глазами стояла Кермен.

— Ты что? — подбежала к ней Амуланга.

Кермен замотала головой, протянула ягненка.

— Это не я,— сказала она.— Я его взяла, а он... Я ничего ему не сделала. Он... он уже такой лежал.

— Мертвых — туда! — Амуланга показала в угол кошары.— Да не стой ты! Неси!

Кермен попятилась, побежала...

— Джамуха! — заорал Бадма.— Сюда! Джамуха!

— Чего? — Джамуха был уже рядом.

— Смотри! Не дышит! — Бадма показал еще одного мертвого ягненка.

Джамуха прижался к морде ягненка, начал вдвухать ему в рот воздух, потормошил его. Тщетно.

А ягнят становилось все больше. Словно в предчувствии какой-то беды матки торопились окотиться, освободиться от плода, нервничали.

Треть клеток была уже заполнена, и каждому ягненку нужно было подстелить сена, убрать мокрое.

Кермен чистила клетки — выметала окатышки. Амуланга носилась в глубине кошары от одной матки к другой. Ребята выносили на просушку мокрое сено, приносили сухое. Натужно кричали овцы, сучили, скребли по полу копытцами, блеяли новорожденные. Многоголосый гул рос, уплотнялся...

Конь нервничал, боязливо ржал, рвал повод.

Волчица стояла на кургане. Насторожено следила за чабаном. Чабан поднялся, сжал ружье. Волчица оскалилась.

— Чужой человек пришел в степь. Обидел тебя,— сказал чабан.— Но они люди, ты — зверь. Ты не простишь...

Резкий порыв ветра прошелся по земле. Зашуршала, ломаясь с сухим треском, трава. Черные тени бежали по степи. Снова заржал конь. Загудели идола, запели горловым пением, раздваивая голоса, как при буддийской молитве: нн-н-ннг-га-а-аа...

Волчица напрягилась, готовясь к прыжку, присела.

— Не виновата ты. Отпустил бы я тебя, да ведь ты не уйдешь... А у меня окот начинается,— говорил чабан.

Вспышка молнии залила степь мертвой белизной. Волчица прыгнула. С ударом грома слились два ружейных выстрела. Тело волчицы сбило чабана с ног. Чабан лежал не двигаясь. Степь замерла. Все звуки пропали — только гудели идолы.

Потом зашипел почерневший воздух. Первые тяжелые капли дождя застучали по траве.

Чабан приподнялся, свалил с груди мертвое тело волчицы, сел. Пальцы его медленно сжали в кулак свалывшуюся шерсть зверя.

Дождь бил по морщинистым щекам старика.

Вспыхнула молния. Запоздало ударил гром. Редкие и тусклые окна в кошаре жалобно зазвенели.

Кермен вздрогнула, разогнулась, встревоженно посмотрела на дверь, откинула прядь волос, размазав по лицу грязь и овечью кровь.

Бадма, выбежавший за сеном, зажмурился, ослепленный вспышкой. Земля загудела, застонала. Тусклые электрические лампочки в кошаре вспыхнули и погасли.

— Свет! Свет давай! — кричал Джамуха.

В наступившей черноте гул усилился, уплотнился, вздыбился. Кошара плакала, вскрикивала, стучала и выла на разные голоса.

Хлестнул проливной летний дождь.

В кошару вбежала Амуланга с двумя керосиновыми фонарями, поставила у входа и снова нырнула в дождь. Держа над головой фонари, Наран пробирался среди овечьих тел...

— На столб! На столб повесь! — кричал из темноты Джамуха.

В кошару, мокрые от дождя, вбежали Амуланга и Бадма. Каждый нес по паре фонарей. Перешагивали, перепрыгивали через овец. Серыми валунами ворочались овцы, свалились в кучу, стояли плотной стеной, не давая развесить фонари.

— Сено мокнет! — вынырнул из темноты Джамуха. — Затаскивай!

Амуланга пыталась из обеих рук кормить ягнят молоком из бутылочек.

Шатаясь от усталости, несла ягненка Кермен. С охалками сена появлялись в дверях Наран и Бадма, кидали на пол и снова ныряли в темноту.

А ягнят все прибавлялось...

Бадма опустил новорожденного в клеть. Ягненок схватил его за палец, причмокивая, стал сосать. Отталкивая его, к руке потянулся другой. Орут матки, плачут ягнята, стараясь не раздавить новорожденных, ме-

чутся между ними сакманщики в полумраке. Голоса и крики перемешиваются, слипаются.

Сквозь прохуdivшуюся крышу хлынул поток, заливая с таким трудом сбереженное сено. Бросилась с ведром Амуланга, поставила под звонкие струи, но ведро тут же опрокинуло взбесившиеся от страха овцы. Огромная лужа растекалась по кошаре. Наран схватил Бадму за грудки:

— Ты крышу чинил? Лезь, гад! Хоть головой заткни!

— Ребята, не надо! Оставь его, Наран! — взвизгивает Кермен, бьет Нарана мокрой тряпкой по лицу.

Наран не уворачивается, трясет Бадму. Кермен наконец удается разнять ребят. Бадма молча бросается из кошары.

Молнии. Гром. Ливень.

Бадма приставляет лестницу к крыше. Скользят по ступенькам ноги. Бадма поднимается по лестнице с куском брезента под мышкой. Осторожно пошел по скату. Над его головой с шипением разламывается стальной штык молнии. Гром. Оглушительный, как залп. Бадма от неожиданности сжимается, прикрывая голову руками. Брезент падает, медленно скатывается по крыше, плюхается в лужу.

— А-а-а! — в бессильной ярости орет Бадма, колотя кулаками по крыше.

Съезжает на спине вниз, падает в лужу. Поднимается, прихрамывая, бежит к брезенту, пинает в ярости ногой. Снова поднимается по лестнице.

Устало прислонившись к столбу, Кермен с удивлением разглядывает свои руки. Кроваво-грязные, вспухшие — они кажутся чужими. Пальцы мелко дрожат. Пробует ими пошевелить — они не гнутся.

— Отдохни немного! — кричит ей в ухо Наран, держа в руках ягненка.

Нарана и самого шатает. Кермен мотает головой, уходит в полумрак кошары.

Привалившись к клетке, на полу сидит обессиленный Джамуха. Рядом с ним валяется бутылка с соской. Вытянув шею, ягненок жадно сосет палец на грязной руке Джамухи.

Стихает шум дождя. Медленный рассвет поднимается над степью. Гул в кошаре ослабевает. Тяжело переступая ногами, сакманщики выходят из кошары. Не в силах добрести до дома и умыться, они присаживаются на мокрую скамью. Впервые за эту ночь.

И еще раз повернулось колесо Времени. В родниковой прозрачности воздуха застыла степь. Калмыки говорят: ночь — это вдох Великой пустоты, а день — это выдох. Между вдохом и выдохом жизнь на мгновение останавливается, чтобы умереть и

снова родиться. Такое мгновение увеличивает день на одну овечью шкуру. Томительная тишина таинства рождения. Еще вчера тускло-ржавая, степь уже напиталась влагой бессмертия и, могучая, забуйствовала яркой зеленью до самого горизонта.

Слишком устали ребята, чтобы заметить это.

На травах дрожали, переливались под солнцем капли дождя. Вспыхивали в густой и сочной траве алые тюльпаны. Первые в этом году.

Рождалось звонкое прозрачное утро.

Над умытой землей застрекотали, зачвиркали на разные голоса разбуженные птицы. Орел плавал в холодной свежести неба, совершая круги удачи...

Амуланга трет лоб рукой, пытаясь отогнать тяжелый беспощадный сон, шепчет:

— Теперь день и ночь котиться будут. Дежурить надо...

Наран кивает, медленно, устало.

Положив голову на плечо Бадмы, спала Кермен. Около ее грязных сапог, вырвавшись из-под земли, робко качал головой тюльпан. Амуланга присела на скамейку рядом с ребятами, на мгновение смежила веки и тут же провалилась в пустоту...

Спит Бадма, спят Амуланга и Кермен, спит Наран...

На точку тихо въехал чабан. Спрыгнул с коня, подошел к ребятам, посмотрел, но будить не стал. Тихо прошел в кошару.

Непонятный скрежет раздавался во дворе чабанской точки. Веки Нарана дрогнули. Он с трудом открыл глаза. Удивленно смотрел, как чабан выдергивает гвозди из столба. Наран вздохнул:

— А дырки от гвоздей... все равно останутся.

Из кошары робко выглянул ягненок. Удивленно и доверчиво посмотрел на ребят, на чабана.

Моргнул, увидев мертвую волчицу.

Капля с крыши упала ягненку на нос. Он фыркнул, мотнул головой и, позванивая колокольчиком на шее, бочком запрыгал по двору осваивать незнакомый сверкающий мир.

Разламывая в лужах качающееся солнце, с крыши падали редкие капли, тихо и задумчиво вызванивая мелодию песни, сочиненной Бадмой:

Так солнце обнажает суть:

В кипенье жидкого металла

Есть только обновленный путь

И бесконечное начало...

ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ФИНН (родился в 1940 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. Сотрудничал в московских газетах и журналах, написал ряд сценариев документальных фильмов. С 1968 года работает в художественном кинематографе. П. Финн соавтор сценариев полнометражных фильмов «Миссия в Кабуле», «Заблудшие», «Всадник без головы», «Сломанная подкова», «Вооружен и очень опасен», а также автор сценариев фильмов «Объяснение в любви» и «26 дней из жизни Достоевского».

ПАВЕЛ ФИНН

ОЖИДАНИЕ

Внимание, внимание, на нас идет Германия! Внимание, внимание, на нас идет Германия!

Ноги... ноги... еще ноги... и еще... Босые детские ноги, по щиколотки, по коленки в жирном буром месиве...

Сбившись в кучу, в рубашонках, порточках, а кто и вовсе в чем мать родила, роились мальчишки над лужей, и грязь из-под пляшущих ног летела в горящие восторгом, орущие лица.

— Внимание, внимание, на нас идет Германия! Внимание, внимание, на нас идет Германия! Германия! Германия! Германия!

На дне неглубокой свежей ямы человек со «Славой» на остром лацкане пиджака, крепко нажимая сапогом, вгонял в грунт лопату. Каждый раз, распрямляясь, он поднимал на лопате большой сырой ком красноватой блестящей земли и кидал на траву.

За оврагом, за роцей, не останавливаясь возле дощатой платформы, шел поезд. «Москва — Ереван» было написано на эмалированной табличке на его зеленом боку.

Вперед, вперед, скорый! Мелькнуло в одном окне какое-то семейство: мужчина, женщина и мальчик за черным стеклом. Кто? Кто? Вот беда, лиц не разобрать.

Вдоль насыпи за поездом, но отставая от него навсегда, медленно, хотя на самом деле быстро, в рассеивающемся паровозном дыму летели на двух велосипедах девочки-подростки.

У той, что ехала впереди, было восточного типа красивое, томное лицо с черными бровями.

Другая девочка, маленькая, вся из острых косточек, с живым и ехидным личиком, поднимала вверх руку, на которую была надета кукла-Петрушка в ярко-синем колпачке.

Красивая велосипедистка вдруг откинула назад руки и, вращая педали полными ногами в белых гольфах, громко, без слуха запела:

— Нет, не глаза твои я вспомню в час разлуки...

Ее подруга подняла Петрушку еще выше и задвигала внутри него пальцами, отчего рот куклы стал забавно шамкать.

— Нет, не глаза твои я вспомню в час разлуки,— запела она тоже,— не голос твой услышу в тишине, я вспомню ласковые, трепетные руки...

Дорога отворачивала от насыпи, огибала подножие холма и лезла вверх, переходя в

деревенскую улицу со строем бревенчатых домов, с яблоневыми и вишенными садами.

Мальчик лет шестнадцати, ухватив за воротник другого мальчика, маленького, девятилетнего, до ушей вымазанного жидкой грязью из лужи, вел его по улице.

Старший, в безрукавке и черных заплятанных брюках, был почти уже юноша, тонкий, высокий, с нежным лицом и суровыми голубыми глазами.

Маленький упирался изо всех сил, кусался и выл. Но старший был безжалостен. Он молча тащил его.

А по пятам за ними неотступно следовал здоровенный парень с блаженно улыбающимся полуоткрытым ртом.

Они шли мимо участка, на котором толпился народ, разглядывая обуглившийся угол дома и дерево со срезанной верхушкой.

Ярко-розовая, сияющая, бесстыдно развороченная говяжья туша лежала в стороне, на клеенке.

За столом, под деревом, весело хмельной мужик с голыми красными руками тяпал топором и получал деньги. Люди отходили от него, унося в ведрах большие кровавые куски мяса с осколками костей.

Старший тащил младшего, а тот не переставая выл, захлебывался и тянул носом.

Блаженный улыбаясь шел за ними.

Еще на одном участке стояли в траве скамья и табуреты. Нарядные, с застывшими мертвыми лицами, сидели старик со старухой, положив на колени свои грубые, темные руки.

Молодой человек в тенниске, высокий, с мягким, мятым лицом, глядел на них в визир «фэда», укрепленного на тонконогом штативе.

А блаженный все шел за мальчиками, не сводя со старшего преданного, ласкового и бессмысленного взгляда.

Старший толкнул ногой калитку.

Добротный, крепко сложенный дом давней деревенской постройки стоял на большом участке. За домом — сад и огородные грядки.

— На море я была ровно за год до войны, — говорил женский голос. — Я была еще беременная Сашкой. В Гагре, в санатории водников, с мужем. Эти волны, этот воздух!

— Да, я тоже мысленно представляю себе море, — сказал мужской голос. — Как оно набегает на берег и плещет.

— Ах, Боря! Знаете, море — это так прекрасно!

Блаженный остался на улице. Встав на нижнюю перекладину, он глядел поверх забора и улыбался.

— Вот, мама! — крикнул старший мальчик, не выпуская младшего, заревавшего и

покрытого уже засохшей грязью. — Вот твое воспитание!

Мама, покинув молодого мужчину за круглым столом под вишенными деревьями, уже шла к сыновьям.

Ей было тогда, наверное, лет тридцать пять, но выглядела она моложе, со своим очаровательным овалом лица, золотистой розовой кожей и огромными голубыми глазами, вечно немного испуганными.

— Что из него вырастет? Что? — крикнул старший. — Уличное ничтожество?

— Проклятый Митька! Дурак! — младший вырвался и кинулся на него с кулаками. — Ненавижу тебя!

— Мальчики! — слабо вскрикнула мама. — Мальчики!

Митя, усмехаясь, отстранялся от ударов, но вдруг рассвирепел, поднял брата, понес его к большой кадке с водой и окунул туда с головой.

Человек по имени Борис подходил к ним по дорожке. Ему было не больше двадцати пяти. Красивая, самоуверенная актерская внешность.

— Кстати, напрасно, — дружелюбно сказал он Мите. — Вода не в то горло, и — привет!

Младший уже стоял перед бочкой и отряхивался, как кутенок.

— Я предлагал вам с папой отдать Сашкино воспитание целиком в мои руки, — Митя демонстративно не обращал внимания на Бориса. — Теперь все! Но вы еще будете плакать!

— Какой ты злой, — тихо сказала мама. — Откуда у тебя это?

— Я вообще могу уехать с дачи! — крикнул Митя.

Он скрестил на груди руки и пошел к забору. Блаженный улыбался ему радостно. Митя отвернулся.

И в глубине участка увидел гамак между двумя деревьями и рыжую девчонку, раскачивающуюся, сидя в гамаке.

Назад-вперед, назад-вперед. Дерзкие, зеленые, как у ведьмочки, глаза на круглом, яблочном, но необычайно привлекательном в озарении рыжих жестких волос семнадцатилетнем личике.

Назад-вперед, назад-вперед. Ситцевое старенькое платье задралось, нахально открывая бедра.

— Зойка, черт! — кричала с соседнего участка женщина с орущим ребенком на руках. — Домой иди, паршивка!

— Господи! Да отвяжитесь вы, мама! Видите, я же качаюсь!

Назад-вперед, назад-вперед.

Сумрачный Митин взгляд был прикован только к этому солнечному рыжему пятну среди зелени.

— Ну не надо, не надо, маленький,— стоя на коленях, мама обнимала Сашку.— Он же любит тебя. Правда? Не надо. Он только хочет, чтобы ты вырос у нас настоящим, серьезным человечком. Ты же знаешь нашего Митю...

Она гладила его по голове, целовала, но то и дело виновато поглядывала снизу на Бориса, как бы прося его извинить и полюбить ее сыновей.

— Ну не надо, не надо, мой хороший,— говорила она сыну,— у тебя такой день сегодня, у тебя такой день...

У Сашки опять горестно задрожали губы. Он вырвался, побежал к дому и — на крыльцо.

Белая мордочка козленка уставилась на него из темноты сеней.

Сашка всхлипнул и пошел по коридору.

Направо был виден дымно-солнечный куб комнаты с кустами сирени за распахнутым окном. Луч пробивался сквозь листву, тянулся к стулу посреди комнаты и горел на голубой шелковой рубахе, висящей на спинке.

«Всемерный подъем развития производства средств производства в текущем сорок девятом году принял самые широкие...» — бормотал голос из почти невидимой в углу комнаты черной тарелки репродуктора.

Прямо по коридору, на кухне, возле русской печки, стоял на столе медный самовар с мятыми боками.

В дверном проеме, как в раме, был виден за столом старик с большими седыми усами, в неподпоясанной выцветшей до белизны гимнастерке и босой. Он держал на пальцах блюдечко и дул на него.

Спиной к коридору сидел за столом еще кто-то, со светлым загривком, в белой рубахе.

Пожилая женщина с полным серьезным лицом, стоя, держала под витой самоварной струйкой граненый стакан на блюде.

— Сашенька пришел,— взглянула она на мальчика.

Обладатель белой рубахи тоже обернулся. У него было молодое лихое лицо с блондинистым чубом. Он подмигнул Сашке.

Сашка заревел и бросился влево, туда, где коридор расширялся и стояла приставная лестница, ведущая на чердак.

Он вскарабкался по ней.

На чердаке было полутемно. С балок свисали лохмы паутины. Разбитая люлька, сундук, тележное колесо, хомут, ржавые пилы, сломанные стулья попадались Сашке.

Он пробрался к покрытому жирным матовым слоем пыли слуховому оконцу с выбитым углом, сел, прислонился к широкому печному дымоходу и стал водить пальцем по стеклу.

Отсюда открывался мир под голубым сводом, солнечное пространство, чередование зеленых и черных полос земли, холмы, река под горой, леса, железнодорожное полотно, дорога.

— Товарищ Сталин! — вдруг горько сказал Сашка.— Что же они со мной делают?

В оконце возникли две фигуры на дороге. Они медленно выросли над краем холма.

Мужчина и девочка с букетом полевых цветов. Мужчина и тринадцатилетняя девочка, которую, впрочем, легко было принять за мальчика.

У мужчины был круглый и совершенно лысый загорелый череп, безбровые маленькие глазки, лицо в складках, могучие бицепсы, плечи и торс атлета.

Девочка, в шароварах и желтой матерчатой курточке, была худа и тонка. Лицо у нее тоже было безбровое, белое, а соломенные прямые волосы коротко подстрижены.

— Котовский! — кричали мальчишки и бежали за ними.— Котовский! Котовский!

Окруженные мальчишками, мужчина и девочка пересекали пустынную деревенскую улицу и приближались к дому.

Блаженный торчал у забора. Мама шла к калитке. Усатый старик копал на огороде. Митя качал гамак с рыжей Зойкой. Борис и человек, снимавший недавно «фэдом», сидели под деревьями.

На серых досках стола, одной толстой ногой вросшего в землю, в сухие палые листья, стояла бутылка грузинского вина. Рядом в дырке, образовавшейся после выпавшего сучка, торчал сухой цветок.

Молодой человек возился с фотоаппаратом, открыв его заднюю стенку, и менял кассеты с пленкой.

— А из оврага поднимешься — деревенька,— говорил он.— Гораздо этой бедней, совсем бедная. Однако при ней церковка. Я попросился, открыли, взлез я с божьей помощью на колокольню. Мама родная! Значит, которые строили, думали, собаки, какая вечно будет оттуда необыкновенная красота! Вот в чем тайна, Борька!

— Я хочу расправить крылья,— сказал Борис.— Понимаешь ты это состояние?

— Портрет! — нацелился на него аппаратом собеседник.— У тебя, Борька, нос утиный, вот чего тебя в кино не берут.

— Я сейчас весь на взводе, Коля,— сказал Борис и встал.— Я весь, как пружина!

И пошел по дорожке к забору.

Там, рядом с изумленной мамой, на руках, вверх ногами стоял худощавый человек с голым черепом.

Он отставил одну руку в сторону. Девочка вложила в нее букет.

— Вот, Анна,— сказал Борис.— Это и есть наш знаменитый Иван Филиппович.

Иван Филиппович сделал кульбит и вручил маме букет.

— Ап! Знаете, что написано в учебнике спорта доктора Анохина?

— Нет, — удивленно ответила мама.

— Утром встань у зеркала, придай лицу приветливое выражение и сохрани его на весь день.

— Меня зовут Женя, — сказала девочка в куртке, протягивая маме руку. — А где ваш Сашка? Я очень люблю малышей.

— Сашка! Сашка! — закричала мама, оглядываясь.

Блаженный вздрогнул и забормотал что-то, сотрясая доски забора.

Пожилая женщина, которая была раньше на кухне, подошла, вытерла ему рот косынок и стала гладить по голове.

— Васенька добрый, Васенька хороший, — говорила она. — Только Васеньку нашего немец испугал...

— Здравствуй, Александра Ивановна! — приветливо сказал Иван Филиппович. — Что тебя не видно стало?

— Здравствуй, Филиппыч. Опять в дом-отдыхе свою физкультуру показываешь? — Она повернулась к маме: — Я им раньше в дом-отдых молоко носила.

— Проздравляем! Проздравляем!

Девочки-велосипедистки подъезжали по улице к дому.

— Проздравляем! — кривлялся и шамкал на руке Петрушка. — Проздравляем!

Женя незаметно отошла от взрослых, обогнула дом и вступила в заросли лопухов и репейника.

— Сашка! Сашка! — звали девочки.

Сашка, сидя за домом на корточках, осторожно раздвигал поставленные шалашом веточки.

Под ними был спрятан цветок, белый, на тонком одиноком стебле, похожий на лилию.

Сашка грустно смотрел на него.

Вдруг он поднял глаза.

Незнакомая девочка, серьезная, странная, угловатая, стояла над ним.

Она приподняла пальцем вверх кончик носа, склонила голову на одно плечо, на другое...

— Ты умеешь делать акробатику? — спросила она. — Хочешь научу?

Женя сняла шаровары. Ноги у нее оказались длинные, сильные, с мускулами. Расставив их и вывернув носками вбок и наружу, она протянула к Сашке руки.

Он подошел. Ее ладони припали к его ребрышкам.

— Теперь становись ножками мне на бедра. И не бойся. Ап!

Держа Сашку на вытянутых руках перед собой, она отвела спокойный взгляд в сто-

рону, где за деревьями мелькало на солнце что-то яркое, рыжее и пестрое.

Митя, нахмурившись, раскачивал гамак. Красивая девочка сидела на траве рядом со своей ехидной подругой. Велосипеды они прислонили к деревьям.

— Шибче! — кричала Зойка, лежа в гамаке. — Шибче! Шибче!

Ехидная девочка вскочила на ноги, картинно закатила глаза и простерла руки к небу.

— Прощай, наш старый, бедный сад! — воскликнула она. — Я была в белом, в белом, в белом! Он шел мне навстречу. Мои руки дрожали, как листья! Он выстрелил. Ах, я умираю! Я умираю!

Она упала на траву, дернулась два раза и замерла.

Зойка перекинула на землю ноги и затормозила.

— Какая ты, Варька, дура, — сказал Митя презрительно.

— Митя, — с чуть заметным кавказским акцентом спросила красивая девочка, — кто ваша самая любимая литературная героиня?

— Царица Тамара, — насмешливо сказал он.

— А Печорин? — спросила Варя, приподнимаясь.

— Что Печорин? Ерунда! — надменно дернул плечами Митя. — Мне давно уже принципиально нравится Грушницкий.

— Потому что вам все, наверное, говорят, что вы очень похожи на Печорина, — застенчиво сказала красивая девочка.

— Какая надьсь гроза была! — восторженно сказала Зойка. — Молоньи! Молоньи!

Белая рубаша мелькала в деревьях. Играя на мандолине, шел к ним чубатый парень, сидевший раньше на кухне. Он пел:

Гоп со смыком — это буду я,

Гоп со смыком — это песенка моя.

— У него походка человека, который сейчас подойдет и скажет что-то очень глупое, — мрачно заметил Митя.

Он подошел. На плечи его был накинута китель с блестящими золотыми погонами младшего лейтенанта.

Все молчали и смотрели на него.

— Привет, молодежь! — громко сказал он. — Гоп со смыком — это, как говорится, буду я! Жду ответа, ваш Гена!

Варя сразу же зашлась. Рядом смеялась ее подруга. И Зойка хохотала. Даже Митя усмехнулся.

Гена добродушно глядел на них и тоже улыбался.

— Нет, вообще я классику уже осваиваю, — сказал он. — К смотрю я «Светит месяц, светит ясный» готовлю. Ух, у нас

один офицер за спиной виртуозно играет! Такой пример дает!

И опять девчонки покатились. Впрочем, Зойка уже не смеялась.

— А что такого смешного? — сказала она. — Не понимаю.

— Что, рыжая? — взъерошил ей волосы Геннадий. — Жизнь идет?

— А мне смешно! — с вызовом сказала красивая девочка.

— А мне нет, — сказала Зойка.

— А мне все равно смешно!

— А мне нет, — повторила Зойка и вдруг вытнула вперед ногу. — Глянь, Митя, не то заноза у меня?

Митя не двигался с места. Стало тихо. Девочки смотрели на него большими глазами.

Зойка по-прежнему держала ногу на весу и улыбалась.

Митя судорожно вздохнул, опустился на колени перед гамаком, взял в руки Зойкину маленькую, темную от босого хождения ступню и наклонил над ней свое пылающее лицо.

Рядом на огороде Александра Ивановна, хозяйка, выкапывала картошку. Она стрясла с клубней землю и снова согнулась над грядками.

Хозяин, сидя на табурете возле ульев, попыхивал торчащим из усов окурком самокрутки и тюкал молоточком, сколачивая на коленях деревянную раму.

— У меня душа так наболела, что мне больно от всякого, от всякого слова, — громко говорил Борис, стоя у стола. — Мне больно, когда обо мне говорят, а еще больнее, когда меня жалеют. Это мне нож острый!

На столе были тарелки с огурцами и редисом, графинчик. Иван Филиппович и мама слушали Бориса. Он с одобрением, она — с восторгом.

— Одною я только прошу у людей, чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!

Борис замолчал, но продолжал стоять, держа одну руку на груди и глядя куда-то вдаль.

— А у меня никаких талантов, — виновато улыбаясь, шепотом сказала мама Ивану Филипповичу. — И так всю жизнь. Кошмар!

— Во всяком движении имеется свой итог, — тоже шепотом сказал он. — Это правило правил.

Борис сел к столу, выпил рюмку.

— Хочу взлететь! Я хочу взлететь! — сказал он и тут же усмехнулся. — Массовик-затейник хочет взлететь. Куда, несчастный?

— Вы взлетите, Боря, — тихо проговорила мама. — Вы взлетите, я уверена в этом.

Она робко положила ладонь на его руку. Он опять смотрел вдаль.

— Помогите, товарищи, на хлеб, — вдруг услышали они.

Женщина в сером больничном халате и калошах держала за ручку маленькую девочку, оборванную и босую, с торбой через плечо.

— Как интеллигентные люди, — тянула женщина, — с голоду через последствия войны, как вдова и дочь офицера, помогите, чем можете. Пробираясь с Дальнего Востока, ограбили до нитки. Остались голые, семья защитника, просто голые, товарищи, поверьте, просто голые...

Она распахнула халат. Под ним действительно было голое тело.

Девочка безучастно грызла обломок черного сухаря.

И тут мама с ужасом увидела у стола обоих своих сыновей.

— Мальчики, — пролепетала она. — Мальчики.

Борис достал кошелек и опустил женщине в карман деньги.

Она запахла халат, и они с дочерью быстро пошли по дорожке к забору.

— Кстати, все вранье, — глядя им вслед, сказал Борис.

— А я верю! — выкрикнул Митя.

— Потому что я знаю жизнь, — сказал Борис.

— Да? Неужели? Откуда? — издевательски спросил Митя. — А я верю.

— Митя, не смей! — воскликнула мама. — Остановись!

— От верблюда, — холодно и зло сказал Борис. — А за хамство, кстати, отец драл меня, как последнюю собаку.

— Это и заметно!

Митя взял за руку брата, и они направились к калитке.

Мама, бросив на Бориса умоляющий взгляд, — за ними.

Человек в яме был виден уже по поясу. Пиджак он снял и остался в рубашке. Он работал лопатой неторопливо и размеренно, все прибавляя и прибавляя землю к растущей в траве горке.

Мальчишка сидел на краю ямы в отцовском пиджаке со «Славой» на лацкане.

Мама догнала сыновей на улице и молча пошла рядом.

За оградой дома с флюгером и резными наличниками Коля опять втыкал в землю штатив с фотоаппаратом. Парень в кепке, растягивая гармонику, стоял перед ним на крыльце.

Митя обернулся. Блаженный шел сзади, радостно улыбаясь. Но, увидев Митино лицо, остановился.

— А он был на фронте? — вдруг враждебно спросил Митя.

— Он был в театральной бригаде,— сразу поняла его мама.— Они все время выезжали на фронт. Это тоже было очень опасно.

— Как ныне собирается вещей Олег отместить неразумным хазарам! — громко и насмешливо сказал Митя.

— За что ты меня мучаешь? — со слезами в голосе спросила мама.

Улица кончилась. Дорога спустилась в овражек, по дну которого бежал ручей. Через него была перекинута доска.

Выбравшись из овражка, дорога расширялась и, блеская лужами, шла вдоль аллеи старых могучих лип.

Впереди поперек дороги боком стоял легковой автомобиль непонятной из-за расстояния марки.

Навстречу семье от автомобиля шел человек.

— Папа! Папа! — завопил Сашка и побежал к нему.

Отец подхватил его на руки.

Ему было тогда, наверное, года сорок три. Он был невысок, с умным некрасивым лицом, с лысеющей большелобой головой и полнеющей плотной фигурой. На нем была рубаха с короткими рукавами.

Он прижимал к себе Сашку и, улыбаясь, ждал Митю и маму.

— Старик, нельзя же так расти. В кого? — он положил руку на Митино плечо.— Это плевок в мою сторону.

— На нем все горит,— сказала мама.— Знаешь, кого он мне напоминает? Овода. И ему будет так же тяжело в жизни.

— Нюша! — Отец опустил Сашку на землю.— Ты меня сейчас убьешь. Я не привез за этот месяц ни копейки.

— Да? Но кроме того — ягоды, кроме того — молоко!

— Нюша! Я подлец!

Словно забыв о детях, они, разговаривая, пошли по аллее.

Митя и Сашка — сзади, глядя на них, идущих рядом.

— А он останется? — спросил Сашка.

— Нет,— сухо ответил Митя.

— А вдруг останется? — спросил Сашка.

— Заткнись! — взорвался Митя.— Понял? Заткнись!

Автомобиль «БМВ» увяз в луже. Чернявый, с усиками, человек ходил вокруг и с сомнением постукивал носком парусиновой туфли по шинам.

Услышав шаги, он повернулся, поцеловал мамину руку, потом достал из кармана губную гармонику и заиграл на ней.

— Хочешь, стих скажу? — присел он перед Сашкой.

— Хочу,— стесняясь, прошептал Сашка.

— Свершилась жизни драма, закончен

жизни путь, течет вода из крана, забытого заткнуть!

Отец улыбаясь открыл дверцу автомобиля и взял с сидения портфель.

— Это вам, сударь. На день рождения,— сказал он Сашке, доставая большую книгу.— Тут я тебе написал: «Александр, выростай достойным героев Гайдара».

Он поцеловал Сашку и отдал ему книгу. Чернявый сыграл марш.

— Это тебе,— отец протянул Мите сверток.— В коллекцию.

В бумаге были завернуты два ордена. Один круглый, покрытый белой эмалью, с красным японским солнцем посередине. Другой — черный немецкий крест с серебряной свастикой.

— Ух ты! — восторженно проговорил Митя.— Здорово!

Чернявый весело заиграл на гармонике. Сашка подпрыгнул с книгой под мышкой, потом подпрыгнул еще раз и еще.

Отец и мама умиленно глядели на него.

— Папа! — серьезно сказал Митя.— А как ты считаешь, если бы не убили Робеспьера, революция могла бы победить?

— Думаю, что нет,— тоже серьезно ответил отец.— Все равно пролетариат был слаб и не имел ни классового сознания, ни организации. Пролетариат все равно шел в хвосте у буржуазии.

— А я считаю,— упрямо сказал Митя,— если бы враги народа не казнили Робеспьера, революция бы победила!

— Тебе так хочется,— мягко сказал отец.— Но, говорю тебе как историк, фантазировать за историю антинаучно.

— Толкнем? — крикнул чернявый, уже сидевший за рулем.

Он включил зажигание. Автомобиль, раскачиваясь, рвался из чавкающей грязи. Отец, Митя, Сашка и мама налегали на него сзади, и лица у них были одинаково напряженные и азартные.

Автомобиль рванулся в последний раз и медленно поехал.

Отец поцеловал сыновей. Они все трое шли за автомобилем. Отец обернулся к маме. Она одна стояла на дороге, придерживая поднятую ветром юбку.

Отец влез на ходу в кабину. Выглядывая в окно, он махал рукой. Чернявый, выглядывая с другой стороны, кричал:

— Раньше женщина была, как ненужная бадня, а теперь эта бадня — и директор, и судья! — и тоже махал рукой.

Автомобиль катил по дороге и становился все меньше и меньше.

Они пошли назад. По аллее. Мама впереди, они сзади. Молча. И так перешли ручей и поднялись по склону овражка.

— Поводимся? — вдруг крикнул Митя, цепляя ногой ржавую банку.

— Поводимся! — Сашка с восторгом кинулся отнимать ее.

Но Митя усмехаясь ловко вел банку, легко обводя суетящегося вокруг него младшего брата.

Тут девочка Варя появилась на своем велосипеде.

— Вам барыня прислала сто рублей,— бросила она в Митю цветок,— «да» и «нет» не говорите, черный с белым не берите... Вы поедете на бал?..

— Ладно,— кивнул он маме.— Привет. И пошел рядом с велосипедом.

Парень Митиных лет, подергивая вожжи, сидел на краю телеги, на которой сталкивались и гроыхали огромные молочные фляги.

Варя и Митя свернули с улицы за дома и огороды. Варя слезла с велосипеда и за руль повела его с горы. Внизу блестела река. Мальчишки с криком вбегали в воду.

По запруде они перешли на другой берег. Там рос кустарник и начинался постепенно густевший лесок.

За деревьями были видны окна, балконы и крытые шифером и черепицей крыши больших дач.

Высокий зеленый забор тянулся к лесу. Они вошли в ворота.

Огромная серая овчарка, похожая на волка, сразу же большими прыжками понеслась им навстречу.

— Ингул! — позвал ее чей-то голос.— Ингул!

Собака села и, вывалив тонкий язык, стала внимательно смотреть на Варю с велосипедом и Митю, идущих по дорожке.

Двадцатилетний малый в кожаной куртке возился под капотом «победы», стоявшей в каменном гараже.

Варя и Митя шли мимо большого двухэтажного дома. Нижняя веранда, выступающая вперед фонарем, была застеклена цветными квадратами.

На ней за овальным столом с белой скатертью, на которой шевелились синие и красные блики, сидел человек в очках и с газетой. Перед ним стоял стакан чая в подстаканнике.

Варя вдруг отстала от Мити.

Красивая девочка с распущенными волосами, подперев голову рукой, сидела в беседе. Тетрадки, учебники и карандаши были разбросаны на столике.

Митя вошел в беседку, присел рядом на плетеный стул. Она протянула ему тетрадь. И пока он читал, она взволнованно смотрела на него своими темными влажными глазами.

— Что это? — сердито спросил Митя.

— А что? — испуганно прошептала она.— Неправильно?

— Что это за тупость? — потряс он перед ее лицом тетрадкой.— Что здесь накаликано, черт возьми?

— А что? — повторила она.— Я не знаю.

— Миленькая моя! — он перечеркнул карандашом страницу.— Вы так в жизни в десятый не переползете! В жизни! Это я вам обещаю!

Она горько вздохнула, не сводя с него глаз.

— Я, например, принципиальный сторонник теории разумного эгоизма,— говорил Митя,— хотя понимаю ее гораздо шире, чем у Чернышевского. Но вам, Ниночка, я долбил, как нужно в школе. Зарубите себе на носу, миленькая моя! Разумный эгоизм Лопухова это и есть то, что отличает его от лишних людей, которых я лично — ненавижу!

— Митя,— тихо сказала Нина.— Я вас люблю больше жизни, Митя.

Варя тут же подпрыгнула в кустах, в которых она все это время пряталась.

— Слезы ручьем струились из глаз! — закричала она, поднимая руки к небу.— Прощай, прощай, прощай навек!

— Нина, вы дура! — Митя кинул на столик тетрадку и вышел из беседки.

Малый в кожаной куртке сидел возле гаража на корточках и бросал собаке палку. Она бежала за ней и приносила в зубах. Он отбирал у нее палку и снова бросал, и она снова бежала за ней.

Митя прошел мимо них.

За воротами, в лесу, между двумя стволами была укреплен тонкая металлическая труба. Молодой человек, слепленный из мускулов, с серьезным лицом выжимался на турнике.

Митя уходил все дальше в лес.

Вдруг впереди, точно из-под земли, возникли глухие толчки и удары духовых.

Небо открылось за деревьями, чуть туманное и как бы светящееся изнутри, каким оно бывает только в жаркий день над водой.

На откосе Митя увидел Зойку. В лифчике и трусиках, она лежала под соснами на спине, с закрытыми глазами, раскинув руки.

Он прижался щекой к стволу. Внизу плавила и чернела река. Духовая музыка была слышна.

Зойка лениво открыла глаза.

— Ты же рыжая,— идущим из пересохшего рта голосом тихо проговорил Митя.— Ты же только сгоришь.

Зойка перевернулась на живот, подняла согнутые ноги и, глядя на Митю, закусил длинную травинку.

Митя опустился на колени. Протянул руки и прикоснулся к ее плечу. И тут же отдернул руку.

— Какая ты горячая,— тихо сказал он.

Зойка, вынув из рта травинку, влажным-ее концом стала медленно водить по его шее, губам, щекам.

— Нет, вообще,— сказала она.— Ты такой наивный.

Геннадий появился над откосом. Он поднимался от реки, довольный, с мокрыми, потемневшими волосами.

— Пойди хоть купнись, рыжая! — кричал он весело.— Ты ж рождена, чтоб сказку сделать былью!

Он сел на траву и стал колупать ногтями пятку.

Зойка встала, потянулась.

— Чтой-то я спеклась вся,— каким-то притворным голосом сказала она, проводя руками по бокам и бедрам.

И пошла к откосу.

— Жду ответа, ваш Гена! — Геннадий вскочил и побежал за ней.

Митя видел, как они, взявшись за руки, сбегают по песчаному откосу, как плюхаются в воду и плывут.

Потеряв их взглядом среди купальщиков, он повернулся и, вломившись в кусты, опять углубился в лес.

Духовая музыка все ближе, все громче.

Грузовик с откинутыми бортами стоял на поляне. В кузове в майках, трусах и шляпах сидели музыканты и играли на трубах.

Три пары танцевали у грузовика.

Остальные — кто во что горазд. Кто с листком на носу лежит на усеянной сплюсненными бумажными стаканчиками траве. Кто поет, встав в кружок. Кто борется, меряясь силой.

А двое, тоже в длинных черных трусах и кепках, друачась, показывали своим веселым подругам акробатический этюд.

Митя — мимо, по лесу, на опушку, по запруде на другой берег, в гору, и задами — на участок и к дому.

Радио что-то бормотало в доме.

Митя открыл дверь из коридора в комнату. После солнца комната казалась черной. Мама и Борис сидели рядом на кровати и целовались.

Митя прикрыл дверь, тихо прошел по коридору и остановился на крыльце.

Хозяин приставлял к стене дома длинную, доходящую до крыши лестницу. Александра Ивановна развешивала на веревке тяжелые пыльные овчины.

За столом под вишнями сидели Иван Филиппович и фотограф Коля.

— Души нет, согласен,— говорил Коля.— Тогда напрашивается вопрос. Сегодня видел старуху. Ну, лет сто. Руки на коленях, лицо из терракоты, а глазки голубенькие, слепенькие, со слезой. Сидит себе, родная, на солнышке. Что ей нужно? А?

— В напряжении вообще больше прилива, чем отлива,— сказал Иван Филиппович.— Вот и используй этот закон сил. Будешь в выигрыше.

— Я российский человек; Иван Филиппович,— сказал Коля.— Мне плакать хоча! Я на Волгу, бурлаком уйду!

За деревьями Женя в своей желтой курточке плела венок, сидя в траве. Сашка, уже украшенный цветами, смотрел на нее.

Вдруг Женя встала, надела на голову венок и принялась изгибаться, будто крутила на себе невидимые кольца и ленты, а руки ее поднимались и тоже двигались и извивались.

Тут послышались какие-то шорохи и шепот. И глаза... еще глаза... И светловолосые головы... За кустами, за лопухами, за репьем...

Деревенские мальчишки подползали к ним. У одного в руках был вырезанный из доски автомат, у другого наган, у третьего сабля. Остальные были вооружены палками.

— Та-та-та! — громко застрочил мальчишка, выставив деревянный ствол.— Та-та-та!

— Ну-ка,— сказала Женя,— идите сюда, мальчики. Не бойтесь.

Они стали медленно вырастать из травы. Но не подходили. Стояли, смотрели на нее.

— Не бойтесь,— повторила Женя.— Я вам покажу упражнения и акробатику. Будем делать пирамиду?

И протянула к ним руки.

— Та-та-та! — закричал мальчишка, тыча в нее автоматом.

— Та-та-та! — тут же радостно заорали все.

Пацаненок в рваном мужском пиджаке подскочил к Жене и стал прыгать, дробно ударяя себя ногтями по зубам.

— Зубарики! Зубарики! — вопил он.— Зубарики! Зубарики!

Все тут же принялись бешено скакать и плясать вокруг Жени, размахивая руками, палками, стреляя и крича.

У Сашки зажглись глаза. Он бросился в визжащую кучу и начал прыгать и беситься вместе со всеми. Но внезапно понесся к дому.

Он пробежал по участку мимо стола, за которым к Ивану Филипповичу и Коле уже присоединился Борис, и взлетел на крыльцо.

Ворвался в комнату и — к этажерке. Мама обернулась к нему. Она стояла у открытого окна. С той стороны, опираясь на тяпку, стояла Александра Ивановна.

Сашка рылся на полках этажерки. Нашел какую-то коробку, сунул под рубаху. По дороге к двери схватил со стола чай-

ник и стал пить из носика, захлебываясь и обливаясь.

— Мы играем, мам! — крикнул он.

И выбежал.

— Между прочим, я тоже когда-то работала на конфетной фабрике, — говорила мама хозяйке. — Даже была ударницей.

— Ты, милая, все найти хочешь, — покачала головой хозяйка. — А ты потерять бойся, потерять.

— Ах, Александра Ивановна! — лицо у мамы стало счастливым. — Так хочется, чтоб тебя любил!

За окном вдоль забора неслись по улице мальчишки.

— Ура! — кричали они. — Чапай! В атаку!

Они скатились по склону холма. Расставив руки и покачивая ими, как крыльями, Сашка подражал урчанию самолетного мотора.

— Артиллерия! — вопили ребята. — Смерть фашизму!

Они обежали вокруг холма и вновь появились на деревенской улице, но уже с другой стороны.

Человек с очень загорелым, словно пропеченным, худым и нервным лицом, в зимней шапке-ушанке и майке, стоял у забора. Улыбаясь, он всматривался в бегущих детей.

У Сашки и еще у двух ребят висели на груди немецкие и японские кресты, ордена и медали.

— Стой! — закричал человек, топая ногами. — Стой, Нюренберг!

Он кинулся к дому, появился оттуда с ружьем и устремился за мальчишками.

Они бросились врассыпную.

Сашка уже один бежал по улице.

Человек в ушанке настиг его у забора. Он швырнул в сторону ружье, повалил Сашку на землю и стал рвать с него кресты.

— Геббельс-Гитлер? Да? — кричал он. — Геббельс-Гитлер?

Митя внезапно налетел на него и оттолкнул от Сашки.

— С маленьким связались? — крикнул он.

— Ты что, сука, за свастику? — зловеще спросил человек и взял ружье за дуло. — Да? За свастику?

Мамино лицо, застывшее в ужасе, возникло над забором. Рядом с ней — Борис и Коля.

Человек поднял ружье над головой.

Митя бесстрашно стоял перед ним, прижимая к себе брата.

— Ты что, солдат? — спокойно и укоризненно сказал Иван Филиппович, заслоняя их. — Против детишек? Нехорошо.

— Ты Орел понимаешь, мужик? Да?

Нет? — всхлипнул человек, опустив ружье. — А Волоколамск? Эх! Я ж воевал!

— А я что, куор доил? — сказал Иван Филиппович. — Иди, иди, дядя.

Человек вздохнул и пошел назад по улице, волоча за собой ружье. Но через несколько шагов остановился, обернулся, угрозил кулаком.

— Я вас зна-а-ю! — протянул он. — Я вас всех знаю! Дачники!

Митя наклонился и стал медленно собирать в траве ордена.

Сашка присел и робко, виновато протянул ему крест.

— Ничтожество! — крикнул Митя. — Кто тебе вообще разрешил?

И влепил ему пощечину и замахнулся еще раз.

Сашка завопил и, оттолкнув маму, ринулся на участок.

— Кто тебе разрешил? — кричал Митя, догоняя его. — Кто, я тебя спрашиваю?

Сашка рыдая влетел в будку уборной и заперся там.

— Кто тебе разрешил, идиот? — тряс Митя дверь. — Кто? Кто?

— Оставь его! — бросилась к нему мама. — Оставь! Звереныш!

Сказала и испугалась. А Митя резко повернулся к ней.

— Мама! Зачем ты ему навязываешься? — отчаянно проговорил он. — Ты же старше его!

Увидел перед собой мамины глаза, обхватил голову руками и быстро пошел прочь, через сад, мимо огорода, на зады.

И сбежал с горы, к реке.

На толстом стволе ветлы над самой рекой лежал на спине мальчик в одних трусах, тубетейке, пионерском галстуке и пел:

В кейптаунском порту с пробойной
в борту
«Жанетта» поправляла такелаж...

Митя вброд по мелкой воде перешел на другой берег. Он уходил в лес, что-то шепча и размахивая руками.

— Граждане, к оружию! — вдруг выкрикнул он, вскочив на пенек. — Республика в опасности! Враг у ворот! К оружию! К оружию, граждане!

На глазах его выступили слезы. А подбородок внезапно стал черным. Он взялся за лицо и с удивлением посмотрел на руку. Рука была в крови. Кровь шла из носа.

Митя лег навзничь на траву.

Он лежал тихий, бледный, серьезный. Голубое небо было над ним.

Маленький, величиной с птицу самолет с просвеченными солнцем крыльями и крошечным пропеллером тихо спускался с неба. Он был совсем, как настоящий.

Митя не отрываясь глядел на него.

Самолетик планировал, планировал, приближаясь к земле, и наконец бесшумно сел в траву рядом с Митей.

А где-то за лесом шел поезд «Москва — Ереван». Вперед, вперед, скорый! Вот и три лица в вагонном окне. Женщина, мальчик, мужчина. Кто? Нет, опять не разобрать!

Человек был виден теперь из ямы по плечи. Он был без рубахи. Женщина с чугуном в руках сидела на корточках рядом с торчащей из земли лопатой и смотрела на него.

Он брал из чугунка горячие картофелины, закусывал хлебом и запивал водой из пол-литровой банки.

Детские руки вырывали из земли траву и обеими пятернями копали в земле ямку. Потом руки положили в ямку белый увядший цветок, похожий на лилию.

— Бедный Домби,— говорил Сашка, посыпая цветок землей и утрамбовывая ее ладонями.— Бедный, бедный маленький Домби...

Цинковое ведро, плеснув через край воду, встало рядом с Сашкой. Темная рука с крупными окаймленными ногтями опустилась ему на голову. Он всхлипнул и прижался к Александре Ивановичу.

— Вот вырастешь, станешь генералом, приедешь к нам,— гладила она его по волосам.— Выйду я, гляну, кто эт к нам приехал? А это мой Сашенька приехал, и весь-то на солнышке блестит, как генерал...

Сашка вздохнул и хлопнул носом.

— Ничего, ничего, детка,— Александра Ивановна подолом юбки вытерла ему глаза и нос.— Ну-ка, дуй, дуй!

Он послушно высморкался. Она взяла ведро и пошла к дому.

Патефонное пенне доносилось из-за деревьев. Сашка поднял голову, улыбнулся и пошел к музыке.

Мама, Борис, Иван Филиппович и Коля сидели за столом с вином и закусками. У их ног на земле играл патефон.

Женя, сидя вблизи в высокой траве, что-то ловко и быстро вырезала большими ножницами из плотной бумаги.

Сашка остановился. Женя на секунду приложила к его лицу белую маску с отверстиями для глаз и принялась вырезать дальше.

Мама повернулась к сыну — она была оживлена и радостна, глаза ее блестели.

— Фу! Руки, руки! Как терка! — обнимая Сашку, сказала она и легонько шлепнула его.— Иди, иди, прыгай!

Сашка побрел по участку.

Александра Ивановна стояла в саду под деревом с корзиной и обирала с ветвей вишни.

По крыше дома ползал на коленях хозяин и приколачивал молотком заплату — серый волнистый лист шифера.

Сашка сломал гибкий прут и зубами снял с него кожу. Прут стал белым. Сашка отважно врубился в крапиву.

Вдруг он замер. Из-за угла дома внимательно глядел на него человек с остриженной наголо головой, в грязном ватнике, из-под которого были видны майка и татуированная грудь. Лицо у него было в щетине.

Сашка закрыл руками глаза. Патефон играл за деревьями.

Когда Сашка открыл глаза, человека уже не было.

Патефон играл. Взрослые были видны в глубине участка за столом.

— Польза есть во всем, Анна Григорьевна, включая состояние,— поглаживая свой голый череп, говорил маме Иван Филиппович.— Воля — это спектр. Это доказано.

— Где мой десятый «б»? — сказал Коля громко.

Он сидел на земле возле патефона и подкручивал блестящей ручкой завод.

— Представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли,— с чувством сказал Борис.— У меня душа так наболела, что мне больно от всякого слова. Мне больно, когда обо мне говорят, а еще больнее, когда меня жалеют...

Мама стала аплодировать ему.

— Я не художник, я дерьмо! — сказал Коля.— Где мой десятый «б»? Где мой двадцать первый год?

— Знаете? — мама обвела всех сияющим взглядом.— Выпьем за того, кто нам все это дал! И этот день, и эту жизнь, это небо над нами! Что бы мы делали без этого человека, страшно подумать! Эту жизнь, это небо!

Все встали, чокнулись, выпили и сели.

— Где Женька Дмитриев, где бедный Вячик, где Рюрик Срезневский,— сказал Коля,— где Мотыка, где Головка, где Офштейн?

— Анна! — Борис взял маму за руку.— Сегодня я понял, что могу взлететь!

— Где Аркаша, где Владлен, где Рыжик, где Ванечка Лаптев?

— Ну, это нехорошо, Коля, когда всем весело,— сказала мама.

Коля подполз к маминим ногам и положил голову ей на колени.

Борис встал, бросил об стол рюмку и пошел к калитке.

Мама, взволнованно,— за ним.

— Бедный Вячик,— говорил Коля, лежа на земле.— Бедный Вячик, бедный Вячик...

Две тетки в платках, надвинутых на брови, с косами за плечами, шли по улице. Одна из них грызла морковку.

Мама стояла перед Борисом и заглядывала ему в глаза.

— Кстати, меня зовут! — обиженно говорил он, обращаясь в сторону дома. — Я только молчал, чтоб не сглазить! Но меня зовут! В провинцию, в один драматический коллектив. Понятно? Зовут!

Митя, стараясь не глядеть на них, прошел мимо. Сзади, улыбаясь, — блаженный.

Митя пересек участок и поднялся на крыльцо.

В доме было тихо. Только радио бормотало.

Кухня была полна горячим и золотым светом. В печи стояла кастрюля, обмотанная шерстяным платком. Митя наложил на тарелку гречневой каши из кастрюли и налил в стакан молока из крынки.

В комнате на кровати, свесив к полу руку, спал одетый Сашка и сладко чмокал во сне.

Митя положил Сашкину руку на кровать и отошел к этажерке.

Он открыл книгу и при этом задел белый матерчатый мешочек.

Деревянные бочоночки лото с цифрами посыпались из мешочка. Они падали и ударялись о доски пола.

Митя обернулся к брату. Но Сашка спал, опять уронив руку.

Однако Митя насторожился и тихо подошел к двери.

Через коридор была еще одна комната, завешанная тряпкой в цветах. Тряпка была сдвинута. Перед зеркалом, висящим на стене, стоял Геннадий.

Митя медленно доедал кашу с тарелки и смотрел на него.

«Резкой критике были подвергнуты строительные организации, по вине которых...» — бормотало радио.

Митя прокрался по коридору и вышел из дома.

Патефон играл. За столом снова были видны мама, Борис и Иван Филиппович. Коля спал на земле.

Хозяин широкими, сильными движениями косил вокруг себя траву.

Митя перешагнул через низенький плетень, отделяющий их участок от соседнего.

Зойка, злая, в старом ситцевом платье, ступала босыми ногами по желтой грязи. Она выливалась из ведра помой в деревянное корытце и отталкивала от него визжащего поросенка.

У сарая выгибался и орал на старом одеяльце спеленутый младенец.

Зойка подпустила наконец поросенка к корытцу. Он затих. Она подняла младенца с одеяла.

Патефон играл за деревьями. Зойка прислушалась, улыбнулась и стала кружиться с ребенком на руках.

— Митя! — увидев мальчика, воскликнула она. — Не могу! В Москву хочу! Наши все девчонки уже домработницами поустраивались. Митенька, рыбонька, поговори с мамочкой! Вы сами бедные, так у вас дружков много. Брильянтовый, серебряный, поговори!

Она потянулась к нему, приподнялась на цыпочки, нашла его рот своими губами и приникла долгим поцелуем.

Митя оторвался от Зойки, отступил на шаг и стоял, глядя на нее расширившимися потрясенными глазами.

— А у него прыщи! — крикнул он. — Я сам видел!

— Неправда твоя, — тихо сказала Зойка, тыльной стороной ладони вытирая мокрые губы. — Неправда твоя, он чистенький.

Митя повернулся и бросился на свой участок.

Там стояла Женя в маске. Она с равнодушным и спокойным интересом смотрела на него сквозь прорези.

— Ну? Что? — зло крикнул Митя.

Он прошел мимо нее и остановился у забора.

Блаженный с улицы улыбался ему и тряс доски.

— Гы-ы-ы! — радостно мычал он. — Гы-ы!

— Уйди, уйди, уйди ты, псих несчастный, — жалобно и умоляюще простонал Митя. — Чего ты от меня хочешь? Уйди! Деревенские ребята бежали по улице. И Сашка вместе с ними.

Митя проводил брата хмурым взглядом, но ничего не сказал.

Сашка и еще один пацаненок свернули за дома и прыгнули на дно старого хода сообщения. Только видно было, как быстро движутся их выгоревшие головы.

Ход привел их в бурьян, разросшийся среди остатков некогда крепкого кирпичного строения, обломков стен и фундамента.

Теперь здесь была свалка.

Мальчики добрались до темной, напоминающей склеп ниши, залезли в нее и сели на корточки, прижавшись друг к другу.

Отсюда были видны запущенный парк, круглый пруд с черной водой, грязно-желтый барский дом в трещинах и белая гипсовая фигура в центре пестрой клумбы.

Из дома вышла тетка с кипой белья. Мальчики смотрели на нее и молчали.

— А у нас в Москве, когда была вой-

на,— сказал наконец Сашка,— бомба в балкон попала и не взорвалась.

— Ври! — недоверчиво сказал пацаненок.

— Честное сталинское! Под салютом всех вождей!

Тетка развешивала на веревке нижние рубахи и пижамы.

Пацаненок покосился на Сашку и толкнул плечом. Сашка — его.

Пацаненок опять, посильнее. Сашка вылетел из ниши, но, схватив за ногу, вытащил за собой и врага. Они покатались по траве.

Пацаненок оседлал Сашку и стал вонзить лицом по земле.

— А у нас в Москве,— говорил он.— А у нас в Москве.

Деревенские ребята тянулись за стариком, у которого в руке был дробовик.

Пацаненок соскочил с Сашки и присоединился к ним.

Не доходя до свалки, старик остановился.

На мусоре, на обедках сидело множество ворон.

— Огонь! — сказал старик и шархнул по ним из ружья.

— Огонь! — завопили ребята, прыгая.— Ура! Огонь!

Старик переломил ствол, вытащил разлохмаченную картонную гильзу и бросил ее ребятам.

Сашка встал с земли и пошел куда глаза глядят.

Нина и Варя катили на велосипедах мимо парка. Они были в голубом и розовом, с белыми воротничками. Нина одной рукой придерживала надетую на руль авоську с большим арбузом.

— Сашка! — закричали они.— Куда?

Он побежал. Они легко нагнали его и, смеясь, поехали с двух сторон, подталкивая колесами, в сторону деревни.

Зойка, стоя у забора, смотрела из-под руки в конец улицы.

Она тоже была в новом платье и туфлях на каблучках.

— Едут! — кричала она, увидев девочек и Сашку.— Едут!

Иван Филиппович и Борис выносили из дома стол. За ними — Митя со стульями и мама со стопкой тарелок.

Девочки въехали в калитку. Нина держала над собой арбуз.

— Но, но, лошадка! — кричала Варя, наезжая на Сашку передним колесом.— Но, сивка!

Митя опять тащил из дома стулья. Скатерть он накинул на себя, как плащ.

Напротив крыльца Иван Филиппович и Борис удлинили стол доской и подперли ее козлами. Мама и Зойка на-

чали накрывать это сооружение белой с вышивкой скатертью.

Сашка стоял в стороне и угрюмо глядел на происходящую вокруг суету.

Мама оглянулась на него, подскочила, схватила за руки и стала подпрыгивать, дергая его и напевая:

Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем,
Печаль-тоску раздрыгаем, раздрыгаем...

Но тут же бросила его и побежала в дом.

На кухне за столом, над тарелками с едой, сидели Александра Ивановна, хозяйка, Геннадий и еще какая-то женщина средних лет с длинным лицом и хитрыми глазами.

Все медленно хлебали горячий суп.

Мама взяла стоявшее в печи открытое «чудо» с выложенным вишнями пирогом и понесла его в коридор.

— Эх! Выпьем, старая старушка бедной юности моей! — Женщина потянулась с рюмкой к хозяйке.— Какие богатые-то бывают, ты еще и не знаешь, Шура! Какие клады, какие достояния!

— И чего мы лаемся, грешные? — покачала головой Александра Ивановна.— Чего грыземся?

— Я ж и говорю,— обрадовалась женщина.— Времена островские наступают, Шура!

Геннадий встал из-за стола, вытирая губы.

— Пишите письма, ваш Гена! — громко и весело сказал он и вышел.

Дверь налево по коридору была открыта. Сашка с видом мученика стоял посреди комнаты. На нем была голубая шелковая рубаха и короткие штанишки с бретельками.

Нина, встав перед ним на колени, завязывала у него на шее красную с белыми горохами бабочку. Варя металлической гребенкой делала причёску с пробормом.

Геннадий вышел на крыльцо.

Мама украшала стол цветами. Иван Филиппович резал арбуз. Борис открывал штопором бутылки. Зойка накладывала на блюда густую коричневую тянучку из банок.

Митя нес из дома складную ширму.

Из деревьев вышла Женя, ведя за собой стайку серьезных и испуганных деревенских мальчишек.

Коля, заспанный, опухший, появился с ведром в руках.

Он поднял ведро и стал лить на себя воду, закрыв глаза и наслаждаясь. Потом надел пустое ведро на голову и трижды постукал кулаком по днищу.

— Черт его знает, — сняв с себя ведро и удивленно улыбаясь, сказал он. — Что все это было? Как будто зима, дорога и все мы куда-то едем. И на мне какой-то тулуп идиотский! Черт его знает, зачем это.

— Проздравляем! Проздравляем! — Вариным голосом звонко закричал Петрушка, дергаясь над краем ширмы.

Деревенские ребята и Сашка сидели перед ширмой на длинной лавке, ели вишневый пирог и тянучку с блюдца.

Мохнатый пес возник рядом с Петрушкой и спросил голосом Нины:

— Кого ты сегодня поздравляешь, Петруша?

— Сашу.

— А что же ты ему подарил, Петрушечка?

— Цветочки, — Петрушка нырнул вниз и поднялся с букетиком ромашек. — И еще стих!

— Ты стих сочинил? Вот молодец, Петруша! Какой?

— День рожденья раз в году, раз в году у Саши праздник, я тебе желаю, Саша, чтобы не был ты проказник!

Дети радостно засмеялись.

Блаженный уже дежурил на своем обычном месте за забором. Он обнимал доски и улыбался.

Геннадий кругами ездил по участку на Нинином велосипеде. Правая штанина у него была заправлена в носок. Он играл на мандолине.

Коля с крыльца наводил аппарат на сидящих за столом.

— Тайная вечеря! — крикнул он и нажал на спуск.

— Анна Григорьевна! — поднял рюмку Иван Филиппович. — Что я хочу сказать? Каждый отрезок пути равносильен. Ответ внутри. Успех дает бодрость! Этого не забывайте! С именинником вас!

Геннадий подъехал к столу и, не слезая с велосипеда, выпил рюмку, держась за Зойкино плечо.

— Выпей, — Борис подмигнул Мите. — Легче будет.

— Я не пью.

— Да выпей, мать не видит.

— Я не пью, — повторил Митя.

Подошел Коля, сел, налил себе.

— Ешьте! Ешьте! Все ешьте, пожалуйста! — жалобно сказала мама. — Я обижусь!

— Все люди, как говорится, делятся на две категории, — сказал Иван Филиппович. — Это закон.

— Сниматься! — крикнул Коля и поворотом от стола два стула.

Геннадий ездил вокруг и брэнчал на мандолине.

Мама и Борис сидели на стульях перед Колей.

— Сашка! — крикнула мама. — Иди к нам!

— Он же смотрит Петрушку! — громко сказал Митя.

— Сашка! — крикнула мама. — Иди, иди!

Подбежал Сашка и прыгнул на колени к Борису.

— Семейный портрет! — крикнул Коля и нажал на спуск.

Митя, нахмурившись, придвинул к Зойке блюдо с арбузом.

— Не, я их не люблю, — весело сказала Зойка. — Мне от них холодно.

Нина и Варя, взяв за руки деревенских ребят, образовали круг, в центре которого был Сашка.

— Как на Сашенькины именины испекли мы каравай, вот такой нижины, — пели они, приседая, и поднимались на цыпочки, — вот такой вышины...

Все быстрее кружились они, все быстрее и быстрее. Сашка попытался вырваться из круга, но они не пустили. Все быстрее, быстрее, быстрее... И все вместе свалились в траву...

— А что бедному ребенку помнить? Зачем ему помнить? — стоя у стола, с воодушевлением декламировал Борис. — Зачем оставлять ему постоянную память его несчастья и позора? Ему и без того каждый, кому только не лень, напоминает, что он подкидыш, оставленный под забором. А знают ли они, как иногда этот несчастный, напрасно обруганный и оскорбленный, обливает слезами маменькин подарок. Где, мол, ты ликуешь теперь, откликнись! Урони хоть одну слезу на меня! Мне легче будет переносить мои страдания, мое отчаяние. Ведь эти сувениры жгут грудь!

Зойка и Геннадий сидели на стульях перед Колей.

Геннадий, глядя прямо в объектив, накрывал своей рукой Зойкину руку.

— Семейный портрет! — крикнул Коля и нажал на спуск.

— Не приходите больше к нам, — не отводя от Зойки и Геннадия взгляда, сквозь зубы сказал Митя сидевшему рядом Борису. — Не приходите!

— Ты, гаденыш, — улыбаясь актерской улыбкой, тихо сказал Борис. — Ты знаешь, я откуда? Я с Марьиной Роши. Я тебя съем.

— Не приходите к нам, — повторил Митя дрогнувшим голосом. — Прошу вас, не приходите. Вы нам не нужны.

Мама смотрела на них через стол и, не слыша разговора, тоже улыбалась.

Вдруг заиграл патефон. Все обернулись. Перед ними была необычайная пирамида. Иван Филиппович лежал на траве, мускулистый, как Лаокоон, и держал над собой играющий патефон.

На животе у отца, напрягая свои крепкие босые ноги, стояла Женя. Курточку она сняла. У нее была плоская, мальчишеская грудь с едва наметившимися невинными припухлостями.

На плечах у нее сидел Сашка в бумажной раскрашенной маске.

Расставив руки, Женя держала двух отклоняющихся в разные стороны мальчишек, на плечах у которых тоже сидели мальчишки. И все они были в масках.

— Господи! — восторженно воскликнула Варя, падая на колени и поднимая вверх руки. — Как же в этом году интересно жить!

Пирамида все держалась, а пластинка уже шипела, кружась.

— Митька! — закричал кто-то из-за забора. — Митька! Привет из столицы! Ты где? Это мы!

Они стояли на улице, их было больше десяти. Городские ребята, Митины ровесники, пятнадцать-шестнадцать лет. Кепки, шаровары, куртки, футболки.

Один был постарше. В клешах, вид бывалый. Он и держался чуть в стороне. И девушка с ним была, под ручку. В сарафане и босоножках на пробковой танкетке.

Еще один был с маленькой сестрой. Она равнодушно сосала палец, а другой рукой волочила лысую куклу с грязно-серым тряпичным тельцем.

— Здравсьте, тетя Аня, — сказал мальчик с белой головой и белыми бровями альбиноса. — Вы не пугайтесь, тетя Аня.

— Нет, но ты, кажется, мог предупредить, Митя, — поворачиваясь к сыну, растерянно сказала мама. — Это сумасшедший дом!

— Я ухожу! Мы уходим! — крикнул Митя. — Пошли отсюда, ребята!

И выскочил за калитку.

Самый маленький парнишка, с острыми и мелкими чертами лица, с чемоданчиком в руке, громко запел:

Если хочешь быть здоров,

Закаляйся!

Позабыв про докторов,

Водой холодной обливайся...

Ребята пошли по улице. Впереди, обнимая друг друга за плечи, — два мальчика.

И блаженный, конечно, тащился за Митей.

Человек копал, стоя на дне ямы. Солнце пекло его голую спину и плечи.

Голова уже не была видна над краями. А он все копал и копал, и комья красной земли летели на траву.

Самый большой мальчик, с толстым, важным лицом, сопел и надувал мяч, держа в зубах сосок камеры. Кожаная покрывка расправлялась, мяч округлялся в его ладонях.

Он затянул шнуровку и свечой поддал мяч вверх.

Сразу же двое ребят сорвались с места и, приняв мяч в ноги, начали водиться.

Толстый забежал вперед и стал изображать голкипера. Он картинно падал и ловил мяч.

— Кончай духариться, Портос! — крикнул альбинос сердито. — Вспотеешь!

И перехватил мяч на лету.

Парень в клешах, шедший с девушкой, щелчком отбросил далеко в сторону окурок папиросы.

— А ну, дай на головку, — спокойно сказал он альбиносу.

Тот послушно кинул ему мяч. Парень поймал его на темя и, растопырив руки, ловко и уверенно повел вперед головой, не давая опуститься на землю.

— Ни фиги! — говорил он. — Сделаем дярёвню, отдадим лапти!

Его спутница серьезно смотрела на него и ела из горстки семечки.

— Что это еще за фикстула, Левка? — спросил Митя у альбиноса. — Откуда-то лицо знакомое.

— Цопа с Плющихи, из десятого, — равнодушно ответил Левка. — Ты не знаешь. Мой знакомый.

— Вот фикстула, — повторил Митя, следя глазами за Цопой.

Они вышли за деревню. Справа, на картофельном поле, согнувшись, точно в постоянном земном поклоне, шли между грядами женщины.

Нина и Варя появились на своих велосипедах. Они выехали сбоку и стали съезжать по дороге в овражек. Нина оборачивалась и оглядывалась на Митю.

— Девочки! — восторженно заревел толстый Портос. — Берем!

— Заткнись, — проворчал парень, который вел сестру.

— А мне вообще в последнее время ни одна девчонка не нравится, — презрительно сказал самый маленький и сплюнул.

— Ох! Ох! Ох! — закричал Портос, тыча в него пальцем. — Кузя!

И все засмеялись.

— Ни фиги, пробьемся! — вдруг крикнул Цопа. — Нас мало, но мы в тельняшках!

Он схватил свою девушку, и они, выделывая ногами быстрые, залихватские па, задвигались перед ребятами в ритме фокстрота.

Шедший за Митей высокий мальчик, с лицом напряженным, но как бы безразличным ко всему на свете, дотронулся до его спины.

— Митя,— сказал он негромко.— А, Мить?

— Отвяжись,— не обернулся к нему Митя.— И не надейся.

— Будь человеком, Митька,— тихо проговорил высокий.— Ты знаешь, как мы с мамашей живем?

— Сказал, нет — значит, нет.

— Принципиальный, да? Принципиальный?

Митя резко остановился и посмотрел на него.

— Потому что я и тогда и сейчас считаю,— твердо сказал он,— что таким, как ты, в комсомоле делать нечего.

— Ну я тебя прошу,— сказал высокий.

Митя повернулся и пошел за ребятами. Они уже шли через березовый лесок.

Нина и Варя опять мелькнули на велосипедах.

— Девочки! — заревел Портос.

— Ну я тебя умоляю! — высокий догнал Митю и заглядывал ему в глаза.— Меня ж восстановят, если ты поручишься как комсорг класса. Будь же человеком! Если меня на будущий год в институт не пропустят, мамаша же помрет совсем!

— Иди на завод,— сказал Митя.— Там и восстановивайся.

— Сволочь ты, Митька! — с удивлением сказал высокий.— Ну и сволочь!

Он неожиданно выбил мяч из рук Левки и сильно стукнул по нему ногой. Мяч улетел в деревья.

— Принеси! — крикнул он блаженному.

Тот стоял и улыбался.

— Оглох? Принеси! — и высокий толкнул его.

Блаженный наконец понял. Он побежал, принес мяч, протянул его высокому. Тот снова ударил по нему ногой.

— Принеси!

Блаженный снова побежал и снова протянул ему мяч.

— Гад! — крикнул высокому Митя, отбирая мяч у блаженного.— Гад! Получишь!

— Люблю психов доводить,— с улыбочкой сказал высокий.

Блаженный тоже радостно улыбался им.

Но тут лесок кончился. И в розово-сером плавающем мареве предстали на фоне дымного неба какие-то огромные ци-

линдры, корпуса, башни и трубы химического завода.

Ворота без сеток стояли на пустыре с вытопанной в центре и во вратарских площадках травой. Вдоль поля с одной стороны тянулась «трибуна» — длинная скамейка.

Зрители — в основном мелкотня. Но среди них сидели Нина и Варя. И подходили Зойка с Геннадием. Она в нарядном платье, с туфлями в руках, и он в офицерском кителе.

Деревенские, почти все босиком, гоняли по полю мяч, били своему вратарю.

Парень в рубахе навывпуск и кепке козырьком назад, хромой, с отставленной негнушейся ногой, стоял в центре. У него было очень взрослое, серьезное лицо. На груди висел плоский пластмассовый свисток.

Митя и Левка подошли к нему.

— Ну чего, постукаем? — сказал Левка.

— По правилам? — спросил хромой.

— А чего? По правилам,— сказал Левка.

Городские раздевались за воротами.

Кузя почтительно поднес Цопа чемоданчик. Цопа раскрыл его и, сидя на траве, принялся натягивать гетры с полосами и ботсы.

— Слушай,— сказал ему Митя.— На «Сталинце» в Черкизово я не мог тебя видеть?

— Чего я там потерял, на «Сталинце»? — ухмыльнулся Цопа.

Деревенские, стоя напротив, смотрели на него.

Цопа поднялся, выставил вперед руки и три раза пружинисто присел.

— Пацаны! — побежал на поле деревенский.— А у них — в бутсах!

— Тогда пусть за нас Генка-лейтенант играет! — крикнул кто-то.

— Чего? — возмутился Левка.— Он же офицер!

— За вас в бутсах — можно? Да? Тогда за нас Генка! Он местный!

— Это справедливо,— сказал Митя.

И увидел, как Геннадий снимает китель и надевает его на плечи Зойки.

— В общем, так! — быстро сказал Левка.— Портоса на ворота. Цопу, Кузю, Кольку — вперед. Ты, Митька, хавбека...

— Ты что — хавбека? Совсем? — рассердился Митя.— Я ж всю жизнь форвард!

Хромой поднес к губам свисток и свистнул. Обе команды побежали к центру. Судья подбросил монетку, поймал, показал ворота. И все разбежалось по полю.

За воротами городских на траве сидела маленькая девочка и, разговаривая с лысой куклой, строила ей что-то из щепочек и листиков.

Деревенский сделал первый удар. Дал пас Геннадию. Тот сразу пошел по левому краю.

Хромой судья с необычайным проворством, подпрыгивая, перемещался по полю вместе с игроками.

Митя бросился наперерез Геннадию, под ноги, прокатился по траве, но мяч выбил. Геннадий, однако, снова подобрал его, обошел еще и альбиноса Левку и навесил на ворота.

Портос, своими толстыми плечами расталкивая нападающих, поймал мяч и обеими руками прижал его к груди.

Он быстро выбил в сторону Цопы, бежавшего по краю. Но деревенский мяч перехватил и тут же отдал Геннадию.

Геннадий стремительно пересек поле и неожиданно пасанул бежавшему чуть впереди деревенскому, на которого сразу же бросились городские. Но он вернул мяч Геннадию. И тот рванул в пустую штрафную площадку.

Митя бежал рядом с ним, пытаясь выбить мяч. Геннадий, улыбаясь, оттирал его боком. Он приближался к воротам, в которых нервно прыгал Портос.

Митя видел перед собой светлый загромок, широкие белые лопатки и длинные синие трусы Геннадия. А тот сделал обманное движение вправо и пробил в левый от Портоса угол.

Коренастый стриженный мальчик из городских в последнюю секунду оказался рядом с Портосом, принял мяч грудью и выбил его к своим.

— Цопа! — отчаянно вопил Левка. — Прорыв!

Но мяч был у маленького Кузи. Он в одиночестве гнал его к воротам противника.

Двое деревенских побежали за ним, настигли и столкнулись.

Кузя упал.

Хромой судья дунул в свисток и поднял правую руку.

— Ты что? Пеналь же, пеналь! — кричали городские, подступая к нему. — Подсуживаешь, да?

— Где пеналь? Где пеналь? — кричали деревенские.

— Ладно, — усмехнулся Митя. — Штраф так штраф. Все по правилам.

Он поставил мяч на том месте, где сбили Кузю, покрутил его, разбежался и ударил.

Мяч поднялся в воздух, изменил направление и по дуге улетел за ворота.

Митя заковылял с поля.

Он сел на траву и снял с правой ноги ботинок. Подметка отскочила, и торчали гвозди.

Митя взволнованно и зло бил подметкой по земле и смотрел на поле.

Геннадий обвел Левку, пасанул деревенскому, стоявшему у самых ворот, и тот легко, щечкой, сунул Портосу штуку.

Портос сидел на земле с обиженным лицом. Городские растерянно стояли вокруг.

Зойка вскочила со скамьи, завизжала и подбросила вверх китель.

Несколько рабочих в брезентовых робах и резиновых сапогах подошли, остановились у скамьи и молча закурили.

Городские понуро тянулись к центру поля.

— Цопа! — плачущим голосом сказал Левка. — Цопа!

— Ладно, суки! — Цопа, стоявший в центре с мячом в ногах, грозно высморкался в сторону. — Тогда в кость!

Хромой дал свисток. Цопа отбросил мяч Мите и крикнул:

— Мне!

Он получил мяч и пошел, пошел по полю, мощно и красиво, никому не пасуя, перекладывая мяч с ноги на ногу, легко обводя бросающихся на него деревенских.

— Дриблинг! — восторженно завопил Левка. — Томми Лаутон!

Геннадий кинулся наперерез Цопе. Цопа остановился перед ним, наступил на мяч, усмехнулся, подкинул мяч на голову, провёл его так несколько метров, скинул на ногу и забил в девятку.

Хромой судья, подпрыгивая, понес мяч на центр.

— Мне! — опять крикнул Цопа и опять устремился вперед.

Митя, сначала бежавший за ним вместе с другими, вдруг остановился.

Все побежали вперед, а он стоял один.

Он видел, как Цопа влетел в штрафную. Вратарь метался перед ним. Внезапно Цопа как-то странно подскочил вверх, пытаясь перепрыгнуть подножку, и рухнул на землю.

Митя видел, как махали руками городские и деревенские, как судья отогнал всех и поставил мяч на одиннадцать метров и как Цопа медленно направился к мячу.

Тут Митя сорвался с места, пронесся через половину поля, оказался между мячом и Цопой, схватил мяч и молча пошел к центру.

Изумленные игроки обеих команд побежали за ним.

— Кто Цопу привел? — в упор глядя на Левку, спросил Митя. — Ты?

— Я, — ответил Левка, и глаза его бежали. — А чего?

— Тогда ты, Левка, подлец!

— Это ты официально? — крикнул Левка,

наступая на товарища.— Ответишь за подлеца?

Городские и деревенские, стоя кругом в центре поля, недоуменно смотрели на них.

— Отвечу,— твердо сказал Митя.— Да этот твой Цопа за юношей в «Локомотиве» играет. По первому разряду. Нет, скажешь?

— Во, городские! Всегда не по правилам! — крикнул кто-то из деревенских.— По ушам им надо!

— Кому? Уточни,— вежливо попросил Цопа, отгибая ухо.— А то я на одно ухо не кукарекаю.

— Давай с поля, Цопа! — крикнул Митя.

— Гад ты, Митька! — бросился на него Левка.— Гад! Предатель!

— Нет, ты не прав! — удержал его Геннадий.— Закон чести!

— А у меня справка! — вдруг завопил Цопа.— Я психический!

И из-за плеча Геннадия ударил Митю.

— Так? Так? — свирепея сказал Геннадий и, развернувшись, врезал Цопе с правой.— Жду ответа, ваш Гена!

— Мальчишки! — заревел Портоc.— Наши бьют!

Они дрались в центре поля, отчаянно и бестолково, невозможно было разобраться, кто за кого. Митя дрался с Левкой. Геннадий сбил с ног толстого Портоcа. Деревенский пытался достать кулаком Цопу. Тот увернулся и опять врезал Мите. Стриженный мальчик из городских бросился сбоку на Цопу. Хромой судья все пытался ворваться в схватку, но его отталкивали. Он падал, вставал, лез снова, падал и снова вставал. «И кортики достав, забыв морской устав, они дрались, как тысяча чертей! — восторженно кричал Кузя, прыгая вокруг дерущихся.— И кортики достав, забыв морской устав...» Высокий мальчик сидел на деревенском. Митя опять схватился с Левкой. Портоc неожиданно дал снизу головой Цопе в подбородок. Цопа отлетел, но устоял. И тут же, развернувшись, сбил деревенского и двинул его ногой. Геннадий, разбрасывая всех, добрался до Цопы и врезал ему прямым по скуле. Хромой падал и вставал, падал и вставал. Митя стряхивал с себя деревенского. Блаженный тоже метался вокруг, мычал и хватал Митю, пытаясь вытянуть его из свалки.

Цопа наконец выбрался из-под навалившихся на него тел.

Сморкаясь и что-то злобно шепча разбитым ртом, он дунул к воротам, подхватил чемоданчик и — в лесок. И подруга его за ним.

Нина и Варя кинулись к велосипедам, подняли их с земли и влезли на седла.

Въезжая в лесок, они оглянулись и еще раз увидели на фоне корпусов, цилиндров и труб химического завода груды копошащихся посреди поля фигурок.

Девочки согнулись над рулями и быстрее закрутили педали.

Они проехали безрезняк и покатали по дороге. Параллельно ей тянулась железнодорожная насыпь.

Женщины в открытых платьях и мужчины в белом шли к платформе. Старик с серебряной головой держал под мышкой трость с набалдашником. Маленький французский бульдог бежал впереди.

На путях женщины в косынках и розовых майках, с полными, ошпаренными солнцем руками в квадратных рукавицах собирали свои ломы и лопаты. Собрали и стали подниматься по насыпи.

Скорый «Москва — Ереван» пронесся по рельсам.

Девочки-велосипедистки медленно, хотя на самом деле быстро, ехали за поездом в предзакатном воздухе и отставали, отставали навсегда.

Человек в яме вонзил в землю лопату, натянул рубаху, достал пачку папирос, пальцами в глине чиркнул спичкой и закурил, прислонившись к красной, точно с нее только что кожу содрали, стенке.

Небольшой разбитый трактор, облепленный людьми, с тарахтением проехал по деревенской улице.

Потом проехал грузовик. В кузове, обнимая свои трубы, сидели музыканты в шляпах и мотали головами.

Мама у калитки взволнованно всматривалась в конец улицы. На плечах у нее был платок. Закат начинался.

— Мама! — сказал Сашка, восхищенно глядя на нее.

— Что, милый? — не оборачиваясь, спросила мама.

— Как ты стоишь красиво!

— Иди, иди, милый,— сказала она.— Я приду. Иди.

Сашка медленно пошел от забора по участку.

Иван Филиппович и Коля сидели за длинным столом. На белой, в пятнах, скатерти стояли тарелки с объедками, арбузными корками и семечками.

Сашка поднялся на крыльцо и опять оглянулся на маму.

Она по-прежнему смотрела в конец улицы.

Александра Ивановна, подгоняя веточкой белую с черным корову с болтающимся выменем, шла вдоль забора.

— Нервы просто жуткие стали,— сказала ей мама вздохнув.— Наверно, погода.

Александра Ивановна взглянула на нее, ничего не ответила и открыла перед королевой калитку.

И тут мама увидела, как в конце улицы появилась мужская фигура. Лицо мамы стало радостным, она подалась вперед.

Борис шел к дому в оранжевом закатном свете. Наконец он остановился напротив мамы, по ту сторону забора.

Они молчали.

— Я с тобой, я с тобой, мое солнце! — вдруг воскликнула мама и, протянув над забором руки, обняла его. — Я решила! Я с тобой! Пусть гостиница, это не страшно! Ты начнешь с этого маленького драматического коллектива и взлетишь опять! Я убеждена! Пусть условия, пусть деньги, гостиница, это не страшно! Я буду готовить тебе и Сашке на керогазе. Потому что я люблю тебя выше жизни, выше всего на свете! Потому что я тебя люблю, люблю, люблю...

Она смеялась и целовала его.

За рекой разожгли костер. Сначала это была маленькая бесцветная точка. Но постепенно она все больше и больше наливалась яркостью. Темнота спускалась на землю.

Коля, подперев рукой голову, дремал над столом. Иван Филиппович задумчиво и грустно глядел в сторону, за деревья.

Там его дочка Женя, в курточке и шароварах, поднимала вверх свои тонкие руки и изгибалась, изгибалась на фоне неба.

Белая струйка звонко билась о дно подойника. Узловатые руки Александры Ивановны доили корову. Молоко поднималось выше, выше, пока над подойником не выросла светящаяся в темноте сарая шапка.

Александра Ивановна взяла подойник, вышла из сарая, прошла мимо дома и остановилась возле открытого окна.

Сашка сидел на кровати с большой книгой в руках. Горела тусклая лампочка под потолком.

— Ну-ка, — сказала Александра Ивановна, ставя ведечку на подоконник, — молочка тепленького.

Сашка вскочил с кровати, подбежал к окну и обхватил ладонями подойник.

— Шипит, — сказал он улыбаясь.

Радио невнятно бормотало в комнате.

Дверь тихо отворилась, вошла мама.

Хозяйка наклоняла подойник. Густое, очень белое молоко тяжело и медленно лилось в литровую банку.

Александра Ивановна закрыла обе створки окна и ушла.

Сашка стоял перед мамой на кровати. Она сняла с него носочки, голубую рубашку, отстегнув бретельки, сняла штанишки, сняла трусы.

Он стоял перед ней голый, со ссадинами на лице, с корками царапин на коленках.

Она взяла его на руки. Прижимая к груди и чуть покачивая, она смотрела ему в глаза.

Потом мама положила Сашку на кровать под простыню и легко дотронулась до его лба рукой и сразу же, обеспокоенно, губами.

Она нашла на этажерке рефлектор с длинным шнуром и вставила вилку в розетку.

Подушка и Сашкино лицо на подушке стали синими. Вся комната наполнилась прозрачным, мерцающим синим светом.

— Шумят-гремят джаз-банды, танцуют обезьяны и скалят искалеченные рты, — тихо напевала-приговаривала мама, наклоняясь над Сашкой, — а я, седой и пьяный, зову их в океаны и сыплю им в шампанское цветы...

Сашка улыбался и засыпал.

Синим светом, как водой, была наполнена комната. Черным по синему были написаны мать и сын на кровати и обведены рамой окна.

— И тогда с потухшей елки тихо спрыгнул ангел желтый и сказал: «Маэстро бедный, вы устали, вы больны... — пела мама. — Говорят, что вы в притонах по ночам поете танго...»

— Мама! — открыл глаза Сашка. — Я скоро умру?

— Ты? Никогда!

— А ты?

— И я никогда. Спи.

Она поцеловала его, поправила простыни, встала и выдернула вилку из розетки. Стало темно.

«Возможность коренного преодоления, заключенная в самой сути отношений... — бормотало в темноте радио. — Необходимо только...»

Мама выключила радио. Теперь стало темно и тихо.

Вокруг где-то за горизонтом словно пулемет проговорил, четко и раздельно, — так-так-так. В ответ отрывисто и тоскливо гукнул паровоз.

— Мама, не уходи! — сказал Сашка. — Гора!

— Какая гора? Это только твой страх, — мама надула губы и легонько дунула в воздух. — Фук! Вот и нет ничего.

Сашка лежал на спине с открытыми глазами.

Черная тень банки, стоящей на подоконнике, медленно проплывала по оклеенному белой бумагой потолку.

Сашка повернулся на бок. Этажерка чернела, стол, стулья...

— Вошел в деревню, было тихо, — не-

стройно затянул где-то хор женских и мужских голосов,— кругом ночная тишина...

Сашка повернулся лицом к стене и закрыл глаза.

Множество людей, мускулистых, загорелых и полуголых, как спортсмены, с бритыми головами, лезло, ползло вверх по крутому глинистому склону, красному и блестящему, точно с него только что содрали кожу. Люди падали, съезжали назад, скользя на животах, цеплялись за выступы и камни. Людей становилось все меньше, но они ползли, стремясь вверх, где не было ничего, только глинистый край и голубое небо. Вдруг какие-то другие люди, в белых халатах, застегнутых на все пуговицы, и все в белых шапочках с красными крестами, вереницей, один за другим, быстро прошли по краю, как по карнизу, и исчезли. Один человек из тех, что еще продолжали ползти, добрался все-таки до края. Огромная собака, лохматая, дворняга с виду, появилась на фоне голубого неба и стала лаять, открывая пасть.

Сашка вздрогнул и проснулся.

— Митя! — позвал он.— Митя!

Тишина. Сашка нашел на стуле одежду, натянул трусы и рубашу, встал и открыл дверь в коридор.

На кухне за столом усатый хозяин ковырял шилом сапог. Напротив сидел Геннадий в белой рубаше. Сквозь приоткрытую заслонку было видно черно-красное вспыхивающее нутро печи.

Александра Ивановна вытянула из нее железный лист и перенесла на стол. Каравай темного ржаного хлеба, окруженный облаком жара, возвышался на противне перед ее мужем и сыном.

Но они не видели Сашку, а он не видел их. Он тихо прошел по коридору, тихо толкнул дверь в сенях и вышел.

Деревья шелестели. Сашка стоял на крыльце, одинокий и маленький среди огромной ночи.

Керосиновая лампа горела на столе в глубине участка. Темнота, подкраившись, замерла вокруг этого изумрудно-зеленого островка и отделила его от всего на свете.

Там играл патефон, там танцевали. Борис с мамой, а Иван Филиппович с Женей, которая казалась издали красивой молодой женщиной. Коля один двигался вокруг пар, дедая руками плавные балетные жесты.

И все они были в масках.

Они не видели Сашку, а он не видел их. Он спустился по ступенькам крыльца. Свет из кухонного окна, в которое была видна семья хозяев, лежал на траве. Сашка переступил этот свет и был теперь в полной темноте.

Только впереди тянулась над горизонтом восковая яркая полоса, точно щель в другой мир.

Сашка шел к этой полосе.

Фонарь «летучая мышь» горел на краях. Мелкая ночная мошкара вилась и роилась. Человек, стоявший внизу на глубоком глинистом дне, копал и копал. На нем был пиджак, и мерцала на лацкане «Слава».

Черные стволы деревьев поднимались над Сашкой, черная трава доходила ему до груди. Он раздвигал эту траву и шел.

За деревьями было белое колыхавшееся поле тумана. Сашка вступил в него. Шаг, еще шаг, еще. И он полетел с крутого обрыва.

Он падал, он падал долго, как во сне, он падал во тьме и в тьму. Удар, всплеск.

Вокруг него была черная вода, черная, сливающаяся с берегами поверхность реки.

Сашка отчаянно бил руками по воде, раскрывал в ужасе немой рот, захлебывался, уходил под воду с головой, выныривал.

Течение медленно влекло его вдоль берега.

На берегу спокойно и неподвижно стояли лошади с тяжелыми, рабочими формами.

Сашка снова выныривал, снова сильно колотил руками, поднимая брызги...

И тут вдруг возник мужской голос. Я ЗНАЮ, ЗНАЮ ЭТОТ ВКУС. ПРОСТАЯ ВОДА РЕЧНАЯ ВСЮ ЖИЗНЬ НА МОИХ ГУБАХ, И ГЛАЗА МОИ РЕЖЕТ ВОДА РЕЧНАЯ. НО ЕСЛИ ТЫ ТОНЕШЬ, ЗАПОМНИ: ВЫПРЫГНИ ИЗ ВОДЫ КАК МОЖНО ВЫШЕ И ЛОВИ, ЛОВИ РТОМ РОДНОЙ ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУХ, ЧТОБЫ ОН НАПОЛНИЛ ТВОИ ЛЕГКИЕ, КАК НАПОЛНЯЕТ ВЕСЬ ЭТОТ МИР. ПУСТЬ ВОЗДУХ РАЗРЫВАЕТ ТВОЮ ГРУДЬ, НО, СНОВА УИДЯ ПОД ВОДУ, ДЕРЖИ ЕГО В СЕБЕ И БЕЙСЯ, БЕЙСЯ ГОЛОВОЙ В ЧЕРНУЮ ТОЛЩУ. ВОЗДУХ ВЫТОЛКНЕТ ТЕБЯ, Я ВЕРЮ, ЧТОБЫ ХОТЬ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ТЫ УВИДЕЛ НАД СОБОЙ ЕДИНСТВЕННУЮ И ВЕЧНУЮ ЗВЕЗДУ НАДЕЖДЫ...

Сашкина голова, ныряющая, как поплавок, и все слабее и слабее ударяющие по воде руки были видны над серебряным течением реки...

Скорый «Москва — Ереван» несся во тьму, окутанный паровозным дымом. Одно окно в вагоне светилось сонным синим светом.

На другом берегу реки горела яркая точка далекого костра, обведенная сияющим ореолом.

Большой костер пылал в темноте между черной рекой и черным полем. Деревенские и городские устало сидели и лежали вокруг.

Митя, обхватив колени руками, глядел в огонь.

Левка, белея своей головой альбиноса, стоял в воде и полоскал майку.

Деревенский парень появился у костра, вывалил из подола рубахи картошку и, встав на колени, начал закапывать ее в угли.

Послышались мягкие удары копыт о землю. Трое босых мальчишек, сидя на лошадиных спинах без седел, проскакали мимо.

За ними, гордо подбоченясь, медленно ехал в высоком седле малорослый парнишка с надменным лицом. Он был в сапогах, фуражке и с нагайкой.

— Витька, ты? — льстиво окликнул его кто-то из деревенских.

Он не ответил, лениво покосился на костер, сплюнул в сторону, вытянул лошадь нагайкой и умчался.

Городские и деревенские выкапывали картошку и, подбрасывая ее в ладонях и дую, счищали спекшуюся кожуру.

Кузя задумчиво ворошил палочкой угли. Ребята молча жевали картошку. Вдруг глаза у Кузи блеснули, он вздохнул и запел голосом, высоким и чистым:

А первая пуля, а первая пуля,

А первая пуля ранила коня.

А вторая пуля, а вторая пуля,

А вторая пуля сразила меня...

Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!

С нашим атаманом не приходится тужить!

Он поднимал к небу свое освещенное пламенем лицо, ставшее насмешливым и печальным, и улыбался бессмысленно и нежно.

А жена заплачет, выйдет за другого, Выйдет за другого, позабудет про меня.

Жалко только волюшки во широком полюшке,

Матери-старушки да буланого коня...

Геннадий бесшумно вышел из темноты и встал у костра. Во рту у него была незажженная папироса. Он поднял голову и осторожно дотронулся до нее концом папиросы.

Глубоко затянувшись, он выпустил дым, подмигнул всем, усмехнулся и пошел к реке.

Митя, сидя у костра, смотрел, как долго белеет его рубаха. Потом вскочил и, не взглянув на ребят, тоже канул во тьму.

Он шел вдоль реки.

У противоположного берега, под плачущей листвою ветел, чернела медленно двигающаяся лодка.

Один человек сидел на носу. Другой, в подвернутых до колен штанах, тяжело поднимал на палке марлевую рачешню, похожую на большого белого паука. Вода лилась из нее.

Митя шел дальше. Внезапно он отвел сильно прянувшую в лицо ветку.

Геннадий, в длинных трусах, с тихим плеском медленно входил с берега по отмели в реку.

Зойка стояла в воде лицом к нему. Над водой были видны ее грудь, плечи и голова.

Геннадий шел к ней, а она отступала перед ним, отступала, пятилась, заходя все глубже и глубже и поднимая свои белые руки.

Митя смотрел на них из-за кустов. Потом повернулся, прошел несколько шагов и упал лицом в траву.

Так он лежал долго.

Когда же поднял голову и лег на спину, увидел над собой, на фоне бледно светлеющего неба, лицо блаженного.

Он улыбался ему.

Небо становилось все светлее.

Митя встал с земли и поплелся по берегу, через кусты, перешел запруду, поднялся в гору и задами деревни вышел к дому.

Пустые бутылки стояли на столе под вишнями и открытый патефон с неподвижной пластинкой — в траве.

И тут Митя увидел, что по участку молча и странно двигаются люди.

Александра Ивановна. Женя. Хмуро прошел Иван Филиппович. Хозяин появился откуда-то с багром на плече. Коля вдруг выскочил за калитку и побежал по улице.

Мама с белым, несчастным, заплаканным лицом стояла у забора.

Борис подошел к ней, осторожно дотронулся до плеча и тут же отошел, схватившись руками за голову.

Митя медленно шел по участку, вглядываясь в лица людей, не понимая, понимая и боясь понять...

— А ты энти вот пальчики, указательные, сложи так, шепоточкой, будто соль берешь, а энти пригни к ладошке, — тихо говорила маме хозяйка. — И говори...

Пресвятая Владычице Богородице, свете помраченной моей души, надеждо, покрове, прибежище, утешение, радование мое, спаси и сохрани раба Божиего Александра и изгеенны огненной извергни его...

— Спаси и сохрани, — безумно глядя на нее, сконфуженно улыбаясь и обливаясь

слезами, говорила мама.— Спаси и сохрани... Александра... Спаси... Спаси... Спаси...

— Ты что? Перестань! — закричал Митя, бросаясь к маме.— Вы с ума сошли! Что с ним? Что вы с ним сделали? Где он? Где? Где? Что вы делаете? Кто? Зачем вы все? Зачем? Ненавижу! Ненавижу!

Две фигуры, высокая и маленькая, возникли в утреннем розовом пространстве. Пропали в овражке, появились снова, становясь все больше и резче, вышли на дорогу и приблизились к дому.

Иван Филиппович встал на руки и пошел вверх ногами вдоль забора.

Человек вел Сашку.

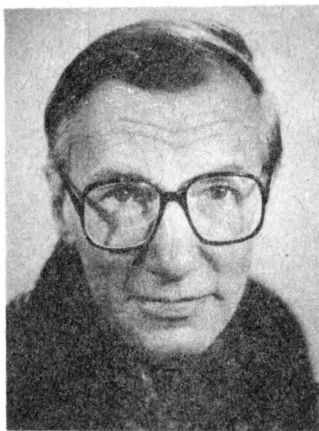
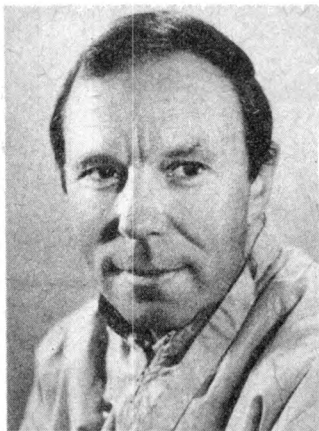
— Это ваш мальчик? — спросил человек, стоя в открытой калитке.— Что же вы? Он держал за руку Сашку и смотрел на них...

Невидимый где-то шелкнул за домами кнут, замычали коровы.

— Теперь какая коровка первая пойдет,— невидимый сказал чей-то голос,— такой и день будет.

Стадо шло по улице.

Молодая женщина поднималась от реки на своих белых босых ногах, неся на коромысле два бесшумных отяжелевших ведра.

ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ИВАНОВ (родился в 1938 году) и **ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ТРИФОНОВ** (родился в 1933 году) окончили сценарный факультет ВГИКа. Работая в соавторстве более двадцати лет, выпустили несколько сборников рассказов и фельетонов, цикл сатирических повестей «Кум королю и другие истории», юмористическую повесть «Дайте занавес!». Они являются авторами ряда театральных комедий: «67 по диагонали», «Принцесса из Марьиной рощи», «Чисто английская комедия». В последние годы по их сценариям поставлены художественные фильмы: «Гражданин Лешка», «В старых ритмах», «Мой избраннык».

Публикуемый сценарий «Акселератка» готовится к постановке на киностудии «Мосфильм».

ДМИТРИЙ ИВАНОВ, ВЛАДИМИР ТРИФОНОВ

АКСЕЛЕРАТКА

По тихой зеленой улочке медленно и совершенно бесшумно двигался старый «запорожец». Внутри никого не было. Прохожие дивились, потом оборачивались, и лица их расцветали улыбками — или сочувственными, или насмешливыми.

«Запорожец» толкал сзади, налегая из последних сил, тщедушный молодой человек по фамилии Кузьмин. Наконец оба — человек и транспортное средство — остановились у подъезда с вывеской: «Госстрах». Кузьмин утер взмокший лоб.

— Зря старался! — сказал ему какой-то прохожий. — Они металлолом не боятся!

Кузьмин дико взглянул на шутника и стремглав бросился в подъезд.

В госстраховском вестибюле под лозунгом «Веди счет рабочей минуте!» роилась дюжина активистов с повязками, выставленная администрацией для отлова опоздавших. У двоих в руках были секундомеры, один морочил над какими-то списками,

несколько человек щелкали фотоаппаратами и стрекотали любительскими кинокамерами. Все это напоминало финиш крупных международных соревнований.

Взмыленный Кузьмин тотчас угодил в объятия пары активистов.

— Сорок семь! — победоносно выкрикнул секундометрист, и эта цифра была немедленно занесена в протокол.

На площадке, у раскрытой двери кабинета, Кузьмина уже поджидала заведующая страховой конторой — вылитая черепаха Тортилла.

— Опоздали, значит! — ледяным тоном сказала она. — Может быть, вы не в курсе, что идет месячник борьбы за рациональное использование рабочей минуты?!

— В курсе. Но я же меньше чем на минуту опоздал!

Тортилла жестом предложила Кузьмину войти в ее кабинет.

— Да, сегодня вы опоздали на сорок семь секунд. А вам известно, сколько за это время у нас в стране вырабатывается

киловатт-часов электроэнергии? Сколько пар обуви сходит с конвейера? Сколько тонн угля выдается на-гора?

— Сколько? — растерянно спросил Кузьмин.

— Достаточно! — отрезала Тортилла после небольшого замешательства. — Чего, полагаю, нельзя сказать о вашей работе. Сколько людей вы застраховали за истекшую неделю и по каким видам?

Кузьмин суетливо расстегнул плоский чемоданчик и стал выкладывать на стол начальницы страховые свидетельства.

— Вот, пожалуйста ... — бормотал он. — Страхование личного имущества... Страхование жизни... От несчастных случаев... Смешанное страхование...

— Неплохо, неплохо! — Тортилла пригляделась к бумажкам. — Но позвольте... Все застраховавшиеся, они что — родственники?

— Да нет... Я бы этого не сказал, — пролепетал Кузьмин.

— Ну, значит, однофамильцы! Кузьмин, Кузьмин, Кузьмин, Кузьмин... Дичь какая-то!

— Совсем не дичь. Я же не виноват, что у меня такая фамилия! — тихо сказал Кузьмин.

— Что?!.. Так это все ваши страховки?!

— Мои... — потупившись, сказал Кузьмин. — А что делать, если никто страховаться не хочет? Я их и так агитирую, и эдак, а они ни в какую!

— Все! Это предел! — шумно выдохнула Тортилла. — Агенты Госстраха страхуют сами себя! Неслыханно! Только благодаря моему добросердечию я не увольняю вас сейчас же! Даю вам сутки! Но если вы снова явитесь пустым, проститесь с Госстрахом навсегда! Госстраху не нужны такие агенты!

— Угу... Я понимаю, — убито кивнул Кузьмин.

Кузьмин вышел из лифта, позвонил в ближайшую квартиру и, как только дверь приоткрылась, сунул ногу в щель.

— Я из Госстраха! Прошу вас, выслушайте меня! — с жутким напором затараторил он. — Это стоит очень дешево! Три-четыре рубля в месяц, и ни вам, ни вашему домашнему имуществу уже не страшны никакие стихийные бедствия! Пожар, наводнение, землетрясение, сель...

— Паша! Павел Иванович! — крикнула женщина, стоявшая по другую сторону двери. — Выдь-ка на минутку! Тут какой-то псих рвется!

Через мгновение в дверном проеме уже стоял верзила устрашающего вида.

— А ну, брысь отсюда! — приказал

он. — А то я сейчас устрою стихийное бедствие!

Кузьмин послушно сыпался по лестнице.

Уже сгустились сумерки, когда страховой агент Кузьмин устало взглянул на очередной освещенный номер дома — тринадцатый. Кузьмин обреченно махнул рукой и направился к подворотне.

Там в темноте плавали огоньки сигарет, слышалось бречание гитары и хриплый смех. Кузьмин прижал к груди свой чемоданчик и нырнул в темноту.

Тотчас из подворотни послышался шум возни с глухими ударами, топотом и визгливыми выкриками страхагента: «Не отдам! Не имеете права! Я буду жаловаться!»

Несколько прохожих торопливо перешли на другую сторону улицы. Внезапно изменили свой маршрут дружинники, приближавшиеся к подворотне.

Под свист и улюлюканье растерзанный Кузьмин выскочил из темноты и за углом привалился к стене, чтобы перевести дух. Тут он увидел, что в зловещую подворотню направляется высокая стройная девушка со спортивной сумкой через плечо. Сердце у Кузьмина замерло.

— Девушка! — крикнул он. — Подождите, девушка! Не ходите туда!

Девушка обернулась. Даже в неверном свете уличных фонарей было видно, что она очень хороша собой.

Чтобы было ясно, кто она такая, вернемся немного назад...

Зазвонил один из трех телефонов, стоявших на столе. Мужская рука безошибочно сняла трубку.

— Начальник уголовного розыска майор Птахин! — сказал мужчина в полицейской форме.

В трубке забулькало, заверещало. Майор Птахин тяжело вздохнул и ответил виноватым тоном:

— К сожалению, пока ничего нового. След потерян. Последний раз ее видели вчера на Центральном рынке. Я лично спросил очевидцев, они подтверждают...

В кабинет бесшумно проскользнул юный лейтенантик. Увидев, что начальник занят важным разговором, он хотел уйти, но Птахин жестом остановил его.

— Найдем. Обязательно найдем ее. Не надо так волноваться, — сказал майор в трубку. — Задействуем лучших сотрудников. Подключим райотделы. Перероем весь город, но найдем! — Он закончил разговор и сокрушенно покачал головой: — Надо же!

Где искать, спрашивается! Куда она могла исчезнуть?

— Кто? — поинтересовался лейтенантик.

— Да цветная капуста! — с досадой сказал Птахин и кивнул на телефон. — Жена всю плешь проела — найди ей цветную капусту, и кончен бал!

— Такое наше дело, сыщицкое, — понимающе вздохнул лейтенантик.

— Да не сыщицкое, а... — Птахин махнул рукой. — Ладно, что у тебя?

— Происшествий нет. К вам тут девушка рвется.

— Какая девушка?

— Даю словесный портрет... — Лейтенантик задумался, а потом сказал восторженно: — Конец света, одним словом!

— Это — двумя, — уточнил Птахин и распорядился: — Ладно, давай свой «конец света»!

Лейтенантик впустил ту самую девушку, которую стражагент Кузьмин позже остановил перед зловещей подворотней. В ярком свете дня подтвердилось, что девушка чудо как хороша собой.

— Присаживайтесь... — внезапно охрипшим голосом сказал Птахин и звучно откашлялся. — У вас что-то случилось, да?

— Да, — подтвердила она.

— Что-нибудь серьезное?

— Очень. Я вчера получила аттестат зрелости.

— Так... — Птахин прицелился сощуренным глазом. — И его у вас похитили? Так?

— Еще чего! — сказала девушка. — Он при мне.

— Тогда при чем тут уголовный розыск?

— Слабовато у вас с дедукцией, товарищ майор, — девушка улыбнулась. — Ладно, не мучайтесь. Я пришла к вам работать!

— Все понятно, — Птахин усмехнулся. — Детективов начитались!

— Ничего подобного. Я по призыву.

— А был такой призыв? Что-то о нем в газетах не печатали.

— Я по призыву сердца, — сказала девушка. — Об этом в газетах не печатают.

— А нет ли в газетах о том, что у вас физическое развитие обгоняет... все прочее? — иронически поинтересовался Птахин.

— У кого это — у вас?

— У акселератов. Ты что ж это — всерьез думаешь, что можно прямо со школьной скамьи раз — и в сыщики? И кончен бал?

— А я и не требую, чтобы вы меня прямо сейчас послали на «малину» банду брать, — спокойно парировала девушка. — Возьмите стажером. Не пожалееете!

— Даже так! — Птахин еще раз с интересом оглядел стройную девушку.

— Точно! — она достала из спортивной сумки кубок и поставила его на стол. — Вот!

— Что «вот»?

— За первое место по стрельбе из пневматического пистолета. — Рядом с первым она поставила еще один кубок. — А это за первенство по багги. Закончила автошколу. — Из сумки появился третий кубок. — Второе место в соревнованиях по плаванию. Выполнила шестнадцать прыжков с парашютом. Имею первый разряд по лыжам. Владею языками. Парле ву франсе? Или спик инглиш?

— Йес! Ай си! — машинально ответил Птахин и усмехнулся. — Только наша клиентура по-английски не очень-то. Они все больше на языке уголовного кодекса.

— Знаю как таблицу умножения! Проверьте.

— Двести шестая? — не выдержал лейтенантик, не сводивший с девушки восхищенных глаз.

Птахин строго взглянул на него.

— Двести шестая, — повторила девушка. — Хулиганство, то есть умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, а равно мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия...

— Хватит, хватит! — Птахин поднял руки, словно сдаваясь.

— Значит, берете?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не женское это дело! — добродушно проворчал Птахин. — И так уж все мужские профессии вы у нас поотбирали! Хватит! Мы вот почему-то не рвемся сами, извиняюсь, детей рожать! Понимаем, это — женское дело! Ну и все! И кончен бал!

— Да вы поймите, товарищ майор! — умоляюще сказала девушка. — Я с детства мечтала об уголовном розыске!

— Мало ли о чем мы в детстве мечтаем! — возразил Птахин. — Я вон пиратом мечтал стать. Мечтал грабить парусники, захватывать сундуки с золотом, яхонтами, смарагдами... А получилось как раз все наоборот!

В небольшом полуподвальном помещении, оборудованном под спортзал, несколько оперативников обрабатывали приемы самбо. Увидев майора Птахина, вошедшего с девушкой, все замерли.

— Продолжайте, продолжайте! — распорядился Птахин.

Оперативники, стараясь не подкачать, показали несколько особо эффектных приемов.

— Видала? — с гордостью сказал Птахин. — Это тебе не эта ваша... аэробика!

— Подумаешь! — девушка дернула плечиком. — Самбо как самбо!

Птахин жестом остановил занятия.

— Хорошо, — сказал он и взял в руку деревянный кинжал. — Внимание! Имитирую нападение с холодным оружием!

Девушка не шевельнулась, спокойно глядя на крадущегося к ней Птахина.

— Раз! — выкрикнул он, бросаясь вперед с занесенным кинжалом.

Девушка никак не отреагировала.

— Ну вот тебе и каюк! — усмехнулся майор. — И кончен бал!

— Это по-вашему кончен бал. А по-моему он только начинается, — сказала девушка. — Вы ударьте.

— Два! — гаркнул Птахин, опуская руку.

— Три! — тут же отозвалась девушка.

Деревянный кинжал упал к ее ногам, а майор Птахин взлетел в воздух и грохнулся на маты в углу зала.

— Вот теперь кончен бал! — объявила девушка и, как ни в чем не бывало, отряхнула ладошки.

Оперативники засмеялись.

— Отставить! — рявкнул Птахин, потирая шею, и пробормотал смущенно: — Надо все же предупреждать... Если владеешь.

— Бандитов тоже предупреждать? — спросила девушка с улыбкой. — Ну так как? Теперь возьмете?

— Теперь? Теперь тем более нет!

Девушка закусила губу.

— Ах, так! Вы еще пожалеете об этом! — в полной тишине ее каблучки процокали к двери. — Кончен бал!

Сгушались сумерки, когда девушка пошла к дому номер тринадцать. Она уже собиралась войти в темную подворотню, но ее остановил крик:

— Девушка! Подождите, девушка! Не ходите туда!

Девушка обернулась и с недоумением посмотрела на растерзанного Кузьмина, отчаянно махавшего ей руками.

— В чем дело?

Кузьмин приблизился, пугливо косясь на подворотню:

— Там хулиганы... Надо вызвать милицию!

— Чепуха какая! — девушка пожалла плечами и бесстрашно шагнула в темноту. Несколько корявых силуэтов двинулись к ней.

Кузьмин замер, ломая от волнения пальцы.

Из подворотни вдруг послышался страшный грохот, стон лопнувших гитарных струн и истошные вопли. Кузьмин начал рвать с себя пиджак, чтобы броситься на помощь. Пиджак как назло не снимался. Тем временем все стихло. Из темноты вышла девушка с чемоданчиком Кузьмина.

— Ваш? Получите! — Она спокойно отряхнула ладошки. — Минутное дело. И путь свободен!

Они вместе вошли в подворотню. Девушка щелкнула выключателем, и лампочка осветила большой мусорный ящик, из которого выглядывала лежавшая там вповалку шпана. Рядом валялась разбитая гитара.

— Предлагал же я им застраховать инструмент! — негромко сказал Кузьмин, бочком обходя мусорный ящик. — Не захотели!

Во дворе они остановились.

— Здорово вы их! — сказал Кузьмин девушке. — Но мне, знаете, что в голову пришло? А ведь вы же, наверное, не застрахованы.

— Ну и что?

— А я могу застраховать. И вас, и личное имущество.

— От чего?

— От чего хотите... — он затараторил: — От пожара, от аварии отопительной или водопроводной системы, от удара молнии, от бури, шторма, урагана, ливня, града, от землетрясения, наводнения, оползня, селя!..

— Чепуха какая! Ну откуда у нас тут в городе возьмется сель? Разве что из мусоропровода!

— Вот и я всем так говорю! — с готовностью подхватил Кузьмин. — И вообще говорю — жизнь прекрасна! Не надо ее омрачать мыслями о кражах, травмах бытовых и производственных, стихийных бедствиях! И, вы знаете, люди соглашаются. Даже спасибо говорят!

Девушка удивленно взглянула на него:

— И вас не выгоняют из этого вашего Госстраха?

— Почему не выгоняют? Выгоняют... — он вздохнул. — Сутки на перевоспитание дали.

— Так что же вы!.. — девушка возмутилась его смирению. — Вот, смотрите!

Она подвела Кузьмина к машинам, стоящим во дворе. С краю сверкала новизной светлая «волга».

— Бампер в масле... Номера свеженькие... Только что из магазина... — бормотала девушка, осматривая машину. — Почему бы вам ее не застраховать?

— Где же я сейчас хозяина найду?

— А чего его искать. Он через пять минут сам прибежит.

— Откуда вы знаете?

— Это элементарно. Любой частник каждые пять минут выглядывает в окно — как там его красавица? А нам только надо на нее облокотиться.

Девушка и Кузьмин дружно облокотились на машину. И тут же сработало противоугонное устройство. Внутри «волги» замигал тревожный красный свет, прерывисто засигналила сирена, а в паузах суровый голос, записанный на пленку, бесстрастно прозвонил:

— Чужой у машины!.. Чужой у машины!.. Чужой у машины!..

В окнах появились головы любопытных. А из ближайшего подъезда, как бильярдный шар, выкатился лысый толстячок в пижаме, дожевывая что-то на бегу.

— А ну отойдите! Не прикасайтесь! — верещал он. — Что же это делается! Машину нельзя купить — сразу лезут!

Открыв дверцу, толстячок выключил противоугонную сигнализацию. Наступила тишина.

— Ну, что вам тут надо? — враждебно спросил он. — В милицию захотели? Свидетелей предостаточно!

— Подождите со свидетелями! Может быть, мы как раз те, кто вам нужен, — улыбнулась девушка и локтем толкнула Кузьмина.

— Машина застрахована? — спросил тот.

— Не успел еще, — ответил толстячок. — А что?

— А то, уважаемый автовладелец... — начала девушка и вдруг строго спросила: — Как ваша фамилия?

— Ну, Разномясов, — ответил толстячок. — А что?

— А то, товарищ Разномясов, что тянуть со страховкой недопустимо! — принялась отчитывать его девушка. — А если пожар, взрыв, молния, ураган, землетрясение, наводнение, оползень, сель?

— Я завтра с утра собирался агента Госстраха вызвать... — оправдывался ошеломленный Разномясов.

— А агент уже тут! — девушка снова толкнула локтем Кузьмина.

— Тут! — подтвердил Кузьмин и принялся расстегивать свой чемоданчик.

Через полчаса девушка и Кузьмин вышли из разномясовской квартиры на лестничную площадку.

— Вот и все! Минутное дело! — сказала она, по привычке отряхивая ладошки. — Теперь вас не посмеют уволить. Да что это с вами? Онемели от счастья?

— Подождите... — Кузьмин впился глазами в копию только что заполненного страхового свидетельства. — Так... Разномясов

Илья Ильич... Разномясов! Точно, это он! Ну, теперь я пропал!

Он обессиленно опустился на ступеньку.

— В чем дело?

— Разномясов!... Вы знаете, кто такой этот Разномясов? — в отчаянии сказал Кузьмин. — Это — проклятие Госстраха. Ему уже выплачивали страховки за три «волги»! Вы понимаете — за три!

— А куда делись эти три машины? Сель унес? Молния сожгла?

— Украли!

— Все три?

— Все! Неужели и эту уведут? С такой-то сигнализацией! Нет, не может этого быть!

— Очень даже может... — задумчиво сказала она. — Тут что-то нечисто. Чувствуете, чем тут пахнет?

— Кажется, где-то рыбу жарят, — сказал Кузьмин, потянув носом.

— Какую еще рыбу? Здесь преступлением пахнет!

Кузьмин опасно покосился на дверь квартиры:

— Вы думаете, что этот Разномясов...

— Тс-с!... — она зажала ему рот рукой и потащила вниз по лестнице.

— Заявим в милицию? — шепотом спросил Кузьмин, когда они оказались во дворе.

— Ни за что! Я сама доберусь до истины! — девушка торжествующе усмехнулась. — Посмотрим, женское это дело или нет!..

Они сидели в «запорожце» Кузьмина, неотрывно глядя на подъезд, возле которого была припаркована светлая новенькая «волга». В лучах утреннего солнца все вокруг казалось не таким страшным и зловещим, как вчера.

— Ну вот, теперь меня точно уволят, — со вздохом сказал Кузьмин, глянув на часы.

— Наоборот, — возразила девушка. — Ведь если мы раскроем это дело, Разномясова в тюрьму посадят. А вам Госстрах памятник поставит!

— Да может быть, и дела никакого нет. Простое совпадение. А у нас сейчас за опоздания по шапке — месячник начался...

Договорить Кузьмину не удалось. Девушка вдруг резко обняла его и пылко прильнула к губам. Из-за головы ошалевшего страхователя ей был хорошо виден вышедший из подъезда Разномясов. Одет он был для рыбалки и нес на плече спиннинг.

— Сидите, не шевелитесь! — шепотом приказала девушка, на мгновение оторвавшись от губ Кузьмина.

— Хорошо. А зачем? — тоже шепотом спросил он.

— Потом объясню!..

Разномясов по-хозяйски обошел свою «волгу», проверил, хорошо ли закрыты двери и багажник, постучал ногой по скатам. Увидев пару, целующуюся в «запорожце», он с осуждением покачал головой, но слезки не заподозрил.

Лишь когда Разномясов покинул двор, Кузьмин был освобожден девушкой из страстных объятий. Несчастный страх агент был в полуобморочном состоянии.

— Кажется, у нас есть повод познакомиться?.. — пробормотал он, глядя на нее затуманенным взором.

— Еще чего! — сердито сказала она. — Никакого понятия о конспирации! Заводите же скорей свою тарыхтелку! Упустим!

Кузьмин послушно включил зажигание. «Запорожец» оглушительно выстрелил, окутался клубами дыма, словно взорвался, но не подумал сдвинуться с места.

— С вами все ясно! — махнула рукой девушка. — Идите толкать! Я сяду за руль! Перечить Кузьмин не посмел.

Толстячок Разномясов ехал со своим спиннингом в троллейбусе, не подозревая, что преследователи не отстают от него ни на метр. «Запорожец» вела девушка.

— Сейчас главное: не прозевать, кому и где он передаст ключи от машины! — настаивала Кузьмина девушка, уверенно лавируя в бурном потоке транспорта. — Нам важно не просто поймать угонщика, но и доказать, что этот толстяк его соучастник. Усекаете?

— Усекаю! — с готовностью кивнул Кузьмин.

— Кроме того, нам нужно выяснить, куда перегоняются украденные машины, где и кому их сбывают. Усекаете?

— Усекаю! — опять кивнул Кузьмин.

Тут троллейбус резко затормозил у остановки, и девушке пришлось тоже нажать на тормоза.

— Обнимите меня! Быстро! — скоандовала она, увидев направляющегося к ним Разномясова.

— Как обнять? — растерялся Кузьмин.

— Руками! — приказала девушка и стремительно прильнула к страх агенту.

Вновь увидев в «запорожце» целующуюся пару, Разномясов несколько обалдел, но все же опять ничего не заподозрил и прошел мимо.

— Кажется, пронесло, — девушка откинулась на спинку. — Быстрее надо соображать, молодой человек! Чуть все не испортили!

— Извините... Я не силен в конспирации...

— Ладно, давайте знакомиться! — улыбнулась девушка и по-деловому протя-

нула Кузьмину руку. — Все-таки дважды целовались! Анюта. Но можно и просто Нюта. Так меня родители зовут.

— Сокол! — представлялся Кузьмин, протягивая ей руку досточкой.

— Как-как?! — Нюта покатила со смеху. — Это вы — Сокол?!

— Это для конспирации... — смущенно потупился Кузьмин. — Вообще-то меня все в конторе Кузей зовут. У меня фамилия такая — Кузьмин.

— Вот Кузя — это для вас! — одобрила Нюта. — Вытряхивайтесь, Кузя, поскорее. Как бы толстяк не удрал!

Они выбрались из машины и тайком последовали по людной улице за Разномясовым.

В здании железнодорожного вокзала снующая толпа пассажиров затрудняла наблюдение. Толстяк со спиннингом осмотрелся и нырнул в лабиринт автоматических камер хранения. Кузя и Нюта потеряли его. Растерянные, они стояли на фоне щита с фотографиями преступников, задержанных здесь, а дежурный милиционер сверлил их подозрительным взглядом.

— Это все вы виноваты! Вы! — отчитывала девушка Кузьмина. — Просила же поскорее! Ходите, как сонная...

Договорить ей не удалось. Внезапно Кузя привлек ее к себе и закрыл рот неловким поцелуем. Из камеры хранения выходил Разномясов.

— Пустите! Пустите же! — пыталась вырваться Нюта. — Нашли время и место!

— Да тише вы! — прошипел Кузя, на мгновение оторвавшись от ее губ. — Он идет!

Разномясов и тут выказал неудовольствие поведением молодежи, но не признал в целующихся своих давешних знакомцев.

— Никакого понятия о конспирации! — с укоризной сказал Кузя, неохотно отпуская Нюту.

— Зато вы стали большим конспиратором! — сказала она.

Разномясов, опять оглядевшись, скрылся за дверью туалета.

— Скорее за ним! — приказала Нюта.

— Я?

— Ну не я же!

— Там-то чего за ним следить?

— А вы не догадываетесь, зачем он туда пошел? — спросила Нюта.

— Ну... тут одно из двух... — замаялся Кузя.

— Ничего подобного! — Нюта была полна решимости. — Он оставит там для своего сообщника шифр и номер ячейки! Он что-то спрятал! Мы должны это выяснить!

— Ну, раз должны... — пожал плечами Кузя и последовал в туалет.

Там было на удивление пусто. Стояла зловещая тишина. Двери всех кабинок были закрыты. Кузя крался на цыпочках. Внезапно рядом зарычал бачок, спуская воду. Дверь кабины, возле которой замер испуганный страхагент, распахнулась и появился Разномясов. Кузя юркнул в соседнюю дверь.

Около умывальника мыл руки какой-то гражданин. Отраженным в зеркале он увидел Кузю, выглянувшего поверх двери, и спросил добродушно:

— Ты чего, земляк? Выйти не можешь?

Кузина голова скрылась. Секунду спустя Кузя бесшумно перебежал в кабинку, из которой вышел Разномясов, заперся и осмотрелся. Потом он поспешно достал блокнот и шариковую ручку...

Нюта встретила Кузю в зале ожидания:

— Почему так долго? Я уж думала, он вас там ухлопал.

— Пришлось срисовать все, что там на стенах кабинки изображено,— Кузя протянул ей блокнот.

— Все?!

— Нет, нет, не пугайтесь! Я скопировал только то, что, возможно, относится к делу.

— Браво, Кузя! Вы определенно делаете успехи! — Она внимательно просмотрела листок, испещренный каракулями.— Вот! Это наверняка то, что нам надо! Идете? Это номер ячейки, а это шифр! Идемте, Кузя! Надо срочно проверить!

— Подождите! А Разномясов?

— Уехал!

— Как?!

— Очень просто! Взял билет до девятой зоны и укатил ловить рыбку!

— Значит, все рухнуло! Упустили! — Кузя был искренне огорчен.— Это все я виноват! Сидел там целый час, рисованием занимался! Репин нашелся!..

— Не терзайтесь, Кузя! — Нюта ласково посмотрела на него.— Вы гениально справились с задачей! А Разномясов нам пока не нужен. Билет он взял только «туда», а это значит, что в ближайшие сутки возвращаться он не собирается. Вы же говорили, что все машины у него угоняли тогда, когда он был в отъезде. Значит...

— Значит, нам нужно устроить засаду около его «волги» и ждать преступника! — подхватил Кузя.

— Правильно! Вы, Кузя, просто прожженный сыщик! — похвалила Нюта.— Но прежде мы проверим камеру хранения...

Под пристальным взглядом милиционера они углубились в лабиринт камер. Нужная

им ячейка была в самом конце, в тупичке. Перед ней тетка в плисовом жакете выгружала сразу из нескольких камер несметное количество вещей: рулоны обоев, коробки с тортами, разновеликие свертки и сумки.

Кузю била нервная дрожь.

— Как бы нам из этой камеры в другую не попасть. В настоящую,— через силу улыбнулся он.

Но Нюта решительно подошла к нужной ячейке и, завернув руку носовым платком, стала набирать код. Дверца распахнулась. Оба сунули голову в камеру, стукнувшись лбами, и тут же отпрянули.

В камере лежали ключи.

— От машины! — прошептала Нюта.— Так я и знала! Все ясно! Пошли!

Они сделали несколько шагов и тут же увидели маячившего вдалеке милиционера.

— Сейчас нас возьмут! — в панике прошептал Кузя.

— Назад! — шепотом приказала Нюта. И они скрылись за горой теткинго багажа.

Бдительный милиционер крутил головой, пытаясь высмотреть подозрительную пару, а в это время мимо него спокойно проследовали навьюченные вещами Кузя и Нюта в сопровождении тетки в плисовом жакете.

Полная луна освещала знакомый двор, где мирно стояли разные машины, и среди них новенькая светлая «волга».

Кузя и Нюта дежурили в «запорожце». Вернее, дежурила Нюта, а уставший и издерганный страхагент спал, положив голову ей на плечо. Спал он беспокойно, дергаясь и вскрикивая во сне.

— Где машина? Машина тут? — время от времени спрашивал он с закрытыми глазами.

— Тут, тут, не дергайтесь,— успокаивала его Нюта.

И Кузя вновь доверчиво прижимался к ее плечу.

...Солнечное утро не обнаружило каких-либо изменений в расстановке сил. «Волга» и «запорожец» стояли на прежних местах. Только теперь и Нюта, утомленная ночным бдением, склонила голову к голове страхагента.

— Где машина? Машина тут?..

— Тут, тут, не дергайтесь...— ответила девушка сквозь сон.

Во дворе появился громила устрашающего вида. Он неторопливо прошелся вдоль ряда автомобилей, мельком глянул на спящих в «запорожце» и приблизился к разномясовской «волге».

— Где машина? Машина тут? — опять сонно пробормотал страхагент.

— Тут, тут, не дергайтесь! — привычно отозвалась Нюта.

Громила достал из кармана ключи, открыл дверцу, потом поднял капот и внимательно осмотрел двигатель, поправив какие-то клеммы. Достав из багажника манометр, он обстоятельно проверил давление во всех четырех скатах и лишь после этого спокойно уселся за руль.

— Где машина? Машина тут?..

На этот раз успокаивающего ответа Кузя не получил. Взревев, светлая «волга» медленно выехала из двора.

— Проспали! — взметнулся Кузя.

— Эх вы! Кузя!.. — уничтожающе сказала Нюта. — Убить вас мало!

— Убейте! — покорно сказал он. — Убейте, мне легче будет.

— А мне? — сказала она. — Кто будет вашу тарактелку толкать, чтобы она завелась?

— К чему? Все равно нам его не догнать.

— У нас в запасе минимум десять минут. За углом ему придется колесо менять.

— Откуда вы знаете? — поразился Кузя. — Дедукция?

— Вроде того, — сказала она. — Я ночью гвоздик воткнула в шину. На всякий случай. Ну, вылезайте же, Кузя, и давайте толкать!..

...Оставляя за собой дымный шлейф, «запорожец» ехал по утренней улице, только что заботливо умытой поливальной машиной.

Через пару кварталов они увидели светлую «волгу», стоящую на домкрате возле тротуара. Громила-угонщик, согнувшись в три погибели, возился у заднего колеса.

— Внимательно рассмотрите его и запомните! — велела Нюта Кузе.

— Как же рассмотришь, когда один зад торчит?! — плаксиво отозвался он.

— Сейчас мы его поднимем, — Нюта прибавила скорость. — Смотрите в оба!..

Точно вырвав, она проехала по краю огромной лужи, окатив громилу с ног до головы. Тот вскинулся от неожиданного душа и, сотрясая пудовыми кулачищами, осыпал проклятиями удаляющийся «запорожец».

— Ну как? Запомнили? — усмехнулась Нюта.

— Умирать буду — не забуду! Ну и рожа! — потрясенно проговорил Кузя. — Слушайте, Нюта, а может, нам лучше в милицию обратиться?

— Никогда! — резко сказала она.

Громила подошел к окошечку автозаправочной станции и протянул деньги:

— Сто двадцать литров!

— Ого! — отозвалась девушка в дымчатых очках и косынке, повязанной на лоб. —

Дорога неблизкая или приторговывать думаете в пути?

— Не твое дело, очкастая! — хрипло выдохнул громила и пошел к «волге». — Наливай!..

Девушка включила подачу бензина.

День клонился к вечеру. С ужасающим треском, рывками «запорожец» двигался по загородному шоссе. Но вот силы окончательно оставили его, и он затих.

— Проще всего было бы его пристрелить! — Нюта, сидевшая за рулем, сбросила очки и косынку. — Разве это погоня? Слезы!

— А здорово у вас все получается, Нюта! — сказал Кузя, желая загладить вину своего автомобиля. — Ловко вы его на заправке прихватили!

— А толку что?! Ну выяснили, что едет далеко. А куда?.. А я на этой бензоколонке практику в девятом классе проходила, так что... Идите толкайте, Кузя!..

...В полной темноте они добрались до кемпинга «Русский лес».

Среди елок уютно светились огоньки коттеджей. А из рестораника, стилизованного под резной терем, доносилась веселая музыка.

— Кузя! Нам неслыханно повезло! — Нюта вдруг чмокнула его в щеку. — Видите, вот стоит наша «волга». Он решил отдохнуть. Утомился, бедняжка!

— Нет, это я вас должен поцеловать, Нюта! Это вы догадались, что он заночует здесь! — И Кузя потянулся к ней губами.

— Но-но! — строго отстранилась от него Нюта. — Сейчас обойдемся без конспирации! Пошли, Кузя! Он там уже вовсю гуляет, а мы!..

Дрожащей рукой громила-угонщик налил стакан кефира.

— Ну, за все хорошее! — сказал он сам себе, чокнулся с бутылкой, выпил и сплунул с омерзением. — Вот дрянь!..

Он сидел за столиком в полупустом уже ресторане, рядом с эстрадой, на которой неистовствовал электроансамбль. Кузя и Нюта расположились чуть поодаль, наблюдая за громилой сквозь листву огромного фикуса. Перед ними стояли какие-то салатики и бутылка сухого вина.

— Наш-то не пьет! Осторожничайте! — сказала Нюта, поднимая бокал. — Знает: алкоголь сорок восемь часов остается в организме.

— А капля никотина убивает лошадь! — сказал Кузя и залпом опорожнил свой бокал.

Музыка смолкла, и руководитель ансамбля подошел к микрофону.

— А сейчас мы выполняем заявку владельца автомашины «жигули» номер тридцать три восемьдесят три, — вкрадчиво сказал он.

Загремели электроинструменты, и несколько пар пошли танцевать.

Громила налил себе еще стакан кефира.

— Ну, за все доброе! — он снова чокнулся с бутылкой, выпил и снова сплюнул. — Вот мерзость!..

Кузя наполнил оба бокала, но Нюта решительно отодвинула их к краю стола.

— Слушайте, Кузя, хватит! Мы же заказали вино только для конспирации! Берите пример с него. У нас тоже впереди дело! — В утешение она налила себе и ему минералки. — У вас есть деньги?

— Навалом! — фатовским жестом Кузя вытащил из кармана несколько смятых бумажек. — Я же страховку Разномясова не сдал.

— Тогда вот что! — Нюта выбрала десятку. — Остальные спрячьте. А с этой, раз уж вы вступили на путь растратчика, идите к руководителю этой капеллы и закажите «белый танец».

— Я?.. Растратчик?.. Да я!..

— Идите, идите, Кузя! И делайте, что вам сказано!

Вздохнув, Кузя встал и поплелся к эстрадке, держа десятку на отлете. Руководитель, не прекращая играть, тут же склонился к нему и глазами выразительно показал на свой карман. Когда деньги оказались там, руководитель спросил, перекиривая музыку:

— «Мясоедовскую» или «Миллион алых роз»?

— Белый танец, если можно, — стеснительно попросил Кузя.

Руководитель кивнул.

Едва Кузя вернулся за свой столик, музыка смолкла и вкрадчивый голос объявил: — А сейчас по просьбе наших гостей — белый танец!

Зазвучало страстное танго. Кузя героем поглядывал на Нюту, уверенный, что она собирается пригласить его. Но Нюта стремительно поднялась, миновала Кузю и через мгновение оказалась перед громилой-угонщиком, терзавшим цыпленка.

— Разрешите вас пригласить? — чарующе улынулась она.

— Кого? Меня? — громила замер с набитым ртом. — Не танцую!

— Когда мужчина отказывает, это подзрительно! — ириво сказала Нюта.

Громила посмотрел на нее тяжелым взглядом.

— Пошли! — свирепо сказал он, вставая во весь свой громадный рост. — Ноги отдавлю — не обижайся!

Они вышли в центр зала.

— Боже мой! И на это я выбросил червонец!.. — потрясенный Кузя залпом выпил фужер.

То, что под музыку выделявала Нюта с громилой, едва ли можно было назвать танцем. Скорее это была дикая смесь акробатики, корриды и строевой маршировки. Однако зрелище было столь необыкновенно, что прочие танцующие расступились, оставив этой паре весь оперативный простор. На нее даже направили несколько цветных лучей.

— А как вас зовут? — Нюта заставила своего негнушегося партнера встать на одно колено и припала к нему.

— Ну, Вовчик... — прохрипел тот, по-медвежьи обнимая ее.

— Вы потрясающе танцуете, Вовчик!

— Да ну?! — Он отбросил ее на вытянутые руки и снова прижал к себе. — А в зоне плясать не приходилось!

— В какой зоне?

— В этой... Вечной мерзлоты.

— Так вы из тундры? Не скажешь!

— Пять лет от звонка до звонка. Точно по приговору... То есть по договору... — поспешно поправился громила Вовчик.

Музыканты играли с невиданным воодушевлением. Им, как и всем собравшимся, тоже нравился этот смахивающий на пародию танец.

Лишь Кузя уныло сидел за столиком.

— Что она делает!.. Боже, что она делает!.. — тупо твердил он, снedaемый вульгарной ревностью.

Но Нюта продолжала танцевать со звероподобным Вовчиком и, конечно, не замечала, что происходит с Кузей.

— Подведити, говоришь? — Вовчик уже без принуждения выкидывал лихие коленца. — А куда? Куда я еду?..

— Не обратно же в тундру!

— Точно! Туда только за казенный счет!

— Значит, на юг? К Черному морю? — Нюта со значением посмотрела на Вовчика. — Возьмите меня! Умоляю!..

— А что? Может, и возьму! — с придыхом сказал громила, и одновременно прозвучал последний электрический аккорд.

Танец они закончили эффектной позой. Все заплодировали.

Нюта вернулась к своему столику и обнаружил, что Кузя исчез. Она взяла в руки пустую бутылку и покачала головой.

А в этот момент Кузя нетвердой походкой подошел к громиле-угонщику и по-свойски подмигнул ему:

— Выйдем на пару слов!

— Чего?..— едва не подавился Вовчик, с ненавистью вливавший в себя очередную порцию кефира.

— Да ты не бойся,— ободрил его Кузя.— Выйдем поговорим!

Они сошли с освещенного крыльца и остановились у темнеющих кустов.

— Ну? — спросил громила.

— Слушай, Махмуд Эсамбаев, продай машину, а? — с глупой ухмылкой сказал Кузя.

— Тебе, что ли, слизняк?

— А тебе не все равно кому? — Кузя снова подмигнул.— Деньги-то не пахнут? Не пахнут деньги?..

— Не пахнут. Когда их нет!

На этом разговор прервался, так как страхагент, получив сокрушительный удар, с треском повалился в кусты. А Вовчик, естественно, сейчас же растаял в темноте.

Через секунду на улицу выбежала встревоженная Нюта и тут же споткнулась в темноте о лежащее тело. Раздался слабый стон.

— Кузя! Вы живы? — Нюта присела.

— Почти...

— Что случилось?

— Так, пустяки... Просто я хотел взять инициативу на себя.

— Вы пьяны!

— Было немножко. Но из меня весь хмель уже вышибло.

— Кто вас просил вмешаться! — сердито воскликнула она и приложила платок к его глазу.— Я уже почти узнала, куда он гонит машину! Он уже почти взял меня с собой!..

— Как с собой?.. Куда?

— К Черному морю!.. А вы его спугнули!
— Какое счастье! — блаженно улыбнулся Кузя.

— Счастье?! Ну, знаете ли!.. Кузя вы после этого и больше никто!

Нюта бросилась на площадку, где среди прочих машин была припаркована светлая разномясовская «волга». Крадучись, она обошла ее вокруг и вдруг увидела устрашающего Вовчика, который с сумкой в руках опометью несся к машине. На размышление не было ни секунды. Шпилькой открыв багажник, Нюта залезла в него и захлопнула крышку изнутри. Громила в спешке ничего не заметил. Метнувшись за руль, он включил фары. Взревел двигатель, и красные сигнальные огоньки скрылись в темноте.

Только после этого задрожали и раздвинулись кусты, из которых показалось бледное лицо потрясенного Кузи, украшенное впечатляющим синяком.

Прикрывая синяк платком, побитый страхагент ворвался к администратору кемпинга:

— Мне нужно позвонить в ГАИ! Срочно!..

За рулем Вовчик постепенно успокоился. В заднее зеркальце он видел, что никто его не преследует. Но вот впереди, в алом свете разгорающейся зари, замаячила будка ГАИ. Три инспектора, словно три богатыря, стали поперек дороги, указывая жезлами на обочину.

Громила затормозил. Инспекторы с ленивой походкой подошли к машине.

— В чем дело, командир? — угодливо спросил Вовчик, вылезая.

— Инспектор ГАИ Молодцов! — небрежно козырнул первый инспектор.— Ваши документы, водитель!

Пока инспектор разглядывал документы, Вовчик покрылся крупным потом.

— По доверенности ездите? — спросил инспектор.

— Ага...— залезбил Вовчик.— Приятель дал, покатайтесь. Вернее, обкатать... Новенькая она. Только купил.

Он утер лоб.

— Плохо себя чувствуете? — инспектор пронзил его взглядом.— Может быть, в трубочку дышнем?

— Хоть в две, командир! — весело вытянулся Вовчик.

— Ладно... Откройте багажник.

— Всегда пожалуйста! — Вовчик с облегчением поднял крышку багажника и даже не стал туда смотреть, уверенный, что все в порядке.

Лица инспекторов вытянулись. Вовчик оглянулся и обмер. Из багажника на него смотрела Нюта.

— Не понял...— вопросительно протянул инспектор Молодцов.

— Я и сам ни черта не понимаю...— растерянно отозвался громила, снова покрываясь крупным потом.

— Ладно, хватит прикидываться! — холодно сказала акселератка, вылезая из багажника.— Может, ты товарища инспектора считаешь полным дураком? Или меня держишь за идиотку?

Вовчик затравленно озирался, но бежать было некуда.

— Минутку! — опомнился инспектор Молодцов.— Что тут происходит? Почему гражданка в багажнике?

— А вот это уж наше дело! — неожиданно заявила Нюта.— Уж я как-нибудь с собственным мужем сама разберусь!

— Он что... ваш супруг? — озадачился инспектор.

— К сожалению!

Инспектор обернулся к Вовчику, который только ошалело хлопал глазами:

— Что же это вы, гражданин, жену в багажнике возите, как канистру?

— Да я и знать не знал, что она там!.. Черт ее знает, зачем залезла!

— Сказать, да? При всех сказать? — Нюта уперла руки в бока, изображая ревнивую супругу. — Чтобы тебя на чистую воду вывести, мое солнышко! Чтобы узнать, куда ты усвистал под видом срочной командировки, мой зайчик! Чтобы увидеть, с кем это ты две недели собирался развлекаться, моя рыбка!..

Инспекторы переглянулись.

— Похоже, влип мужик! — тихо сказал один.

— Да и влип-то по-глупому! — сказал другой.

— А все потому, что прежде, чем начать движение, — назидательно заключил инспектор Молодцов, — надо тщательно проверить транспортное средство — все ли в порядке!

— Ну что ты стоишь, как заколдованный? — Нюта, открыв дверцу «волги», бросила на громилу убийственный взгляд. — Поехали!

— Куда?.. — робко спросил он.

— Уже забыл? Память отшибло? — ядовито сказала она. — Ты же, кажется, к Черному морю направлялся? Едем!

Она захлопнула дверцу.

— Вы уж извините!.. — сказал инспектор Молодцов Вовчику. — Так получилось.

Громила только вздохнул.

— До Чемодановки не подбросите? — спросил Молодцов. — Тут рядом. Километров десять!..

...«Волга» умчалась, увозя Вовчика, Нюту и Молодцова.

Двое оставшихся на дороге инспекторов смотрели вслед.

— Все-таки она есть! — задумчиво сказал один.

— Кто?

— Не кто, а что. Жуткая любовь. Подумать только, такая красotka и любит такого мордоворота!

— Всяких любят! — философски заметил второй. — Но тут, пожалуй, не жуткая любовь.

— А что же?

— Жуткая ревность!

В машине царило неловкое молчание. Почувствовав, что Вовчик косится на нее недобрый взглядом, Нюта спросила ангельским голосом:

— Ты не сердись, милый?

Вовчик промычал что-то невнятное.

— Ты просто не знаешь, как ты мне нужен, — Нюта ласково запустила руку ему в шевелюру. — Теперь, Вовчик, я не расстанусь с тобой никогда!

Инспектор Молодцов, сидевший сзади, насторожился:

— Вовчик?.. Вы сказали — Вовчик?

— Вовчик, — ответила Нюта. — А что?

— Странно!.. По документам ваш супруг скорее Леонид! Стало быть, скорее не Вовчик, а Ленчик!..

Руль в руках громилы дрогнул, и «волга» едва не столкнулась со встречным рефрижератором.

— Аккуратней!.. — ледяным тоном произнес инспектор. — Аккуратней, Вовчик по имени Ленчик!

Нюта быстро повернулась к нему:

— Мой муж! Как хочу, так и зову! Вот вас жена как зовет, если ласково?

— Ну при чем тут это?.. — зарделся инспектор.

— Нет, вы скажите — как?..

— Суслик!.. — нежно произнес Молодцов.

— Видите! — с торжеством сказала Нюта. — А по паспорту вы разве Суслик?

Громила заржал.

— Остановите! — попросил инспектор. — Мне отсюда пешком два шага. Спасибо. Счастливого пути!..

Высадив инспектора, Вовчик развил предельную скорость. Улучив момент, когда не было встречных машин, он вдруг круто свернул в лесок, тянувшийся по обочине.

В зарослях мотор заглох. Был слышен мирный щебет птиц.

— В чем дело, Вовчик-Ленчик? — нахмурилась Нюта. — Вы, кажется, сбились с пути?

Тот молча вылез из машины, обошел вокруг и, распахнув правую дверцу, скомандовал угрожающе:

— Вылезь!..

Нюта вышла, не спуская с бандюги глаз.

— Речь, видимо, пойдет о разводе? — спокойно спросила она. — Только, пожалуйста, без семейных сцен! Больших алиментов я не потребую!

И она прислонилась спиной к березке.

— Каких еще алиментов!.. — разъяренным быком взревел Вовчик и нагнул голову, словно собирался бодаться.

Нюта с серьезным видом взяла пальчиками носовой платок и потрясла им:

— Торо, торо, торо!

Громила бросился вперед и, конечно, промахнулся.

— Ну, размялись немножко, и хватит! — объявила Нюта. — Поехали дальше!

— Покатались уже! Приехали! — Вовчик выхватил нож, со щелчком выбросил лезвие.

— Фу!..— Нюта поморщилась.— Что за манеры! Разве в тундре вас не учили, как нужно обращаться со слабым полом?

— Учили, да не доучили! — прохрипел Вовчик, приближаясь к девушке.— Сейчас я буду из тебя азу делать! Бефстроганов!..

А дальше все произошло точь-в-точь, как с майором Птахиным. Вовчик взлетел в воздух и грохнулся на землю.

— Вот и все. Минутное дело! — сказала Нюта, привычно отряхивая ладошки.

Вовчик сел, мотая головой.

— Ну ты даешь! — с трудом выдавил он.— Больно же!

— А ты как хотел? Не будешь грубить.

— Ты из этой, что ли... Из уголовки?

— Знаешь, Вовчик-Ленчик, какое у тебя самое слабое место?

— Ну?

— Голова. Была бы я из угрозыска, я бы тебя давно повязала. Еще у поста ГАИ. Нет, Вовчик, я не из милиции, а совсем наоборот. Соображаешь?

Она пристально посмотрела ему в глаза.

— Так ведь наоборот — это...— громилла соображал туго.— Подожди... Тебя что — Филимон прислал? Ты от Филимона?

— А от кого же еще? — осторожно ответила Нюта.

— Забожись!

— Век свободы не видать! — твердо сказала она.

— Умереть-уснуть! — ахнул бандит.— И давно ты меня пасешь?

— С вокзала. Вернее, с камеры хранения,— усмехнулась Нюта.— Усек?

— Усекаю...— медленно проговорил Вовчик и вдруг рванул на себе рубашку, обнажив татуированную грудь.— Задрыги! Твари позорные! Фраера подлючие! А-а!..

Нюта не ожидала такой истерики:

— Ты что, придурок? Совсем тронулся?

— Не верите, да? — надрылся тот.— Своему не верите? Слежку сделали! Боятесь, что я эту тачку на сторону толкну и слиняю? Все, выхожу из дела! Я честный вор! В гробу я вас всех видал! В белых кроссовках! Так и передай Филимону!

Он вскочил, врубился в кусты и через мгновение исчез.

— Вовчик! — крикнула Нюта.

В ответ слышался только удаляющийся треск веток.

Нюта кинулась в машину и задним ходом стала выбираться на шоссе.

Инспектор Молодцов ехал на мотоцикле, зорко поглядывая по сторонам. Внезапно он увидел своих недавних знакомцев.

Громилла в разорванной рубаше шагал по обочине в обратном направлении, а рядом с ним медленно двигалась «волга» с красивой девушкой за рулем. Нюта что-то сердито втолковывала Вовчику, но тот только гордо отмахивался.

Молодцов приветственно посигналил.

Вовчик на секунду замер, узнал инспектора и торопливо запрыгнул в машину. «Волга» развернулась и легла на прежний курс.

Инспектор Молодцов улыбнулся, покачал головой и умчался на своем мотоцикле.

Молчание в «волге» длилось недолго.

— Надеюсь, припадок не повторится? — сухо спросила Нюта.

Вовчик потупился.

— Что-то я раньше про тебя не слышал,— виновато сказал он.— У тебя какая кликуха-то будет?

— У меня-то? — Нюта насмешливо взглянула на него.— Акселератка!

— Аксель... что? Наподобие — эксель-моксель! — тупо гоготнул громилла.— С похмельюги не выговорись!

— Акселератка,— повторила Нюта.

— Слушай, Аксель-ератка, ты давно с Филимоном работаешь?

— А тебе зачем? Ты что — следовательно? — с нарочитой грубостью оборвала она.— Поначалу я только на шухере стояла. А когда прошлым летом ювелирный брали, пришлось сторожа пришить.

— Ну? — изумился Вовчик.— А чем пришила?

— Иголкой с ниткой!

Вовчик вытаращил глаза, но, поняв, что это шутка, заржал.

— Закрой пасть! — одернула его Нюта.

— А Филимон говорил, что он мокрых дел не любит,— сказал Вовчик, помолчав.

— Мокрое, сухое, полусухое!..— небрежно бросила Нюта.— Какое попадетя. В наше время выбирать не приходится.

— Слушай, Акселератка, а сколько тебе лет, а?

— По совокупности лет сорок семь,— ответила она, не моргнув глазом.

— Как это? — изумленно уставился на нее Вовчик.

— Ну, статья сто вторая — убийство при отягчающих. Пятнадцать верных. Сто сорок пятая, часть два — грабеж, соединенный с насилием. Тут семерик светит. Статья девяносто третья-прим — хищение в особо крупных. Считаю, восемь лет. По сто восемьдесят девятой, части первой за укывательство прибавь еще пятерку. Ну и по сто сорок четвертой, по двести восьмидесятой набегит что-то...

— Да, биография!.. — уважительно сказал Вовчик и вздохнул. — Пора мне завязывать.

— Чего это вдруг?

— Такая смена подросла! — развел руками громила. — Куда нам, ветеранам!..

Нюта чуть заметно усмехнулась и приоткрыла, напряженно глядя вперед. Там дорога раздваивалась. Покосившись на Вовчика, она чуть притормозила, а потом решительно свернула направо. И, разумеется, ошиблась.

— Ты куда? — вскинулся Вовчик. — Дорогу забыла, что ли?

— А ты не трещи как сорока! Отвлекаешь! — задним ходом Нюта вернулась к развилке. — И вообще, я устала. Садись-ка покрути сам! Я к тебе в шоферы не принималась!..

Вовчик глянул на нее недоверчиво, но пересел за руль.

...Миновав большой город, светлая «волга» выскочила на окраину, где еще сохранились деревянные домишки бывшей деревни, теснимые новостройками. На живописном пригорке у тихой речушки одиноко стояла заброшенная церковь.

Вовчик направил машину к ней.

— Ты что это? — спросила Нюта. — Собрался грехи замаливать?

— Надо же профилактику пройти, — громила вновь подозрительно посмотрел на Нюту. — Разве Филимон не говорил?

Он вылез из машины и постучал в церковные ворота сложным условным стуком. Створки ворот тотчас распахнулись.

Внутренность помещения была неразличима в глубокой темноте. А на пороге света и тьмы стояли в выжидательной позе два стройных блондина. Все у них было одинаковое: и красивые комбинезоны, и дымчатые очки, и джинсовые кепочки с длинными козырьками. Они походили на братьев-близнецов, а может, и были таковыми.

— Привет, апостолы! — гаркнул Вовчик.

— На профилактику? — спросили те.

— Ну! — подтвердил громила.

Близнецы синхронно сделали приглашающий жест.

— Почему «апостолы»? — спросила Нюта, когда Вовчик вернулся за руль.

— Так... Один Петька, другой Пашка.

— Клички?

— А мне без разницы!

Машина въехала в темноту церкви, и ворота за ней захлопнулись.

Тут в углу мягко светился торшер под узорчатым абажуром. На стенке отливала глянцем большой календарь с фотографией японской бесстыдницы, нагишом сидевшей на каюте «тойоты».

Апостолы усадили гостей в глубокие кресла, придвинули столик на колесиках.

— Вам кофе с молоком или без? — осведомился Петр.

— Полистайте пока журнальчики, чтобы не скучать, — предложил Павел.

— Это недолго, — добавил Петр.

Затем близнецы надели белоснежные перчатки и повернулись к «волге». У каждого на спине оказалась большая латинская буква «Ф».

— Да, Филимон — это фирма! — сказал Вовчик, отхлебнул дымящегося кофе и углубился в созерцание какого-то легкомысленного журнальчика.

Апостол Петр включил рубильник, все вокруг залило ослепительным светом. И тут обнаружилось, что в старой церквушке устроен небольшой, но первоклассно оборудованный цех. Самая совершенная техника из всех стран мира была собрана в бывшем божьем храме. Звучала ритмичная музыка, призванная стимулировать труд.

Апостол Павел включил другой рубильник, и начался волшебный сон. На «волгу» сверху обрушился водопад изумрудной жидкости, мгновенно смывшей прежнюю краску.

Нюта, не удержавшись, подошла поближе.

— Вас тут всего двое? — спросила она.

— У нас же не государственное предприятие, — вежливо улыбнулся Петр. — Нам штаты раздуть нельзя.

— Мы тут сами себе и дирекция, и бухгалтерия, и плановый отдел, и отдел кадров, — добавил Павел.

— Овладели смежными профессиями, — опять улыбнулся Петр.

— Внедрили бригадный подряд, — опять добавил Павел.

— Поощряем наставничество, — сказал Петр.

— Эффективно получается, — мягко заключил Павел.

Работали апостолы так красиво и ловко, что Нюта невольно залюбовалась. В считанные секунды все стекла и металлические части машины были закрыты клейкой пленкой. Включились пульверизаторы, и кузов «волги» мгновенно окрасился в черный цвет.

— Техника будущего! — сказала Нюта.

— Ворованная или как?

Апостолы переглянулись, испытывая неловкость за симпатичную девушку.

— Ну что вы! — сказал Петр. — Это все на разных складах ржавело. А то и под открытым небом. Грех было не взять.

— Великий грех! — поддержал Павел. — За это все валютой плачено! Свободно конвертируемой!

Заработали вентиляторы и сушильные лампы, полировочные щетки натерли кузов до нестерпимого сияния. Петр прикрутил на машину другие номера, а старые бросил в угол, где уже лежала целая куча. Павел каким-то хитроумным устройством уничтожил номер, выбитый на двигателе, и тут же нанес новый.

— Что это у вас за штука? — спросила Нюта.

— Это? — Павел пожал плечами.

— Обыкновенный лазер.

— Лазер?.. Слушайте, а синхрофазотрона у вас тут нету?

— Пока не нужен, — сказал Петр, в свою очередь пожав плечами.

Музыка смолкла, и вся чудесная техника замерла.

— Ну, вот и все, с божьей помощью, — сказал Павел.

— Можно ехать, — сказал Петр. — Хотите сопровождать или подождете маршрутку? Павел глянул на наручные часы «Ориент»:

— Она будет через три минуты.

— Через две с половиной, — уточнил Петр, глянув на такие же часы.

— На маршрутке, на маршрутке!.. — обрадовался Вовчик.

— Будем сопровождать! — жестко сказала Нюта.

— Пожалуйста! — дружно сказали апостолы и разом распахнули дверцы преобразженной разномясовской «волги».

Нюта и Вовчик уселись в машину.

— Спасибо за внимание! — с вежливой улыбкой сказал Петр.

— Приезжайте к нам еще! — добавил Павел.

После этого апостолы стянули белые перчатки, прошлись ими по стеклам машины и бросили в мусорный бак.

Свет в церкви погас. Распахнулись противоположные ворота, и «волга», устремившись в них, сразу въехала на платформу трейлера, где уже стояли в два этажа пять других машин, сверкая новенькой краской. Трейлер тут же тронулся. Церковь на живописном пригорке стала стремительно удаляться.

В кабине «волги» Вовчик посмотрел на слегка ошеломленную Нюту и захохотал:

— Фирма веников не вяжет!..

Возле заправочной станции, чуть в стороне от шоссе, как обычно, томились вереницы машин. И среди них — Кузин неприглядный «запорожец». Страхагент уже собирался запихнуть шланг в бак своего транспортного средства, но в этот момент увидел трейлер, подкативший к свободной колонке с дизельным топливом. В послед-

ней машине на платформе сидела Нюта. Кузя замер со шлангом в руках, задерживая очередь.

Это вызвало у водителей взрыв ярости. Но Кузя ничего не слышал. Бросив шланг, он, точно загнипнотизированный, двинулся к Нюте.

Скорые на расправу автомобилисты повскакивали из своих машин, подняли «запорожец» на руки и с гиканьем потащили в сторону.

Нюта заметила приближающегося Кузю и пыталась знаками заставить его оглянуться. Но тот истолковал эти знаки по-своему, быстро прошмыгнув вдоль платформы и вскарабкался в кабину трейлера. Но едва Кузя протянул руку к ключам, оставленным в замке зажигания, как послышался кашель возвращающегося шофера. Перепуганный страхагент метнулся на лежанку, предназначенную для сменщика, и задернул занавеску. Тут были без разбора свалены всевозможные личные вещи водителя, и Кузя, устраиваясь поудобнее, с ужасом вытащил из-под себя вороненый пистолет.

Шофер, жердеобразный субъект тоже явно уголовного вида, отъехал от бензоколонки и, не глядя, протянул руку за спину, к лежанке — ему что-то понадобилось.

Кузя замер от ужаса. Рука шофера зависла над Кузиным лицом и стала ошупывать его. Физиономия уголовного выражала полнейшее недоумение. Он никак не мог сообразить, что он там нащупал.

В отчаянии Кузя подал ему бутылку с минеральной водой. Шофер зубами сорвал пробку, единым духом выпил все и швырнул бутылку обратно. Она больно ударила Кузю.

Не успел страхагент опомниться, как рука шофера вновь просунулась за занавеску. На этот раз Кузя подал сигареты и опять угадал.

Шофер задымил, но не унялся. Ему потребовалось еще что-то. Поняв, что вот-вот он будет обнаружен, Кузя взял наизготовку пистолет, потом перехватил его ствол, примериваясь, как лучше шарахнуть шофера рукояткой. Тот продолжал ошупывать искать что-то у себя за спиной. Кузя попробовал подсунуть атлас автомобильных дорог. Шофер не взял. Тогда Кузя стал лихорадочно подавать одно за другим: яблоко, кепку, кусок мыла, полотенце... Шофер все браковал, и его рука продолжала шарить рядом с лицом забившегося в угол Кузи. Но тут взгляд несчастного страхагента упал на транзисторный приемник. Кузя включил его, послышались позывные «Маяка», и шоферская рука, наконец, исчезла. Кузя перевел дух...

...А на платформе трейлера, в перекрашенной «волге», шел свой разговор.

— Ну все, Акселераточка! — объявил Вовчик, любуясь курортными пейзажами за окном.

— Что — все?

— Считай, приехали! Получим у Филимона бабки и завьем с тобой горе веревочкой! — размякший громила одной рукой приобнял Ньюту. — Не возражаешь?..

— Возражаю! — Ньюта высвободилась. — Я кефир не уважаю!

— Кефир — это во время работы, — захотел Вовчик. — А отдохнуть можно культурно!..

В брызгах черноморского прибора позировала фотографу дебелая пара: он и она. Фотограф — жилистый старичок в шортах, с загорелым до черноты яйцевидным черепом — поднял руку:

— Скажите: чииз!..

— Какой еще чииз? — тупо спросил позирующий.

— Это сыр. По-английски, — пояснил фотограф. — Скажите, не бойтесь. Улыбочка хорошая получается. Тридцать два зуба.

— Чииз!.. — послушно протянула пара, тарашась в объектив, и обнаружила при этом отсутствие доброй половины зубов.

— Замечательно! — фотограф опустил аппарат в кофр. — Через два дня будет готово.

Он повесил кофр на плечо, взял под мышку штатив и побрел по пляжу. Его то и дело окликали.

— Пленка кончилась... — извинялся он. — Завтра...

Посреди пляжа под большим зонтом сидел на стуле странный чопорный человек в лаксовых ботинках, черном костюме с галстуком и в кепке невероятных размеров. Он надменно смотрел на море.

— Здравствуйте, Вахтанг! — сказал фотограф.

— А, это вы, Филимон! — процедил Вахтанг с истинно княжеским высокомерием. — Ну? Сколько мне тут еще загорать?

— Ваша машина должна прийти сегодня, — тихо ответил фотограф, тоже любуясь морем. — Жду с минуты на минуту.

— Хорошо, — сказал Вахтанг. — Сами понимаете, Филимон, мальчик кончил седьмой класс в мае, сейчас уже июль, а я до сих пор не сделал ему подарок! Перед родней неудобно! Соседи косо смотрят! Несolidно получается!..

— Я вам сочувствую, Вахтанг... — Филимон поднял глаза и увидел коряво бегущего к нему по раскаленной гальке босого Вовчика. — Приходите после обеда!..

Вахтанг царственно кивнул.

Филимон подошел к Вовчику:

— Желаете запечатлеться?

— Ага, — подмигнул тот.

— Чииз! — сказал Филимон, прицелившись из аппарата.

— Чииз! — привычно повторил Вовчик.

— Как дела? — тихо спросил Филимон.

— В ажуре. Профилактику у Петьки с Пашкой сделал. Акселератка со мной.

— Кто?..

— Ну я же говорю — Акселератка! Железная баба, между прочим.

— Тихо, болван! — прошипел Филимон.

— Где ты подобрал эту железную бабу?

— Ты же сам ее прислал, Филимон!..

— Кто тебе это сказал?

— Да она и сказала.

Филимон прожег его взглядом:

— Ты знаешь, Вовчик, какое у тебя самое слабое место?

— Голова... — потупился громила. — Акселератка тоже так считает.

— Правильно считает. За мной!

Бросив на пляже свою аппаратуру, Филимон побежал.

Ньюта возле трейлера вела разговор с жердеобразным шофером.

— А когда прошлым летом ювелирный брали, — нахально повторяла она свою выдуманную историю, — пришлось сторожа пришить!

— Сила воли! — вздохнул шофер. — А я вот пушку с собой таскаю, а башку курице не могу свернуть. Соседей прошу.

— Значит, слабак!..

Из кабины трейлера выглядывал Кузя, стараясь обратить на себя внимание Ньюты. Но она его не замечала.

— Акселератка, если не ошибаюсь? — вдруг прозвучал новый голос.

Обернувшись, Ньюта увидела запыхавшегося Филимона. Сердце ее сжалось от недоброго предчувствия, но она бросила в ответ небрежно:

— Шлепай отсюда, дедуля! Иди себе в домино играть!

— Игра окончена, девочка! — Филимон зловеще усмехнулся. — Ты требовала у моего человека алименты. Готов заплатить. Я — Филимон!..

Ньюта невольно вздрогнула. За спиной у нее возник громила Вовчик. Насторожился и жердеобразный шофер. Ньюта еще раз посмотрела на Филимона и вдруг рассмеялась, к общему удивлению:

— Господи, а звона-то было! «Филимон!»! «Филимон!»! Я думала, супермена увижу! Мафиози! А тут какой-то... червивый мухомор! Мумия в шортах!

— Взять ее! — взвизгнул Филимон.

После короткой схватки, в которой изрядно досталось и шоферу, и Вовчику, и даже Филимону, который осуществлял общее

руководство, Нюту все-таки удалось спеленать.

Дрожащий Кузя все видел из-за занавесочки, но выстрелить из плясавшего в руке пистолета так и не решился. Или не умел.

За высоким глухим забором среди поистине райских кущ стоял затейливый особняк Филимона, похожий на праздничный торт. Сквозь зелень ветвей белела парковая скульптура. Возле фонтана разгуливали павлины. За надежным забором пляжный фотограф жил так, как ему хотелось.

Покупатель и продавец сидели в креслах-качалках возле мраморного бассейна с черными лебедями. Покупателем был чопорный Вахтанг, а продавцом — Филимон, обрядившийся в парчовый халат и покуривающий сигару.

Вовчик, перебинтованный и заклеенный лейкопластырем, угодливо обмахивал хозяина опалом.

— Солидно живете, Филимон,— процедил Вахтанг.— По-человечески.

— То, что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги! — последовал философский ответ.

— Народная мудрость? — Вахтанг изогнул бровь.

— Не народная. Но мудрость.

Шурша гравием, подкатила черная «волга». Жердеобразный шофер, тоже в бинтах и пластыре, замер у машины с ключом в руке.

Вахтанг бросил взгляд на «волгу»:

— Мальчик хотел цвет бордо. Но черный — тоже солидно. Беру!

Он извлек увесистый сверток, но Филимон, заметив алчные взгляды своих подручных, поднялся:

— Пойдемте в мою хибарку, Вахтанг. Деньги не любят солнечного света.

— Как фотопленка? — Вахтанг улыбнулся своей княжеской улыбкой.— Бойтесь, засветятся?

— Все может быть...

Тем временем Кузя штурмовал высокий забор филимоновской резиденции, не заметив таблички: «Осторожно! Злая собака!». А собака как раз ждала его по другую сторону забора — огромная, жуткая, вроде собаки Баскервилей. Сидела она, правда, на цепи, что оставляло страхагенту ничтожное пространство для маневра.

— Ух ты! Вот это собачка так собачка! — трусливо зачастил Кузя.— Какой большой друг человека! Ну что тебе, Чапа? Что ты хочешь, песик? Человечинки захо-

телось? Да тут есть нечего, сама посмотри. Кожа да кости. Только аппетит разгуляется...

Заговаривая зубы, Кузя попытался проскользнуть мимо собаки, но из этого ничего не вышло. Страшный пес погнался за ним. В отчаянии Кузя завертелся вокруг пальмы, украшавшей участок. Гоняясь за ним, пес постепенно наматал цепь на ствол и жалостно заскулил.

— Ну вот...— отдуваясь, сказал Кузя.— Минутное дело! А то спрашивают: какая польза от пальмы? Очень ценное дерево!

И он осторожно двинулся в направлении виднеющегося особняка.

В роскошной гостиной завершалась сделка.

— Итак?...— Филимон положил на стол ключи от «волги».

Чопорный Вахтанг снова извлек свой сверток. В нем оказалась конфетная коробка «Ассорти», перевязанная ленточкой. Вахтанг дернул бантик, крышка слетела, и на стол высыпались пачки денег разного достоинства.

— Действительно, ассорти! Можно не считать?

— Считать — несолидно! — гордо ответил Вахтанг.

Филимон открыл ящик стола и единым махом сгреб все деньги туда...

...А вдоль особняка, с трудом продираясь сквозь колючие кусты цветущих роз, к «волге» подкрадывались Нюта и Кузя. Руки у Нюты были все еще связаны. Бесшумно они забрались в машину.

— Ключи!..— в отчаянии прошептал Кузя, севший за руль.

— Руки! Быстро развяжите мне руки! — приказала Нюта.

Кузя начал судорожно ковыряться с веревкой...

...Чопорный Вахтанг протянул Филимону руку:

— Благодарю, дорогой! Вы солидный человек, с вами можно иметь дело!

— Я провожу вас,— скромно сказал Филимон.

Под руку, как добрые друзья, они медленно пошли в сад...

...Веревка никак не развязывалась, хотя Кузя пустил в ход даже зубы. Нюта тревожно поглядывала сквозь открытое окно на аллеюку.

— Разрежьте чем-нибудь! — тихо сказала она.

— Чем?! — Кузя беспомощно огляделся.— У меня ничего нет!

— Зажигалка!..— Нюта указала на элек-

троприкуриватель, торчавший из приборного щитка.

Кузя рывком вбил зажигалку, а когда она выскочила, накалившись, стал суматошно тыкать ею в проклятый узел. Пошел легкий дымок...

...Вахтанг и Филимон приостановились возле куста роз.

— А этот экземпляр я получил из Канады, — со сдержанной гордостью сказал Филимон. — Думаю, таких роз нет на всем побережье!..

И они вновь двинулись по направлению к машине...

...Кузя еще раз воткнул и еще раз вытащил зажигалку.

— Идут!.. — сказала Нюта, и в ее голосе впервые прозвучала нотка обреченности.

Но тут Кузя рванул почти пережженную веревку, и Нюта свободно взмахнула руками. В ход опять пошла шпилька. Через мгновение машина завелась.

— Вот и все, — сказала Нюта, отряхнув ладошки. — Минутное дело.

Машина рванулась с места, завизжал гравий.

Вахтанг и Филимон, находившиеся уже рядом, бросились вперед. Но «волга», пробив дыру в заборе, исчезла. Тут, наконец, сработало противоугонное устройство, поставленное Разномясовым:

— Чужой у машины!.. Чужой у машины!.. Чужой у машины!..

Запыхавшийся Вахтанг подбежал к забору и вскинул пистолет:

— Что за шутки, Филимон? Несolidно!

— Не надо стрелять! — спокойно сказал Филимон. — Мои люди задержат их!

Нюта гнала «волгу» по шоссе на безумной скорости.

— Оглянитесь, Кузя. Нет ли погони?

— Вроде бы нет.

— Плохо. Значит, люди Филимона ждут нас где-то впереди.

— Зачем мы угнали машину? — спросил Кузя.

— Потом найди ее! Это же главная улика!..

Из кустов перед машиной вдруг выскочил человек в милицеской форме и замахал жезлом. Нюта едва успела затормозить.

— Вы что? Обалдели? — срывающимся голосом закричал гаишник. — Под сто пятьдесят жмете! А ну из машины! Документы! Живо!

Кузя и Нюта вышли из «волги».

— Как удачно, что мы вас встретили... — забормотал Кузя.

— Документы! — оборвал его гаишник. Кузя протянул свои права:

— Мы вам сейчас все объясним...

— Минутку!.. — опять прервал его гаишник. — По документам у тебя «запорожец». Он что — подрост в пути?

— Да... То есть нет... Это документы от другой машины...

Гаишник поднял глаза, но в этот момент Нюта ребром ладони ударила его по шее. Гаишник обмяк.

— Скорей, Кузя! Помогите!..

Вдвоем они положили бездыханного гаишника на травку.

Только в машине к Кузе вернулся дар речи.

— Что вы наделали, Нюта! — простонал он. — Зачем вы убили инспектора?

— Во-первых, у него просто легкий обморок. От неожиданности. Через пять минут очухается, — спокойно пояснила Нюта. — А во-вторых, никакой он не инспектор.

— Почему?

— Ну какой же инспектор ГАИ станет обращаться к водителю на «ты»? Или попросит права, не сказав «пожалуйста»? Вы что, Кузя!..

Впереди, перегородив шоссе, разворачивался гигантский молоковоз.

— Ах, вот что они еще придумали! — процедила Нюта, прибавляя газ.

Молоковоз стремительно приближался. Но когда столкновение казалось уже неотвратимым, Нюта круто свернула с дороги. Прodelав голололомный слалом между деревьями, «волга» вновь выскочила на шоссе. В зеркальце Нюта увидела, как из кабины молоковоза высыпали люди и устались вслед «волге».

— Как мы их, Кузя, а?

— Так и расшибиться можно, — сказал он, приходя в себя. — Я не за себя волнуюсь. Я-то от всего застрахован. А вот вы...

— А кто за вас получит страховку, Кузя?

— Как это кто? Мама... — он вдруг спохватился. — То есть? Почему это за меня? Я сам...

— Сам может и не получиться! Плохо наше дело, — Нюта взглянула на приборный щиток. — Бензин на нуле!

И тут, как в сказке, сбоку от дороги возникла освещенная бензоколонка. Нюта свернула к ней.

— У вас деньги есть? — спросила она.

— Копеек двадцать...

— На полстакана. Просадили все-таки разномясовские денежки? Растратчик!..

Внезапно Кузя увидел свой «запорожец», стоявший на куче песка возле бензоколонки и напоминавший памятник.

— Смотрите! — восторженно закричал он. — Это моя машина! Мы спасены!

— Вы полагаете, что ваша тарихтелка с «волгой» на буксире сможет удрать от людей Филимона? — не скрывая иронии, спросила Нюта.

— Зачем?! Я ведь заплатил деньги, а не заправился!

— Ну, конечно! Они вас там ждут не дождутся!

— А я им напомню! — Кузя побежал к будке заправщицы.

Меж тем незаметно наступил вечер. Нюта осмотрелась. Ей показался подозрительным «газик», стоявший в полутьме. Внутри него тлели огоньки четырех сигарет. Внезапно все двери «газика» распахнулись, четверо мужчин прыгнули на землю и бегом направились к «волге».

Нюта рванула с места, подкатила к будочке, где Кузя шумно спорил с заправщицей, и крикнула:

— В машину!..

Едва Кузя упал на сидение, «волга» умчалась. Четверо мужчин мгновенно вернулись в «газик», и тот устремился в погоню.

Фары «газика», не отставая, маячили в заднем окошке «волги». А впереди возникло новое препятствие: шоссе было перегорожено полосатым шлагбаумом, а за ним стояла группа каких-то людей.

Нюта закусила губу, обдумывая выход. Но тут мотор зачихал и умолк. Бензин кончился. Проехав еще немного по инерции, «волга» остановилась. Люди из-за шлагбаума двинулись к ней. Сзади неумолимо приближались фары «газика».

Кузя растерянно посмотрел на Нюту:

— Что делать?..

— Поцелуйте меня, Кузя... — сказала она и положила руки ему на плечи.

— Не хочу! — неожиданно заявил он.

— Вот так раз!.. Это почему же?

— Да потому, что я тоже живой человек! Хватит играть в эту конспирацию! Доигрались!

— Это не конспирация, Кузя... — тихо сказала Нюта. — Попрощаемся... На всякий случай.

Они замерли, обнявшись.

Яркий прожектор осветил внутренность «волги». Загремел голос, усиленный мегафоном:

— Эй, в машине! Сдавайтесь! Сопrotивление бесполезно!

Нюта и Кузя не разнимали объятий.

«Волгу» быстро окружили люди во главе с инспектором ГАИ Молодцовым. Он вежливо постучал в окошко машины:

— Граждане! Тут дела гораздо важнее. Не отвлекайтесь...

Сквозь решетчатое окно камеры виднелись Нюта и Кузя, уныло сидящие рядом.

Но вот дверь распахнулась, и зычный голос скомандовал:

— На допрос! Оба!

Нюта и Кузя проследовали по коридору в кабинет.

— Это и есть угонщики? — спросил сидевший за столом майор Птахин, поднимая глаза, и потерял дар речи.

— Здравия желаю, товарищ майор! — звонко сказала Нюта. — Разрешите доложить...

— Не разрешаю! — рывкнул Птахин, побагровев.

— Но вы же ничего не знаете! — обиделась Нюта.

— Я знаю главное! — бушевал тот. — Я знаю, что вы нам чуть не сорвали финал операции!

— Какой операции?

— По ликвидации шайки Филимона! Вот какой!.. Объясните, лейтенант Назаров! И хватит этого маскарада!..

Только тут Нюта и Кузя заметили, что в кабинете еще множество людей, сидящих на стульях вдоль стен. Лейтенантом Назаровым оказался чопорный еще недавно Вахтанг.

— Несolidно получилось! — весело сказал он, снял большую кепку вместе с париком, обнажив белобрысый ежик, и отклеил усы. — Я ведь пришел брать Филимона с поличным.

— И взяли?... — промямлил Кузя.

— Взял. А что делать? — рассмеялся бывший Вахтанг.

— И Вовчика? — спросила Нюта.

— Весь комплект!

— И апостолов тоже?

— Это Петра и Павла? — вступил в разговор другой оперативник. — Да, пришлось и их. Но работники они классные!..

— Вы лучше объясните нападение на инспектора ГАИ Рубашевского! — грозно приказал Птахин.

Кузя с ужасом взглянул на молоденького гаишника:

— Нюта думала... То есть мы думали, что это человек Филимона...

— Я к девушке претензий не имею, — смущенно сказал гаишник. — Сам инструкцию нарушил... Обратился не так, как положено. Сделал выводы.

— Подождите... — растерянно произнесла Нюта. — Значит, на молоковозе, и у бензоколонки, и у шлагбаума — это все были... наши?..

— А то чьи? — гаркнул Птахин. — Ну, хоть теперь-то до тебя дошло, что угрозыск это не игрушки? Акселератка несчастная!..

— Самая несчастная на свете... — прошептала Нюта, и в глазах ее предательски блеснули слезы.

— Не надо, Нюта! Не плачь! — с жа-

ром сказал Кузя и вдруг выхватил из кармана пистолет.— Я с тобой!..

Оперативники, как по команде, нырнули под стол. Кузя проследовал к побледневшему Птахину и протянул оружие:

— Прошу приобщить к делу. Водитель трейлера таскал с собой!

— Приобщим, приобщим...— смущенно пробасил Птахин, глядя на оперативников, занимающих свои места, и ласково обратился к Нюте.— А ты не убивайся! Кое-какие задатки для оперативной работы у тебя есть.

— Так возьмете к себе, товарищ майор? — сразу просияла акселератка.

Птахин страдальчески поморщился.

— Да не женское это дело! — сказал он, подумав, и добавил недоуменно: — Или женское?.. Как думаете, товарищи?..

На звонок дверь открыл сам Разномясов.

— Здравствуйте, гражданин Разномясов! — сказала Нюта, одетая в милицейскую форму.— Не узнаете?

— А что вас узнавать? — желчно ответил Разномясов.— Вижу, что милиция. Машину мою, конечно, не нашли? Эх вы, горе-сыщики! На рыбалку уехать нельзя!..

— А если нашли? — с улыбкой спросила Нюта, проходя за хозяином квартиры.

— Не верю...— сказал Разномясов дрогнувшим голосом.

— А вы взгляните в окно.

Разномясов кинулся к окну. Внизу, особняком от прочих машин, стояли рядом

четыре «волги». Между ними прогуливался Кузя.

— У вас ведь в общей сложности четыре машины пропало? Можете посчитать,— с иронией сказала Нюта.— А деньги за все четыре придется вернуть. Видите агента Госстраха, он подтвердит.

Разномясов повалился перед Нютой на колени и завыл:

— Не губи, дочка! Я не сам! Меня Филимон за горло держал!

— Чем же?

— Одной фотографией! Он меня снял на юге... Ну, в такой момент...

— Эта фотография? — Нюта протянула ему снимок.

Это было невиннейшее пляжное фото. Разномясов стоял в длинных «семейных» трусах, держа в зубах цветок. А некая дама, торчавшая рядом, шаловливо делала ему пальчиками рожки.

— Эта! — затрясся Разномясов.— Шантаж! Чистой воды шантаж! Филимон всех так ловит! Он ведь машины вдвое дороже продает. А мне всех комиссионных — четвертой!..

— Собирайтесь, Разномясов! — сказала Нюта.— Поедем!

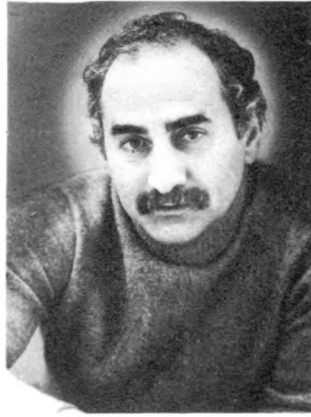
— Куда?

— К Филимону, к Вовчику, к апостолам...

— На юг?

— Да нет. Они вас в зоне вечной мерзлоты поджидают,— Нюта усмехнулась.— Ну, Разномясов! Чиз!

— Чиз! — послушно повторил Разномясов, но улыбка у него вышла кислая.

ФАРХАД МУТАЛИБОВИЧ АГАМАЛИЕВ (родился в 1946 году) работал каменщиком, монтажником, слесарем, учился на филологическом факультете Азербайджанского Государственного университета, заведовал отделом в газете «Коммунист Сумгаита». В 1974 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Автор ряда рассказов, очерков, сценариев документальных фильмов. Кинообозреватель газеты «Советская культура». По литературным сценариям Ф. Агамалиева поставлены художественный фильм «Старый причал» и телевизионный фильм «В семнадцать мальчишеских лет».

Публикуемый сценарий «Игра в футбол» готовится к постановке на киностудии «Мосфильм».

ФАРХАД АГАМАЛИЕВ

ИГРА В ФУТБОЛ

Повсюду — на старом комодe, этажерке, над металлической кроватью — фотографии, выпелы, кубки, медали. Почти на каждой фотографии рвется к воротам, взлетает в прыжке, достает мяч в отчаянном подкате молоденький футболист под номером семь. На большом портрете — тот же парнишка, улыбается; на майке буквы «СССР».

Пожилая сухонькая женщина обвела все это взглядом, вздохнула и принялась снимать фотографии, выпелы. Она не услышала, как открылась дверь комнаты. На пороге, опираясь на костыли, стоял парнишка с фотографий. Правая его нога была в гипсе.

— Ты это зачем, мама?

Она посмотрела на сына тревожным взглядом.

— Я подумала, Женечка, тяжело тебе вспоминать. Дай, думаю, приберу. А там, даст бог...

Женя нахмурился, но вдруг улыбнулся — широко, ослепительно:

— Фотки на место! Ты газеты читаешь?! Радио слушаешь?! Не читаешь и не слушаешь! Ну-ка, вынь газету у меня из кармана.

Мама достала «Правду» из Жениного пиджака, суетливо развернула.

— Первую страницу смотри,— торопил Женя.— Ну, видишь?

— Да я ведь, Женечка, без очков слабо...— растерялась мама.— Про тебя написано?

— Про Гагарина Юрия Алексеевича. Мы в космосе, мама! Понимаешь, мы — первые в мире! Мы по-бе-ди-ли! Ты бы видела, что в городе делается. А фотки на место!

Он вышел в длинный коммунальный коридор. Из всех комнат доносился голос Левитана, сообщающий о полете Гагарина, смех, музыка. Женя, широко и прочно расставив костыли, крикнул во все горло:

— В космосе гражданин Советского Союза! — И пошел по коридору, громко стуча костылями.

Из туалетной комнаты вышел сосед в пижаме, неся под мышкой персональное голубое сидение. Посмотрел вслед Жене, буркнул:

— Ожил опять, чумовой.

Но что такое недовольство одного во всем общем ликовании! Писк, не более. На Женин голос распахивались двери, люди

смеялись, хлопали друг друга по плечу, восторженно восклицали. И было хорошо, было братство.

Возле входной двери, за столом с телефоном, сидел шупленький очкарик, читал книгу.

— Слышал? — спросил Женя, остановившись.

— А как же! — улыбнулся парень.— И ты оповестил не хуже Левигана.

— То-то же! А чего здесь сидишь?

— Люся позвонить должна.

— Люсе привет. Что читаешь?

Парень показал обложку — «Сопrotивление материалов».

Женя кивнул на свою загипсованную ногу:

— У меня, Витек, тоже — сопротивление материала.

— Не повезло тебе, Жека,— сокрушено качнул головой Виктор.— Был бы ты у нас сейчас чемпионом Европы.

Женя помрачнел и сказал жестко:

— Ничего, Витек, мы вятские — ребята хватские. Мы еще поиграем в футбол. И будем побеждать. Обязательно будем!

Он вышел во двор, вскинул голову к синему апрельскому небу, улыбнулся. Потом заметил на земле жестянку и с криком: «В атаке Евгений Беляев!» ринулся к банке, несильно и неловко поддел ее загипсованной ногой.

Мама смотрела из окна и тихо повторяла:

— Ну и слава богу, слава богу...

За двадцать с лишним лет, что минули с той поры, Евгений Семенович Беляев молодеж, конечно, не стал. Поседел волос, жестче обтянулись скулы, раздались, отяжелели плечи. Вел он машину с уверенностью профессионала. Высадил пассажира, безразлично кивнул на «спасибо!». Поехал, остановился на красный, перекинулся парой слов с постовым милиционером. Подрулил к квасной бочке на Сушевском валу. Выпил кружку кваса. Сел за руль. К машине подкочил бородатый мужчина:

— Свободно?

Беляев кивнул, крутанул ручку счетчика. Пассажир, усевшись сзади, scomандовал:

— Давай, родимый, опаздываю!

— Куда?

— В Лужники.

— А что там такое? — лениво спросил Беляев.

— «Спартак» играет. Давай же, шеф, так мы до морковкиного заговения ехать будем.

Беляев прибавил скорость.

— Там матч ожидается — супер! — сказал пассажир.— Сам-то за кого болеешь?

— Не любитель,— ответил Беляев после паузы.

Подъехали к Лужникам. Пассажир расплатился, выскочив, растворился в потоке болельщиков.

Беляев открыл дверь, задумчиво поглядел на людской поток. Захлопнул дверь, поехал.

Остановился у метро. Глянул в зеркальце, устало провел рукой по лицу, изобразил улыбку. Вышел из машины и уверенной пружинистой походкой направился к театрально-концертной кассе.

— Я вас приветствую, Эра Львовна! — Беляев заглянул в окошко кассы.

— Здравствуйте, Жека! — Эра Львовна, пышная женщина с высокой прической, рассиялась, протянула пухлую руку в кольцах.— Давно не видно вас.

— Все дела, Эра Львовна.— Он поцеловал ей руку.— Разъезды то по стране, то за рубеж. Как вы?

— Ах, Жека, что мы? Стареем потихоньку.

— Но-но, за клевету у нас судят. Классик говорил, что ничего не может быть плохого в молоденькой пухленькой женщине. Он имел в виду вас, Эра Львовна.

Рассмеялись.

— Итальянцев скоро обещали,— сказала Эра Львовна.

— Это хорошо. У итальянцев эстрада — будь здоров. Можно надеяться?

— О чем разговор, Жека, подходите обязательно.

Когда он отошел, из соседнего киоска выглянула сухопарая брюнетка и игриво спросила:

— Что за интересный мужчина?

— Упоительный был футболист. Сейчас в Спорткомитете руководит.

— Я и не знала, что ты футболом увлекаешься. Начальник, а ты его все Жека да Жека...

— Да как-то, знаешь, не идет ему по отчеству,— сказала Эра Львовна.— Такой он какой-то весь демократичный, легкий...

— Видный мужик,— сказала сухопарая.

Беляев открыл дверь, вошел в прихожую, медленно стал стягивать куртку, кинул ее не распарывая, на спинку стула.

Из кухни вышла женщина, немного моложе Беляева.

— Привет, братец,— сказала она.— Устал?

— Намотался,— хмуро буркнул он и пошел в ванную.

Он вытирался, когда сестра крикнула:

— Да, Женечка, тебе Ванька Колпаков звонил. Сказал, к семи зайдет.

Беляев забросил полотенце на крючок. Высколил в коридор в трусах, заорал:

— Чего сразу не сказала?! Сколько времени сейчас?

— Без пятнадцати семь. Чего раскричался? Тоже важность — Ванька Колпак придет. Штаны надень!

— А-ай! — с досадой махнул рукой Беляев.

Стремительно одевшись, он влетел в гостиную и стал торопливо снимать фотографии, медали, кубки и засовывать их под диван.

— Совсем, что ли, ошалел? — изумленно спросила сестра.

— Чего стоишь, помогай, — рассердился Беляев. — Футбола нет, ясно? Терпеть не могу соплей при встречах: помнишь то, помнишь сё, как я по краю прошел, как ты... Хватит, наигрались!

Они быстро управились. Сестра накрыла на стол — блюдо пирожков, молоко, кофе — и стала собираться домой. Беляев уткнулся в телевизор, не оборачиваясь, буркнул ей:

— Спасибо.

За Верой хлопнула дверь. Прошло совсем немного времени — затренькал звонок.

Колпаков был лысеющий представительный мужчина с довольно заметным уже животиком.

Обнялись, похлопали друг друга по плечу. — Ну, проходи и хвастай, — сказал Беляев, пропуская Колпакова в гостиную.

Сам задержался у зеркала, расправил плечи, ребром ладони постучал по брюшному прессу, «сделал улыбку». Прошел в гостиную.

— Сколько же мы не виделись?

— Могу точно сказать: семь лет, — ответил Колпаков. — Последний раз я был у тебя, когда ты в высшей школе тренеров учился. — Он обвел взглядом комнату. — Чего-то здесь не хватает... Фотографии тут были, кубки, медальки твои...

— А-а-а, — махнул рукой Беляев. — Цапки племянника раздарил, пусть играют. Какая жизнь?

— По-прежнему. Недавно зампредом спорткомитета назначили. Между прочим, «Авангард» курирую.

— Растешь, — сказал Беляев. — В Москву надолго?

— На денек, в федерации дела. Решил вот к тебе... Заскучал. И ребята наши, как встретят, так сразу: как капитан?

— За память спасибо. Скажи: у капитана полный порядок.

Они сели за стол.

— Где работаешь? — спросил Колпаков.

— В учреждении одном, закрытого профиля. Ведущий специалист.

— Понятно... — сказал Колпаков. Взгляд

его упал на диван, из-под которого предательски выглядывали второпях спрятанные вымпелы, кубки. Усмехнулся и спросил: — Ты, Жека, вот что мне объясни. Так ли уж необходимо было тому малому морду бить?

— Необходимо! — отрубил Беляев. — Чтобы знал и помнил: на поле выходят играть, а не выторговывать у начальства квартиры или что-то там еще.

— Ты тренером был, а не вышибалой в заведении. Существуют иные методы воздействия.

— Существуют! Но нужно было, чтобы он играл, а не прохлаждался. И надо сказать, что он стал играть, даже гол забил — победный! Это уже потом пошли разговоры: педагогично — непедагогично...

По телевизору показывали футбольный матч. Они сразу устали на экран. Спустя несколько минут Беляев отвернулся.

— Ты смотри, если хочешь. Мне неинтересно, — безразлично сказал он.

Колпаков встал и выключил телевизор.

— Ты не нервничай, Жека!

— С чего бы это я нервничал!

Колпаков, взглянув на часы, поудобнее уселся в кресло, налил себе в чашку молока, взял пирожок.

— Вкусно! Погибель моя...

— Вера пекла, фирменные. Я в дорогу тебе немного заверну.

— Кто бы отказался, а я не стану, — хотнул Колпаков. — И Никитича угощу, ему приятно будет.

— Кстати, как там Никитич?

— Догадаться наконец спросить, — укорил Колпаков. — Плох старик. Недавно инфаркт перенес — сам понимаешь, что это такое в семьдесят лет. Ушел Никитич из «Авангарда», — при этих словах Колпаков внимательно поглядел на Беляева.

Но тот не заметил.

— Эх, как обидно за старика, — после некоторого молчания отозвался Беляев.

— Кстати, Никитич тебя рекомендовал обкому вместо себя.

Беляев свел брови и уставился на Колпакова. Наконец проговорил:

— Так ты меня в «Авангард», что ли, сватаешь?

— На поле ты куда быстрее соображал. Ну как?

— А никак! — ответил он. — Я, Ванюра, свои бутсы давно на гвоздик повесил. И снова лезть в это не желаю. И в благодетельстве твоём не нуждаюсь!

— Ты пижон, об этом все знают! — вскочил Колпаков. — Меня вот этими штучками, — Колпаков ринулся к дивану, с нимовой для его комплекции быстротой стал доставать из-под него кубки, вымпелы, — этими жмурками не проведешь. Кого ты обмануть хочешь, Жека? Или ты ду-

маешь, других кандидатур нету? Тебе боншанс выпал, как говорят французы, а ты...

— Я во французском не силен, Ванюра, ты уж прости. Я сейчас пирожков заверну...

— Пижон,— повторил Колпаков, успокаиваясь.— В общем, так. Вот тебе билет. Поезд в двадцать три ноль-ноль. К нам приходит рано, так что успеешь подготовиться. Завтра в пять нас ждут в обкоме. Все. Да, с закрытым своим учреждением разберешься или мне побеспокоиться?

— Билет заberi,— сказал Беляев,— еще сдать успеешь.

Он вскочил с постели. Светало. Стал лихорадочно собираться. В большую спортивную сумку уместилось все — костюм, рубашки, белье, бритва...

Из пыльного гаража выкатил сверкающий никелем и краской мотоцикл. Приторочил сумку на заднее сидение. Приладил на голову шлем. И рванул, но тотчас же затормозил. Дорогу перебежал черный кот. Вспрыгнув на крышу одного из гаражей, стал умываться.

— Не мог, подлец, минутку обождать? — крикнул ему Беляев.

Пожилая дворничиха, опершись на метлу, с интересом наблюдала.

— Шугани его, может, обратно побегит,— попросил Беляев.— Мне удача нужна.

— А кому не нужна. Не побегит, знаю его,— сказала она.

— Черт с ним! — Беляев, почти вздыбив мотоцикл, рванул вперед.

С сумасшедшей скоростью Беляев несся по шоссе.

Затормозив у въезда в город, он взглянул на часы. Было без четверти четыре.

На тихом ходу подъехал к старому деревянному домику. Слез с мотоцикла, снял шлем, поправил слипшиеся волосы и решительно открыл калитку.

Звонка на двери не было. Беляев постучал, выждал, постучал снова. Никто не отозвался. Толкнул дверь — она оказалась незапертой.

Никитич — Лев Никитович Свирин — лежал на тахте, укрытый пледом. У изголовья — столик, заставленный лекарствами. Открыл глаза, посмотрел на Беляева, слабо улыбнулся.

— Никитич,— сказал Беляев, опуская сумку на пол,— это правда, что вы меня рекомендовали?

— Приехал все же, блудный сын.

— Мне важно знать, Никитич: вы?

— Я, Жека, кто ж еще?

— Спасательный круг, значит, Жеке кинули? — усмехнулся Беляев.

— Ну вот, сразу в амбицию,— Никитич тяжело сел на тахте, взял со столика коробочку с лекарством, выкатил на ладонь таблетку.

— Что, Никитич, в самом деле команда хороша?

— Вполне...— Никитич отвел глаза, отправил в рот таблетку, дрожащей рукой взял стакан запить.— Хорошо играют, сам увидишь... Куда же ты пропал? Слышал я о твоих неприятностях. Что, позвонить не мог, посоветоваться? Все сам, всегда сам...

— Я вам пирожков привез,— перевел разговор Беляев и достал из сумки целлофановый пакет.

— Сам пек?

— Нет, сестра Вера. Может, помните её.

— Как же, такая болейщица была! — Никитич помолчал, а потом сказал:— Да, это команда... Игруют посильнее вашего...

— На нас, вроде, тоже не жаловались,— слегка обиделся Беляев.

— Кстати, тут в городе еще один из ваших, Илюша Яровой. Возле рынка зажигалки чинит... Да, Жека, не хватило вам тогда силенок на высшую!

— Все хватало. Забей я тогда пенальти, были бы там.— Беляев помолчал, покатав желваками.— Мне тот пенальти и сейчас снится. Вижу, как судья все мяч поправляет — он раз пять скатывался с отметки, там кочка была, подлая такая кочка...— Беляев скривился, как от зубной боли.

— Ладно, ладно... Если уж начистоту — я виноват. У тебя же, я видел, нога болела. Вообще удивляюсь, как ты тогда последний год отыграл. Но очень уж хотелось, чтобы именно ты забил тот пенальти...

— Ванька Колпаков после в раздевалке плакал,— вспомнил Беляев.— А меня ребята только успокаивали: «Ничего, Жека, время еще есть». А времени как раз и не было. Вышло мое время...

— Ладно, Жека, это прошло,— вздохнул Никитич.— Теперь у тебя времени побольше. А вот к начальству можешь опоздать,— Никитич кивнул на настенные часы.— Костюм с собой?

Он подъехал к зданию обкома без пяти пять. Зрелище было несколько странное: с грязного мотоцикла слез элегантный мужчина в прекрасно сшитой тройке. Колпаков, стоявший возле своей «Волги», был поражен.

— Я совсем забыл, что на меня еще пропуск заказывать надо,— сказал Беляев та-

ким тоном, будто они расстались всего на несколько минут.— Успеем?

— Пропуск я заказал еще позавчера, перед тем, как ехать к тебе. Так-то, Жека, один-ноль в мою пользу.

— Это я тебе фору даю,— сказал Беляев.

Секретарь обкома Бурлак вышел из-за стола, поприветствовал Колпакова, как старого знакомого, протянул руку Беляеву и широким жестом пригласил их к маленькому столику в углу кабинета, давая понять, что разговор будет неофициальным. Но тут заговорил селектор:

— Геннадий Павлович, Москва на проезде!

Бурлак поднял трубку.

— Слушаю! — Стал что-то записывать.— Все понял, буду! — и положил трубку.— Жалость какая, немедленно собираться надо. Так что буду краток. Вас рекомендовал Свирич, а его мнением мы дорожим. Нам нужны победы, Евгений Семенович. Давненько у нас в футболе не было больших побед.

— Да, с шестидесятого, когда кубок Европы взяли,— сказал Беляев.

— Вот-вот. Так что приступайте, команда «Авангард» классная. Думаю, задачи может решать любой сложности. Возникнут проблемы — милости прошу.

Прощаясь, Бурлак задержал руку Беляева:

— Я помню вашу первую игру, Евгений Семенович, в составе сборной. Как мяч к вам попадет — хоть уши затыкай. Сам тоже грешен, кричал. Помню и последнюю вашу игру в первой лиге. Не повезло вам тогда. Искренне хочу, чтобы на этот раз все получилось.

— Спасибо! — чуть дрогнувшим голосом сказал Беляев.

— Как тебе наш первый? — спросил Колпаков на улице.

— Деловой мужик. И, видно, вправду футбол любит.

— Любит,— подтвердил Колпаков и не удержался от подначки:— Машину завести так и не собрался, все на двух колесах мотаешься?

— Скорость люблю, Ванюра. Чтобы ветер в ушах свистел.

— Ну-ну,— усмехнулся Колпаков.— Значит, так: квартира твоя будет готова через месяц. А пока поживи у племянницы, она на север с мужем махнула. Правда, ремонт закончить не успели — уж извини. А сейчас ко мне на торжественный ужин.

Рано утром Беляев приехал на базу «Авангарда». На калитке висел замок. Это его не смутило. Завернув за угол, он легко нашел потайной ход — висящую на одном гвозде штaketину. Здание со стороны главного входа тоже оказалось запертым. Он обошел его и увидел приоткрытую дверь. Вошел — и очутился на кухне, в обществе пожилой дородной поварики.

— Доброе утро!

— Здравствуй! — добродушно сказала она.— Здесь посторонним нельзя.

— Моя фамилия Беляев. Я новый старший тренер.

— А я Александра Тихоновна,— расплылась в улыбке она.— А можно и бабой Шурой. Так все меня зовут. Готовлюсь, вечером ребятишки мои приезжают, а завтра к речке поедут — обычай у нас такой. Мне их к двум играм подготовить надо...

Беляев шел по коридору, стуком пробую все двери подряд. Откликнулись только из-за одной — с табличкой: «Видеооператор».

— Кто там?

— Старший тренер.

Из операторской послышался женский шепот. Смолк. Дверь приоткрылась. Лицо всклокоченного молоденького оператора было немного испуганным.

— Оч-чень приятно... Гоша...

— И мне приятно, что вам приятно,— улыбнулся Беляев.— Я, Гоша, во двор пойду, а ты догоняй. Поможешь базу осмотреть, а потом немножко поработаем.

Беляев с Гошей сидели в полумраке перед светящимся экраном. Видеозапись без звука воспроизводила часть матча. В кадр иногда попадали немо оружие болельщики, отчаянно жестикулирующий судья.

— Мишка Баштанюк, восьмерка,— комментировал оператор.— Сейчас пас получит. И пошел, и пошел...

На экране Баштанюк, прорвав защиту соперников, мощно ударил. Мяч попал в защитника, тот упал.

— Десять минут откачивали,— гордо сказал Гоша.— А это Витя Клюев, опорный защитник, ему уже тридцать три стукнуло. Сейчас двоих раскрутит и Мишке по диагонали перекинёт. Как поле видит, змей!..

Клюев изящно перебросил мяч через соперника Баштанюку.

— Лека и Пека. Левицкий и Петрицкий. Так, в «стеночку», еще... Ай, не успел! — оператор досадливо хлопнул себя по колену.

— Ругаются, что ли? — спросил Беляев, увидев, что Лека и Пека выясняют отношения.

— Нет,— засмеялся Гоша,— дурака валяют. Без этого не могут, как заведутся —

не остановишь. А вот Джигит! Ну, у Джигита так просто мячик не заберешь!

— Грузин? Светленький вроде...

— Не-е, ребята так прозвали. Двадцать пять лет и трое детей. Потому и джигит. Киреев он, Ленька. Сейчас Павлику низом даст, вот! Павлик Ремизов юморески пишет.

— Догони! — Вскочил на ноги Беляев, увидев, что мяч, выбитый из-под ног Ремизова, катится к бровке.

— Кошкин догонит, Колька, — выдохнул оператор, весь подавшись вперед. — Злой мужик, пахарь... Так, сейчас прострел на дальнюю штангу — и Пека замкнет. Гол! — последнее слово он благоговейно прошептал.

Гоша выключил монитор, повернулся к Беляеву:

— А-а? Рвут соперника, как звери добычу. Как вам?

Беляев поднял вверх большой палец.

— Поставь-ка, Гоша, кассету, где проиграли, — попросил Беляев.

— Такую быстро не найдешь, — широко улыбнулся оператор.

Беляев открыл дверь, вошел — и замер. В прихожей со следами незавершенного ремонта, у зеркала стояла совершенно нагая девушка и что-то сосредоточенно проделывала с бровями. Увидев Беляева, она на секунду застыла, потом с диким визгом бросилась в комнату, из которой выкатился лохматый щенок и яростно залаял на Беляева.

Открылась дверь другой комнаты. Из нее вышла еще одна девушка — в халатике, голова обмотана полотенцем.

— Уймись, Пират! — приказала девушка. — Да замолчи же! Вы, как я понимаю, Колпаков? — спросила она.

— А вам обязательно Колпаков? Меня девушки тоже любят.

— Почему у вас ключ? — она сердито вскинула голову, чалма её упала, и по плечам рассыпались длинные рыжие волосы.

— Я друг Колпакова, здесь временно. А вы, простите, кто?

— А мы подружки Нади, племянницы Колпакова, — быстро заговорила первая девушка, появившаяся в дверях комнаты. — Мы в Норильске на гастролях были. Надя, узнав, что мы сюда едем, дала ключ. Ой, а что же теперь делать?

— Для начала — познакомиться. Я — Жена, Евгений Семенович Беляев.

— Лариса Митрофановна, — кокетливо улыбнулась первая девушка. — Лара.

— Ирина, — представилась другая и сердито сказала: — Глупая какая-то ситуация. Почему бы вам в гостиницу не переселиться?

— А вам? — вкрадчиво осведомился Беляев.

— С собакой не пускают.

— Понятно. А мне без домашней обстановки нельзя — работа нервная.

— Вы кто? — спросила Лара.

— Футбольный тренер.

Ирина презрительно усмехнулась.

— Вы не любите футбол? — спросил Беляев.

— Понятия не имею, что это такое! — тон Ирины был вызывающим.

— Так я введу в курс дела! Есть такая штука — мяч называется. Он круглый...

— Значит, так, — холодно перебила его Ирина. — Мы занимаем большую комнату, поскольку нас двое и плюс собака. Надеюсь, вы не будете здесь в футбол играть?

— Не каждый день. Я предупрежу, — любезным тоном сказал Беляев.

Лариса захихикала. Ирина хлопнула дверью.

— Ларочка, а что за гастролы у вас?

— Кукольный театр. Ирина у нас ведущий кукловод.

— Кукловод — это звучит гордо! Хороша ваша Ирина...

— Не стройте напрасных иллюзий, маэстро. Тут вы — вне игры!

Беляев помолчал, потом решительно сказал:

— У меня отличная идея. Завтра у нас традиционный пикник на природе. Речка, золотая листва, лучшие футболисты лиги. Ларочка, я пригласю вас вместе с ведущим кукловодом.

— Как интересно, — глаза Ларисы загорелись. — Сейчас спрошу Ирину.

Она вышла из комнаты огорченная:

— Увы, маэстро...

Беляев вошел в кабинет, ослепительно улыбаясь.

— Старший тренер «Авангарда» Евгений Семенович Беляев!

Сидевший за столом курчавый человек поднялся, снял со спинки стула пиджак, неторопливо надел.

— Рад, — сказал он с достоинством. — Фиалко Самсон Львович. Директор театра. Пожалуйста, садитесь.

— Самсон Львович, дорогой, вы, наверное, знаете, что футболисты очень любят кукольный театр.

— Да, я это знаю.

— У команды были трудные игры, впереди — два ответственных матча. Если бы вы согласились дать завтра спектакль на нашей базе, вы бы очень помогли отечественному футболу!

На берегу ласковой речушки собралось много народу. Футболисты, их нарядные жены и девушки, детишки. Летал бадминтоновый воланчик.

Под навесом в печи бушевал огонь. Баба Шура и две её помощницы потрошили рыбу, нарезали мясо, чистили картошку.

Подошел Коля Кошкин:

— Чем кормишь, баба Шура?

— Карп в сметане. Жаркое по-домашнему. Годится?

— Еще как! Пойду народ обрадую.

Леня Киреев, он же Джигит, сражался в нарды с Витей Ключевым. Подошел Павлик Ремизов, стал наблюдать. Перекрыв черными шашками шесть ячеек, Джигит воскликнул:

— Все, Витя, финиш! Еще партию?

— Давай! — азартно согласился Ключев.

— Ребятки, я новый рассказ написал, — встрял Павлик, доставая листки. — Только названия нету. Прочту, может подскажете?

— Павлик, солнышко, прочти Алёнке, а? — попросил Джигит. — Ей положительные эмоции нужны.

Павлик подошел к трем молодым женщинам, сидевшим в шезлонгах. Они вязали, переговариваясь. У Алёны заметно округлился живот.

— Алён, я новый рассказ прочту, а ты название придумай.

— Назови: «Ранние журавли».

— Там дело в марте происходит и без пернатых.

— Тогда иначе назови: «Весна без журавлей».

Все рассмеялись. Павлик громче всех.

Володя Яковенко, веснушчатый парнишка, впитывал каждое слово Юры Мурзина. Тот лежал, закинув руки за голову и надвинув на глаза ковбойскую шляпу.

— Ты, Вовик, вот что заруби на своем курносом носу, — говорил Мурзин. — Классный вратарь — это не только техника и реакция. Когда ты в воротах — и соперники, и зрители должны чувствовать, что в тебе ни капли сомнения нет. От тебя должна уверенность исходить. Если не воспитаешь это в себе — не вратарь ты, а ловила второго сорта.

Миша Баштанюк, сдвинув брови, внимательно читал газету. Оторвался, крикнул проходившему Кошкину:

— Коля, представляешь, Челентано признан худшим певцом года.

— Не бери в голову, Миша, она у тебя и так...

Баштанюк осторожно потрогал повязку на лбу, крикнул:

— Он петь раньше начал, чем ты родился. И на вот — худший.

Кошкин остановился:

— Из этого следует одно: надо вовремя уходить с поля...

Колпаковская «Волга» остановилась за деревьями. Тут же подъехал на мотоцикле Беляев.

— Резвятся твои, — сказал Колпаков.

— Они здесь... — Беляев, слезая с мотоцикла, выразительно щелкнул пальцами по горлу, — не балуются?

— Упаси бог! Да ты сам увидишь.

— Да, Ваня, я пригласил артистов. Кукольный театр, скоро уже подъедут.

— Здорово придумал! — восхитился Колпаков. — Где взял?

— Из внутренних резервов. Две артистки со мной живут... я хотел сказать, в одной квартире со мной.

— Это каким же образом? — изумился Колпаков.

— Очень просто. Хочешь, расскажу?..

Кто-то выкатил на лужайку мяч. Тотчас же вскочил на ноги Володя Яковенко, встал между двумя сосенками.

— А ну, не балуйте, — грозно крикнула баба Шура, — опять котел уроните!

Но игра в одни ворота уже закипала. Яковенко снимал мячи с ноги, пластался в самозабвенном падении...

Колпаков и Беляев приближались к играющим. И вдруг Беляев увидел, что навстречу катится мяч, за которым бежит Павлик Ремизов. Беляев рванулся, поспел к мячу первым, элегантно обвел Павлика и навесил по диагонали к «воротам».

Виктор Ключев ударил с лету. И Володя Яковенко лишь растерянно улыбнулся вслед мячу, улетевшему в кусты.

Женщины зааплодировали. Похлопал в ладоши Колпаков, крикнул:

— Ребятки, давайте сюда!

Все собрались, с интересом поглядывая на Беляева.

— Хочу представить вам, товарищи, вашего нового старшего тренера, известного вам футболиста Евгения Семеновича Беляева. Слово вам, Евгений Семенович.

Беляев оглядел собравшихся и вдруг обратился к Баштанюку:

— Что с головой?

— Да ерунда, царапина. Наш врач сказал — все в порядке.

— Беречь надо голову. Одну тренировку пропустишь. Ну что... — Беляев еще раз внимательно посмотрел на ребят. — Очень рад, что я с вами. Результаты ваши известны, игру видел — пока только на экране. Смотрел с пристрастием — накладок не обнаружил. Не слишком я вас расхвалил?

— Ничего, нам приятно, — сказал Павлик.

Футболисты засмеялись.

— Есть предложение сегодня продолжать отдых, а завтра — на тренировку, — сказал Беляев. — У нас гости будут. Кукольный театр. Возражений нет?

Сюрприз восприняли с одобрением.

Колпаков подвел к Беляеву кряжистого мужчину лет пятидесяти.

— Знакомься: второй тренер Олег Иванович Грибанов.

— Ну, я-то Евгения Семеновича хорошо знаю, — улыбнулся Грибанов, крепко пожмая руку Беляеву. — Очень рад! Как прикажете команду держать — строго на базе или на вольном режиме? Вообще-то проблем с ними никаких, можно быть спокойным.

— Давайте на вольном, Олег Иванович, к чему ненужная суровость...

Беляев и Колпаков подошли к реке. Беляев, присев на корточки, потрогал речную воду:

— Холодная...

— Молодец, Жека, верный тон взял. Я побаивался, что сразу характер показывать начнешь. А их не надо дергать. Захочешь в новом сезоне экспериментировать — бога ради! А пока пускай второй нянчится...

С лужайки донесся шум. Приехал большой автобус.

— Кажется, твои соседки пожаловали, — улыбнулся Колпаков. — Эх, брат, как глаз у тебя заблестел!

Беляев быстрым шагом направился к автобусу.

Из него сгружали ящики с реквизитом. Футболисты шумно знакомились с гостями. Ирины среди артистов не было. Беляев увидел Ларису.

— Ларочка, а где ведущий кукольный?

— Увы, маэстро... Плохо себя чувствует... Первый раз футболистов близко вижу. Ужасно милые, правда?

Он немного постоял, а потом решительно направился к Грибанову.

— Олег Иванович, мне в город срочно надо. Боюсь, что стану прощаться — начнутся уговоры. А ехать надо. Посоветуйте, как быть?

— Да ведь пообедать вместе хотелось, — огорчился Грибанов. — И культурная программа... А что, горит?

— Горит.

— Ну, что делать. Я объясню. Но искренне жаль.

— Тренировка завтра в три, — сказал Беляев.

Он подъехал к дому. Накрапывал мелкий дождь. Со шлемом в руке он направился к подъезду — и тут вышла Ирина. На тоненьком поводке она вела Пирата.

— Здравствуйте! Как вы себя чувствуете?

— Превосходно! — насмешливо сказала она. — А вы?

— Плохо! — Он улыбнулся. — Пожалей меня, Ирочка!

— Меня зовут Ирина Михайловна, — ледяным тоном сообщила она. — Давайте впредь только на «вы» и по имени-отчеству, раз уж приходится общаться. И пожалуйста — без пошлостей.

Дождь усиливался.

— Я зонтик вынесу, — предложил Беляев, не обращая внимания на её тон. — Где у вас зонтик?

— Не надо, я сама... — она направилась к подъезду.

— Да ни за что на свете! — он преградил ей дорогу. — Какой же я после этого джентльмен? Скажите, где зонтик, и все будет о'кей, Ирочка!

Из окна первого этажа за ними с большим интересом наблюдала старушка.

— Зонт в прихожей под зеркалом, — сквозь зубы сказала Ира...

Когда он вернулся с зонтом в руке, Ирина была в дальнем конце двора.

— Отпустила его, а он... — растерянно показала она поводок.

— Не нервничайте. Сейчас мигом поймаем.

Он без особого труда определил местонахождение беглого щенка. На небольшой полянке резвились собаки всевозможных пород. Здесь лохматым комочком носился Пират. Беляев выждал, пока Пират пробежит мимо, метнулся и поймал щенка...

Беляев шел по аллее, разыскивая Ирину. И тут дождь превратился в ливень. Прикрывая Пирата от воды, Беляев побежал к зеленому домику с вывеской: «Тир». В самом конце аллеи он увидел Ирину.

— Ира-а! — замахал он рукой. — Мы здесь, в тире! — и вбежал в домик.

Вскоре появилась Ирина.

— Потоп прямо! — сказала она.

— Это быстро кончится, — Беляев улыбнулся. — Хотите пострелять? Все равно переждать надо. — Он слегка обнял ее за плечи. — Видите мишени? А слева — фигуры... — Я не умею, — она решительно высободила плечи. — И не хочу.

— Ну, это вы зря! — сказал Беляев. — Сейчас я вас научу. Дай-ка пулек! — крикнул он служителю тира. — Сейчас попаду вон в ту машину и она перевернется.

Беляев прицелился, выстрелил. Машина перевернулась.

— И все дела! — сказал Беляев.

— Это я попал, — тихо сказал стоявший рядом мальчик.

Беляев выразительно посмотрел на него и ответа не удостоил.

— А теперь в самолет. Видите, бомбочка висит? Сейчас она упадет и взорвется.

Выстрелил, бомбочка взорвалась.

— Я попал,— сказал мальчик.

В глазах Ирины были усмешка и любопытство.

— Мальчик,— строго сказал Беляев,— это тебя в школе врать учат? Так, сейчас ты стреляешь в зайца, а я в медведя.

Выстрелили почти одновременно. Заяц куврыкнулся. Медведь остался стоять.

— У медведя механизм сломался,— сказал Беляев, осматривая ружье.

— Не-а,— сказал мальчик.— Я в него уже стрелял — куврыкается.— И он выстрелил. Медведь перевернулся.

— Двадцать пулек! — попросил Беляев служителя и сказал мальчику: — Тебе десять и мне десять. Стреляем по очереди... Ирина... — Беляев обернулся.

Ирины с Пиратом в тире не было. Беляев огорчился, положил ружье, двинулся к выходу. Но вдруг вернулся и сказал упрямо: — Называем мишень и стреляем. Я первый.

... Они вышли. Дождя уже не было. Мальчик сказал с ноткой назидательности:

— Вы немножко курок дергаете, я заметил. Тренироваться надо больше.

— Ясно. Тебя как звать?

— Игорь.

— А меня Женя,— подал он Игорю руку.— Сильный ты боец, Игорек. С характером. Кто научил?

— Папа,— с улыбкой ответил Игорь.—

Папа говорит: мужчина должен побеждать — и никаких гвоздей!

— Правильно говорит. Привет папе передай!

— Передам,— снова улыбнулся Игорь.

— Пират,— позвал он в прихожей.— Пиратик...

Никто не отозвался. Ирины дома не было. Беляев попил чаю. В комнате зашторил окна, не раздеваясь, лег на диван.

Разбудил его телефонный звонок. Потянувшись с дивана, взял трубку.

— Жека? — звонил Колпаков.— Ты за чем уехал? Было так замечательно...

— На базу никто больше не приезжал? — перебил его Беляев.

— Нет. А что?

— Ничего. Спокойной ночи...

...Было за полночь, когда он услышал, что к подъезду подкатила машина. Он услышал приглушенный смех, мужские и женские голоса. Прощались.

Женщины открыли дверь, включили свет в прихожей и увидели Беляева, который стоял, скрестив руки на груди.

— Добрый вечер,— сказала Лариса и шмыгнула в комнату.

— Извините, что разбудили,— сказала Ирина.

Опустила на пол щенка, сняла плащ. — Быстро вы освоились на новом месте,— сказал он.— Примите мои аплодисменты.

— А вы-то здесь при чем? — с трудом сдерживая ярость, спросила она.

— Ревную,— усмехнулся он.

— Сожалею, что не оправдала надежд. Ваша хрупкая мечта о теплой бабе не осуществится, Евгений Семенович.

— Почему? — искренне удивился он.

— Есть загадка, Евгений Семенович: почему верблюду вату не ест? Ответ знаете?

— Не знаю.

— Потому что не хочет...

Оставив мотоцикл у сквера, Беляев медленно пошел по шерботой булыжной мостовой вдоль ограды старой церквушки. В сероватом небе кричали вороны, тускло золотились купола. Он вошел на небольшой рынок. Торговали картошкой, яблоками, всяким соленьем и квашением. Беляев остановился у домика с вывеской: «Ремонт и заправка зажигалок». Открыл дверь.

У окошка дожидался клиент. Появился Яровой. Не глядя, протянул зажигалку хозяину:

— Двадцать копеек!

Беляев кинул на стол Яровому пустой спичечный коробок:

— Срочно заправить! — И отвернулся, сдерживая улыбку.

Яровой, поглядев на коробок, поднял голову:

— Я тебе сейчас заправлю...— сказал он и осекся.— Жека...

Яровой закрыл мастерскую. Они не спеша пошли вдоль торговых рядов. Яровой, окинув взглядом Беляева, сказал, не скрывая восхищения:

— Все такой же красавчик! Только поседел... Но тебе идет. А я, видишь, весь в лысину пошел...— он провел рукой по просвечивающему темени.

— Ты в своем горячем цехе давно?

— Года два. До этого часы чинил. Капризное дело, нервов не хватило.

— Илюш, я в «Авангарде» теперь, старшим.

— Да ты что?! — остановился Яровой.— И молчит! Ну, произвел впечатление! Колпак небось зазвал?

— Никитич призвал,— усмехнулся Беляев.— Сегодня первая тренировка. Едем со мной!

Тренировку проводил второй тренер. Шла она четко. Футболисты один за другим делали длинные проходы к воротам...

У вторых ворот трое игроков работали с вратарями. Как на конейере, накатыва-

лись мячи и летели в разные углы то низом, то верхом.

Беляев с Яровым сидели на трибуне. Неподалеку сидел Баштанюк, канючил:

— Евгений Семенович, здоров я, честное слово, разрешите...

— Только через врача, Миша,— сказал Беляев и обратился к Яровому: — Чисто работают! наших бы сюда.

— Кое с кем скоро увидишься,— сказал Яровой.— Вторая игра у вас с «Металлургом», а тренирует его Валерка Кузнецов.

— Да ну? Это новость!

— Какая же новость, он давно в «Металлурге». Ничего скотил команду. Про кого еще знаю, дай вспомнить... Жорка Бобряшов во Владивостоке живет. Плавает, кажется...

В штрафной площадке Павлик Ремизов, Лека и Пека отработывали комбинацию. Беляев поднялся, похлопал, крикнул:

— На сегодня все. Кто не догрузился — пару кругов еще можно. По самочувствию.

Пятеро футболистов отделились от группы, побежали вокруг поля.

— И впрямь побежали! — подтолкнул локтем Ярового Беляев.— И Ключев — тридцать три мужику, а тоже после такой тренировки побежал!

Перескакивая через две ступеньки, подскочил Павлик — стройный, разгоряченный, в темной от пота футболке, сказал, улыбаясь:

— Евгений Семенович, а мы ведь соседи с вами, знаете?

— Откуда ж мне знать. Вот познакомься,— и представил Ярового.— В старом «Авангарде» лучше Ильи Петровича правого края не было.

Павлик быстро скользнул взглядом по Яровому, подал руку:

— Очень приятно. Ремизов.— И сразу же Беляеву: — Евгений Семенович, я вам рассказы свои хочу дать почитать. Если вы согласитесь, конечно...

— С удовольствием почитаю.

— Спасибо большое! — Павлик побежал догонять товарищей.

— Ишь ты, писатель! — насмешливо качнул головой Яровой.— И все они у тебя такие грамотные?

— Пошел бы тогда учиться — тоже был бы грамотный,— грубовато ответил Беляев.

Яровой, помолчав, негромко сказал:

— Не всем же институты кончать. Ты, Жека, видно, забыл — мне братишек надо было на ноги ставить. Только и оставалась отдушина — по мячику постучать.

— Прости, Илья. Как братишки?

— Лешка — в порядке, в авиационном учится. А Колька... — Яровой помрачнел.—

Срок схлопотал Колька. За драку. Скоро уже объявится.

Помолчали.

— Тебе что, команда не понравилась? — спросил Беляев.

— Да нет, все нормально,— торопливо ответил Яровой.— Это я так, завидую... — Он усмехнулся.— Просто одну их игру вспомнил. Забили две штуки, сколько нужно было, а больше не стали. А можно было...

— Ну и что? Это мы колотились до последнего, надо — не надо...

— Разве бывает, чтобы «не надо»? — тихо спросил Яровой.

— Что ты от меня хочешь? — рассердился Беляев.— Может, они лежачего бить не хотели, слабого соперника не хотели позорить. Могло так быть?

— Могло, Жека, конечно, могло...

Шел кукольный спектакль. На ширме огромными буквами было написано: «Оптика».

За прилавком — худющая кукла, женщина с огромными очками на крохотном носу. Вошел покупатель — толстая кукла в низко надвинутой на лоб огромной шляпе.

— Что вам угодно? — громким басом спросила худая кукла.— У нас богатый выбор прекрасной оптики.

— Мне нужно пенсне,— писклявым голосом сказала толстая.

— Пенсне? — удивилась худая и несколько раз развела руками.— Но у нас нет пенсне! Мы можем предложить прекрасные очки! Вот! Вот! Вот... — худая стала выкладывать на прилавок разные очки.

Беляев смотрел с интересом. Зал был полон — взрослые, дети...

— Пенсне! — упрямо пропищала толстая кукла.— Я в школе был двоечником. Папа меня каждый день драл за уши.— Толстая кукла сдернула шляпу, обнаружив голову — круглую и гладкую, как бильярдный шар. Ушей не было.— Прошу пенсне! Зал смеялся.

Беляев ждал у служебного входа. В руке у него был букет гвоздик.

— Добрый вечер, Евгений Семенович! — у Юры Мурзина в руках был точно такой же букетик.

— Привет,— сказал Беляев и покосился на цветы в руке вратаря.— Игра завтра, Юра...

В дверях появились Ирина и Лариса. Пират, увидев Беляева, натянул поводок, радостно завилял хвостиком.

Лариса подошла к Мурзину. Он поцеловал её в щеку, вручил цветы, и они ушли.

— С премьерой вас, Ирина Михайловна,— сказал Беляев, протягивая букет.

— Спасибо,— она взяла цветы.

Шли молча.

— Сценка эта... с ушами... не очень, по моему,— сказал он.

— А вы, оказывается, тонкий ценитель!— усмехнулась она.— Фиалко точно не Шекспир. Это директор наш сочинил. Впрочем, публика смеется.— Она покосилась на него:— Вы, Евгений Семенович, какой-то нынче меланхоличный, на себя не похожий. Цветы дарите, за плечи не хватаете... Не заболели?

— Ну, народ!— засмеялся он.— Хватает — плохо, не хватает — опять не так!

— Ломка стереотипов — штука болезненная, любезный Евгений Семенович.

— В вас какая-то загадка есть,— не обращая внимания на её насмешливость, тихо сказал он.

— Ну, наконец-то! Редкой новизны комплимент!— засмеялась она.— Действие второе — лирическое. Вы это всем женщинам говорите? А им нравится? А стихи вы им какого сорта читаете? Или вы не знаете стихов?

Он молча поглядел на нее и, глубоко засунув руки в карманы куртки, пошел в другую сторону.

Стадион был переполнен.

«Сегодня в предпоследнем матче чемпионата страны в первой лиге встречаются команды «Авангард» и «Амур»,— на весь стадион сообщил спортивный комментатор.— «Авангарду» в двух последних играх достаточно набрать всего два очка, чтобы обеспечить себе место в высшей лиге. Сложнее положение наших гостей...»

Футболисты «Авангарда» готовились к выходу на поле. Беляев проходил, внимательно всматриваясь в лица своих подопечных. Лица были спокойны.

— Как голова?— спросил Беляев Баштанюка.

— Как астраханский арбуз!— с улыбкой ответил тот.

Все засмеялись.

— Евгений Семенович, рассказыки еще не читали?— спросил Павлик.

— Начал. Один понравился, про безработного дельфина. После потолкаем... Ну, пошли!— скандовал Беляев.

Под ликующие возгласы трибун «Авангард» выбежал на поле.

Никитич смотрел матч по телевизору.

— Второй тайм никаких перемен в игре не принес,— говорил комментатор.— Хозяева поля по-прежнему полностью владеют инициативой. Разница в классе команд ошутимая. «Авангард» показывает красивый,

содержательный, по-настоящему современный футбол. Но счет все еще не открыт. В первом тайме у ворот «Амура» несколько раз... Внимание!.. Ремизов, получив пас от Кошкина, обвел двух защитников, приблизился к штрафной площадке, пробил... Мяч пролетел много выше ворот. Так завершился и этот острейший момент. Ремизов пробил, простите за каламбур, явно выше своих возможностей. Мяч в ворота «Амура», что называется, не идет,— констатировал комментатор.

...Никитич, подняв воротник пальто, ссутулив плечи, «голосовал» на дороге. Остановился красный «москвич».

...Никитич пробирался сквозь ряды кричащих болельщиков. Шум стоял неимоверный. И вдруг враз смолкли трибуны.

К воротам «Авангарда» стремительно приближался нападающий «Амура». Удар — и мяч влетел в сетку.

«На сорок третьей минуте второго тайма...» — извещал диктор.

Давно опустели трибуны. Склонившись над столом, Беляев подписывал судейские бумаги, прощался с судьями.

Подошел удрученный Никитич.

— Это какое-то фантастическое невезение, Никитич...— сказал Беляев.— Наши как боги играли! Одна глупая случайность... Я, конечно, ни слова им не сказал, по домам распустил. И Грибанову велел, чтобы без попреков. Одна глупая случайность!..

Никитич, пожевав губами, спросил:

— Неужели ты не понял, Жека?

— Что, Никитич? Что я должен был понять?

— Они отдали игру, Жека. Сами отдали...— И побрел прочь — старый, большой человек.

Беляев потрясенно смотрел ему вслед, потом кинулся догонять. Никитич остановился и тихо сказал, невозможная боль:

— Поищи машину, Жека. Что-то я опять...— он слабо коснулся груди.

Дверь Беляеву открыла жена Колпакова.

— Здравствуй, Галя. Колпакова можно?

— Он послезавтра утром будет. В спорткомитет вызвали. Да ты заходи.

— Извини, спешу.

Беляев вошел к себе в прихожую. Услышал голоса, доносившиеся с кухни. Громко говорил Ремизов:

— Ирочка, вы не правы! У вас замшелые представления о футболистах. Знаете ли вы, например, что великий Пеле прекрасно поет и играет на гитаре? Или вот тяжелая атлетика. Если по-вашему, то и здесь — полное отсутствие духовности, бес-

смысленная борьба с железом, пот, травмы... А Юрий Власов, между прочим, замечательные книги пишет. Разве идеал человека всех времен — не гармония духовного и физического?

— Вы нахал, Павлик, — улыбнулась Ирина. — Получается, что идеал всех времен — это вы.

Павлик засмеялся, потом сказал:

— А вы почитайте мои рассказы, почитайте! Я и пьесу начал...

Беляев с порога кухни хмуро смотрел на них.

Павлик поднялся:

— Я вас жду, Евгений Семенович. Передайте, пожалуйста, Ирочке те рассказы, которые вы уже прочитали. Мне интересны все мнения.

— Никогда не видел футболиста, который так весел после проигрыша, — сказал Беляев и пошел к себе.

— Это уже чистый футбол начинается, — сказал Павлик, следуя за Беляевым.

— Слушай, Ремизов, — уже в комнате заговорил Беляев. — Я хочу знать правду.

— О чем, Евгений Семенович?

— О сегодняшней игре. Мне сказали, что вы ее сдали. Скажи, что это не так — и этот разговор мы никогда не вспомним.

Ремизов задумался.

— Видите ли, Евгений Семенович, — начал он, — я бы мог это сказать и снять груз с вашей души, если бы не было впереди еще одной игры, которую... — Павлик помолчал, а потом добавил: — Вам сказали правду, Евгений Семенович.

Беляев долго смотрел на него.

— Объясни! — сказал он, наконец.

— Я не уполномочен говорить за всю команду. — Павлик был спокоен. — Что же касается лично меня, то мне высшая лига просто не нужна. Там сверхнагрузки, сверхнапряжение — всё «сверх»! А зачем? Мы показываем красивый футбол, доставляем людям удовольствие — разве этого мало? Я в Литературный институт подавать хочу. У других ребят, думаю, тоже найдутся резоны.

— Понятненько... А если я твои резоны в спорткомитете изложу?

— Ну что вы, — улыбнулся Павлик. — Мы же с вами без свидетелей. И потом — вы же порядочный человек, Евгений Семенович.

Было утро. Виктор Ключев с шофером выгружали из мебельного фургона диван, кресла, стол...

Подъехал на мотоцикле Беляев.

— Обставляешься, Витя?

— Да надо, Евгений Семенович! — улыбнулся Ключев. — Жена приезжает — не в пустую же квартиру. Не подсобите? Тут грузовой лифт есть...

...Затащив всю мебель, Беляев с Ключевым сидели на кухне и разговаривали:

— Мне, Евгений Семенович, ни таиться, ни стыдиться нечего, — спокойно говорил Ключев. — Был молодой — был в высшей, а теперь не потяну. Сам знаешь, что такое тридцать три. А здесь я вполне на месте, годика три еще побегая, молодых кой-чему подучу. От добра добра не ищут. Квартиру вот дали, жену перевозжу из Донецка. У нее бронхи, а здесь воздух подходящий.

— А что остальные? — спросил Беляев.

— Ну, к примеру, вот Джигит. Жена четвертого ждет. Имеет она право своего мужика дома видеть, а он своих детей? Или как кукушка — подкинул, а сам то на сборах, то на выезде? Так что сами понимаете, в высшую он тоже не рвется.

— У первой лиги нагрузка не меньше, чем у высшей...

— Да нет, уровень иной — и нагрузки иные. В высшей как запряжешься, так только футбол, никакой жизни. А жить-то хочется...

Беляев на ревущем мотоцикле влетел в старую часть города, въехал на рынок, промчался мимо удивленных торговков, резко затормозил возле «Ремонта и заправки зажигалок». Мастерская была закрыта.

...Беляев медленно брел по старому городу. Увидел невдалеке гуляющих Мурзина и Ремизова. С ними были Лариса и Ирина со щенком.

— В футболе страстей не меньше, чем в театре, — говорил Ремизов. — Футбол, как и театр, без зрителя мертв. Это сказал великий Пеле, прощаясь с болельщиками. Юра вот может вспомнить разные драматические случаи.

— Случаев навалом, — сказал Мурзин. — Однажды с ашхабадским «Колхозчи» играл. Ихний ловила взял мяч, размахнулся, чтобы выкинуть защитнику, и выронил мяч в свои ворота. Потеха была... — Мурзин захохотал.

Ирина покосилась на него.

— Обратите внимание, какая архитектура, — остановился Павлик перед церковью. — Это восемнадцатый век, русское барокко. Очень интересное решение подкупольного пространства...

Подошел Беляев. Пират кинулся с радостным лаем. Беляев потрепал щенка за ушами.

— Добрый день, Евгений Семенович! — поздоровался Ремизов.

— Привет. Хорошо, что я встретил тебя, Мурзин,— сказал Беляев.— Я хочу тебе сказать, что ты вчера был единственный честный игрок в «Авангарде». Спасибо!

— Не понял! — хмурясь, сказал Мурзин.

— А чего тут понимать,— улыбнулся Беляев.— Команда игру сдала. А ты честно пропустил свой гол. Его и сам Яшин не взял бы. Кстати, Мурзин, ты знал, что твои товарищи по команде сговорились проиграть?

Наступило тягостное молчание.

— Я тебя спрашиваю, Мурзин!

— А и знал — так что?

— Ничего. Продолжайте экскурсию.

— Колпакова Ивана Сергеевича! — громко просил Беляев в трубку.— Он где-то у вас у комитета. Я подожду! Очень нужно. Ждал, катая карандаш по столу.

— Ваня, ты?.. Слушай...

Колпаков говорил, поглядывая на пожилую секретаршу:

— Это не телефонный разговор. Приеду — потолкуем. Успокойся.

Секретарша деликатно вышла.

— Ничего страшного не случилось,— терпеливо внушал Колпаков.— Не дергайся и команду не дергай. Да успокойся же, тебе говорят, все правильно они сделали!

— Ты тоже знал?! — заорал Беляев.

Колпаков понизил голос:

— Ты не в курсе всех обстоятельств, Жека, просто не успел узнать. Левицкий и Петрицкий в армию уходят. Клюев скоро тоже уйдет. Еще парочку в центр сманят. С кем играть будешь? Мы вылетим в первом же сезоне. Команды не станет. Ты этого хочешь? Надо свой час выждать, понимаешь? Как другу советую, Жека, не лезь...

Беляев бросил трубку. Встал, прошелся по комнате. Постукивая по оконному стеклу, вдруг пропел:

Ты, говорит, ходи, говорит,

Ко мне, говорит, почаще,

Ты, говорит, носи, говорит,

Мне пряников послаще...

В прихожей он столкнулся с Ириной.

— Евгений Семенович, что-то произошло?

— А вам какое дело? Вы кто — кукловод? Вот и водите...

— Мне кажется, вы очень переживаете...

— Ну, где нам! Мы и слова-то такого не знаем. Мы — гладиаторы! Нам рев трибун — высокая поэзия. А вместо сердца — пламенный мотор. Соляркой заправляется.

Он вышел на улицу, сел на мотоцикл, умчался.

Дверь Беляеву открыл Володя Яковенко.

Длинная лоджия киреевской квартиры была переоборудована под кухню. Джигит, облаченный в передник, прокручивал мясо в мясорубке. Баштанюк читал газеты.

— Здорово, мужики!

— Какой гость! — радостно заулыбался Джигит.— Добрый день, Евгений Семенович, извините, руки испачканы...

— Это точно! — усмехнулся Беляев.— Что в газетах пишут, Миша?

— Ничего особенного,— ответил Баштанюк.— В Австралии диких кроликов расплодилось — трам! Прямо национальное бедствие. Не понимаю, почему они их слаборазвитым странам не продают.

— Мысль интересная,— сказал Беляев.—

А не пишут в газетах о команде ловкачей, которая из лучших, так сказать, побуждений сдает игру, подло обманывая доверие тысяч людей?

Джигит сосредоточенно вертел ручку мясорубки. Баштанюк уткнулся в газету. Яковенко нервно хрустел костяшками пальцев.

— Что молчишь, Баштанюк?

— Я как все... Ребята порешили... ну и... — Он замолчал.

— А ты, Володя, что думаешь?

— Я... — Яковенко шумно вздохнул, волнуясь.— Я думаю, нельзя было этого делать...

— Ты, пацан, пока помолчи,— перебил его Джигит.— Думать сперва научись! Вы, Евгений Семенович, зря сейчас в позу обличителя становитесь...

Вбежал мальчишка:

— Папа, мама сказала, чтоб ты перец не клал, Танька тоже котлеты есть будет.

— Привет, Игорь,— сказал Беляев.— Так ты, оказывается, Киреев?

— Киреев,— улыбнулся Игорь.— Стрелять научились?

— Некогда было,— серьезно ответил Беляев.— Так как, ты говорил, папа тебя учил? Мужчина должен побеждать...

— И никаких гвоздей! — докончил Игорь.

— Иди к маме, Игорь! — приказал Джигит.

— Нет, постой! — властно сказал Беляев.— Мне с мужиком потолковать интересно. Папа правильно тебя воспитал, Игорь. Только сам он побеждать не хочет. Может, но не хочет. Ему так удобнее.

— Вы врете! — сказал Игорь. Он стоял, сжав кулаки. — Папа, скажи, что он врет!

Джигит молчал. Беляев резко повернулся и пошел к выходу.

И опять Беляев мчался по городу на мотоцикле. Влетел на тихую улочку, распугав разную пернатую живность...

— Никитич, зачем вы меня в это втянули? Почему сразу не сказали?

— Понимаешь, конкретно мне их не в чем было упрекнуть... Только вот... Говорили мы на одном языке, а понимал я их все меньше и меньше. Другие они... — зябко кутаясь в плед, тихо говорил Никитич. — В футбол играть я их научил, а большего — не сумел. Здесь твой характер нужен. Подумал, может, ты сумеешь...

— А спросить надо было — хочу я играть в эти игры или нет?

— Ты бы не захотел, Жека, я знаю...

— Я думал, вы мне шанс дарите, — усмехнулся Беляев. — Мне, Никитич, противно объяснять футболисту, что главный закон на поле — побеждать! Закон! — Беляев яростно произнес это слово. — Вы мне это внушили, когда я еще сопляком к вам пришел. Никитич, вы не должны были так со мной поступать сейчас. — Он помолчал, раздумывая, потом сказал: — И как вы вообще представляете себе перевоспитание ваших питомцев? Что я их посажу в кружок и скажу: как же вам не стыдно, ребятки, превращать красивую игру в доходное место. А им не стыдно! — последнее Беляев выкрикнул зло. И повторил вновь: — Не стыдно! — Он поглядел на изможденное лицо старика и сказал: — Извините, Никитич. Выздоровливайте.

Беляев вел тренировку. Футболисты бежали вокруг поля.

— Скорости нет! — кричал Беляев. — Быстрее надо! Быстрее! Еще!..

Они прибавили скорость. Немного отстал от группы Мурзин. Беляев подбежал к нему:

— Что, силы поистратил на гулянках? А ну, быстрее пошел!

— Мы, вроде, не спринтеры, — огрызнулся Мурзин. Но прибавил ходу, легко достал остальных.

Потом шли «гусиным шагом»... Работали с тяжестями... Отрабатывали комбинации... Снова бегали... И все на предельных режимах.

Беляев сам носился по стадиону — злой, взмыленный, кричал, ругался. Футболисты беспрекословно выполняли все.

Грибанов, все время сидевший на трибуне, не выдержал:

— Вы их загоните, Евгений Семенович. Сил не будет, игра ведь через два дня...

Беляев повернул к нему злое лицо:

— А они все равно проигрывать будут. Может, вы не знаете об этом? Или не хотите знать?

— Я — второй, — пожал плечами Грибанов. — Вы командуете.

— Вот я и команду! Так, Мурзин, становись в ворота. Ремизов бьет!

Ремизов накатывали, набрасывали. Он бил... Мурзин прыгал, ловил, пропускал... Футболисты молча наблюдали.

— Стоп! — хлопнул в ладоши Беляев. — Видишь, Павлик, как славно у тебя получается. А почему ты Павлик? Не Павел, не Павлуша, а Па-авлик!..

Ремизов, успокаивая дыхание, зло ощерился:

— Вас до сих пор Жекой зовут. Не Евгений, не Женя, не Женечка... Почему-то именно Же-ка...

Они пару секунд молча смотрели друг на друга.

— Ну, и почему же ты, Павлик, такой мяч не забил вчера? Может, ты чего-то не умеешь? Давай отработаем!

— Он все умеет, — громко сказал Мурзин. — В том числе и пенальти бить. А у вас, я слышал, были проблемы с этим делом.

Наступило молчание. Беляев прошелся взглядом по лицам. Потом, четко выговаривая каждое слово, сказал Мурзину:

— Становись в ворота, я буду тебе забивать. Десять штук. Если возьмешь хоть один...

— Только не говорите, что тогда вы уйдете из команды, — сказал Мурзин.

— Хорошо, Мурзин, будь по-твоему, — жестко сказал Беляев. — Не забью — уйду.

— Перестаньте, — подскочил к Беляеву Грибанов. — Это мальчишество!

— Олег Иванович, футбол с мальчишек начался, — улыбнулся Беляев. — Становись. Мурзин! Но у меня тоже условие. Проиграешь — последний матч будет стоять Яковенко.

И Беляев забивал — один, два, три, четыре... Красиво забивал. Мурзин, хмуясь все больше, доставал мячи.

— Сколькo там получилось? — небрежно спросил Беляев.

— Пижон! — тихо сказал Павлик.

— Восемь! — ответило несколько футболистов сразу.

— Доставай девятый! — сказал Беляев.

Мяч влетел в сетку.

Подъехала «волга». Из нее вышли Колпаков, Яровой, Бобряшов и Кузнецов.

— Жека, — заорал Яровой. — Смотри, кто приехал!

Беляев крикнул:

— Сейчас, ребятки! Последний остался. — И ударил.

Мяч влетел в сетку с такой силой, что Мурзин и с места не сдвинулся.

Только что приехавшие громко зааплодировали.

— Ты неплохой вратарь, Мурзин,— сказал Беляев.— Но бывают лучше.

И потеряв интерес к происходящему, он пошел к друзьям.

— Силен! — восхитился Грибанов.

Володя Яковенко сорвался, догнал:

— Евгений Семенович! Значит, я?

— Уговор дороже денег,— ответил Беляев.

Подошел к друзьям. Они обнялись, похлопали друг друга по спине.

— Ты, Бобряш, где такой наел? — хлопнул Бобряшова по тугому животу Беляев.

— Я ж на краболове хожу, Жека, сам понимаешь, какой харч! Я и тебе рыбки привез, крабов — попробуешь?

— А с тобой, Валерка, мы соперники, что ли? — спросил Беляев Кузнецова.

— Выходит, так,— улыбнулся Кузнецов.

— Говорю тебе как старший тренер старшему тренеру — есть хочется зверски! Пошли к бабе Шуре. Жорка, рыбку не забудь!

Шли, переговариваясь, смеясь.

— Ты ж завтра должен был явиться,— сказал Беляев Колпакову.

— Я самолетом.

— Заторопился,— усмехнулся Беляев.— Как видишь, жертв нет.

— Будь мудрым, Жека...

...Ужинали, нахваливали яства бабы Шуры. Она, сияющая, носила на стол, убирала, приговаривала:

— У меня пирог имеется к чаю. Может, еще мяса кому положить, а?

— Закормишь до смерти, баба Шура,— говорил Колпаков.— Чай уж неси!

Пили чай с пирогом. За окном был поздний вечер.

— Как живешь в своем Владивостоке? — спросил Беляев Бобряшова.

— Нормально. Квартира хорошая, ребят двое растет. В море подолгу — хорошо! Словом, все путем. Приезжай в гости. Я, видишь, вмиг собрался, как узнал, что «Авангард» в высшую выходит. Ну, думаю, такое пропустить нельзя. А тут еще Илюшкина телеграмма — Жека старшим тренером стал. Твой «Металлург» послабее «Авангарда» будет? — спросил Бобряшов Кузнецова.— Вы, я видел, где-то посередине таблицы устроились.

— Ближе к концу,— невесело усмехнулся Кузнецов,— не то что Жекины орлы.

— Это не орлы, а дерьмо,— сказал Беляев.

Бобряшов и Кузнецов переглянулись. Колпаков нахмурился.

— Больно круто ты взял, Жека,— сказал Яровой.— Никитич в самом деле отличную команду сделал. Ну, проиграли, бывает.

— Может, объяснишь? — обратился к Колпакову Беляев.

— Отстань,— сказал Колпаков.

— Тогда я объясню. Игру, Илюша, не проиграли, а сдали, ясно? С негласного благословения большого спортивного начальника Колпакова Ивана Сергеевича, футбольная клчка Колпак.

Стало тихо.

— Seriously, что ли? — спросил Кузнецов.

— Да уж куда серьезнее,— сказал Беляев.

— Выскажись, Колпак! — сказал Бобряшов.

— Отстаньте, нечего собрание устраивать,— устало сказал Колпаков.— Так надо.

— Кому надо? — ударил ладонью по столу Беляев.

— Прежде всего тебе, дурак! — повысил голос Колпаков.— Ты хвост удачи увидел и рвешься, поля не видя! — Колпаков вздохнул, успокаиваясь.— Обманная эта удача, Жека, поверь. Удержаться в высшей лиге труднее, чем десять штук Мурзину забить. Подожди пару лет, ребята из армии вернутся, пару-тройку новых пригласим, есть у меня на примете... И будешь ты в полном порядке. Неужели не понятно?

— Ты, Колпак, великим стратегом заделался,— усмехнулся Яровой,— прямо на «вы» хочется обращаться...

— Комбинатор он великий, а не стратег,— сказал Беляев.— Так что, Валера, твоей команде два очка обеспечены железно.

— Тебя бы и ничья устроила, если бы «Темп» выиграл у «Химика»,— сказал Кузнецов.

— Как же, станет «Химик» на своем поле проигрывать «Темпу»,— усмехнулся Колпаков.

— Ладно, поговорили — и хватит! — сказал Беляев, поднимаясь.— Пойду еще чаю попрошу.

— Постой, Жека,— остановил его в дверях Кузнецов.— Слушай внимательно. А ты, Колпак, не ветревай. Знаю, ты хочешь, чтобы всем было хорошо, мы это ценим. Давай, Жека, так: твои отдают два очка, а мои — не берут. Мне, с моим турнирным положением, они просто не нужны. Все будет оставлено, как в Большом театре — «Металлург» проиграет в упорной, честной борьбе. Все как по нотам сделаем, Жека, не бойсь!

Колпаков махнул рукой:

— Черт с вами, делайте, как знаете.

Беляев, поглядев, на Кузнецова, сказал:

— Я, Валерка, свое уже отбоился. Спасибо за предложение. Не будет Большого театра. Я игрок, а не маклер.

— А не в тебе одно дело,— сказал

Кузнецов. — «Авангард» должен выйти. Мы столько об этом мечтали...

— Я сказал: никаких фокусов, — упрямо сказал Беляев. — Если что — лично морду набью. И ты, Валерка, меня знаешь.

Бобрешов неожиданно засмеялся:

— Я чего вспомнил, мужики! Жека точно так говорил Валерке перед игрой с «Кузбассом»: не будешь пас давать — лично морду набью!..

— А что — подействовало! — сказал Яровой. — Валерка тогда классно выдал Жеке на выход! Как в аптеке.

— Не на выход — навес был с левого края, — сказал Кузнецов.

— На выход был пас, — уперся Яровой. — Ты забыл!

— Я забыл? — возмутился Кузнецов. — Жека, чего молчишь?! Ты хотя бы скажи, Колпак!..

— А по-моему, не с «Кузбассом», тогда играли, а с «Локомотивом», — сказал Колпак.

— С тобой все ясно, — сказал Бобрешов. — Умом ты поослаб, Ванюра. Потому что напрягаешься много, на два года вперед все ходы хочешь просчитать.

— Внеси ясность, Жека, — взмолился Кузнецов.

Беляев вновь обвел друзей взглядом, улыбнулся:

— Сейчас. За мячиком только схожу. Айда на поле!

— С ума, что ли, походили, — воскликнул Колпак. — Ночь на дворе!

Но его никто уже не слушал. Шумно повалили на улицу. Беляев воткнул рубильник в клемму — и часть поля осветилась лучом прожектора. И заиграли, все больше входя в азарт. Сначала вчетвером. Колпак, засунув руки в карманы, насмешливо наблюдал. Не выдержал. Подвернув штанины, бросился на поле.

— Пас, Бобрешов, — закричал он, устремляясь к играющим...

В спальном корпусе засветилось окно, потом другое, еще. Молодые футболисты смотрели, как «старики» гоняют мяч.

Потом человек пять-шесть спустились вниз. Молча стояли возле кромки поля.

Вдруг к играющим подбежал Грибанов:

— Чужого возьмете? — крикнул он.

— А умеешь? — спросил Яровой, держа ногу на мяче. И сделал жест, приглашая отобрать. — Прощу!

— Стоп! — крикнул Беляев. Обернулся к молодым: — Как насчет немного постучать, Павлик? Или ты ночью только рассказы можешь сочинять? А ты, Кошкин, иди спать, для тебя главное — режим. Правда, Кошкин?

Кошкин и Ремизов переглянулись. Баштанюк сказал:

— Пошли, что ли?

— Играем до пяти. В одни ворота, — сказал Павлик. — Идет?

— Идет! — ответил Беляев. — Если можно, в футбол играть, а не в поддавки. Ежели, конечно, не разучились...

Началась игра — шесть на шесть. Молодые сразу включили предельные скорости, играли с расчетливым азартом, мощно, всерьез.

И вот Павлик, получив пас от Петрицкого, на скорости обвел Колпакова и забил гол.

Беляев играл молча, яростно. Он обыграл Левицкого, отдал Бобрешову, но к мячу поспел Баштанюк и пробил с крутого разворота.

Мяч влетел в ворота. Через минуту — еще один... Тучный Бобрешов, обливаясь потом, едва передвигался. Не лучше выглядел Колпак. Ни к одному мячу не поспевали Кузнецов с Грибановым.

И забивали — Джигит, Павлик, Кошкин...

На миг пересеклись на поле Беляев с Яровым.

— Нельзя всухую, Илюша, — зло выдохнул Беляев.

— Нельзя, Жека!..

У кромки поля стояли и смотрели остальные авангардовцы.

Беляев с Яровым разыграли комбинацию. Мяч как прилип к ногам Беляева. Красиво обвел Джигита, Павлика. Рванулся к воротам. Перед ним был только Кошкин. Беляев, обманув корпусом, обошел того справа. И тут Кошкин, пытаясь достать мяч в подкате, ударил. Беляев полетел на землю, кувыркнулся, остался лежать, схватившись за ногу. Его обступили, склонились. Беляев с трудом сел.

— Невезучая... нога, — сказал он, морщась. Нашел глазами Кошкина: — За это пенальти полагается. Буду бить сейчас.

Отстранив помогавших, он встал — и едва не упал. Его подхватили Бобрешов и Кузнецов, повели. Он уперся, крикнул:

— Илюша, забей этот пенальти. Слышишь — забей им!

Молодые молча смотрели, как измочаленные «старики» вели своего капитана.

За окном брезжил рассвет.

Беляев осторожно встал. Прихрамывая, прошел к столу. Включил настольную лампу. Придвинул к себе стопочку чистой бумаги. Взял ручку. Задумался. И начал писать.

Первый секретарь обкома вышел из-за стола.

— Рад вас видеть, Евгений Семенович! —

приветствовал он Беляева.— Что у вас с ногой?

— Пустяки,— ответил Беляев.— На тренировке немного растянул.

— Вы уж поосторожнее. Садитесь, пожалуйста!

Они сели в кресло в углу кабинета.

— Пройгрыш, не скрою, немного озадачил,— сказал Бурлак.— Другого ждали. И вы, вероятно, обескуражены — все хвалили команду и вдруг — поражение от аутсайдера. Духом не пали?

— Радости, конечно, мало. Но и для паники причин не вижу. Это игра, Геннадий Павлович, и от случайностей не застрахована даже самая классная команда.

— Хотелось бы меньше таких случайностей. К вам, Евгений Семенович, естественно, претензий никаких. Вы человек новый.

— Я, Геннадий Павлович, принял команду и должен отвечать за нее.

— Мне нравится ваше настроение. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Можете, Геннадий Павлович. Я статью написал. Прошу посмотреть.— Беляев достал листки, протянул.— Первый раз в жизни писал. Извините, если коряво.

— Заголовок боевой: «Команда может и хочет»,— прочитал Бурлак.— Вы поскучайте пока.— Он сел за стол, надел очки.

Дочитал, снял очки, поднял глаза к Беляеву:

— Вам не кажется, Евгений Семенович, что эта статья была бы более уместной после последней игры, а не до нее? Материал можно расширить, сделать его обзорным и прогнозы некоторые сделать, а? Я не настаиваю, я вслух рассуждаю.

— Именно сейчас надо, Геннадий Павлович, личная просьба.

Бурлак внимательно посмотрел на него, сказал:

— Ну что ж, раз вы считаете это необходимым... Я верю вам, Евгений Семенович.

Он нажал кнопку селектора:

— Валентина Сергеевна, свяжите меня с главным редактором областной газеты.

Оглашая улицы тревожной сиреной, по городу мчалась машина с надписью: «Реанимация». Тормозила, пропуская ее, другие автомобили, останавливались, провожали ее взглядом прохожие.

На спортивной базе возле главного здания стоял театральный «уазик». С него сгружали ящики с реквизитом. Футболисты оживленно переговаривались с артистами.

Подъехал на мотоцикле Беляев.

— Что здесь происходит? — хмуро спросил он.

Фиалко подал руку:

— Мы, Евгений Семенович, решили еще раз пойти навстречу пожеланиям...

— Чьим пожеланиям вы решили пойти навстречу? — перебил его Беляев.

Подошел Грибанов.

— Это я пригласил, Евгений Семенович. По просьбе команды.

— Мы дадим минипредставление, минут на двадцать, не больше,— сказал Фиалко.— Два скетча: мой и Ремизова.

— Кого? — спросил Беляев.

— А-а, заинтересовались,— улыбнулся Фиалко.— Это наш сюрприз. Ваш Павлик написал очаровательную сценку. Сами увидите — просто очаровательная сценка.

Беляев посмотрел на Павлика, на стоящую рядом с ним Ирину. Сказал:

— Спектакля не будет, Самсон Львович. Извините.

Павлик усмехнулся.

— Но почему? — удивился Фиалко.— нас пригласили, мы приехали... И потом вы сами говорили, что футболисты очень любят кукольный театр!

Футболисты выжидающе смотрели на Беляева.

— Час назад умер Никитич,— сказал Беляев и замолчал. Потом продолжил:— Войну прошел человек... Да, хорошие вы ребята: артельно взялись — и сгубили старика...

— Такими словами не бросаются,— сказал Ремизов.

— Ты прямо сейчас речь побежишь писать или после ужина? — спросил Беляев.— От имени команды. О том, как вы все любили его...— И вдруг выкрикнул — хрипло, надсадно:— Будь моя воля, я бы на похороны вас не пустил!..

Пройдя сквозь расступившуюся толпу, Беляев ушел в здание.

Команда завтракала.

В столовую вошел Баштанюк. В руке у него была газета.

— Читали? — поднял и потряс он ею.

— Надоел ты, Миша, как не знаю кто со своими газетами! — сказал Кошкин.

— Здесь статья Беляева,— крикнул Баштанюк.— О команде «Авангард», между прочим!

— Дай-ка сюда! — встал Павлик.

Он читал статью. Его обступили футболисты.

— Он с ума сошел! — с негодованием оторвался от газеты Павлик.— Послушайте! «Пройгрыш «Амуру» не свидетельствует о том, что к концу сезона команда стала играть хуже, чем раньше. Игра есть игра, в ней бывают всякие неожидан-

ности, в том числе и неприятные. Но «Авангард» сделал правильные выводы из случившегося. Мне кажется, общее настроение команды лучше всего передают слова ее капитана Павла Ремизова: «Мы получили наглядный урок того, как опасно недооценивать любого противника, расслабляться, уверовав в свою силу. Для выигрыша мало только высокого мастерства. Побеждает тот, кто хочет, очень хочет победить. «Авангард» хочет выиграть и будет играть только на выигрыш». — Павлик был потрясен. — Я ничего похожего не говорил. Ни слова... За это морду бьют!

— Я бы хотел посмотреть, как ты сделаешь это, — сказал Кошкин.

— Сильно сыграл Беляев, — усмехнулся Мурзин.

— Прет мужик — как танк! — сказал Петрицкий почти восхищенно.

— Тебе, Пека, вроде как нравится? — спросил Павлик.

— А мне без разницы, — ответил Пека. — Нам с Лекой вот-вот марш «Прощание славянки» сыграют — и под знамена. Скажи, Лека?

— Точно! — отозвался Левицкий. — Но мнение команды он мог бы выяснить.

— Мнение команды он уже изучил, — сказал Кошкин.

— Что делать будем? — спросил Джигит.

— Что и делали, — сказал Мурзин.

— А как быть с этим? — взяла газету Баштанюк. — Это ведь печатное слово! Сейчас вся область читает!

— Наплевать и забыть, — лениво сказал Мурзин. — Мне этот Беляев просто надоел.

— А мне твой тон надоел, — вызывающе сказал Кошкин. — И давно уже. Супермен... драный!

— Прекратите! — поморщился Джигит, вставая. — Он бандит, и методы у него бандитские! Со мной сын уже два дня не разговаривает!

— И правильно делает! — воскликнул вдруг Володя Яковенко.

— Я чувствую себя шаром, который загнали в лузу, — сказал Павлик.

— Напиши опровержение, — посоветовал Левицкий.

— Надо решать, — сказал Баштанюк. Лично я больше в это играть не хочу.

— Так, — сказал Мурзин. — Один перевоспитался.

— Смени тон, сказано тебе, — хмуро сказал Кошкин.

— Я, Коленька, заводиться не хочу, — лениво потянулся Мурзин. — А ты не ценишь...

— У меня, Джигит, вопрос к тебе, — сказал Баштанюк. — Если не секрет, каким образом ты собираешься с сыном мириться?

— Не ковыряй душу, — угрюмо сказал Джигит. — Без тебя тошно!

— Лично я против Беляева ничего не имею, — вступил в разговор Ключев. — Нормальный мужик. Но в высшей лиге, если что, будете играть без меня.

— Ладно, — сказал Баштанюк. — Но ты отыграй по-человечески — и уходи потом. Так вроде по совести полагается?

— Давно ты такой совестливый стал? — спросил Павлик. — Ты, Мишенька, сколько я помню, всегда и во всем мнением коллектива руководствовался.

— Мнения в коллективе разделились, — зло сказал Баштанюк. — И я тебя, Павлик, лично сломаю, если фокусничать будешь на поле. И вас это, салаги, касается, — повернулся он к Леке с Пекой.

— Ты с ума сошел, Баштанюк! — вскочил на ноги Павлик. — Тебя же в чужую телегу запрягают, неужели ты не видишь? Беляев — неудачник. Мы его последний шанс понимаешь? На нашей шее он в рай въехать хочет. Но нам-то зачем?

— Ты можешь мне сказать, Павлик, почему ты всему на свете находишь такие вот дурно папахивающие объяснения? — спросил Кошкин.

— Но мы же давно все решили и решили правильно! — крикнул Павлик. — Мы — нормальные люди. А он — фанатик, сумасшедший. С какой стати мы, нормальные люди, должны под музыку сумасшедшего плясать?

И вдруг раздался голос Володи Яковенко: — Вчера Никитич помер, а мы... как эти... Стало тихо.

Яковенко в прыжке взял трудный верхней мяч. Выбил его далеко в поле.

Трибуны реагировали бурно — крики, аплодисменты...

Беляев стоял в секторе под центральной трибуной. Смотрел на поле с непроницаемым лицом. На поле шла игра некрасивая и сумбурная, в чем повинен был «Авангард». Его игроки все время теряли мяч, не могли наладить ни одной комбинации. А «Металлург» атаковал.

Подошел Грибанов, молча встал рядом с Беляевым.

— Сколько до конца тайма? — спросил Беляев, не поворачиваясь.

— Девять минут.

На поле Баштанюк подбежал к Павлику:

— Кончай фокусы, Павлик!

— Иди ты!.. — сквозь зубы огрызнулся тот. Рванулся, легко отобрал мяч у нападающего «Металлурга», повел сам, обвел соперника, показал, что хочет пробить издали — и «засветил» мяч высоко вверх и далеко за боковую линию.

Трибуны свистели. «Металлург» атаковал. Двое нападающих ворвались в штрафную площадку «Авангарда». Один послал верховой мяч товарищу на замыкающий удар головой. Ключев прыгнул наперерез и коснулся мяча рукой.

Игрок «Металлурга» пробил одиннадцатиметровый. Яковенко угадал, куда полетит мяч, но достать его не сумел.

Закончился тайм. Футболисты, не глядя на Беляева, шли мимо него в раздевалку.

Беляев вошел в большую комнату, где располагалась информационная служба стадиона.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил он с порога.

— Нет пока. Ждем, — ответил Гоша-оператор, сидевший за пультом.

Ирина ждала его у лестницы.

— Нас срочно перебрасывают в Казань... Попрощаться вот решила... — Она замолчала, нервничая.

— Всех благ, Ирина Михайловна. Спасибо, что вспомнили. — Беляев отвернулся.

Но она не уходила.

— Я все хотела спросить... Я не понимаю, зачем вы себе нервы сжигаете, другим... Это же только... игра в футбол! Я почему-то сейчас вспомнила... В детстве у нас в доме жил какой-то спортивный начальник, красивый из себя, ужасно победительный мужчина. Вроде вашего Мурзина. Мы с девчонками однажды позвонили ему, спросили: «Скажите, это вы такой высокий красивый мужчина в кожаном пальто?» Он подумал и ответил: «Да, это я!»

Он засмеялся, потом посерьезнел:

— А я, Ира, другое вспомнил. Как первый раз после войны к нам западногерманская сборная приехала. Я пацаном еще был. Когда нашим забили второй гол, у меня слезы полились, как из крана. До того обидно было — не передать словами. И тут кто-то больно сжал мне плечо и сказал: «Не смей плакать! Мы не можем им проиграть!» Худой такой был мужик, в солдатских сапогах. Я, до сих пор его пальцы помню.

— А чем игра кончилась?

— Победили! — улыбнулся Беляев.

Она молча смотрела на него, и что-то незнакомое ему было в ее взгляде — то ли грусть, то ли ожидание.

— Женя, а вы были женаты?

— Очень недолго, — усмехнулся он. — Со мной женщинам трудно.

— Да уж... Ну, ладно, — вздохнула она. — Мне пора...

— Уже? — тоже негромко спросил он. — Билет на поезд не потеряли?

— Почему я должна терять? — испугалась она. Полезла в сумку, достала: — Вот!

Он взял у нее билет, внимательно рассмотрел и изорвал на кусочки.

— Вы... — она задохнулась от возмущения. — Что вы себе позволяете?!

— Я хотел, чтобы ты осталась, — сказал он. — Извини...

— Это в плохих фильмах билеты рвут. Мог бы и пооригинальнее что-нибудь придумать.

— А я тех фильмов не видел, — по-детски лучезарно улыбнулся он. — Но мне о них рассказывали.

Она покачала головой, сказала:

— Ну, ты... футболист... — И пошла.

— Ира, — позвал он, — а может, ты все-таки завтра поедешь?

Она резко обернулась, хотела, видимо, сказать что-то злое, но вдруг вздохнула и ответила:

— Не знаю... Я позвоню... — И после паузы: — Ну а билет-то зачем было рвать?

Шел второй тайм. Игра «Авангарда» лучше не стала. «Металлург» атаковал. Ворота Яковенко обстреливались часто, опасно. Он ловил мячи.

Трибуны то смолкали, то взрывались свистом.

К Беляеву подошел Кузнецов, повздыхал.

— Жалеешь? — усмехнулся Беляев.)

— Да ведь полтайма прошло, а твоим два гола забивать надо! — сердито ответил Кузнецов.

На поле Баштанюк, сжав кулаки, подступал к Павлику. Его удерживали. Свистя, подбежал судья. После короткого раздумья показал Баштанюку желтую карточку.

Изумленно смотрели игроки «Металлурга».

Трибуны неистовали.

Беляев стремительно вошел в комнату информационной службы.

— Ну что, Гоша, прояснилось что-нибудь?

— Буквально сейчас телекс получили, — ответил Гоша. — «Химик» на своем поле проиграл «Темпу». Сейчас объявим...

— Ни в коем случае! — приказал Беляев. — Без моей команды ни слова. Ясно — ни слова!

— Понял! Евгений Семенович, что же это происходит, а?..

Он не ответил, быстро вышел.

Стоял у кромки поля, выжидая. Воспользовавшись первой же паузой в игре, подзвал Павлика.

— Слушай внимательно, Павлик. То, что вы обманываете их, — Беляев показал на трибуны, — на вашей совести или что у вас там вместо нее... Но хоть сдавайтесь-то не позорно! Нужен гол престижа. Я в ваши игры не играю. Но не будет гола — и ты

в футбол играть не будешь, ни в какой лиге. Это я тебе торжественно обещаю. Ты понял меня, Павлик?

— Да. Понял.

И Павлик повел «Авангард» в атаку. В несколько минут наладив связи, команда заиграла мощно, красиво. И все у них получалось. Атаки накатывались одна за другой. Гол назревал, гол «висел» в воздухе.

И вот в атаке Баштанюк, Джигит, Кошкин и Ремизов. Разыграли стремительную комбинацию. Джигит вывел на ударную позицию Баштанюка, но тот бить не стал, отдал мяч внезапно ушедшему от «опекуна» Павлику. И дальше Павлик все сделал спокойно и элегантно, как на тренировке.

«На сорок третьей минуте матча капитан «Авангарда» Павел Ремизов сравнял счет...» — объявил диктор.

Беляев из будки диктора видел, как судья, длинно просвистев, вскинул руки. Видел, как поднимаются разочарованные болельщики.

— Давай! — скомандовал Беляев Гоше. Тот шелкнул тумблером.

— Прошу внимания! Нам передали, что «Химик» проиграл «Темпу». А это значит, что ничейного результата «Авангарду» хватает для высшей лиги!

Стало очень тихо. Потом стадион взорвался ликованием. Взметнулись транспаранты, взмыли в воздух сотни разноцветных шаров, взлетели белые голуби...

Павлик в раздевалке остервенело рвал с ноги бутсу. Молча стягивал майку

Клюев... Хмуρο раздевались Джигит и Кошкин. Ликующим было лицо Яковенко. Задумчиво расшнуровывал бутсу Баштанюк. Лека и Пека уже стояли в дверях душевой. Пека сказал:

— Рядовые Лека и Пека после последней игры хотя т сказать,— тут он повернулся к Леке, и они закончили хором:— Извините за компанию! — Они поклонились в пояс и, громко напевая «Прощание славянки», скрылись в душевой.

Павлик обвел всех взглядом и с грустной ноткой выговорил:

— Нормальные же были люди...

Медленно-медленно оседал первый, легкий как пух, снежок. Хоронили Никитича. Было много людей, много венков. Были строги лица мужчин, заплаканы лица женщин.

Рядом стояли Бурлак, Колпаков, Бобряшов, Кузнецов, Яровой, Беляев. Отдельно — игроки «Авангарда».

Павлик, четко роняя слова в тишину, говорил речь:

— Он любил жизнь и умел жить. Он знал, что лучшее в жизни — это сама жизнь, с ее радостью и болью, с ее схватками и драмами, с ее возможностью делать добро...

Беляев подошел к Грибанову и тихо сказал:

— Скажите им, что тренировка завтра в одиннадцать.

И быстро пошел по слегка уже припорошенной аллее к выходу с кладбища.

МИХАИЛ ДАВЫДОВИЧ ВОЛЬПИН (родился в 1902 году) учился во ВХУТЕМАСе и одновременно писал стихотворные тексты для «Окон РОСТА». В течение многих лет его стихи печатались в московских сатирических журналах. Работать в кино начал в 1939 году. По сценариям М. Вольпина, некоторые из них написаны им в содружестве с Николаем Эрдманом, поставлено свыше пятнадцати художественных и примерно столько же мультипликационных фильмов, среди них: «Смелые люди», «Застава в горах», «Морозко», «Царевич Проша», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», «Ослиная шкура», «Федя Зайцев», «Заколдованный мальчик», «История одного преступления».

ВАЛЕРИЙ СЕМЕНОВИЧ ФРИД (родился в 1922 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. Более двадцати лет работал в содружестве с Юлием Дунским, по их сценариям были поставлены фильмы: «Случай на шахте № 8», «Жили-были старик со старухой», «Красная площадь», «Служили два товарища», «Гори, гори, моя звезда», «Вдовы», «Экипаж» и др.

Фильм по литературному сценарию «Сказка про влюбленного маляра» ставит на киностудии «Ленфильм» режиссер Надежда Кошеверова.

МИХАИЛ ВОЛЬПИН, ВАЛЕРИЙ ФРИД

СКАЗКА ПРО ВЛЮБЛЕННОГО МАЛЯРА

Н ад дорогой небо синее-синее; на лугу, по обе стороны, трава зеленая-зеленая; а в речке, что рядом с дорогой бежит, вода и синяя, и зеленая.

Идет по дороге Макар, за спиной кисти, в руках ведро с краской — идет и поет песню.

Вдруг откуда ни возьмись отряд: у всех сабли, кинжалы, алебарды. Окружили Макара, наставили на него остря:

— Стой, ни с места!

Макар им говорит по-хорошему:

— Господа разбойники, честью прошу: отпустите меня, не губите. Я не купец, не богатей, не княжеский сын, а простой обыкновенный маляр. Да и карманы-то у меня дырявые, в них деньги не держатся — вот, поглядите сами!

И вывернул карманы. Они у него, точно, были дырявые. Начальник отряда рассердился:

— Ах ты, такой-сякой немазанный! Да как ты смеешь нас обзывать разбойниками?!

Мы самая что ни на есть королевская стража.

Начальник кричит, сапожищами топает — очень страшно! Но Макар не испугался, наоборот, засмеялся даже:

— Ну,— говорит,— тогда-то уж вы меня точно отпустите. Я не вор, не грабитель, иду, пою, никого не трогаю... Маляр я, понимаете, маляр! А звать меня Макар.

— Что ты маляр, это за версту видать,— сказал начальник.— Маляр нам как раз и требуется. Куда ты забрел, знаешь? Отвечай живо, где ты находишься?

— В некотором царстве, тридесятom государстве,— отвечает Макар без запинки.

— Правильно. А кто в нашем государстве королева?

— Чего не знаю, того не знаю. Я живых королев сроду не видывал.

— Королева у нас незамужняя, по имени Дризофила Вторая,— объяснил начальник.— И есть у нее прекрасный-распрекрасный дворец — летний считается.

А что сейчас на дворе?

— Лето.

— Правильно. Самое время переезжать, а дворец, скажу тебе, хоть и прекрасный, но никакого вида не имеет. Ремонт надо делать... Теперь понял?

— Сделаем! — обрадовался маляр. — Все сделаем, даже не сомневайтесь!

Сказано — сделано. Сидит Макар высоко-высоко в малярной люльке, макает кисть то в одну краску, то в другую, и на свежеспеленной стене дворца расцветают разноцветные цветы.

Шла работа и внутри, во дворцовых покоях: натирая паркет, танцевали под веселую музыку полотеры (для них специально играл духовой оркестр), королевские слуги обмахивали пыль, чистили мелом медные дверные ручки и подсвечники.

А в опочивальне Дризофилы Второй наводила порядок горничная Катюша — совсем молоденькая, почти девчонка. Она протерла зеркало, немножко полюбовалась на себя, потом сняла с гвоздика корону, надела на голову и снова подошла к зеркалу. Дризофилина корона оказалась ей очень к лицу. Тогда она накинула на плечи мантию из горностаевых хвостиков...

Макар к этому времени нарисовал все цветы, какие хотел, и стал малевать на главной стене совсем другое. Он раскачивался в своей малярной люльке, как на подвесных качелях, макал кисть в разные ведерки, и на стене получались широкие, изогнутые дугой полосы — красная, оранжевая, желтая, потом зеленая, голубая, синяя, а под конец фиолетовая. Ну прямо настоящая радуга!.. И вот, пролетая наподобие маятника мимо распахнутого окна Дризофилиной опочивальни, Макар увидел Катюшу, которая — в королевской короне, в мантии — все еще крутилась перед зеркалом, любуясь собой. Ясное дело, маляр принял ее за незамужнюю королеву. И так она ему понравилась, что произошло маленькое чудо: люлька вместе с маляром замерла в воздухе против окна.

Тогда и Катюша увидела Макара. Застигнутая за непозволительным занятием, она, ясное дело, смутилась, отскочила от зеркала и показала маляру язык.

Застывшая в воздухе люлька, словно спохватившись, продолжила полет — но уже было поздно: маляр успел влюбиться в незамужнюю королеву по гроб жизни. Когда люлька качнулась в обратную сторону, Макар, ошалевший от своей внезапной любви, прыгнул в окно опочивальни...

И пробкой вылетел из парадной двери. Два здоровенных стражника вышвырнули его из дворца и еще пригрозили вслед албардами.

— Куда полез! — кричали стражники. — Королеву ему подавай!.. Убирайся вон, чумазий, пока ноги целы!

Из окон дворца повысовывались полотеры, музыканты и слуги. Все они покатывались со смеху, показывали пальцами на влюбленного маляра.

И только Катюша — уже без короны и мантии, с мокрой тряпкой в руке, босая и простоволосая — смотрела на Макара из верхнего окошка с сочувствием: она ведь понимала, что бедняга пострадал из-за нее.

Снова идет Макар по дороге, но не шагает весело, как раньше, а плетется еле-еле, и не поет, а только жалобно вздыхает.

У опушки леса Макар остановился, поглядел вокруг, выбирая подходящее дерево, и остановил свой выбор на кривой осине. Снял с себя кушак, сделал на одном конце петлю, а другой конец перекинул через сук. Потом подпрыгнул, потянул обеими руками — сук со страшным треском обломился, и Макар шлепнулся на землю. Так ему обидно стало!

— Не судьба удавиться, пойду топиться, — сказал Макар сам себе и пошел в лесную чащу.

Над головой листва шелестит, птахи поют на разные голоса, а несчастный маляр ничего не слышит.

Долго ли он шел, недолго ли, но пришел к лесному озеру. Постоял на берегу, взглядываясь в чистую воду, и ничего там не увидел, кроме своего очень печального отражения. Еще разок вздохнул, скинул кафтан. Постоял немного и стал разуваться.

Сапоги поставил рядышком, сложил аккуратно кафтан...

Опять стоит Макар у самой воды, а прыгнуть не решается: и жить неохота, и помирать страшно.

И тут из озера вылез Водяной. То есть он не совсем вылез, а только наполовину; такой лохматый, некрасивый, вся спина ракушками облеплена, в волосах водоросли и сам бледно-зеленый.

Макар перепугался насмерть.

— Ты кто? — говорит. — Утопленник?

— Я кто?.. Я Водяной, этого озера хозяин. А вот ты что здесь делаешь?! Апчихи!

— Пришел топиться, — вздохнул Макар. — От несчастной любви.

— А-а... Это дело серьезное. А зачем разулся-разделся?

— Так чего ж одежке пропадать! Кому-нибудь другому сгодится.

— Ну да, ну да... Но, может, зря торопишься? Может, не такая уж твоя любовь... апчихи!.. несчастная?

— Несчастней и быть не может. Я, по-

нимаешь ли, маляр, а влюбился в королеву. В незамужнюю... Пошел было свататься, да куда там! И разговаривать со мной не стали. Очень грубо обошлись.

— Ай-яй-яй...

— А я так влюбился, что жить без нее не могу.

— Ну, ежели жить не можешь, тогда топись, — согласился Водяной. — Апчхи!.. Извини, простыл я. В ужасной сырости живу.

— А ты бы горяченького выпил. Крепкого чаю с малиной, — посочувствовал Макар.

Водяной вздохнул:

— Где ж у нас возьмешь! Но все равно, за совет спасибо... Ты, я вижу, парень душевный, надо бы тебе помочь. А? Помочь?

— Век тебя не забуду!

— За маляра королева, ясное дело, не пойдет: королевы на принцах женятся. Значит, надо тебе заделаться принцем, сменить ремесло.

— Я бы рад, да как?

— Ты слушай, не перебивай... За горами, за долами, от нас не больно далеко, есть некоторое королевство. И правит в нем старая слепая королева. Она потому слепая, что глаза от горя выпалакала.

— Какое ж у нее горе? — Маляру не верится. — Ведь королева!

— Был у нее сын, наследный, стало быть, принц. А его еще мальчонкой царь Кошей украл. Кошей Бессмертный — слыхал про такого? Украл, и с тех пор о принце ни слуху ни духу.

— Да, это горе всамделишное, — кивнул Макар.

— Апчхи!.. А ты пойдй, утешь старуху. Так и так, скажи, я твой сын, меня, матушка, отпустил Кошей Бессмертный... Тебя в ихнем королевстве никто не знает, года твои как раз подходящие — поверят, как не поверить! Родная-то мать, может, и разглядела бы обман — так ведь старуха слепая, не видит! Признает тебя за сына, станешь принцем — а тогда иди сватайся к своей незамужней королеве! Маляр это одно, а наследный принц — совсем другая музыка.

Макар призадумался.

— А вдруг как не поверят?

— Это уж сам решай. Но только в таком деле, как любовь, без риска никак нельзя. Апчхи!.. Апчхи!.. Вот видишь — я правду говорю!.. Или ты не по-настоящему влюбленный? А?

— По-настоящему. Я ее, красавицу мою, больше жизни люблю.

— Тогда отправляйся. Прямо, прямо, потом налево.

И Водяной медленно погрузился в озеро. Уже из глубины донеслось еще одно гулкое «апчхи», и по воде разбежались круги.

Старая слепая королева — ей было, наверно, уже лет сорок — сидела на высоком троне и вязала детскую рубашонку. Глаза ее были закрыты, но спицы в привычных руках двигались быстро и ловко. Она вязала и напевала себе под нос колыбельную песенку:

Спи, сыночек, спи, малыш!

Надо спать, а ты шалишь!

Баю, баюшки, баю —

Слушай песенку мою...

У подножья трона расположились служанки с клубками пряжи; они ворчливо перешептывались:

— Опять рубашонку детскую... А их уже целая кладовка, вешать некуда!

За дверями тронного зала послышался топот, крики:

— Вернулся! Вернулся!.. Вот радость-то! Радость великая!.. Пропавший принц нашелся!

Спицы застыли в руках у королевы. Окруженный толпой придворных, в зал вошел Макар — волосы растрепаны, одежда в пыли, в руках дорожный посох. Вошел, улыбнулся смущенно, увидел слепую королеву, набрал полную грудь воздуха и, решившись, шагнул к ней.

— Здравствуй, родная матушка! Вот он я, твой пропавший сын... Вернулся... Отпустил меня царь Кошей: видно, сжалился над твоей старостью, над моей молодостью. — Говорит Макар все, как его Водяной научил, а сам с опаской поглядывает по сторонам: не раскроет ли кто обман этот бесовестный. — Шел я горами, шел я долами, шел дремучими лесами — насилу дошел!

— Подведите меня к нему, — приказала королева.

Служанки взяли ее под руки и подвели к маляру. Кончиками пальцев старуха ощупала его лицо и заплакала от радости.

— Он! Он!.. Сыночек мой родненький! — Она обняла Макара, прижала к груди. — Сердце всегда мне говорило: вернется, вернется! — Королева еще раз провела пальцами по его щекам, по одежде.

— Худенький-то какой! Повар! Накормить принца по-королевски!.. А тряпье это скинь, сыночек, тебе принесут королевский наряд.

Придворные смотрели на них и плакали от умиления. А одна служанка шепнула подруге:

— Рубашечка-то маловата будет. Вот ведь как вырос!

И вот уже Макар, одетый в королевский бархат с кружевами, сидит за королевским столом, и повара ставят перед ним всякие королевские разносолы. Он достал было из-за пазухи деревянную

ложку — с ней он никогда не расставался, но королевский повар выхватил ложку у него из рук, дал другую:

— Что вы, ваше высочество! Принцы деревянными не едят, только серебряными! А станете королем — золотую ложку дадут.

— Забыл... Отвык.— Макар посмотрел на стены, на потолок. Чувствует, что-то еще сказать надо, а о чем говорить, не знает. Наконец придумал: — Плохо побелено, плохо... И кто ж это у вас малярничал? Стены тоже вон какие: с потеками! Купоросу, что ли, пожалел?... Ну ничего, это мы перебелим.

Слуги с поварятами переглянулись: чудной какой-то разговор у принца. Говорят ему:

— Вы кушайте, кушайте. А то остынет. Макар стал есть. Под серебряную ложку кус хлеба подставляет, чтобы на скатерть не капало. А слепая королева сидит рядом и держит руку на его плече — отпустить боится.

— Всем ли ты доволен, сыночек, принц мой ненаглядный? Проси, что хочешь: чего у нас не найдется, из соседнего царства привезем.

— Ты, матушка, про соседнее царство просто так сказала или угадала? — Макар даже поперхнулся.

— Угадала, миленький, материнским сердцем угадала. А что же ты там такое увидел, чего у нас нету?

— В том царстве правит незамужняя королева Дризофила Вторая. Для кого вторая, а для меня самая первая! Я ее только миг один видел, а полюбил на всю жизнь! Желая к ней свататься.

Королева хлопнула в ладоши.

— Эй, придворные! Готовьте посольство с подарками! Завтра же пошлем сватов в Дризофилино царство!

В небе еще только разгоралась утренняя заря, а у крыльца уже стояла белая карета, запряженная шестеркой белых лошадей.

Слуги таскали из дворца подарки, с которыми сваты собирались ехать к Дризофиле Второй: шкатулки с драгоценностями, фарфоровые вазы, зеркало в золоченой раме, серебряные подносы с фруктами и тортиями, а также корзину, где лежала пушистая рыжая кошка и шестеро ее крохотных рыжих котят.

...А во дворце на широченной кровати под пуховым одеялом Макар досматривал в это время последний предутренний сон.

Он лежал — ночной колпак набекрень, под щекой ладошка — и блаженно улыбался тому, что видел в этом сне.

Снилось ему, будто он качается, как на качелях, в малярной люльке вместе со своей ненаглядной Дризофилой. На самом-то деле Макару снилась горничная Катюша — ведь настоящую Дризофилу он и в глаза не видел. На королевской голове корона, на плечах горностаевая мантия, да и Макар тоже неплох в своем новом бархатном камзоле и с маленькой (все-таки он принц, а не король) короной на макушке.

Взлетает люлька до самого неба, Дризофила то и дело ойкает и хватается за Макара, а он смеется, успокаивает ее:

— Не бойся ничего, Дризофилочка, моя ты милочка! Я тебя в обиду не дам!.. Мы теперь неразлучны будем по гроб жизни!

— Правда? — шепчет королева. — Не обманешь?

— Сроду никого не обманывал!

— Никого-никого?! — И смотрит на него такими ясными, такими доверчивыми синими глазами, что Макар смутился, опечалился.

— Вообще-то, по совести сказать, был грех, обманул одного человека. Тоже королеву — только старую... слепую. Сказался ее сыном. Но ведь для чего обманул? Чтобы принцем стать, чтоб тебя, ласточка моя, за меня замуж отдали.

Поглядел Макар на Дризофилу, а она уже не улыбается, куда там. Чуть не плачет! Отодвинулась от него подальше и говорит:

— Обманул... Старую, слепую!.. Это кем же надо быть — над материнским горем посмеяться!.. А я-то, дурочка, уши развесила... Уходи! Не нужен ты мне такой!

И сейчас же, непонятно откуда, появилась дюжина стражников.

— Жулик! — кричат. — Обманщик бесовестный! Ишь, чего захотел! Королеву ему подавай!.. Убирайся вон, чумазый!

Упершись алебардами, они выпихнули маляра из люльки. Он полетел вниз — мимо звезд, мимо полумесяца...

...И проснулся в холодном поту. Повертел ошалело головой, сел на роскошной королевской кровати и призадумался.

Старая слепая королева стояла возле кареты с подарками для невесты и со счастливой улыбкой выпрашивала у придворных:

— А ленточки в конских гривах голубые?

— Голубые, ваше величество.

— А пирог с соловьиными языками испекли?

— Вот он тут — на серебряном блюде!

— А кошку Муриэль с котятками не забыли?.. Кис-кис-кис...

И тут появился Макар. Был он не в королевском наряде, а как пришел во дворец — с дорожным посохом в руке, в старом, заляпанном краской рубахе. Придвор-

ные в недоумении стали перешептываться, а слепая королева повернулась лицом к Макару:

— Кто это пришел? Это ты, сыночек?

Макар повалился на колени, сказал:

— Прости меня, ваше величество, если, конечно, можешь. Никакой я не принц и не сын тебе, а простой маляр. И зовут меня по-простому: Макар я... Тебе горе глаза выело, а меня — вот ведь как бывает! — меня любовь слепым сделала: не стал белого от черного отличать. Из-за любви и решился на черное дело.

— Нет... Нет, не может такого быть, — говорит королева, а сама, бедняжка, вот-вот заплачет. — Нет, ты меня обманываешь.

— Тогда обманывал, сейчас правду говорю — совесть замучила! Хочешь, вели меня казнить, хочешь — помилуй... Но я, ежели жив останусь, даю тебе честное благородное слово: пойду искать по всему свету, найду твоего сына и приведу к тебе.

Придворные смотрят, чего королева делать будет, а она присела на ступеньку кареты, перевела дух и сказала ласково:

— Иди, Макар, ищи. Я тебе верю. Сердце у тебя доброе и смелое: вот ведь, не побоялся — сам признался в своем обмане. За это я тебя прощаю. — Она притянула к себе голову Макара, поцеловала его в лоб. — Найди мне сына и возвращайся. А я только одного хочу: чтоб он такой же смелый и честный был, как ты. Ступай, сынок!

Макар идет по лесу. Тишина. Даже птицы не поют. И вдруг какие-то непонятные звуки. Макар прислушался и быстро зашагал в ту сторону, откуда звуки. И видит: под высокой сосной спит старик. Прислонился спиной к стволу, а ноги протянул по земле. Так вот и спит угольником. Храпит очень громко и с присвистом. А на лысине у старика сидит белка и грызет шишку. Макар остановился перед спящим. Белка убежала.

— Дед... Де-ед!

Старик проснулся:

— А?... Что?... Ты кто такой?

— Прохожий человек, — отвечает Макар. — А проще сказать — путник. А ты что же это, глупый старик, придумал? В дремучем лесу спишь-похрапываешь. А вдруг тебя спящего голодный зверь сожрет. Вполне может произойти.

Старик говорит:

— Врешь, прохожий человек, меня жрать нельзя. Я, если хочешь знать, в этом лесу самый главный леший. Ко мне весь зверь лесной — с полным уважением. Передо мной даже сам Михаил Потапович шапку снимает.

Макар смеется.

— Какая у медведя может быть шапка?!

— Слушать надо не глупым ухом, а умным слухом. Тогда и у медведя шапка появится. Э-э!.. — старик схватился за голову. — А моя-то шапка где?

Леший вскочил, оглядывается. А сверху, с вершины сосны, ворона каркает: кар-кар. И не просто каркает, а с насмешкой.

— Вот ведь озорница какая отчаянная, — говорит Леший. — Она с меня сонного шапку стянула... Прохожий человек, выручи старика. Достань мне с дерева шапку. Шапочка эта для зимы и для лета. От дождя и от солнца, из дорогого суконца. И в жару и в холод потребная и маленечко даже волшебная.

— Придется помочь, — говорит Макар.

И полез по сосновому стволу. Вскарabajкался под самую верхушку. Но добраться до шапки не так-то просто. Ворона ее на тонкую ветку пристроила, на самый кончик. Макар выбрал ветку потолще, ухватился руками и повис — ничего, ветка прочная. И вот он руками перебирает и рывочками по ветке передвигается. Леший снизу кричит:

— Не надо! Господь с ней, с шапкой. Спускайся, сынок!

— Не могу с пустыми руками. Не такой я человек, дедушка.

Макар подтянулся, закинул ноги на ветку и повис вниз головой... Руки протянул, но схватить шапку не может. А высота ужасная! Леший даже лицо ладонями закрыл. Раз-три Макар промахнулся, но наконец схватил все-таки шапку. Ворона каркает — оглохнуть можно.

— Лови, дед, — кричит Макар.

Леший поймал свою шапку, держит в руках, смотрит и головой качает: в шапке и мох, и трава, и сухие листья, и пух — все, что требуется для птичьего обитания. А Макар уже спустился с дерева и стоит рядом. Леший порылся в шапке и вытаскивает яйцо.

— Скажи, пожалуйста, даже яичко успе-ла снести! — Спрятал яйцо в карман и вытряхнул из шапки все воронье имущество.

Макар говорит:

— Красивая шапочка. А волшебная почему?

— Как это почему?! Она, если хочешь знать, даже самой глупой голове прибавляет соображения... Вот спроси у меня чего-нибудь похитрее.

Макар почесал в затылке и говорит:

— Отгадай, дедушка, загадку: кого самый смелый боится, кому сразу готов покориться, а последний трус не дует в ус... Что это такое?

— Значит, самый смелый храбрец, самый храбрый смельчак боится, а трус не дует

в ус? Не боится, значит, нисколько. Так-так-так... Не знаю. Хотя кол на голове теши! Потому что голова голая. Но вот надеваю я свою мудрящую шапочку... Так... Одно слово? А сколько букв?

Макар сосчитал по пальцам и говорит:
— Семь букв. На «сэ» начинается.

— Знаю! Совесть! Настоящий храбрец против кого хочешь пойдет, а против совести не посмеет. А трус потому и трус, что совести не боится. А ну, еще чего-нибудь спроси.

— Ладно. Как меня зовут? Пять букв. Первая «мэ».

Леший подумал и говорит:

— Михай.

— Сам ты Михай. Надвинь шапку поглубже.

Леший надвинул шапку до самых бровей и уверенно сказал:

— Макар.

— Скажи пожалуйста!

— А куда ты идешь, Макарушка?

— В Кощеево царство иду. К самому Кошею! Со мной, дедушка, вот какое происшествие произошло...

И Макар рассказал Лешему про свою любовь и про то, как обманул слепую королеву. Ворона сверху слушает. А кончил Макар свой рассказ такими словами:

— Вот так оно и получилось, что должен я найти это самое Кощеево царство.

— Понятно,— говорит Леший,— не по своей, значит, воле идешь, а по приказу.

— Интересно, кто это может мне приказать?!

— Она самая,— отвечает Леший,— из семи букв. А известно тебе, сынок, что Кошей для людей — первый злодей? И ничем ты его не возьмешь: ни молением слезным, ни словом грозным. Ничего не боится, дьявол. Потому что бессмертный.

— Это как же так?

— А вот так! Смерть его далеко и добыть ее нелегко. Дело это очень опасное. И, вернее всего, напрасное: голову сложишь и никому не поможешь. Пропадешь ни за грош.

— Ничего не поделаешь, дедушка, идти равно надо.

— Идти надо. Но сначала я тебя к одной старушке сведу. К Бабе-Яге, к Ягишне, к моей подружке давнишней.

На лесной полянке стоит избушка на курьих ножках. Из лесу на поляну выходят Макар и Леший. Леший тяжело дышит, а Макар вытирает ладонью пот со лба.

— Вот здесь она и проживает,— говорит Леший.

— Баба-Яга? — спрашивает Макар.

— Она самая: Баба-Яга, костяная нога, старая карга, очень злющая, ведьма сушая.

Ха-ха! Ездит в ступе по лесной тропе, в руках помело и пест, детей убивает и ест. Семерых за один присест. А потом за живот хватается и на косточках детских кагаается. Не старуха, а лютый зверь... Только ты никому не верь. Все это, Макарушка, глупые сказки: дуракам на забаву, детям для острстки. А если подумать умно, золотая старушка Ягишна: сперва обругает шумно, а потом поможет неслышно.

— А почему изба у нее на куриных лапах стоит?

— Не на куриных лапах, а на курьих ножках. Избушка вроде невидная, а, между прочим, ехидная: подойти — подойдешь, а войти — не войдешь.

— Замок, что ли, особенный?

— Не особенный, а чудесный, и ключ от него словесный. Запомнить нужно секретную приговорочку: подошел к избушке, поклонился и говори громким голосом... Правильно сказал — и она сама к тебе повернется, и дверь сама распахнется. Вот, смотри, как это оно получается.

Леший шагнул вперед, снял шапку, низко поклонился избушке и говорит:

— Избушка, избушка... — и замолчал. В затылке чешет.

Макар спрашивает:

— Ты что, дедушка?

— Забыл... Чего там дальше, забыл,— говорит Леший. И вид у него до того растерянный, что смотреть жалко.

— Вот тебе и словесный ключик! — говорит Макар.— А что если я так, без приговорки попробую?

И обежал избушку кругом. Хочет ступить на крыльцо, да не тут-то было: избушка сама повернулась к нему глухой стеной. Макар снова обегает избушку, и снова перед ним стена. Макар рысью кружит, хочет опередить избушку. Да разве волшебную опередишь! Вертится как волчок.

А в избушке — Баба-Яга. И мотает старушку от стенки к стенке. От печки к скамье. От скамьи к столу. И ни за что она не успевает ухватиться. Пришлось на пол сесть. Сидит и за голову руками держится и моргает глазами.

А на поляне Макар устал кружить без толку и опустился рядом с Лешим на траву.

— Дедушка, а, дедушка, ты, это самое: попробуй шапку свою мудрящую надеть. Может, вспомнишь?

— Попробую.— Леший надел шапку, сразу вскочил и приговорку кричит: — Избушка, избушка, встань ко мне передом, к лесу задом.

Избушка на курьих ножках послушно поворачивается. К лесу задом, к Макару и к Лешему — передом. И на крыльцо выходит Баба-Яга. И сразу же набрасывается на Лешего:

— Ишь ты, старый хрыч! Шуточки вздумал шутить! Да ты меня, шут гороховый, чуть до смерти не закаруселил!

— Прости, Ягишна,— говорит Леший.— Тут вот ведь какое дело: приговорочку я за был...

Баба-Яга и слушать не хочет:

— А ну, гостечки незваные, встаньте к избушке задом, ко всем чертям передом!.. И чтоб духу вашего здесь не было!

— Погоди, Ягишна, ты гостей не кости, а сперва угости.

— Сейчас угощу! — И старуха хватает большой глиняный горшок и выплескивает Макару на голову не то сметану, не то блинное тесто. Все лицо залепила. Макар оберся и кричит:

— А, ты вот как! Ну, погоди!

Но Баба-Яга годить не стала, перегнулась через перильца и напялила Макару на голову пустой горшок. И так это ловко у нее получилось: Макарова голова ушла в горшок по самые плечи. И вместо шеи у Макара горшечная горловина, а вместо головы — глиняный шар. А на этом глиняном шаре — два темных пятна и пониже — черная полоска печной сажи, ну прямо-таки два глаза и рот.

Макар старается стянуть горшок с головы и не может. Леший пробует ему помочь, и тоже ничего не получается. А Баба-Яга смотрит на них сверху вниз со своего крылечка и хохочет.

— Буйственная ты старуха! — говорит ей Леший.

Взял Макара под локоть и повел в лес. Усадил на пенек и опять за горшок хватается. А тот как прирос. Леший говорит:

— Ты меня, Макарушка, здесь подожди. А я к Ягишне сбегая, урезоню старуху. Нельзя человеку всю жизнь в горшке проходить.

Леший пошел. Макар остался один. Сидит на пеньке и ждет с горшком на голове. Слепой, немой и полуглухой. Разные лесные звери выглядывают из-за кустов и деревьев. А один любопытный заяц уселся прямо перед Макаром...

В горнице у Бабы-Яги Леший говорит:

— Уж больно ты скороспешно сердчашь, Ягишна. Человек от счастья своего отрешился, на такое страшное дело решился. А ты ему горшок на голову. Совести у тебя нет.

— Ладно, не учи. Бабе-Яге совесть не полагается.— Помолчала и спрашивает: — Где ты его оставил?..

А Макар сидит на пне и не видит, как подходит к нему медведь. Подошел, остановился и смотрит на невиданное существо с глиняной головой. Макар пошевелился, и медведь зарычал. Очень громко.

Макар услышал, вскочил, схватился за горшок. И на этот раз стянул его с головы. Опасность силы придает.

Медведь встал на задние лапы и пошел на Макара. А Макар не растерялся и по примеру Бабы-Яги напялил ему на морду все тот же горшок. И спрятался за дерево. А медведь катается по земле, царапает горшок когтями, но стянуть с морды не может. И уже не рычит, а жалобно воет. И тут появляются Баба-Яга и Леший. Баба-Яга увидела медведя с горшком на морде, всплеснула руками:

— Господи!.. Смотри, старик, горшок мой, а вместо Макара — медведь. Как же это так получилось?

— А так вот и получилось по твоей милости: слопал злодей окаянный моего Макарушку — морду свою подлую сунул в горшок,— говорит Леший, и сам чуть не плачет.

Из-за дерева смеясь выходит Макар, кланяется низко:

— Спасибо тебе, бабуля.

— За что?

— За то, что пример показала.

Медведь подошел к Лешему, жалуется по-медвежьи, просит помочь. И в который раз пытается Леший, а за ним и Макар, стянуть упрямый горшок, но он и с медвежьей головы не стягивается. Баба-Яга оттолкнула мужчин, сама ухватила горшок, покрутила вправо-влево и сняла. И говорит победно:

— Эх вы, мужики, не умеете с горшками управляться.

Леший говорит медведю:

— Пошел вон, Михаил Потапович! — И обращается к Макару: — Ягишна помочь тебе хочет, о тебе, мой голубчик, хлопочет.

— Очень мне нужно о такой шабарше хлопотать! На вот, получай,— говорит Баба-Яга. И достает из-за пазухи змею.

— Что это? — спрашивает Макар, а сам пятится.

— Держи, не бойся. Это добрая змейка, вездеходная — не простая, а путеводная; не ужалит она, не отравит, а на правильный путь направит — туда, где во поле чистом под столетним дубом ветвистым Кощей хитроподлый, значит, до поры свою смертушку прячет... Понял?

— Понял,— говорит Макар и с опаской принимает от старушки извивающуюся змею.

— А вот это дудка-самогудка: сама играет, сама плясать заставляет. При случае она тебе очень пригодится.

— Великое тебе спасибо, бабушка.

Леший снимает шапку и надевает на голову Макара:

— Носи сынок. Полезная шапка.— И обнимает Макара.

А у Бабы-Яги ползут по щекам слезы.

— Ты что? Никак плачешь? — спрашивает Макара.

— Плачу! Ну и что! Может быть, я жадная такая — дудку отдавать жалко.— Она тоже обнимает Макара и целует в лоб.— Ты того... Поберегись все-таки... Шабарша...

— Ну, ладно,— говорит Макара.— Лихом не поминайте.

Макара отошел уже на порядочное расстояние, когда Леший вдруг сорвался с места. Бежит за ним и кричит:

— Стой! погоди!

Макара остановился. Леший к нему подбегает и достает из кармана то самое воронье яйцо.

— На, вот... Возьми яичко.

— Зачем?

— Не знаю зачем. Но чувствую, что обязательно понадобится.

Ползет путеводная змейка. А за ней следом идет Макара. Куда змейка, туда и он. Сквозь лесную чащу... Через речку вброд... В овраг...

И вот однажды выползла путеводная змейка на опушку леса. И увидел Макара зеленое поле. А посреди поля стоит ветвистый дуб.

— Пришли! Ей-богу, пришли! — говорит Макара.— Во поле чистом, под дубом ветвистым... Спасибо тебе, змейка!

Поднял змейку, погладил по головке и спрятал за пазуху. И пошел было прямо к дубу. И тут только заметил, что все поле окружает канавка, узенькая — в ладонь. И по ту сторону канавки — каменная глыба. Высокая, в два человеческих роста, и широкая, не обхватишь. И на этой глыбе написано:

Прохожий, если твоя нога
Шагнет вперед хоть на полшага
Через эту канаву на зелено поле,
Домой никогда не вернешься боле.

Макара постоял перед глыбой, прочел про себя надпись и подался вправо. И каменная глыба передвинулась вправо. Макара пошел влево. И глыба — влево. Макара руками развел:

— Скажи, пожалуйста, самоходный камень! Чудеса!

И тут из-за камня выходит сильномогучий богатырь. Приподнял глыбу, опустил, снова приподнял и говорит:

— Не чудеса, а самая обыкновенная богатырская сила. Вот так! А ты грамоте знаешь?.. Прочти вслух, чего здесь написано.

— Глупость написана: «Прохожий, если

твоя нога ступит вперед хоть на полшага через эту канаву на зелено поле, домой никогда не вернешься боле». Почему это не вернусь?

— Потому что имею приказание: каждого, кто нарушит, безжалостно убивать.

— И ты сможешь безжалостно убить ни в чем не повинного человека?

Богатырь подумал немножко и говорит:

— Нет, не смогу. То есть убить смогу...

А вот безжалостно не смогу. Обязательно покойника пожалею. Добрый я человек.

— Ну, что ж... Ты добрый, и я тоже не злодей — как-нибудь сладимся.— Макара снял шапку, ударил о колено, потом натянул ее по самые брови и спрашивает: — А могу я узнать, кто ты такой будешь?

— Сильномогучий Балдак-богатырь. А ты кто?

— Макара-прохожий человек. Так что давай, Балдак-богатырь, поспорим... Тут чего написано? «Чтоб ничья нога ни на полшага?..» А я вот берусь не на полшага, а хоть до самого дуба дойти, и написанного не нарушу. Спорим?

— Хы... А если проспоришь? Тогда чего?

— Твой меч, моя голова с плеч. А если ты проспоришь — исполнишь, чего я потребую. Спорим?

— Спорим!

— Так, значит, нога ни на полшага... А мы вот таким манером!..

Макара стал на руки и пошел прямо на богатыря. Тот даже попятился. Макара спрашивает:

— Дальше идти или хватит?

— Да уж куда дальше!.. Приказывай.

— Приказываю: тащи сюда лопату и не препятствуй.

— Хы-ы! Препятствовать я не могу — спор проспорил. А вот лопата тебе ни к чему. Пойдем, сам увидишь. Хы!

Балдак-богатырь подвел Макара к дубу. А под дубом — здоровенная чугунная плита с двумя кольцами.

— Вот плиточку подними, и всё,— говорит Балдак.

Макара схватился за кольца, хочет поднять чугунную плиту, тужится, пыхтит. А Балдак-богатырь усмеяется:

— Хы!.. Что ж это ты, Макара-прохожий человек! Неужели силенок не хватает! А в ней, в плите этой, всего-навсего пудов сто, не больше. Хы! Ступай отсюда! И спасибо скажи, что живой остался. Всего тебе хорошего.

Богатырь снял шлем и с ухмылкой кланяется Макару. Тот тоже снял шапку. Потом снова надел, подумал и говорит:

— Разреши, Балдак-богатырь, задать тебе прощальный вопрос: а что ж такое дорогое ты тут караулишь?

— Хы!.. Известно чего: Кошея Бессмертного смерть.

— Нехорошо, Балдак-богатырь, обманутого человека обманывать. Всем известно, что Кошеева смерть спрятана вовсе даже не здесь, а на дне океана возле острова Буяна.

— Хы!.. На дне океана! Не на дне океана, а вот именно здесь: под этим дубом.

— Врешь.

— Я вру?! Ладно! Стой тут и смотри.

Балдак-богатырь нагнулся и легко поднял тяжеленную плиту из литого чугуна. Стукнул носком сапога по плите и говорит:

— Вот она, стопудовая плитка. Не под силу тебе поди-тко! А чего под плитой? Тама глубокая вырыта яма. А в яме чего? Железный рундук. А чего в рундуке? В рундуке — сундук.— Балдак вытаскивает из ямы рундук, а из рундука — сундук.— А чего в сундуке? Кузовок. А чего в кузовке? Коробок. А чего в коробке? Кадочка. А в кадочке что? Укладочка.— Из укладки Балдак вынимает хрустальный ларчик.— И вот наконец — хрустальный ларец. А что в ларце? Золотое кольцо. А что в кольце? Вот это яйцо.

Балдак осторожно, двумя пальцами вынимает из золотого кольца самое обыкновенное с виду яйцо и крутит его под самым носом Макара.

— А в этом яйце чего? Кошеева смерть — вот чего!

Макар протянул было руку к заветному яйцу с Кошеевой смертью, но сильномогучий богатырь легонько ткнул его одним пальцем в грудь. Макар отлетел шагов на двадцать и упал навзничь. Лежит, крихтит, хочет встать, да сразу не получается. А Балдак укладывает все как было и опускает чугунную плиту.

Макар тем временем встал на ноги. Балдак говорит:

— Ну что, Макар, чья правда?

— Твоя правда, Балдак-богатырь. Теперь буду знать, где Кошеева смерть прячется.

Макар помахал Балдаку рукой и пошел дальше. Опять ползет перед ним путеводная змейка. Указывает путь.

И вот подходит Макар к воротам в Кошеево царство. Над воротами большими буквами написано: «Царство царя Кошея». А перед воротами стоят два стража. Макар направился прямо в ворота, но стражи скрестили перед ним свои секиры:

— Ты куда?

— К царю Кошеею по крайней необходимости,— говорит Макар и хочет опять мимо стражей в ворота пройти.

Да не тут-то было! Один страж преградил ему путь, а другой сзади за шиворот схватил:

— Стой, бродяга! Руки вверх!

Макар поднял руки, стражи обыскали его. Нашли дудку.

— Это что?

— Дудка. Нравится мне иногда подудеть... ради своего удовольствия.

— Бреешь небось.

— Никак нет, не брешу.

— Тогда дуди для проверки.

Макар растерялся, вертит дудку в руках. Приложил к губам, да не тем концом. Потом поправился и не успел надуть щеки, как дудка сама заиграла: дудка-то самогудка. Сама играет, сама плясать заставляет. Стражи побросали секиры и пустились в пляс. Один по-бабьи топчется, ладонью около уха вертит. А другой — за мужика: то подпрыгнет высоко-высоко, ноги в разные стороны, то рукой в землю упрется и кружит вокруг руки циркулем. А потом оба вприсядку пошли. Макар даже залюбовался на них и сам притопнул в лад. А потом помахал рукой и прошел в ворота.

А стражи-плясуны кончили плясать, подобрали свои секиры и смотрят друг на друга с удивлением. Один страж говорит:

— Скажи пожалуйста!

— Ну и ну,— говорит второй. И оба побежали к сигнальному колоколу, подвешенному к перекладине на двух столбах.

А Макар шагает уже по Кошееву царству. И навстречу ему выезжает отряд всадников с пиками наперевес, окружает Макара. А он — дудку к губам. Дудка играет, всадники побросали пики, выпустили поводья из рук, подбоченились и ногами дрыгают. И кони их пляшут. И на задних ногах — дыбком, и на всех четырех — мелким скоком. И даже на передние колени stanовятся.

Пришлось царю Кошеею Бессмертному призвать во дворец своих царских советников, государственных мудрецов.

Сидит Кошей на троне. На голове корона, в правой руке скипетр, в левой — держава. А государственные мудрецы-советники на простых скамьях сидят перед тронном. Смотрят на него и молчат. Кошей встал, стукнул скипетром по державе и говорит злым голосом:

— Господа царские советники, государственные мудрецы, разве я вас затем призвал, чтобы вы молчали?!

Самый главный и самый длиннобородый мудрец вскакивает:

— Мы, ваше бессмертие, не молчали. Это вы, ваше бессмертие, молчать изволили.

— А вы что делали?

— Мы, ваше бессмертие, слушали.

— Чего вы слушали?

— Мы, ваше бессмертие, это самое...
ме-е... слушали, как вы молчали.

— Так... А можешь ты мне, господин
главный советник, посоветовать, как нам по-
бедить этого проклятого иноземца с его
непобедимой дудкой?

— Посоветовать, ваше бессмертие, могу...
Ме-е-е... Только не знаю... ме-е-е... чего
именно... посоветовать...

Кошей ужасно рассердился, сбежал по
ступенькам с трона и тычет бородатого ски-
петром в грудь. Тычет и кричит:

— Советник ты или не советник?!

— Я, ваше бессмертие... ме-е-е...

— Вот это правильно! Не советник, а —
ме-е-е! А ну, становись как положено!

Мудрец выпрямился, выпятил грудь и вы-
тянул руки по швам.

— Не так, — говорит Кошей. — Становись
как четвереньки.

Ничего не поделаешь — пришлось го-
сударственному мудрецу стать на четве-
реньки. А Кошей громким голосом говорит:
— Бе-ли-бер-да! — И топает ногой три
раза.

И столб зеленоватого дыма окутывает
несчастливого мудреца. Потом дым рассеива-
ется, и перед Кошеем оказывается пле-
шивый серый баран. Кошей хлопает в ла-
доши, и сразу появляются двое слуг.

— Уведите. И подметите за господином
советником.

Слуги уводят жалобно блеющего барана
и венником подметают пол. А Кошей сел
на трон и говорит:

— Вот — ему наказание, а вам нази-
дание. Что скажете, господа советники?

Вскакивает мудрец помоложе. И борода
покороче.

— Вы, — говорит, — ваше бессмертие, са-
мый справедливый, самый добрый, самый
милосердный государь на свете. Осудили,
наказали, а жизнь сохранили.

— Ладно тебе, подхалюзя, — благосклон-
но говорит Кошей. — Ты не ублажай, а сове-
туй. А то я тебе тоже жизнь сохраню.
Понял? Тогда советуй.

— Советую, ваше бессмертие. Силу по-
беждают чем? Силой. Хитрость побеждают
хитростью. А чем можно победить звуки?

— Какие звуки?

— Звуки дудки, ваше бессмертие. Их тоже
можно победить только звуками.

Кошей послушался своего советника и
послал против Макара отряд воинов с му-
зыкантами впереди. Двадцать барабанщи-
ков, двадцать трубачей и двадцать тарел-
очников. А впереди всего отряда задом
наперед идет усач в красном кафтане и
машет красивой палкой с пестрыми лен-

тами, вверх-вниз, вправо-влево, — коман-
дует, значит, музыкой.

Барабанщики барабанят, трубачи трубят,
тарелочники ударяют тарелкой в тарелку.
И такая грозная музыка получается — слу-
шать страшно. Грозная и оглушительная:
грома небесного не услышишь, а не то что
какую-то дудку-самогудку.

Макар шел по дороге навстречу Кошееву
отряду. Шел, шел, услышал музыку, увидел
музыкантов и воинов и остановился. Му-
зыканты играют громче прежнего, воины
мечи обнажили. Макар достал из-за пазухи
дудку. Музыканты играют. Макар дудит.
Музыканты — грозную боевую. Макар —
веселую плясовую.

И удивительное дело: дудочка начинает
одолевать барабаны, трубы и тарелки.
И усач в красном кафтане машет уже под
Макарову дудку. И сам начинает припля-
сывать. И музыканты играют уже не зло-
вещую боевую, а веселую, добрую плясо-
вую. И тоже приплясывают. Пляшет усач,
подбрасывая и лоя свяую нарядную палку.
И воины побросали мечи и ведут хороводы.

А Макар незаметно ушел и шагает по
дороге. И до него издали доносится весе-
лая музыка.

У дворцового крыльца стоят два воина в
латах. Крыльцо богатое — мраморные сту-
пени, навес на резных столбах. Над крыль-
цом треугольная стенка с узором и над-
пись: «Дворец царя Кошея».

А перед крыльцом кипит работа. Рабо-
тники роют оборонительный ров и уклады-
вают мешки с песком.

Один страж говорит другому:

— Напрасный труд. Разве этого дудоч-
ника так остановишь? Не-е... Дудка-то у него
волшебная. Он и сюда придет и нас с тобой
заставит плясать.

— Ты что?! Его бессмертие до этого не
допустит. Опять вот советников вызвал. Че-
го-нибудь сообразят. Столько голов!

И как раз при этих словах распахну-
лись настежь дворцовые двери и на крыльцо
выбежал целый гурт — голов сорок —
перепуганных баранов.

— Н-но-о! — кричат дворцовые служите-
ли и гонят баранов вниз по лестнице. — А ну,
пошли, господа советники!

И тут откуда ни возьмись Макар. Кричит:
— Эй, стражи! Ведите меня к своему
царю Кошее! Не то я — знаете что? — И по-
грозил дудкой.

— Знаем, знаем, знаем! — замахали ру-
ками стражи. — Проходи, добрый человек!

Кошей на троне ерзает, смотрит с опаской
на Макара и на дудку его. Бойтся — а вида

показать не хочет. Говорит грозным голосом:

— Ты чего, душа злодейская, умышляешь? Чтобы все мое царство-государство под твою дудку плясало? Люди, лошади и лично я?

— Пляска твоя мне ни к чему. А чего мне от тебя требуется, я и так возьму, без дудки. Если желаешь, я дудочку даже выкинуть могу.

— Желаю! — говорит Кошей. И вдруг засомневался: — А не обманешь? Может, не та это дудка?

Макар поднес дудку к губам, заиграл, и царя словно сдуло с трона. Неохота плясать, а ноги сами кренделя выписывают.

— Верю! — кричит. — Верю! Кидай дудку!

Макар переломил дудку о колено и бросил обломки в сторону.

Кошей, крахтя, влез обратно на трон. Нахмурил брови.

— Теперь докладывай свою надобность... Да шапку скинь: не с кем-нибудь — с царем разговариваешь! Снимай живо!

— Вот это нет. Без шапки мне никак нельзя.

— Как знаешь, — Кошей ухмыльнулся. — Только ее с тебя все равно снимут — вместе с головой. Понял?

— Понял, ваше бессмертие: казнить меня хочешь. Но с этим придется нам погодить.

— Это почему такое?

— Сейчас увидишь. Велика принести сюда краски разных цветов и малярные кисти. Да поживее!

С Кошеем отродясь так вольно никто не разговаривал. Его и царская гордость мучает и лютое любопытство одолевает. И любопытство все-таки одолело. Кошей хлопает в ладоши, и тут же появляются царские слуги.

— Принесите ему краски разных цветов и кисти малярные.

Слуги низко поклонились и бросились выполнять приказ.

— А ты кто? Маляр? — спрашивает Кошей.

— Так точно — маляр. А зовусь — Макар. И хочу я тебе, ваше бессмертие, вот на этой стенке красивую картину изобразить.

Кошей смотрит на Макара, как на невиданную диковинку. Долго смотрит, а потом говорит:

— Что же это происходит, а?! Я есть кто? Царь Кошей! Бессмертный владыка! А ты кто? Бродячий маляр. Несуществующее существо... Пузырь болотный!.. Так почему же я тебя сразу не казню? Потому что должен узнать, пока ты живой, откуда в тебе, в болотном пузыре, в существе несуществующем, такое храброе нахальство!

Сказал и смотрит на Макара. И ждет, что ему Макар ответит. А Макар смотрит на Кошея и ничего не отвечает. Тут входят царские слуги: принесли горшки с красками и кисти.

...И вот уже Макар стоит на скамейке и малюет на голой стенке широкой кистью прекрасное голубое небо с белыми облачками. А Кошей привстал со своего трона и смотрит, как это у Макара все так быстро и так красиво получается.

— Птичек прикажешь изобразить? — спрашивает Макар.

— Не надо птичек.

Макар обмакнул кисть в другой горшок и так же быстро изобразил чистое зеленое поле.

— Цветочки прикажешь изобразить? — спрашивает Макар.

— Не надо цветочков, — отвечает Кошей.

А у Макара на зеленом чистом поле вырос ветвистый дуб. Тот самый. Веточка в веточку, листочек в листочек.

Кошей не может глаз оторвать от Макарова художества. Даже с трона сошел и стоит неподвижно с полуоткрытым ртом.

Макар сменил широкую кисть на тонкую и рисует под дубом рундук, точно такой, какой ему Балдак-богатырь показывал. Кошей с ужасом видит, как рядом с рундуком появляется сундук, потом кузовок, потом коробок, потом кадочка и укладочка. Макар спрашивает:

— Ларчик хрустальный прикажешь изобразить?

— Не надо ларчика! — кричит Кошей и даже руками отмахивается. А потом хрипло, с трудом выговаривая слова, спрашивает: — А она... значит... при те-бе... Ма-карушка-а?

— Это ты про что? Про яичко? Яичко вот оно.

Макар достает из кармана аккуратно обмотанное тряпками то самое воронье яйцо. Распеленал и показывает Кошею.

— Вот оно. В целости и сохранности. И Макар несколько раз подбрасывает и ловит воронье яйцо.

А у Кошея ноги подкашиваются от страха. Руки дрожат.

— Л-л-легче, Ма-а-ка-а-ру-ушка... Осторож-ж-ж-ней! А я ничего... Я согла-асен. Я, Макарушка, все, что прикажешь, сделаю. Ты только... это самое... поаккуратней... Ты ее... Смерть мою обратно в тряпочку заверни...

— Не изволь беспокоиться, ваше бессмертие. И что же это с тобой делается: дрожь весь, еле на ногах стоишь, побелел, как яичная скорлупа. В гроб краше кладут. Удивительное дело: до чего же вы, бессмертные, смерти боитесь.

Макар усадил Кошея на трон, обождal немножко и спрашивает:

— Отошел маленечко?

— Маленечко отошел. Осторожней, Макарушка, не жми...

— Да я не жму. Слушай, ваше бессмертие: пятнадцать лет тому назад украл ты у известной тебе королевы мальчика...

— Не украл, а похитил. Женат я был тогда на бездетной русалочке. И она мне жить не давала: хочу ребеночка. Хочу, и все тут... Вот я и похитил.

— А дальше чего?!

— Не понравился ей мальчик. Ну, я и обернул его.

— Как это понять: обернул?

— Оборотил. Превратил, значит, мальчика в черепаху.

— А может, ты, ваше бессмертие, злодей бессовестный, черепаху обратно в мальчика превратишь?

— Могу. Я, Макарушка, для тебя... Черепаху в мальчика? Это я сейчас!..

Привел Кошей Макара в свой царский зверинец. В клетках разные звери маются: львы, тигры и даже обезьяны. Кошей и Макар идут рядом, молчат. Только Кошей все время с опаской поглядывает на воронье яйцо в Макаровой ладони. Ему и страшно, и очень удивительно. И вот спрашивает он у Макара:

— Объясни ты мне, непонятный человек, как это так получается: смерть моя у тебя в ладошке лежит... чуть поднажмешь и раздавишь. И выходит, что вся моя бессмертная жизнь у тебя в руках. И ты можешь все что захочешь от меня потребовать... Безотказно. Прикажи золота отвалить сто мешков — отвалю! Скажешь: полцарства отдай — отдам! А ты чего просишь? Черепаху обратно в принца обернуть. И отдашь ты его королеве, и сам ни с чем останешься. Так что же это у тебя за расчет? В чем умысел? Можешь ты мне это объяснить?

— А зачем объяснять, ваше бессмертие? Ты этого все равно не поймешь. А мне никак нельзя по-другому. Иначе маляр Макар с Макаром маляром всю жизнь будут сориться.

— Ага... Ну да, понятно, — сказал Кошей. Но сам ровно ничего не понял.

Они подошли к большому стеклянному ящику для всякой водно-земной твари. На дне ящика вода в корытце. И живут здесь лягушки, ящерицы и черепахи.

— Вот он, — говорит Кошей.

Открыл дверцу в стеклянной стенке и вытащил из ящика черепаху. Положил ее на землю панцирем вниз, чтоб не уползла, сказал обратное заклинание: «Бер-да-бели!», топнул ногой, и столб красного дыма вырос из-под земли и скрыл черепаху. А

когда дым рассеялся, на земле по-прежнему вверх животом лежала черепаха.

— Ты что? Шутить со мной вздумал?! — рассердился Макар.

— Что ты, Макарушка?! Нельзя мне с тобой шутить. Сам понимаешь. Ошибочка тут произошла. Это вовсе не он... не королев сын. Это настоящая, натуральная черепаха. А вторая там осталась... Так вот, она и есть он... Сейчас я ее достану, сейчас...

Кошей сунул в стеклянный ящик натуральную черепаху и вытащил другую. И положил ее так же панцирем вниз. Повторил заклинание и топнул ногой. И снова поднялся розовый столб дыма. И дым начал постепенно гаять. Когда растаял, Макар и Кошей увидели перед собой красивого юношу в нарядной одежде. И удивительное дело: юноша, почти мальчик, а кудри белые. Седые кудри у юноши. И он стоит неподвижно с широко раскрытыми глазами.

Макар шагнул к юноше и хотел положить ему руку на плечо. Но юноша отступил немножко и говорит:

— Что это?.. Ты кто?.. И я... кто?

Макар рассмеялся и говорит:

— Все, что ли, позабыл? Ничего не помнишь?

Красивый юноша посмотрел направо-налево. Потом крепко зажмурился и говорит:

— Глазами... не помню... А вот ушами, кажется, помню... песенку слышу...

— А ну, спой.

— Сейчас попробую. — Юноша прикрыл глаза ладонями и запел негромко, робким голосом:

Спи, мой мальчик, спи, малыш...

Надо спать, а ты шалишь...

Баю-баюшки-баю,

Слушай песенку мою.

Есть на свете червячок

Под названием светлячок.

Темной ночью, в поздний час

Он старается для нас:

Зажигает светлячок

Свой зеленый ночничок.

Чтобы все, и я, и ты,

Не боялись темноты.

Макар обнял Седого Принца и говорит:

— Эх ты, ваше высочество, голубчик ты мой расколдованный!.. Да ведь это же матушки твоей песенка!

Старая слепая королева, как всегда, вязала, сидя на троне. И, как всегда, мурлыкала колыбельную:

Спи, сыночек, спи, малыш...

Надо спать, а ты шалишь...

За дверями тронного зала раздались крики:

— Вернулись!.. Оба вернулись! Привел! Привел!..

В волнении королева встала. А в зал бежал Седой Принц и, взлетев по ступенькам трона, обнял старуху:

— Матушка! Матушка!.. Не плачь, я с тобой, я никуда больше не уйду!

Заливаясь счастливыми слезами, королева водила руками по лицу сына, прижимала к груди его голову.

Макар — на него теперь никто не обращал внимания — вошел и остановился на пороге. Было ему и радостно, и грустно.

Вдруг королева сказала:

— Сыночек мой, у тебя были такие черные волосы — а теперь совсем белые. Ты поседел от горя?

— Наука это допускает,— сказал придворный врач, он же астролог, в высоком колпаке, с длинной белой бородой.

А молоденькая служанка удивленно уставилась на королеву:

— Принц и правда седой. Но вы-то как узнали, ваше величество?

— Как узнала? Вижу своими глазами,— ответила королева. И только тогда поняла, что произошло.— Вижу! Я вижу!.. Чудо из чудес! Я снова вижу!

— Это не чудо, ваше величество,— качнул своим усыпанным звездами колпаком придворный врач, он же астролог.— Это натуральный, научно объяснимый феномен: реинвалесценция.

— Ты так мудро выражаешься,— вздохнула королева.— Скажи попроще.

— Пожалуйста. Вы, ваше величество, выплакали глаза, горюя о пропавшем сыне. А сегодня слезы радости — выражаясь научно, счастливые слезы — промыли вам глаза и вернули зрение.

— Как хорошо!.. Радость-то какая! Королева снова видит! — загалдели придворные.

Королева приказала:

— Оденьте моего сына в королевские одежды!

— Погодите, погодите! — раздался голос хриплый, как воронье карканье.— Погодите, в таком деле не следует торопиться.

К трону протолкался злой носатый старик.

— Сперва надо убедиться, действительно ли этот молодой человек ваш сын. Проверить надо. А то ведь всякое бывает...

— Не надо ничего проверять! — королева рассердилась.— Я и без проверки знаю, что это он. Материнское сердце...

Носатый не дал ей договорить:

— Материнское сердце доверчиво, оно может и обмануться. Еще раз говорю: вспомните, ваше величество, обманщика маляра.

В разговор вмешался врач, он же астролог.

— Раз главный казначей настаивает, сделаем проверку по правилам науки.— Он повернулся к принцу.— Молодой человек! Как звали вашего дедушку по материнской линии?

— Пантофлий Двенадцатый «А», — не задумываясь, ответил принц.— Помню! Память ко мне вернулась!

— Правильно! А почему «А», почему не просто Двенадцатый?

— Потому что двенадцатым был мой прадедушка, а дед не захотел называться Тринадцатым. Такой был суеверный.

— Все знает! Не собьешь,— зашептались в толпе.

Но врач, он же астролог, поднял руку, призывая к тишине.

— Второй вопрос: на каком боку должен спать настоящий принц?

— На левом. Чтобы отличаться от обычных детей, которым полагается спать на правом.

— Именно так... Теперь, ваше высочество, последнее, самое трудное испытание. Правой рукой попробуйте вертеть в эту сторону, а правой ногой в ту.

Принц без труда выполнил это упражнение, и толпа закричала:

— Это он!.. Он!.. Да здравствует принц!

Врач, он же астролог, удовлетворенно кивнул. Даже главный казначей остался доволен:

— Да, это принц. Простому смертному такого не сделать.

— Конечно, принц. А что я вам говорила? — Королева снова обняла сына и вдруг встревожилась.— А где же Макар?!

— А правда, где Макар? Куда он делся?.. Найти! Найти немедленно! — забеспокоился и Принц.

— Макар! Макар!.. Где ты? — загалдели придворные.

А Макар печально брел по дороге, уходя все дальше от королевского дворца, от чужого счастья.

И вдруг послышался конский топот. Седой Принц, а с ним еще человек десять конных догнали маляра и окружили кольцом.

Один из коней, белый, был оседлан, но без всадника. Поводья этого коня принц сунул в руку Макару.

— Чего придумал! — сказал принц обиженно.— Никуда я тебя не отпущу, слышишь? Был со мной в беде, будешь со мной и в радости. Ведь ты не кто-нибудь, а мой названный брат.

И он помог Макару взобраться в седло.

— Чем тебе у нас плохо? — удивлялась королева, обнимая одной рукой Макара, другой — принца. — Будем есть всякие вкусные вещи, гулять в королевском саду... Ты бы рассказывал про свои приключения, а мы бы слушали. Так счастливо бы зажили втроем!

Макар вздохнул.

— Счастливо жить я теперь не смогу.

— Почему?! — Это королева с принцем в один голос спросили.

— Потому что я люблю незамужнюю королеву Дризофилу Вторую. Люблю по гроб жизни — а за меня ее не отдадут.

— Как это не отдадут! — принц вскочил на ноги. — Пускай только попробуют не отдать!

— Вот ты принц, а простых вещей не знаешь!.. Мне даже удивительно. Королевы только на принцах женятся, а я маляр.

— Был маляр, а стал принц! — сказала королева. — Моему сыну ты названный брат, так? Значит, мне ты названный сын. А королевский сын это и есть принц. Спроси кого хочешь.

Придворный врач, он же астролог, подтвердил:

— Так написано во всех ученых книгах.

— Значит, можно свататься? — Макар не верил своему счастью. — За королеву?.. Неужели можно?

По лесной дороге двигалось посольство: карета с короной на дверце, в ней ехали Макар с Принцем, и другая карета, попроще — в ней были сваты с подарками. А впереди скакал глашатай, трубил в трубу и выкликал:

— Едут принцы, везут гостинцы!..

...В карете с гербом Седой Принц попытывался у Макара:

— А кисть-то зачем? И еще ведерки!.. Только тяжесть лишняя.

Зажав малярную кисть между коленками, будто пику, Макар упрямо мотал головой:

— Пригодится. На простого принца Дризофилушка, может, и глядеть не захочет. Принцев в здешних краях как собак нерезанных, а хорошего маляра — поди поищи! А я вот и принц, и маляр. Хочешь — принц, хочешь — маляр!.. Понял?

...Во второй карете шел другой разговор. Главный сват — это был придворный врач, он же астролог — пересчитывал подарки.

— Драгоценности здесь... Так. Пирог с соловьиными языками здесь? Здесь. Дальнозорная труба для смотрения на звезды здесь... А кошка? Где кошка Муриэль с котятками?

— Тут они, тут, — неглавная сваха вытянула из-под сиденья корзину. На сватов уставились зелеными глазами шесть здо-

ровенных рыжих котов и их мать, маленькая рыженькая Муриэль.

— Это кто же такие? — оторопел главный сват.

— Котятки. Подросли малость, пока Макар нашего принца искал.

...Глашатай уже охрип, выкрикивая:

— Едут принцы, везут... кха-кха-кхэ... везут гостинцы!

Впереди оказался летний дворец Дризофилы Второй.

В королевских покоях незамужнюю королеву причесывали сразу две придворные девушки. Дризофила дергала головой, вертелась, делая себе больно, и от этого очень злилась. Лицо ее, и так-то не больно красивое, от злости стало совсем уродливым.

— Не дергай!.. Не тяни! — визжала она и била то одну девушку, то другую скипетром. — Больно же! Больно! Ай!

Вбежал запыхавшийся начальник стражи и доложил:

— Ваше незамужнее величество, там свататься приехали...

— Чего-чего? — не поверила ушам своим королева.

— Свататься приехали... К вам.

— Ко мне? Неужели ко мне?.. А кто?

— Принцы. Целых двое.

— Что-то я не пойму, — Дризофила нахмурилась, наморщила лоб. — То сто лет никто не сватался, а тут вдруг двое.

— Сто не сто, а лет двадцать, правда, не сватались, — сказала старая-престарая придворная старуха, королевская нянька.

— Тебя не спрашивают! — крикнула Дризофила и запустила в няньку державой. — Несите мне подвенечное платье! Живо!

В тронном зале, на длинной скамейке, сидело все посольство: оба принца, главный сват, неглавная сваха, глашатай, кучера и лакеи. От нетерпения они хлопали в ладоши — не каждый по-своему, а все вместе, в такт — и выкрикивали:

— Ко-ро-ле-ву!.. Дри-зо-фи-лу!.. Ко-ро-ле-ву! Дри-зо-фи-лу!

Наконец появилась Дризофила в белом платье и под фатой, как полагается невесте. Она улыбалась во весь рот. Но странное дело! Давно замечено: когда улыбается хороший, добрый человек, улыбка его красит, а злого, нехорошего улыбка делает еще гаже. Вот так получилось и с Дризофилей.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, дорогой жених! — сладким голосом пропела незамужняя королева и протянула руки навстречу Седому Принцу — он сидел ближе.

— Это не я... Честное слово! — Принц отшатнулся в испуге и показал на Макара. — Вот жених!

Макару Дризофила улыбнулась еще слаще:

— Милости просим, милости просим!

— Какой еще милости!.. Даже и не проси! — замахал руками принц-маляр. — Я тебя не знаю. Мне Дризофилу надо!

— Так это я и есть.

— Она! Она самая! — хором подтвердили придворные. — Наша незамужняя королева Дризофила Вторая!

— Да не врите вы! — чуть не заплакал Макар. — Я вашу королеву видел. Она не такая совсем!

— А какая? — Дризофила перестала улыбаться. — Какая она?

— Красивая! Милая! Добрая! — Макар схватил кисть и обмакнул в ведро с белой краской. Он нарисовал — прямо на паркете — улыбающееся Катюшино личико. — Вот какая!.. Даже ни капельки на тебя не похожа!

В толпе придворных слуг и служанок стояла настоящая, живая Катюша. Увидев свой портрет, она так и ахнула:

— Маляр! Он!.. А я и не признала сразу.

Все, кто был в зале, повернулись к ней. Узнал ее по портрету и Седой Принц, крикнул:

— Да вон же она! Вон стоит!

Макар поглядел, тоже ахнул и бросился к Катюше в ноги:

— Ваше величество, зачем же вы прячетесь?.. Зачем такое безобразие позволили?! — Он показал на Дризофилу. — Зачем?.. Я ведь не шутки шутить, а свататься приехал. Увидел, как вы корону примеряете, — и с того дня только об вас мысли. И чувства.

— Вон! Пошли все вон! — завопила королева. — Стража! Гнать этих всех из моего дворца!

— Ваше величество, одумайтесь! — кинулся к ней главный сват. — Такие действия ваши могут повлечь...

Но Дризофила не желала даже слушать.

— Гнать! Гнать немедленно!.. А эту самозванку — в тюрьму! Казнить ее самой ужасной казнью!

— За что?.. Я ведь не нарочно... Смилюйтесь, ваше величество! Я больше не буду. — Катюша заплакала, упала на колени.

— Не прощу! Никогда и ни за что!

Начальник стражи схватил Катюшу за косу и рывком поднял с колен. Макар с принцем кинулись было на выручку, но стражники — их было много — преградили им путь. Острия алебард и пик выстроились колючим частоколом — попробуй сунься!

И тогда Макар схватил свою длинную малярную кисть, разбежался, уперся концом кисти в пол, оттолкнулся и взлетел в воздух. Он перемахнул — еще и с запасом! — через острия, очень чисто приземлился и схватил за руку растерявшуюся Дризофилу:

— Отпусти девушку! А то как мазну — век не отмоешься! У меня краска, знаешь, какая! — Макар поднес кисть к самому носу королевы. — Ну? Мазнуть?

— Не надо! — взмолилась Дризофила. И велела начальнику стражи. — Так и быть, отпусти ее.

— То-то! — Макар повернулся к Катюше. — Как тебя звать, ненаглядная моя?

— Катюша.

— Пойдешь за меня замуж?

Девушка застеснялась, но кивнула.

Макар так и подпрыгнул от радости.

— Все гостинцы оставь себе, раз уж так получилось, — сказал он Дризофиле. — А Катюшу, красавицу мою, я увезу с собой. Не то еще передумаешь — знаю я таких!

Королева задумалась.

— А гостинцы хорошие?

— Хорошие! Очень хорошие! — закричали сват и сваха.

— Тогда я согласна.

Взяв Катюшу за руки, с кистью наперевес, Макар пошел к выходу. Стражники и придворные расступились, давая им дорогу. И такие у Макара с Катюшей были счастливые лица, что Дризофиле сделалось до смерти обидно.

— Я передумала! Не желаю! — завизжала она. — В тюрьму её! Казнить!.. А этого не подпускайте ко мне! Не пускайте!

И не успел Макар опомниться, как начальник стражи поймал Катюшу за талию, вскинул себе на плечо и потащил куда-то — наверное, в тюрьму. А двое здоровенных стражников схватили Макара за руки, отняли длинную кисть и вышвырнули маляра за порог...

Катюша томилась в темнице. За крохотным окошком была ночь, светил только огонек свечи.

На каменном полу стояла кружка с водой и лежала горбушка хлеба. Но Катюше было не до еды: она горько плакала, вытирая слезы платочком. Когда платочек весь намок от слез, девушка выжала его — на зеленый росточек, который лез из щели между плитами пола. И представьте себе, он расцвел прямо на глазах!

Из норки в углу вылезла мышка с двумя мышатами. Они совсем не боялись Катюшу, сидели смиренно и ждали, не даст ли она им поесть. Девушка отломала кусочек хлеба и накрошила мышам. А другой кусо-

чек, вздохнув, положила в рот и запила водой. Потом задула свечку и, свернувшись клубком на холодном полу, заснула.

...А когда она проснулась, солнце светило вовсю. Катюша подошла к окошку, поглядела вниз (тюрьма помещалась под самой крышей высокой башни) и увидела, что на кирпичях, которыми вымощен двор, белеет надпись: Катюша + Макар = любовь. Стражники и дворцовые лакеи ползали на карачках, стараясь соскести и смыть эту неприятную для королевы надпись. Но краска у маляра и правда была надежная — не отмоешь!.. Дризофила прыгала вокруг, топала ногами, шипала лакеев, чтоб шевелились.

Как ни грустно было Катюше, она улыбнулась.

— И когда только успел? — сокрушался внизу начальник стражи. — Извините, ваше незаможнее величество, — не доглядели!

Макар и Седой Принц, а с ними кучера и верные слуги залегли в засаде возле дороги.

— Скоро Катюшу повезут на казнь, — объяснял своему отряду Принц. — Но мы ее отобьем — а тогда ищи ветра в поле!

— Не догонят! Куда им! — радостно согласились кучера.

Тем временем на дороге показалась карета — черная, как ночь. И пононы на паре вороных лошадей были зловеще красные, а на дверце кареты вместо герба — два перекрещенных топора.

— Везут! Везут! — заволновался Макар. Он первый увидел тюремную карету, потому что смотрел через дальнюю зорную трубу.

Как только карета поровнялась с засадой, Седой Принц бросился наперерез и схватил коней под уздцы. Кучер без разговоров поднял руки вверх. А остальные спасители окружили карету, распахнули дверцу.

— Выходи, звездочка моя! Выходи, Катюша! — крикнул маляр.

Но вместо Катюши из кареты вылез сгорбленный человечек в красной рубахе до колен, красном колпаке и красной бархатной маске. Вылез и сразу бухнулся перед Макаром на колени:

— Не погуби!..

— Губить тебя нету мне никакого интереса, — растерянно сказал маляр. — Я даже не знаю, кто ты есть.

— Я есть палач и должен, стало быть, того... отрубить Катюше голову. — Человечек снял маску и заплакал. — Я-то сам против нее ничего не имею... Мне ее, бедняжку, даже очень жалко. Но должность, должность такая!

— Мы твоим слезам не верим, старый крокодил! — крикнул Седой Принц. — Говори, где Катюша?

— Скажу, все скажу. — Палач вытер слезы бархатной маской. — Но только, ежели это ее вы ждете, то не дождетесь. Вы люди нездешние и нашего тюремного обычая не знаете.

Принц нетерпеливо топнул сапогом.

— А какой у вас тюремный обычай? Нетяни, некогда нам!

— Сейчас, сейчас!.. У нас на казнь в карете не возят, а доставляют тайным подземным ходом — для надежности. Ход этот открыт от тюремной башни до самого, значит, моего рабочего места...

На месте казни вокруг эшафота собралось почти все население королевства. Не сказать, что всем хотелось поглядеть на казнь: по лицам видно было, что Дризофилины подданные жалеют Катюшу. Но и не пойти мало кто осмелился.

Стояли в сторонке и две кареты, в которых прибыло посольство. Из окошка одной выглядывало встревоженное лицо свахи, возле другой беспокойно прохаживался сват, он же врач, он же астролог.

Вдруг толпа заволновалась: из-за поворота выехала черная тюремная карета. Она подкатила к эшафоту: вылез палач — сгорбленный, в красной рубахе, с красной маской на лице. В руках у него был широкий топор. Кряхтя, палач поднялся по ступенькам, подошел к плахе и с размаху — для пробы, наверно — всадил свой топор в деревянный чурбан. Зрители испуганно охнули.

Сидевшая в первом ряду на высоком троне Дризофила хлопнула в ладоши, и из подземного хода двое стражников вывели Катюшу. Бледную, со связанными за спиной руками, ее возвели на эшафот и отдали палачу. Послышалась тревожная барабанная дробь. Девушка пошатнулась и закрыла глаза.

И вдруг палач выпрямился, сорвал с лица маску — и все увидели, что это вовсе не палач, а маляр Макар.

— Не бойся, Катюша! — закричал он и перерезал топором веревку, которой связаны были Катюшины руки. Потом высоко поднял топор. — А кто подойдет, тому голову с плеч!!!

Держа свою любимую за руку, Макар сбегал по ступенькам.

— Ловите их! Хватайте! — завизжала Дризофила.

Стражники бросились выполнять приказ, но тут из черной тюремной кареты повыскакивали Катюшины защитники — Седой

Принц, кучера, верные слуги. И как только они все поместились в одной карете?!.. Завязалась рукопашная. В ход пошли все честные и нечестные приемы: ведь у стражи были алебарды, а наши-то все безоружны. Захваты, подножки, подсечки, броски через себя — все годилось!..

А Макар, не выпуская Катюшиной руки и размахивая топором, пробился к тюремной карете, та стояла ближе других. Он посадил девушку, вскочил на козлы, и лошадь помчалась во весь опор.

Сражение прекратилось: драться было уже вроде не из-за чего. Не давая стражникам опомниться, Седой Принц со своим отрядом кинулся к тем двум каретам, что поджидали их в сторонке.

Толпа расступалась перед друзьями маляра — и сразу же смыкалась снова, не давая дороги стражникам.

Кучера влезли на козлы, свистнули, щелкнули кнутами — и обе кареты понеслись следом за Макаром.

...На развилке дорог беглецы остановились: и коням, и людям надо было перевести дух. Макар пошептался о чем-то с Катюшей, почесал в затылке и прыгнул

на землю. Подойдя к карете, где ехал его названный брат, маляр сказал:

— Мы вот чего решили: не поедем во дворец... Нечего нам там делать.

Седой Принц огорчился:

— Как это? Все принцы во дворцах живут — так полагается.

— Да какой из меня принц?! Я по-придворному и ходить-то не умею, не то что разговаривать. Опять же и Катюша никакая не королева.

— А я думал, мы всегда будем вместе,— печально сказал Седой Принц.— Я же тебя люблю.

— И я тебя люблю. Но только у тебя своя дорога, у меня — своя... Не сердись, брат.

— Как я могу на тебя сердиться? Ну хотя бы в гости приезжайте, ладно? Мы с матушкой будем ждать!

Они обнялись, расцеловались.

Макар выпряг вороных, посадил Катюшу на одного, сам сел на другого, и они, бросив тюремную карету на развилке, поскакали по левой дороге, а Седой Принц и все остальные двинулись по правой. Они махали вслед маляру платками и шляпами. Да и он сам то и дело оглядывался...

ИЗ АРХИВА МАСТЕРОВ

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

МОЛОДОСТЬ ИВАНА IV

1552, 2 октября. Столица Казанского ханства.

Темная дымящаяся твердыня с Арской башней, уставившей в небо свой хищный клюв. Она напоминает вóрона.

Рев карнаев. Зубчатые стены крепости усеяны казанскими лучниками, которые с криками и воплями пускают вниз тучи стрел. Внизу — русское воинство, как железное море, набегает на камни и, разбиваясь о них, отхлывивает назад, оставляя на отмени горы трупов. Но снова набегает вал, снова разбивается в пене и брызгах и вновь отступает.

Течет река Казанка. По Казанке плывут группы татар и русских, точно гоняясь друг за другом. На поле брани двигаются туры, прикрывающие каждая по десяти пищальников, ратники приставляют лестницы к городищу, карабкаются по ним, чтобы получить удар меча или варевы кипящей смолы. Казанцы защищаются отчаянно!

Холм. На белом аргамаке, окруженный князьями и воеводами, сидит царь. Это стройный, гибкий юноша 22-х лет с серыми очами, в которых затаилось море. Сжав губы, весь уйдя в себя, он зорко следит за битвой.

Во весь опор на взмыленном жеребце подскакал к царю Курбский.

КУРБСКИЙ (задыхаясь)

Царь! Взять Казань в открытую нельзя... Ударь отбой!

ЦАРЬ

Ты очумел?

КУРБСКИЙ

Отбой!

Обложим город и возьмем измором...

Иного ходу нет...

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ

Он очумел!

О. СИЛЬВЕСТР

Иван Васильич! А ведь Курбский прав: Сдадутся под конец.

ЦАРЬ

Конец далёк,

А крепость — вот. Где Выродков?

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ

Ивашка!

Публикуется впервые, с некоторыми сокращениями.

КУРБСКИЙ

Ты что надумал, государь?

ЦАРЬ

Увидишь.

О. СИЛЬВЕСТР

Без мудрого совету, государь, Не принимай решения.

ЦАРЬ (нетерпеливо)

Ладно, ладно.

ЧЕЛЯДНИН

Война не в бабки играть. Подумай!

Появляется дьяк-рудознавец Выродков, только и ждавший этого зова. С ним Захарьин-Меньшой и Малюта Скуратов.

ЦАРЬ

Ну как?

ВЫРОДКОВ (с озорным огоньком)

Да всё готово, государь.

ЦАРЬ (оглядывая их пронзительно)

Не поперхнётесь?

ЗАХАРЬИН-МЕНЬШОЙ

Быть того не может.

ЦАРЬ

Тогда вершите.

Все трое исчезают.

Шурин,

бить отбой!

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ

Да как же так отбой-то, государь?

Ты сам же давеча...

ЦАРЬ (гневно)

Отбой.

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ (зычно)

Отбо-о-ой!!!

Грохот медных набатов. Русские отходят от крепости. Тут и там возвращаются хоругви да стяги. Превыше всех колышется двусторонняя боевая икона с изображением Спаса. Над ней водружен крест. Но царь ничего не видит. Он ждет. Всеми чертами лица, всем напряжением стиснутых пальцев, всем существом своим — ждет...

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ

Сей крест животворящий осенял

Ещё полки Димитрия Донского

И дал ему победу над Мамаем.

А нынче — горе...

ЦАРЬ (не отрывая глаз от крепости)

Шурин, подожди.

И вы, Адашев, Курбский... Подойдите.
Сейчас увидим то, чего от веку
Не видывали ни отцы, ни деды.

Тишина. Все глядят на крепость: царь
с верой, точно ожидая чуда, прочие с не-
доверием. Вдруг грянул подземный гром.
Поле ахнуло! Дым поднялся над Казанью,
как если бы полночь покрыла его среди
бела дня. Перекрестился царь, перекрести-
лись бояре, крестятся на поле брани воины.

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ

Вот это сила!

ЦАРЬ (восторженно)

Двести бочек зелья!

А? Отче... Алексеюшко... Владимир...

Хоть по перстам сочтите: двести бочек!

Новый удар — сильнее первого. Глыбы
земли, обломки башен, стены домов и люди
взлетают вверх.

ЦАРЬ (выхватив саблю)

Гой! Соколы, челиги, кречета!

За мною — с богом!

Двинув коня, он ринулся вперед — и сразу
поднялась вся железная земля шлемов, до-
спехов и мечей. Снова Курбский летит на
приступ во главе рати и, обогнав царя,
скрылся с дружинниками вдалеке. На холме
остались о. Сильвестр, Челяднин и Адашев.

ЧЕЛЯДНИН

Ишь ты...

О. СИЛЬВЕСТР

И однако

Заметьте: всё готовилось втихую...

Малюта да Захарьин, что Меньшой,

Да Ванька Выродков, а мы, бояре,

Не удостоены причастья к тайне.

ЧЕЛЯДНИН

Не удостоены.

АДАШЕВ (хмуро)

Поедем, что ли?

Царь хватится — а нас и нету.

О. СИЛЬВЕСТР

Едем...

Ханские знамена повалены в кучу на пло-
щади перед маленьким помостом, покрытым
огромным азиатским ковром, пылающим,
как костер.

МАЛЮТА (въезжая на площадь)

Гойда! Царь едет! Гойда!

Все замолкло. Именитые пленники — та-
тарские мурзы и батыры, духовенство —
абазы, сеиты и муллы, юные жены и девы
в богатых цветных одеждах — все повер-
нули головы туда, откуда должен появиться
Иоанн IV. И хлынули на площадь царские
рынды во главе с Захарьиным-Старшим.
За ним Курбский, Адашев, Сильвестр, Ста-
рицкий, Мстиславский, Щенятев. Вокруг по-
моста образовался железный круг. И вот

на помост въехал царь и замер на алом
цоколе.

Раздались приветственные клики русских,
стоящих под стягами, восседающих на бое-
вых конях, лежащих, страдая ранами, на
телегах.

ЦАРЬ (лицо его озарено вдохновением)

Стрельцы, пищальники да пушкари,

Да всякого ручного бою люди!

В сей знаменитый день вы обрели

Неслыханную славу! Вы достойны

Тех витязей, что с Дмитрием Донским

Погибли в годы оные Мамая.

Вы — македоняне сего столетья!

Чем я могу воздать вам? Те, что пали

На поле боя, обитают ныне

В краю небесном среди райских ликов,

И наше дело — славить их вовек.

Но вы, стоящие передо мной,

Сияющие ранами своими,

Что драгоценнее самих алмазов,

Вас одарю, конечно, чем владею!

Землей, казною, ласкою царёвой...

И всё же это лишь подножье славы,

Овершие же славы есть сознание,

Что в аши руки возводили Русь!

Замок в Самборе, Польша. Король Сигиз-
мунд перебирает струны арфы. Сквозь них
видны лица князя Радзивилла и Довойны.

ДОВОЙНА

Крым — Астрахань — Казань! Вот три
крыла

Монгольского чудовища над Русью.

Два обрубив, царь Иоанн Московский

От третьего не в силах отказаться:

Ведь это вековая грёза русских!

РАДЗИВИЛЛ

Вы, может быть, и правы, пан Довойна...

КОРОЛЬ (прекратив играть)

Но здесь гадать нельзя. Вам надо ехать!

ДОВОЙНА

Куда?

КОРОЛЬ

В Москву. Вам нужно будоражить

Идеей Крыма знатных москвичей,

Толкать на Крым, дразнить их ноздри

Крымом.

Как жаренным на шпаге каплуном, —

Пусть юный царь в погоне за миржем.

Уйдет в степную дикость, в отдаленность,

А мы удар направим на Москву

И схватим Русь за сердце.

РАДЗИВИЛЛ

Мой король!

А что, как вдруг они покончат с Крымом

Стремительнее наших ожиданий?

У Крыма — стрелы, у Москвы — огонь.

КОРОЛЬ

Огонь... Но это пушки и мушкеты?

Но это мастера и командоры?

У русских мало сведущих людей,

А равно и орудий. Русский царь
Выписывает их из Нидерландов...
Что, если мы уговорим ливонцев
Не пропускать товаров на Москву
Через гавани, что на Балтийском море?

РАДЗИВИЛЛ

И командоров?

ДОВОЙНА (усмехаясь)

Рыцарь, продающий

Любому трону свой железный меч,

И сам приравнивается к товару.

КОРОЛЬ (улыбаясь)

Вы это сделаете, пан Довойна?

Ливонский Орден Меченосцев. Орденмейстер
Готгард Кетлер в красной мантии и
пан Довойна.

КЕТЛЕР

Я это сделаю для короля.

Но вам, конечно, ясно, пан Довойна,

Что русский государь нальется ядом

И может в нас метнуть своим жезлом.

ДОВОЙНА

Не думаю.

КЕТЛЕР

О нет! Сие возможно.

ДОВОЙНА

Ну хорошо. Допустим.

КЕТЛЕР (строго)

Пан Довойна,

Вот этого-то допустить нельзя!

Но можно применить противоядь...

В Москве, я слышал, обитает некто

Отец Сильвестр, духовник царя.

Он, кажется, мечтает нашу церковь

Слить с православной...

ДОВОЙНА (усмехаясь)

Понимаю вас.

Я сделаю свое, пан орденмейстер,

А вы свое. Не так ли?

КЕТЛЕР

Disei Amen.

В Золотой палате московского Кремля
царь и родовитые бояре.

МСТИСЛАВСКИЙ

Пора государю осмотрительну быти. Не-
зачем против Лифлянта к месту Ревель
идти, коли никто тебя оттуда саблей не
огорчат.

ЦАРЬ (стиснув зубы)

Кроты подземные... Негопыри...

ЧЕЛЯДНИН

Ладно, ладно. Бранися. Душе-то от брани
легче. А только правду молвит Мстислав-
ский: к Лифлянту идти незачем.

ЦАРЬ

И все другие мыслят этак?

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ

Нет! Все, да не все. Есть и такие, что
с царем заодно думают.

ЗАХАРЬИН-МЕНШОЙ
Верно сказал. И я этак думаю.

ЧЕЛЯДНИН

Вы что? Ваше слово — тьфу! Вы царицы-
ны братья! Свой своему поневоле друг.
Адашев делает знак Курлятеву, и тот
исчезает.

Сильвестр и Довойна в келье о. Силь-
вестра

ДОВОЙНА

Сейчас вся Польша да и вся Литва

От органиста и до кардинала

Твердят о мудрости отца Сильвестра.

СИЛЬВЕСТР

Что ж говорят о ней?

ДОВОЙНА (усмехаясь)

Да говорят,

Что вы мечту великую таите

Объединить в едином лоне церкви

Католицизм и православье. Так ли?

СИЛЬВЕСТР

А если б так, то что же тут смешного?

ДОВОЙНА

Но как вы это чудо сотворите,

Когда Москва грозит войной ливонцам?

А ведь Ливонский Орден — это папа!

СИЛЬВЕСТР

Вы говорите, пан: «Москва грозит».

Но ведь Москва не только царь московский,

Оставьте что-нибудь и духовенству.

ДОВОЙНА

Москва есть меч!

СИЛЬВЕСТР

Но и она же — крест!

Вбегает Курлятев, наскоро крестится на
икону.

КУРЛЯТЕВ

Адашев просит помощи, отец.

СИЛЬВЕСТР

А что?

КУРЛЯТЕВ

Да государь лютует.

СИЛЬВЕСТР (громко)

Посох!

Невесть откуда взявшийся служка Нефё-
дыч подает протопопу жезл.

СИЛЬВЕСТР (Довойне)

Прошу прощенья: должен уходить.

Что делать? Царь хоть и смышлен, да молод.

Мне, хилому, по седине моей

Давно пора бы о душе подумать,

Уйти в святую пустынь ко медведям,

Как Сергей Радонежский, например.

Но как сейчас оставить государство?

Царь, Дума, воеводы, рудознатцы,

Приказы всякие — а я один.

Чуть что не так — скорей зови Сильвестра!

Золотая палата.

ЦАРЬ (Курбскому)

А ты, Андрюша, как считаешь?

КУРБСКИЙ

Я?

«Я вижу Русь на бреге окуяна!
Я прозреваю наши паруса
Плывущими то к Англии туманной,
То к Африке, то к городу Стамбулу...
И если кто желает преградить
Нам этот путь — пускай падет от сабли!
Царь подходит к Курбскому и берет его
за руку.

ЦАРЬ

Утешил ты меня, Андрюша милый...
Бояре! Я весьма, конечно, молод,
И дедовская шапка Мономаха
Сидит на мне по самые глаза.
(Дерзостным махом нахлобучил шапку на
брови)

Но ведь у вас царя другого нет.
А? Ино есть? Вот я и говорю:
Другого нет, так помогли бы, что ли,
И научили: как без моря жить?
Теперь, когда Колумбус отворил
Незнаемый доселе Новый Свет
И торг морской становится заботой
Датчан да англичан, да португалов,
Неужли же Руси не оглядеться?
Ведь мы-то... Ведь Москва-то не мордва!
И драгоценность шапки Мономаха
Не только, что в бобрах и алмазах!
(Бережно да истово надевает шапку на лоб,
как ей положено быть — и все видят, что
она ему как раз впору).

Досталась нам регалия сия
Через Владимира от Константина,
А он-то — император Византии!
Ну и к тому же — Астрахань... Казань...
Под нами луговая черемиса,
Ногайцы, кабардинцы да черкесы —
Великая держава нынче Русь!
Поймите же: великая я! Поймите!
Не можем от великих от народов
Мы, русские, огненные отставать

МСТИСЛАВСКИЙ (глухо)

Я во Белёвском княжестве моем
Вести с Европой торг не собираюсь.
Пошто мне воевать с ливонцем?

ОДОЕВСКИЙ

Верно!

Одоевское княжество мое
Пеньку да лен всегда в Москву сбывает.
Мне что Колумбус?

ЧЕЛЯДНИН

Дык и я в Москву.

ЦАРЬ

В Москву? Но ведь Москва-то не амбар.
Вон ты пошлешь да Челяднин пошлет.
Пеньки что год, то больше. А без моря
Куда её? Или веревку свить
Да и повеситься от преизбытка?

МСТИСЛАВСКИЙ

А это уж твоё, царёво дело.

ЦАРЬ (подбегая к нему вплотную)
Чего-чего мое царёво дело?

Повеситься?

МСТИСЛАВСКИЙ (оробев)

Да нет... Я про пеньку...

ЦАРЬ (тяжело дыша)

Вишь: Новгород Руси не признает.
Косится к немцу... К Любеку... На Запад...
Он сам себе хозяин: Господин
Великий Новгород! Тут не шутите.
Того же ли хотите ныне? А?
Скажите перед богом! Без лукавства!
Не мне ли вам и кланяться Москвою?
Ась? Господин Белёв Великий!

(Кланяется в пояс Мстиславскому).

СТАРИЦКИЙ

Братец...

ЦАРЬ

Что, Господин Великий Верей?
Раздаются голоса бояр: — «Да что ты,
право, государь?» — «Мы тово... О море
толкуем...» — «На кой нам, государь, море?
Нешто мы греки соленые али кто?»

ЦАРЬ (не слушая)

Где твой очаг, о русский человек?
Что есть твоё отечество, боярин?
Неужто же белёвская держава?
А к ней одоевское королевство?
Да ханство челядинское к нему ж?
Зачем тогда Ивану Калите,
Бывало, землю русскую собирать
По зернышку, по перышку, бояре,
Когда вы нынче гнете на раздел?

Царица Анастасия, молодая да ладная,
скачкая, лежит на своей половине. У ног
её примостился шут Осип Гвоздев, полукар-
лик, в чахлах усах и бороденке. Он гля-
дит на царицу, обмирая от любви. По гор-
нице важно расхаживает шутов гусь. Из Зо-
лотой палаты доносится шум яростных спов-
ров.

АНАСТАСИЯ (лениво заплетая косу)
А что он у тебя умеет, гусь-то?

ШУТ

Да всё умеет. Дай ему хоть боб —
Глядишь, и нету.

АНАСТАСИЯ (смеясь грудным
смехом)

Глуп он у тебя,
Как и его хозяин. Ладно, шут,
Рассказывай, как любишь.

ШУТ

Как люблю?
Люблю тебя, царица, всею силой,
Как розу соловей! Как месяц воду!
Как лешачок русалку!
АНАСТАСИЯ (ей не понравилось)
Лешачок?

Чего-то нынче скучно говоришь.

ШУТ
Как протопоп свининку!
Рванув царичню подол, впился губами
в круглое её колено. Анастасия пнула его
красным сапожком — и шут полетел куба-
рем.

АНАСТАСИЯ
Да поди ты!

ШУТ
Ох, Настыка-дура!
АНАСТАСИЯ

Слюни подбери!
Не по губам те наше-то тельное.

Шут подымаешся с полу и обиженно берёт
гуса подмышку.

ШУТ
Коль будешь этак сапогом лягаться —
И приходить не стану.

АНАСТАСИЯ
И не нужно.

ШУТ
Вот и не стану!
АНАСТАСИЯ
Вот и не ходи.

ШУТ
ТЬфу на тебя!

АНАСТАСИЯ
ТЬфу на тебя!
Входит постельничий Игнатий Вишняков
и зажигает в горнице свечи. Гул голосов
становится сильнее.

АНАСТАСИЯ
Игнашка! Про что они? Чего не поделили?
ВИШНЯКОВ

Да ведь, матушка-государыня, про Ливо-
нию свара идет. Государь, слышь ты, на-
казать её хочет, а бояре поперечь идут.

ШУТ
Перечат? Это своему-то царю? Вот так так!
АНАСТАСИЯ

Добёр больно государь у нас, Игнашка.
Добёр — вот и пораспустил боярство. А им,
псам, того и надобе.

СИЛЬВЕСТР (входя)
Добёр? А ты желала бы, царица,
Накапать желчи в душу Иоанна?
Травы отравной в мозг его налить?

ШУТ
Ступай ты, ворон!
СИЛЬВЕСТР (не глядя на шута)
То-то, что ступай.

Вы даже в сновидениях своих
Мечтаете об этом. Ворон с места,
А кто на место? Кто-нибудь из ваших?
Из царских из наушников, поди?
Из Юрьевых-Захарьиных?

ШУТ (бросаясь к постельничему)
Игнатий!

АНАСТАСИЯ
Что! Братьев наших испугался, поп?
Да не с того ли, черный, ты отрекся
От сына моего, младенца Мити,
Когда Иван болями исходил

И помирать хотел? Ты братьев струсил,
Что править мимо них тебе нельзя!

СИЛЬВЕСТР
О, нечестивая Иезавель!
АНАСТАСИЯ
Христопродавец!

ШУТ
Серебренник?
АНАСТАСИЯ

Иуда!
СИЛЬВЕСТР
Гляди мне: проклянну, Анастасия!
ШУТ

Нет, это ты гляди мне: осмею!
Входит царь. Ссора сразу оборвалась.
Царь поглядел на Сильвестра, на Анастасию
и всё понял.

ЦАРЬ (стараясь быть спокойным)
Ты что же, отче, в Думу не заходишь?
Гордишься?

СИЛЬВЕСТР (ехидно приbedняясь)
Скудоумен, государь!
Дела твои велики, мой же разум
Ничтожен. Где уж в Думу-то ходить?

ЦАРЬ
На что сердчаешь, отче? Говори.
По мне, ты знаешь, лучше злой язык,
Чем двоемыслие. Скажи открыто:
Войны с Ливонией страшишься?

СИЛЬВЕСТР
Нет.
Но коли правду говорить, скажу:
Негоже христианскому державцу
Супротив христианской же державы
Идти войной.

ЦАРЬ
Ну вот, теперь спасибо.
Хоть и неверно говоришь, а честно.
А что, коли твои-то христиане
Меня во имя божье обрекли
На прозябанье? Есть ли меж ливонцев
Такой же проповедник, как и ты,
Который объяснил бы им, что Русь
Есть также христианская держава?
Ага. Молчишь. Вот то-то. «Христиане»!
Мне моря надобно, Сильвестр.

СИЛЬВЕСТР
Моря?
На что же Крым?

ЦАРЬ
Ах, Крым?

СИЛЬВЕСТР
Карать татарство —
Богоугодный подвиг, государь.

ЦАРЬ (не слушая)
Крым — это значит киселя хлебать
За тридевять земель.

СИЛЬВЕСТР (не слушая)
Война на Крым
С татарской нехристью есть древний клич
Всех праотцов твоих!

ЦАРЬ

Ведь наша Тула —
Последний городишко перед степью.
А дальше как? Безбрежность. Пустота.

СИЛЬВЕСТР

А ты, Иване, прадедам не внемлешь.
Ласкателей всё слушаешь... Мирволишь
Захарьиным своим... Шурьям своим...

АНАСТАСИЯ (злобно)

Дались те, ворон, братья-то мои!

ЦАРЬ

Кого же, отче, мне ещё ласкать?
Не тех ли, кто обычаем изменным
От крестоцелованья отказались
Митюше моему, как я болел?
Кого из них любить, я говорю?
Володьку Старицкого? Али Ваньку
Мстиславского?

ШУТ

Али тебя такого?

СИЛЬВЕСТР (угрюмо)

Зачем, Иване, вспоминать былое?
Ты нас прости.

ЦАРЬ

Простить ещё не значит

забыть.

СИЛЬВЕСТР

Коли прощаешь от души,
То забываешь.

ЦАРЬ

Рад бы позабыть,
Да вот прощенный сам напоминает.

СИЛЬВЕСТР

Ты, сын мой, в красноречии силен.
Тебя не переспоришь. Только вижу,
Что я тебе не ко двору...

(Царь молчит)

Что делать?

Был столько лет наставником твоим,
И мудростью моей всегда гордились,
А нынче, видно, оглупел. Ну, что ж.
Придется, видно, в монастырь.

ЦАРЬ (любопытливо)

В какой?

СИЛЬВЕСТР

А ты уж и согласен?

ЦАРЬ (с постным лицом)

Дело божье.

Сильвестр пронзительно всматривается в
государевы очи и, низко поклонившись, уда-
ляется. У дверей чуть-чуть пошатнулся,
но справился с собой и ушел.

ЦАРЬ (мучаясь)

Видала? Пошатнулся.

АНАСТАСИЯ (усмехаясь)

Для тебя.

ЦАРЬ

Что?

АНАСТАСИЯ

Для тебя и пошатнулся, ворон.

ЦАРЬ

Неужто с ним разделался? Ой, нет...

Чтоб этак-то легко? Без обостренья?

Без бою? Нет...

ШУТ

Без бою и не думай!

ЦАРЬ

Мне моря нужно, Настенька... А эти
Не понимают. Душно с ними. Страшно.

АНАСТАСИЯ

Ты только не грызи себя, родимый.

ЦАРЬ

Сказать легко, Настюша, а вот сделать!
Эх, кабы мог я перегрызть оковы,
Которыми звеню-хожу. Боярство
Не видит дальше носу своего,
Князья сидеть желают королями
На прадедовских вотчинах своих,
Попы хотят повелевать венцом —
И это все я должен одолеть!

Нет, праотцы мои того не знали...

Нелегкое досталось мне наследство,

Анастасия. Узник я на троне.

Входит Назар, держа на руке беркута.
Увидев гуся, расхаживающего по горнице,
беркут сразу присел и чуть приоткрыл не-
померные свои крылья. Шут кинулся к своей
птице и распростер перед ней руки, дер-
жась к беркуту задом.

ШУТ

Чур! Чур! Назарка, убери его!

Скорее...

Назар надевает на беркута колпачок с
наглазниками.

НАЗАР (усмехаясь)

Испугался?

ШУТ

За орла.

Ведь мой-то гусь ему склевал бы очи.

Все смеются.

НАЗАР

Охоту заказал ты, государь.

Ну вот она, охота. Беркут молод,
Да уж краснотрителен вполне.

АНАСТАСИЯ (царю)

Езжай, родимый, на охоту. Право,

Рассеешься. Дела-то не убудут.

Езжай, родной.

ШУТ

И я, и я поеду!

ЦАРЬ (раздумчиво)

Пожалуй, и поеду. А?

АНАСТАСИЯ

Езжай!

ЦАРЬ (с усмешкой)

Я в головы моим князьям-боярам

Колючего ежа подбросил, Настя.

Пускай денёк пообмозгуют, а?

АНАСТАСИЯ

Ох, ты ж и озорник!

Бросается к царю и целует его часто да
жарко. Шут закусил губу.

ШУТ (громко)

Ну ладно. Хватит.

ЦАРЬ (отбиваясь от жены)
И верно, хватит... Дорогая...
АНАСТАСИЯ (недовольная)
Экой!

ЦАРЬ (Назару)
Адашева да Курбского зови.
НАЗАР

А беркута глядеть не станешь?
ЦАРЬ (отмахнувшись)
Ладно!

ШУТ (важно)
Опосле. В чистом поле поглядим.

Зимний лес. Пороша. Вороной лось гложет кору. Вдруг слышен треск. Лось махнул в чащу. Белая пукша слетела с дерева и, осыпая с крыльев снег, скрылась в глубине бора.

Верхом на коне в белом охотничьем терлике едет царь. Рядом с ним Курбский и Адашев. Далее братья Захарыны-Юрьевы, Василий Шибанов, охотники: у Назара беркут, у того — сокол, у этого — кречет. Сзади всех на карликовом скакуне во весь мах мчится отставший шут. У него на руке его любимый гусь: он тоже на цепи, в колпачке и бархатели, как взаправдашняя ловчая птица.

ЦАРЬ (Адашеву)
Поймите вы, бояре-Дума: Русь
Подобна человеку, что в пустыне
Бредёт, шатаясь от жажды... Воду!
Скорее воду, а иначе — смерть.

АДАШЕВ
Уж так и смерть?
ЦАРЬ

Да, смерть! Ну, хоть полон.
На мой-то норов — это хуже смерти.
На поляну выскочил русак. Вся охота ринулась за ним. Вспугнули второго. Оба сперва бежали ровно, затем от особо яростного гика кинулись в разные стороны.

Здесь охота раздвоилась: царь с Адашевым и Захарыными проскакали вправо, Курбский со своим слугой Шибановым — влево.

Гон Курбского. Крупным планом — зеленая в ёлочку его рукавица. На ней беркут. Заяц скачет. Курбский и сокольные гикают. Наконец, князь взлетел на бугор и спустил беркута на должника.

Курбский напряженно следит за птицей и за русаком.

Вдруг навстречу несется новое гиканье, свист, клики, улюлюканье. Курбский обернулся на шум — к лесу легко скачет молодой рыжеватый волк-перейрок. За ним гончаки, доезжачие на конях, борзятники, «мастерящие» волка с обеих сторон. В хвосте охоты сам тучный и дородный князь Челяднин.

Охоты разъехались. Остались только два человека: Челяднин и Курбский. Оба, не сговариваясь, повернули коней и подъехали друг к другу.

ЧЕЛЯДНИН
Ты что же это, князь, ведешь охоту
В моем султанстве? А? Иль, может быть,
Ты, как Иван, считаешь всех князей
Не господами на своей землишке?
Уж княжество мое, видать, отныне
Не княжество, а как бы волость? А?

КУРБСКИЙ (тихо)
Руси единой быти надлежит.

ЧЕЛЯДНИН
Слышал, слышал. Но, стало быть, и ты
В своем во Ярославле не хозяин?
Курбский молчит.

Эх, эх, Михалыч! Рано одряхлел.
С того-то на зайчишку и яришься.
А надо бы на волка! Понимаешь?
На волка-перейрка!

Взмахнул нагайкой и съехал с бугра.
КУРБСКИЙ (подъехал вплотную)
Челяднин!
Зачем ты за Ливонию стоишь
Противу Крыма? Крым-то, замирённый,
Покуда не опасен, а ливонцы —
Те только спят и видят, чтоб напасть.

ЧЕЛЯДНИН (злобно)
А мне чихать на тех и на других!
Не в Крыме да Ливонии тут дело.
КУРБСКИЙ

А в чём же?
ЧЕЛЯДНИН
В государе. Коли он
За Крым — я против Крыма. Коли против,
Я буду — за.
КУРБСКИЙ

Зачем же так упрямо?
ЧЕЛЯДНИН

Затем, чтобы страшился он бояр,
Чтоб силу он боярскую уважил,
Чтоб руку он боярскую почувал
На собственной потылице.

Слышен протяжный зов рога. Оба оглянулись на звук: вдалеке, в кругу охотников, взявших собак на своры, лежит бездыханный волк.

ЧЕЛЯДНИН
Видал?

Небось его и пулькой не задела:
Сам окошел. Вот что такое травля!
Гляди, брат, и учись. Эх, Курбский,
Курбский...

Повернул коня и ускакал. Курбский медленно поехал в обратную сторону.

Поле. Закат. Снег. Курбский нагнал Адашева, поехали рядом.

АДАШЕВ (вздыхнув)
Тяжел становится Иван Васильич.
И молод, а не гнётся. Как старик!

КУРБСКИЙ

Да ведь и ты не гнёшься.

АДАШЕВ

Я не царь.

Моя-то гибкость ничего не стоит.
Стой! Соболек перебежал дорогу!

КУРБСКИЙ

Чего ж ты испугался?

АДАШЕВ

Злой приметы.

КУРБСКИЙ

Пустое, друже. Соболек не крыса.

(Продолжает идти. Молчание.)

Ты рындой был, Адашев. Царь тебя

Поставил казначеем. Отчего же
Лютуешь духом супротив царя?

АДАШЕВ

Я не лютую.

КУРБСКИЙ

Врёшь. Все это видят.

АДАШЕВ (помолчав)

Что пользы мне, что стал я казначеем,
Коль государь считаться не желает
С моею прозорливостью? Хочу
Не золото считать, а мыслить, Курбский!
Нет муки тяжелей, как если ум,
Что сокола, держать на рукавице!
Европа... Да смекает ли Иван,
Что есть она такое, а?

КУРБСКИЙ

Навряд ли.

АДАШЕВ

Не ссориться — дружить с нею надо,
Иначе сгинем в дикости своей.

Ведь мы — татары!

КУРБСКИЙ (смеясь)

Верно. Басурмане.

АДАШЕВ

Взгляни хоть на Большой Царёв Наряд —
Халат да тюбетей.

КУРБСКИЙ

Басурмане.

АДАШЕВ

Пошто нам в азиатчине ходить?
Нам у Европы надобно учиться,
А за науку платят. Что с того,
Что Орден Меченосцев зазнается?

А нам бы подойти к нему с хлеб-солью,
Глядишь — и подobreет. Нам бы, Курбский,
Втереться в дружбу к чванным европейцам!
Хоть и унизясь, а войти в семью.

КУРБСКИЙ

Ну нет! Руси негоже унижаться.
Уж тот не богатырь, кто богатейства
В себе не уважает. Это брось!
Но то что царь грядущего не чуёт,
Что он ни с кем не хочет посчитаться,
Что всё вершит своим самоёмышлением, —
Здесь ты, Адашев, прав. И горе нам,
Когда страстей его не обуздаем.

АДАШЕВ

Ах, вон ты как! Зачем же ты вечер
Так потрясал оружием на ливонца?

КУРБСКИЙ (значительно)

Коль чёрный соболев в глухаря вгрызется,
Он вместе с птицей улетает в небо,
Коль черный соболев вцепится в гуся,
Он вместе с ним ныряет прямо в воду.

АДАШЕВ (остановившись)

Какая мудрость в этой притче, князь?

КУРБСКИЙ

Зачем царю перечить? Бесплезно.

На Крым. взлетает — ты лети на Крым,
В Ливонию ныряет — ты туда же.
Как соболев с птицей.

АДАШЕВ (отшатнувшись)

Ты ли это, Курбский?

КУРБСКИЙ

Не злой приметой был нам соболев,
А указанием свыше, друг Адашев.

Адашев потрясенно глядит в глаза Курбскому, тот выдерживает взгляд спокойно и твердо.

АДАШЕВ (тяжело дыша)

Нечистое, Михалыч, это дело.

КУРБСКИЙ

Зачем ярить безумье государя?

Кто море бесит, сам же в нем потонет.
Войти к царю в доверье — вот задача!
Я давеча хвалил ему тебя,
И ты меня при случае хвалил.

Пускай он мне или тебе поручит
Главенство над войсками, а уж мы
Смекнем, чего с такой силенкой делать.

АДАШЕВ

А что с ней делать?

КУРБСКИЙ (тихо)

Низложить Ивана,

Володьку Старицкого — на престол!

А дальше... дальше, что душе угодно!

Слышен топот. коня. Подъехал Шибанов.

Ты что, Шибанов?

ШИБАНОВ

Государь послал.

Не спится, говорит.

КУРБСКИЙ

Сейчас вернусь.

Шибанов поворачивает коня и скачет назад.

Я в поле не видал тебя, Адашев.

А ты спеши немедля к Репнину:

Там нынче сбор... Мстиславский, Челяднин,

Одоевский, Серебряный да прочие,

И ты, Адашев, их бы вразумил.

Скажи, чтобы ливонскому походу

Никто не воспротивился — ни боже!

Напротив: будем именем царя

Скликать людей со всех концов Руси.

И чем грознее будет ополчение,

Тем государь слабей, а мы сильней.

АДАШЕВ

Ужасное, чудовищное дело...

КУРБСКИЙ

Исправим, всё исправим, золотой!
Держись не за царя, а за боярство:
Царь может оценить собачью верность,
А мы духовность можем оценить.

На царской половине Царь, Анастасия
и Малюта.

МАЛЮТА

К отцу Сильвестру на его подворье
Повадилса поляк Довойна.

ЦАРЬ

Ну?

МАЛЮТА

Да вот и «ну»! Который раз приходит.

АНАСТАСИЯ

А почему поляку не ходить,
Коль протопопу доверяют больше,
Чем государыне?

ЦАРЬ

Отец Сильвестр

Худого ничего послу не скажет.
Но сам посол, пожалуй, обнаглел.
Пойдешь к нему, Малюта, да прикажешь,
Чтоб он свое паломничество бросил:
Отец Сильвестр — не святые мощи.
Ступай.

ВИШНЯКОВ (входя в покои)

Бояре бьют тебе челом

И просят дозволения.

ЦАРЬ (Малюте)

А Сильвестра

Пришлешь ко мне.

МАЛЮТА

Сегодня, что ль?

ЦАРЬ

Сейчас.

Малюта уходит.

ВИШНЯКОВ

Бояре, говорю.

АНАСТАСИЯ

Чего им надо?

ВИШНЯКОВ

А кто их знает! Просят дозволения.

ЦАРЬ

Ну что ж. Зови.

Поди к себе, Настюша.

АНАСТАСИЯ (не двигаясь)

Бояре? В этот час?

ЦАРЬ

И сам дивлюсь.

АНАСТАСИЯ

Тревожно у меня на сердце, Ваня.

ЦАРЬ

Тревога без причины — дело бабье,

А ты ведь у меня царица.

Царь пытается обнять её. Анастасия от-
страняется.

АНАСТАСИЯ

Ладно.

ЦАРЬ

Поди, поди.

АНАСТАСИЯ

А вот и не пойду.

Уж коли я царица, а не баба,
Так незачем мне быть в тревожный час
На женской половине.

ЦАРЬ (поглядел на неё внимательно)

Ну, как знаешь.

Входят бояре: Челяднин, Мстиславский,
Одоевский и другие. Позади всех Адашев.

ЧЕЛЯДНИН (мрачно)

Мы, государь, тово бишь...

ОДОЕВСКИЙ

Мы, собрамшись...

МСТИСЛАВСКИЙ

Мы собрались, великий государь,
Чтобы поведать, что отныне будем
Тебе в войне ливонской помогать.

ОДОЕВСКИЙ

Помочь хотим.

ЦАРЬ

Помочь? Ну вот и славно.

И ты на том пришел ко мне, Адашев?

АДАШЕВ (опустив глаза)

И я.

ЦАРЬ

С чего ж так сразу поумнел?

АДАШЕВ

Зачем же сразу? Ночку прошатался,
А утро вечера мудрее.

ЦАРЬ (весело)

Верно!

Ну что ж, коли не шутите, бояре,
То все беседы кончены. Отныне
Всем нашим воеводам надлежит
Слать в города и волости гонцов
И кликнуть клич. Не правда ли?
Мстиславский!

МСТИСЛАВСКИЙ

Я, государь.

ЦАРЬ

Ты будь моей рукой

Во всех делах по сбору этих ратей.
Второе. Объявить по всей Руси,
Что каждый худородец, кто б он ни был,
Хотя бы дяк или писец уездный,
Или какой бесконный дворянин,
Коли они по телесам и духу
Ко службе государевой способны,
От государя получают землю
Окладом в равной доле со князьями.

ЧЕЛЯДНИН

Чего, чего? С князьями? В равной доле?

ЦАРЬ

Ага. Война-то близится большая,
Так надобно привлечь богатырей
Числом поболее. Ясно ли?

ЧЕЛЯДНИН (Ему становится дурно)

Понятно.

Водички бы...

АДАШЕВ

Водички, Вишняков!

ЦАРЬ (невозмутимо)
А ты, Адашев, учини немедля
Наказ про это дело.
(К Челяднину)
Что ты, князь?
ЧЕЛЯДНИН (отдуваясь)
Сам не пойму... Падучая, видать.
ЦАРЬ
Падучая?
ЧЕЛЯДНИН
Падучая...
ЦАРЬ (шутливо)
А с кем?
С тобою или с боровом твоим,
Которого небось изволил скушать
От пятачка до хвостика?
(смех)
ЧЕЛЯДНИН (насиленно улыбаясь)
И то...
Пожалуй, что и с боровом.
ЦАРЬ
Вот то-то!
Чревоугодье — смертный грех, Иваныч.
(К боярам)
Ну, с богом почитать!
БОЯРЕ (уходя)
Покойной ночи.
АНАСТАСИЯ (Бросаясь к царю)
Ванюша, а? Как все переменялось!
Ведь просто чудо!
ЦАРЬ (задумчиво)
Чудо.
АНАСТАСИЯ
Вот так радость!
А я-то зря тревожилась.
ЦАРЬ
Угу.
АНАСТАСИЯ
Ты что, Иван?
ЦАРЬ (очнувшись)
А что я?
АНАСТАСИЯ
Странен больно.
ЦАРЬ
Поди к себе. Сейчас придет Сильвестр...
Как плохо быть, Настюша, молодым.
Ведь вот же: чую тайное коварство...
А в чём оно? Ума не приложу.
Смиренны... Кротки... Схимники да только!
Какое отрешенье от всего!
Нет, что-то есть за кротостью бояр,
Какое-то лукавство... Но какое?
Эх, кабы мне скорее поседеть!
Баян, колдун да царь должны быть стары.

В покоях царя Иоанн IV и о. Сильвестр.
ЦАРЬ
Объединить в едином лоне церкви?
А ты подумал ли, отец Сильвестр,
Зачем сие понадобилось пану?
Тебя я понимаю: ты священник,

Не о земном мечтаешь — о небесном.
А пан? Ведь это подлинная персть!
Что этакому пану христианство?

Хоромы польского посла в Москве. Довойна и Курбский играют в шахматы.
КУРБСКИЙ (зорко глядя на Довойну)
Всё ясно: вы желаете сыграть
На «мудрости» Сильвестра. Ухватиться
За унию и этим отвести
Грозу царя на отдаленный Крым.

ДОВОЙНА (улыбаясь)
Не так легко читать чужие мысли.
Тем более мои. Отдайте пешку...

КУРБСКИЙ
Я знаю мысли нашего Сильвестра,
А через них и ваши...
Шах и мат!

ДОВОЙНА (растерянно)
Позвольте... Прощу пана...
КУРБСКИЙ

Биты, биты.
Но это лишь на шахматной доске.

А ежели начнете опираться
На всяких протопопов... Слушай, Польша,
Я знаю: вы страшитесь Иоанна.

И мы его страшимся. Вы хотите
Иного государя на Руси.

И мы того хотим. А коли так,
К чему же нам язык слоновой кости?
Давай поговорим начистоту!

ДОВОЙНА
Я только чистоту и разумею.
КУРБСКИЙ

Брось. Не виляй. Сейчас, брат, на Руси
Возможно ожидать всего. Понятно?

ДОВОЙНА
Н-нет... Не совсем.
КУРБСКИЙ (сипло)

Восстание возможно.
ДОВОЙНА

Да что вы?
КУРБСКИЙ

Только надобно с умом!
Захарьины пока — большая сила.

Допустим, нашей братии дадут
Главенство над обычными полками.

Но у Захарьиных полки стрельцов,
Большой Посад, Китай-город и Кремль.

Сказать иначе — вся как есть Москва.
Но на Москву не всякий русский выйдет.

Здесь иноземцы нужны, пан Довойна!
Об них-то с вами я и говорю,
Дадите?

ДОВОЙНА
Но...

КУРБСКИЙ (решительно встаёт)
У Дании попросим.

ДОВОЙНА (улыбаясь)
Сильвестр обойдётся нам дешевле.

Он ничего не требует от Польши,
Хоть и стремится ради нас на Крым.

КУРБСКИЙ

Да что Сильвестр? Много ли он весит?
ДОВОЙНА

А много ль весит Курбский?

КУРБСКИЙ

Ну, не много,

А всё же потяжелее протопопа.

ДОВОЙНА

Извольте доказать!

КУРБСКИЙ (спокойно)

И докажу.

В хоромы вошел Козлов.

КОЗЛОВ

К вам прибыл дворянин Скуратов-Бельский.

КУРБСКИЙ

Малюта?

КОЗЛОВ

Он. А с ним четыре рынды.

ДОВОЙНА

ТЬфу, Матка Боска Ченстоховска...

КУРБСКИЙ

Пан!

Мне надобно исчезнуть. Ты! Козлов!

В соседней зальце... Там я раздевался...

Таши-ка шубу, шапку, рукавицы.

Да поживее! Ну!

КОЗЛОВ (убегая)

Мгновенье ока.

ДОВОЙНА

Как жаль, что нам некстати помешали.

Но я ещё подумаю о том,

К чему вы так склоняли наши мысли.

Быть может, вы и правы... Монастырь!

Он был бы убедителен, не скрою,

Но что-то плохо верится в него.

Отец Сильвестр — духовник царя,

Душа царевой Рады... Сомневаюсь.

Вбегает Козлов, Курбский наспех одевается.

КУРБСКИЙ

Прощайте, пан.

ДОВОЙНА

Но я надеюсь, князь,

Что это не навеки?

КУРБСКИЙ

Да, конечно.

Курбский уходит в сопровождении Козлова. Довойна берет с доски шахматного коня Курбского и разглядывает его с тонкой улыбкой.

ДОВОЙНА

Ты объявил мне мат, Андрей Михалыч, Но, думается, выиграл-то я!

Входит Малюта, за ним рынды, Козлов и гайдуки.

МАЛЮТА

Великий государь вся Руси

Иван Васильич, он же хан Казанский,

Хан Астраханский да немецкий князь,

Тебе послал с царева со плеча

Шубейку золотну на соболях.

(Рынды выносят шубу)

К сему же царь велит тебе сказать,
Чтоб ты к попам не хаживал в подворье
Да их папёжной верой не смущал.

ДОВОЙНА

Прошу прощенья. До сих пор я думал,
Что я как славянин имею право
Захаживать к любому славянину,
Тем более, что я у вас в гостях.

МАЛЮТА

Московские послы у вас в Литве

Не хаживают к вашим иереям,

А ведь, кажись...

(Кивнув на Козлова)

А Юрку твоего,

Как он есть русский, а полякам служит,

Отправь немедля в Польшу.

ДОВОЙНА

За подарок

Сердечно государю благодарен!

Прошу, Скуратов, это передать.

Ходить к отцу Сильвестру перестану,

Хоть и не вижу в этом зла. Однако

Оставить ли Георгия в Москве

Или отправить в Польшу — дело это

Касается до одного меня.

Георгий служит Польше, как Малюта

Слуга Руси. Так чем он хуже вас?

МАЛЮТА

Так вот я, стало быть, и говорю,

Что Юрку надобно отправить в Польшу.

Прощайте.

Малюта кланяется и собирается уходить, но вдруг сапог его наткнулся на что-то мягкое. Приглядевшись, Малюта увидел зеленую, в белую елочку, рукавицу. Подымает её, разглядывает. Довойна бросил гневный взгляд на Козлова.

ДОВОЙНА

Э... Позвольте, пан Малюта...

Вы с полу нечто подняли?

МАЛЮТА

Ага.

ДОВОЙНА

И, кажется, что это...

МАЛЮТА

Рукавица.

ДОВОЙНА

Но ведь она не вам принадлежит?

МАЛЮТА (кладя рукавицу в карман)

Однако ж и не вам. Покойной ночи!

В келье — отец Сильвестр и Курбский.

КУРБСКИЙ

Малюта у Довойны.

СИЛЬВЕСТР

Ну и что же?

КУРБСКИЙ

Боюсь, не разузнал ли он про то,

Что ты, отец, ведешь с поляком дело

О единении церквей.

СИЛЬВЕСТР

Малюта

Не страшен мне, Михалыч. Страшен царь
Он знает все.

КУРБСКИЙ

Пустое.

СИЛЬВЕСТР

Всё, Михалыч!

КУРБСКИЙ

Да что же всё-то? Говори ясней.

СИЛЬВЕСТР

Он знает, что ходил ко мне Довойна,
И не единожды.

КУРБСКИЙ

И что же царь?

Лютует на тебя?

СИЛЬВЕСТР

Он очень сдержан.

Эх, кабы лютовал! Гроза пройдет,
И снова в небе синева проглянет.
А здесь не то. Всё тучи, тучи. Жутко!
Он говорит, что я, мол, ничего:
Я о душе забочусь, но Довойна
Мечтает, дескать, через нашу веру
Поставить Русь под короля.

КУРБСКИЙ

Так, так...

Ты знаешь ведь меня, Сильвестр? Я
Не робок от природы. Но сейчас
Я думаю, что будет очень кстати,
Коль ты отъедешь в монастырь.

СИЛЬВЕСТР

Ну нет!

КУРБСКИЙ

Страшна, Сильвестр, тихость Иоанна.
Подумай! Если сам ты отойдешь
От дел мирских — все подозренья канут
И царь, быть может, сам к тебе придет
И станет умолять о возвращенье.
Ведь он привык к твоим советам, отче.

Библиотека Ивана Грозного в подвале
Кремля. Царь сидит на лестнице-стремянке
и глядит в книгу. Перед ним стоит Малюта.

ЦАРЬ

Ну, далее.

МАЛЮТА

А дальше рукавица.

ЦАРЬ

Какая рукавица?!

МАЛЮТА (протягивая рукавицу)

Узнаешь?

Зеленая да в елку.

ЦАРЬ

Не припомню.

МАЛЮТА

Как на охоту с ловчими ходил,
Так беркуток сидел на рукавице,
Что в елочку зеленую была.
Не эта ли, Иван Васильич?

ЦАРЬ

А?

Поди ты прочь! Андрей Михайлыч
Курбский —

Дружок мой закадычный... Мы сыздетства,
Как два дубочка об едином корне.
Ступай себе... Ступай, я говорю!

Малюта уходит. Царь долго глядит на ру-
кавицу. Ладонь, державшая её, вздрагивает.
Входит постельничий Игнашка Вишняков.

ВИШНЯКОВ

Постель готова, государь!

ЦАРЬ

Чего?

ВИШНЯКОВ

Постель...

ЦАРЬ

Да, да, постель. Скажи, Игнатий:
Тут кто-то в переходах обронил
Перчатку...

ВИШНЯКОВ

Ну?

ЦАРЬ (протягивая ему рукавицу)

Чья это может быть?

ВИШНЯКОВ

А кто их знает!

ЦАРЬ

В елочку она.

Зеленая.

ВИШНЯКОВ (разглядывая)

А как же! Зелена.

Боярская, видать, Иван Васильич,
А чья вот — не скажу. Таких-то нынче
На всех увидишь. Многие их носят.

ЦАРЬ (обрадовавшись)

Конечно, многие, Игнаша! То-то!

Конечно, многие... Я так и думал.

Иди, голубчик, спи. А я потом.

Я здесь чуток над картой поколдую.

(Вишняков уходит)

Конечно, многие, Игнаша, милый...

Ах, если бы скорее поседеть!

Зимняя улица у подворья Сильвестра.
Всадник подплясывает на коне. Дождает-
ся кого-то. Наконец открылись ворота, и
выезжает Курбский. Козлов подскакивает
к нему, и оба они, придерживая коней,
поехали рядом.

КОЗЛОВ (шепчет)

Малюта... Рукавица... Пан Довойна...

Вскоре он круто сворачивает в сторону
и исчезает в метели. Курбский скачет
далее.

Рогатка. Фонарь. Стрельцы.

— Эй, караульщики!

— Кто едет?

— Князь Курбский. Живо!

Караульщики отбрасывают рогатки.

Всадник пронесется мимо.

— Опять Курбский. В который-то раз.

— Может, к войне?

— На Крым государь, слышать, собирается.

— На Крым? А чего ему там надобе? Ла-

поть о прошлый год забыл, что ли?
— На Крым али на дно морское — наше
с вами, ребята, дело малое. Не шлют —
замри, а пошлют — умри.

Царь и Курбский в царской библиотеке.
КУРБСКИЙ

Ты знаешь ведь меня, Иван Васильич:
Я пуше смерти ябед не терплю.
А тут еще такой-то человек!
Почти что друг!

ЦАРЬ

Ты говори. Не бойся.

КУРБСКИЙ

Я не тебя боюсь, Иван Васильич,
А совести. На близкого на друга
Как доносить?

ЦАРЬ

Донос доносу рознь.

Тут надо с осторожностью, Андрюша:
Коль не уверен в истине, безмолствуй!
Ужасная, Андрей, стихия — ложь.
Сперва как будто от неё и польза:
Хоть стыдненько, да сытненько. Солгал.
Оно, глядишь, избавился от кары.
Но дальше — больше. И приходит час,
Когда ты сам пред совестью своей
От правды кривду отличить не можешь.
Вот тут-то и конец душе, Андрей.
А без души — как жить?

Так если ты

Принес мне правду, говори открыто.
Не я прошу — господь тебя простит.

КУРБСКИЙ (глухо)

Боюсь, что не уверен.

ЦАРЬ

Что ж. Молчи.

Не наливай мне в уши яду.

КУРБСКИЙ

Нет.

Я всё-таки скажу. Казни аль милуй,
Скажу, господь помилует!

Сильвестр

С послем Довойной вел переговоры!

ЦАРЬ (лукаво)

Да ну? Окстись!

КУРБСКИЙ

О, ничего худого!

Об вере рассуждали, государь.
Но ведь отец Сильвестр, сам ты знаешь,
Муж святости. Он говорит о вере,
Как мы с тобою о Руси.

ЦАРЬ

Так, так...

КУРБСКИЙ

И если б, царь, всё дело бы в Сильвестре,
Я не пришел бы за полночь к тебе.
Но лях меня смущает! Он, Довойна,
Уже вцепился, гнусный, в протопопу,
Как паучище.

ЦАРЬ

Да неужли правда?

А ты откуда знаешь?

КУРБСКИЙ

От Довойны.

Сам сказывал! Я от него к тебе.

ЦАРЬ (подозрительно)

Немедля от него?

КУРБСКИЙ

Ну да. Немедля.

Замешкался маленько на дороге:
Перчатку где-то утерять. Ну, вот.
Разыскивал.

ЦАРЬ

Ах, так? А почему

Ходил ты к польскому послу Довойне?

КУРБСКИЙ

За этим и ходил, чтобы поляка
Заставить прямо в очи мне глядеть
И рассказать — об чем он вел беседы
С отцом Сильвестром.

ЦАРЬ

Ой ли? Да ведь это

Совсем не Курбского забота.

КУРБСКИЙ

Царь!

Всё, что касается твоей Руси,
Есть и моя забота.

ЦАРЬ (умилленно)

Золотой мой!

(Обнимает его, целует в голову).

Мне всё удача! Жизнь моя чудесна!

Есть у меня заветная подруга,

Есть у меня и беззаветный друг!

(Протягивает ему зеленую рукавицу)

Возьми вот рукавицу. Не твоя ли?

КУРБСКИЙ (удивленно)

Моя.

ЦАРЬ

Ну, ну. Метельщик подобрал.

КУРБСКИЙ (глядя на царя в упор)

Врешь! Подобрал её Малюта.

ЦАРЬ (уличенный)

Экой...

Уж раз я говорю «метельщик...»

КУРБСКИЙ

Так.

А ты уж и тово... И заподозрил?

ЦАРЬ (смущенно)

Да нет... Зачем же...

КУРБСКИЙ (твердо)

Заподозрил. Вижу.

И это друг? Ну, хорошо же. Ладно,
Запомню, государь.

ЦАРЬ

Да ну, пустое.

КУРБСКИЙ

Нет, дружба не пустое, государь!

ЦАРЬ (подлаживаясь)

Ну что ты — государь да государь...

Я для тебя — Иван.

(Бежит к пещеркам в стене, где навалены
книги)

Поди-к сюда.

Да ближе, ближе!
КУРБСКИЙ (сухо)
Здесь я, государь.
ЦАРЬ
Иван, я говорю!
КУРБСКИЙ
Не смею, право.
ЦАРЬ (подмигнув)
А к девкам, помнишь, лазили — дык смел?
(Курбский сдержанно улыбается).
ЦАРЬ (доставая из-под спуда четыре
подковы на цепи)
Возьми-ка. Новгородцы подарили.
Серебряные, не какие... На-к!
Бери, бери! Тебе они нужнее:
Чай, воевода!
(Задумывается)
Как станешь воевать, Андрей Михалыч?
КУРБСКИЙ
Дык уж тебе известно. Коли вспомнишь
Хотя бы Шиворонь...
ЦАРЬ
Ага. Желаеть
Врага в открытом поле промышлять?
Не то, Андрей.
КУРБСКИЙ
А как его?
ЦАРЬ
Не то.
Ливонец не татарин. У татар
Воюет конь, а у ливонцев — крепость,
А потому веди большой огонь,
Дыши, брат, пламенем! Ходи пожаром!
И ежели надежду оправдаешь,
Мы выйдем к морю... Понимаешь, друг?
Мечта-то наша... А?
КУРБСКИЙ
Но как же поп?
ЦАРЬ
Который поп?
КУРБСКИЙ
Я это о Сильвестре.
Так как же с протопопом-то?
ЦАРЬ (досадливо)
Пустое!
КУРБСКИЙ
А всё же?
ЦАРЬ
Протопопа — в монастырь!

Палата князя Владимира Старицкого.
Князь Владимир, мать его Евфросиния и
Сильвестр.
СИЛЬВЕСТР
Проститься с вами я пришел, увы.
СТАРИЦКИЙ
Проститься?
СИЛЬВЕСТР
Да уж. Мною недовольны.
СТАРИЦКИЙ
Куда ж ты?

СИЛЬВЕСТР
В Соловецкий монастырь.
Итак, прощай!
ЕВФРОСИНИЯ
Прощай, да не навеки.
СИЛЬВЕСТР (горько усмехаясь)
Вернут меня? Не верю.
ЕВФРОСИНИЯ
Царь Иван,
Тот не вернет.
СИЛЬВЕСТР
А кто же?
ЕВФРОСИНИЯ (кивая на сына)
Царь Владимир!
ВЛАДИМИР
Тсс.. Тише!
ЕВФРОСИНИЯ
Отче! Ты не унывай.
Ты здесь в Москве, как ворон на снегу:
Всем виден да приметен. Ну а там...
Оттуда-то... Была бы голова,
А руки ведь достанут и оттуда.
СИЛЬВЕСТР (глядя печально на
старуху)
Покуда вся Захарьиных семья
Стеной стоит у царского престола,
Владимиру не царствовать.
ЕВФРОСИНИЯ (вздыхая)
Ох, ох...
СИЛЬВЕСТР
Но ежели бы... их... поодиночке...
ВЛАДИМИР (испуганно)
Ну нет! Того нельзя! Ты что, рехнулся?
Один помрет. Другой помрет. Нельзя!
Царь всполошится...
ЕВФРОСИНИЯ
А зачем же братьев?
Коль — царство ей небесное — Настасья
Нечаянно преставится — братишки,
Глядишь, и отпадут.
ВЛАДИМИР (в ужасе)
Анастасия?
Преставится?
ЕВФРОСИНИЯ
Нечаянно — сказала.
СИЛЬВЕСТР
Ну что ж. Смотрите, как оно сподручней.
Обдумайте. А я из Соловков
В собор кремлевский — что ни понедельник —
Послушников налажу отправлять.
ЕВФРОСИНИЯ
Из такой дали-то?
СИЛЬВЕСТР
Расстоянье
Для чернеца, княгиня, не помеха,
Когда идет он за святой водицей.
К Успенской богоматери в Москву.
И сразу — могучий колокольный звон.
Надпись: «1558».

Соловецкий монастырь. Сильвестр пишет. Нефедыч долго и тщательно обувается.

НЕФЕДЫЧ

Слыхал, отец? Война-то на Руси!

С ливонцами. А Курбский — воеводой.

СИЛЬВЕСТР

А ты откуда знаешь?

НЕФЕДЫЧ

Да оттуда ж.

Молельщики явились. Гуторят.

СИЛЬВЕСТР

Не наша тут заботушка, Нефедыч.

Мы люди божьи.

(Пишет)

Нынче понедельник?

НЕФЕДЫЧ

Ну да.

СИЛЬВЕСТР

Пошто же ты сидишь, Нефедыч?

НЕФЕДЫЧ

Дай время, отче. На Москву идти —

Не то, что к лопарям на деревеньку.

СИЛЬВЕСТР

Бочонок взял?

НЕФЕДЫЧ

Со мной, отец, со мной.

СИЛЬВЕСТР (поднимаясь и потягиваясь)

В бочонок, стало быть, святой воды,

А этот туесок отдашь царице.

(Подходит к уголку и выносит плетенку с горловиной)

Здесь мирра. Коль отведает глоток,

То сына понесет. Да не такого,

Как прежний, что в корытце утонул,—

Богатыря!

(Нефедыч берет в руки туесок и раздумчиво повертывает его всеми сторонами).

Ты скажешь ей, Нефедыч,

Что видел сон иль прочее такое,

Иначе пить она не станет. Понял?

Нефедыч поднимает глаза на Сильвестра и глядит на него долгим взглядом.

Бранный клич военных труб.

Рука в зеленой, в елку, рукавице держит знамя, наклоненное к западу. Развеваясь на ветру, оно летит, крылатое, как боевой орел.

В том же наклоне движется за ним шапка-ерихонка князя Курбского со взмахивающими железными бармицами.

Мчатся за Курбским железные шишаки русских, напоминая иконописное воинство.

Готическая надпись: «Мариенбург».

Крепость. Русские отступают. Поле перед крепостью оголено. На взлобке, глядя из-под руки, стоит воевода Щенятев и рудознатец Ивашка Выродков.

Выродков бормочет скороговоркой: «Господи, благослови... Господи, благослови...»

Господи, благослови...» И вдруг зычно: «Дава-а-ай!»

Взрыв, другой, третий. Стены Мариенбурга медленно оползают, как растаявшая льдина. Дым. Чад. Копоть. Русские мчатся на запад. Лицо Курбского.

Сплошная длительная битва, кипящая, как муравейник. Одна готическая надпись сменяет другую, но теперь буквы уже идут по самой панораме сражения, которому нет конца и края: «КУРСЛАВА»... «УЛЬЦЕН»... «АЛЬТЕНТУРМ»...

КУРБСКИЙ (восторженно)

Мариенбург, Курслава, Альтентурм...

Ура! Я вижу море! О, господь!

Прости мне мысли грешные мои,

Что, вороньём кружась над головою,

Толкали сердце на худое дело!

И ты, Иван, хоть ни о чём не знаешь,

Прости в неведение... Я русский! Русский!

Курслава... Ульцен... Два иль три похода,

И перед нами — Ревель, Кольвань!

Зажмурясь, он смеётся счастливым смехом.

Польша. Король Сигизмунд-Август, князь Радзивилл и гермейстер Ордена Меченосцев Фаренсбах.

ФАРЕНСБАХ (угрюмо)

Чего бы вы хотели?

СИГИЗМУНД

Ничего.

ФАРЕНСБАХ

Ваше величество! Возможно ль это?

Клянусь вам: наше Братство. Меченосцев Объявит вас святым!

СИГИЗМУНД (улыбаясь)

Не стоит, рыцарь,

Я слишком грешен. Пусть Ливонский Орден Меня объявит только государем Ливонии — мне большего не нужно.

ФАРЕНСБАХ

Вас? Госуда... А как же орденмейстер?

СИГИЗМУНД

О, Готгарда я не обижу... Готгард

Наследственное герцогство получит.

Монах ведь не монарх. Он будет рад!

Не правда ли?

РАДЗИВИЛЛ

Вполне!

СИГИЗМУНД

Князь Радзивилл!

Вы будете наместником Ливонским.

Замок в Вольмаре. Князь Радзивилл и Довойна глядят из окна на огромный лагерь наемников.

РАДЗИВИЛЛ

Семь королей своих солдат прислали.
Их будет до семидесяти тысяч.
Но русских больше.

ДОВОЙНА

Пан боится русских?

РАДЗИВИЛЛ

Боюсь того, чего не знаю, пан.

ДОВОЙНА

Но я-то русских преотлично знаю...
И коли пан у короля попросит
Уютный городишко для меня,
Я мог бы сделать кое-что такое,
Что принесло бы пану королю
Пятнадцать, двадцать, тридцать городишек!

РАДЗИВИЛЛ

Что пан имеет в мыслях?

ДОВОЙНА

То есть тайна.

РАДЗИВИЛЛ

Прошу вас, пане: городишко ваш.

ДОВОЙНА (кричит)

Козлов!

(Входит Козлов)

ДОВОЙНА (Радзивиллу)

Клянись перед паном богом!

Радзивилл поднимает руку.

Ночь. Боевая застава русских.

Козлов на коне поднимается из воды к за-
ставе.

— Кто?

— Перебежчик из Литвы.

— Куда?

— К большому воеводе.

— Гей, Шибанов!

— Литовец к воеводе. Проводи.

Шатёр Курбского. Курбский и Козлов.

КУРБСКИЙ

Ты передай, Козлов, что, дескать, Курбский
Не помнит, кто таков поляк Довойна.

КОЗЛОВ (невозмутимо)

А дальше пан Довойна говорит,
Что за услугу такову король
Тебя осыплет милостями вдосталь.

КУРБСКИЙ

Ты передай, что Курбский не припомнит
С Довойною какой-либо беседы.

КОЗЛОВ

А может, князь припомнит рукавицу?

КУРБСКИЙ

Какую?

КОЗЛОВ

А зеленую! Какую ж?

КУРБСКИЙ (усмехаясь)

О! С этим всё покончено, Козлов.

КОЗЛОВ

И обещается ещё Довойна,
Что будешь в сейме заседать как шляхтич

И станешь именит. Получишь землю.
Поместье Ковельское, например.

КУРБСКИЙ (фыркнув)

Заместо Ярославльского?

КОЗЛОВ

На время!

На малое на время до победы!
Когда ж король низложит Иоанна,
То ты, князь Курбский...

Неожиданно для обоих в шатёр входит
Адашев, одетый по-дорожному. Козлов
обомлел. Курбский сощурил глаза.

АДАШЕВ (изумлённо)

Батюшки! Козлов!

В шатре у воеводы?

КУРБСКИЙ (весь красный)

Сядь и слушай.

Адашев недоуменно садится.

КУРБСКИЙ (Козлову)

Итак, король мне обещает Ковель?

КОЗЛОВ (косясь на Адашева)

Коли желаешь...

КУРБСКИЙ

У какого места

Я должен буду в Польшу перейти?

Адашев в ужасе подымается.

КОЗЛОВ

Есть городок Вольмар. Припоминаешь?

КУРБСКИЙ

Какой же знак мне должно им подать,
Чтобы ко мне явились под Вольмаром?

КОЗЛОВ

Знак? Два костра.

КУРБСКИЙ

Понятно. Это всё?

КОЗЛОВ

Да, коли всё понятно...

КУРБСКИЙ (вставая)

Так. Отлично.

Гей, стража!

(Входит Шибанов)

КУРБСКИЙ (указывая рукавицей на
Козлова)

Эту гадину повесить.

Шибанов молча уводит Козлова, который
от неожиданности не в силах вымолвить
ни слова.

АДАШЕВ (восторженно)

Прекрасно, Курбский! Ты велик... Велик...

Да! Царь не понимает бытия,
И нам с тобою овладеть бы Русью —
Большое дело для Руси. Но так?
Изменически? Гнусною повадкой?
Нет! Ну, прощай, родимый...

КУРБСКИЙ

Погоди.

Пред нами семиглавый неприятель.
Бог весть, увидимся ли мы, Адашев.
Давай хоть выпьем.

АДАШЕВ

Что же, я не прочь.

Один-то кубок можно. Но не больше!
Я тороплюсь: я, княже, во Феллин.

(С презрительной усмешкой)

Ведь я отныне там бургмейстер — во как!

КУРБСКИЙ (наливая вина в кубки)

Дружили мы с тобой нехудо, верно?

АДАШЕВ

Как так — дружили? И сейчас дружим.
Ну, будь здоров!

Пьёт. Курбский глядит на него печальным
взглядом. Адашев крикнул и со звоном по-
ставил кубок на стол: он сразу охмелел.

А ты зачем не выпил?

КУРБСКИЙ

Ох, загляделся...

АДАШЕВ

Экой ты какой!

Курбский пьёт. Адашев глядит на него
умиленно.

Ну, мне пора. Прощай, Андрей Михалыч!

Я во Феллин. Я там сейчас бургмейстер...

А об твоей с предателем расправе

Я непременно доложу царю.

Подумать только: обещает Ковель

И место уж назначил под Вольмаром,

Да два костра... А нас и не спросил!

Ах, ироды.

(смеётся)

Оба выходят из шатра. У самого шатра —
дерево, на котором висит Козлов. Адашев
отшатнулся.

КУРБСКИЙ

Адашеву коня!

Подвели коня. Адашев поднялся в седло,
пьяно улыбнулся Курбскому, хлестнул ло-
шадь и пошел наёмом.

КУРБСКИЙ

Шибанов!

ШИБАНОВ

Я.

КУРБСКИЙ (тихо)

Зачем же ты, Шибанов,

Без спросу допустил его ко мне?

ШИБАНОВ

А он и не спросясь. Ведь он — Адашев!

КУРБСКИЙ (мягко)

Ну вот. Теперь за это упущенье

Тебе его придется догонять.

ШИБАНОВ

Пошто?

КУРБСКИЙ

Сам понимай.

ШИБАНОВ (сразу помрачнев)

Не жалко друга,

Андрей Михайлыч?

КУРБСКИЙ

Жалко, Вася, жалко.

Да ведь себя жалчей. А я погибну —

Погибнет и Шибанов, мой слуга.

Ужели царь моих дружков не тронет?

Шибанов медленно садится на коня, мед-
ленно разбирает узду и, опустив голову,

6*

медленно едет за Адашевым. Курбский гля-
дит ему вослед, затем вздыхает и возвра-
щается в шатер.

Москва. Кремль. Ночь.

Дворик у царского жилья, освещенный
фонариками всех цветов. Царь в портах и
рубаше и Анастасия в длинном летнике ка-
чаются на качели.

АНАСТАСИЯ

Преславен город Муром!

ЦАРЬ (приседая)

Юрьев-Дерпт!

АНАСТАСИЯ

Преславен город Тула!

ЦАРЬ

Белый Камень!

АНАСТАСИЯ

Преславен город Новгород!

ЦАРЬ

Феллин!

Оба весело смеются. Тем временем появ-
ляются Евфросиния и Владимир Старицкий.
Они медленно шествуют к качели. Царь
спрыгнул, на руках снял жену и закружил
её вокруг себя. Старицких они не видят.
Вот он поставил Анастасию на землю, обнял
её за плечи и тихонько с нею побрел.

ЦАРЬ (упоенно)

Ах, Настя! По неволе по конечной,

Смотря по нынешнему состоянию,

Что Орден есть последняя преграда,

Я должен был бы, как и под Казанью,

Сам предводительствовать нашей ратью

В Ливонии. Но вы смотрите сами:

Как мне отъехать, коли здесь у нас

Всяк об себе, а о Руси — никто?

И вот пошел Андрюша. Ах, любимый!

Он взял уж Юрьев и Феллин, и Гапсаль...

Он, верно, видит море! А, Настюша?

Конечно, видит!

АНАСТАСИЯ (улыбаясь)

Видит!

ЦАРЬ

Боже мой...

Андрюша видит море...

Появляется Игнатий Вишняков, который,

обогнув Евфросинию, направляется к Ивану.

ВИШНЯКОВ

Государь!

ЕВФРОСИНИЯ (хватая его за рукав)

Чего тебе?

ВИШНЯКОВ

Нефедыч от Сильвестра.

ЦАРЬ

Нефедыч?

ВИШНЯКОВ

Он. Из самых Соловков.

АНАСТАСИЯ

Гони его, Игнашка, в шею!

ЕВФРОСИНИЯ

Настя!

Да ведь Нефедыч сам не протопоп.

Пошто беситься?

ВЛАДИМИР

Пусть придет, болезный.

Тому-то пир, а этому похмелье.

Зачем же изгоняют его?

ЦАРЬ (благодарно)

И то:

Нефедыч не Сильвестр. Позовите.

А я пойду. Мне с вами недосуг.

Почеловав Анастасию, царь уходит. Женщины садятся на лавочку. Владимир стоит подле. Анастасия утирает рукавом увлажненный лоб. Вишняков тем временем вводит во дворик Нефедыча.

ЕВФРОСИНИЯ

Ты что, Нефедыч?

НЕФЕДЫЧ

За святой водицей.

АНАСТАСИЯ

Пошто же ты за ней пришел сюда?

Чай, мы не богородицы.

НЕФЕДЫЧ

Дык взял уж.

Вот — во сосуде.

ВЛАДИМИР

А теперь домой?

НЕФЕДЫЧ

Ну да. Обратю в Соловецкий.

ВЛАДИМИР

Тяжко?

НЕФЕДЫЧ

Зачем же тяжело? Русь — она повсюду.

АНАСТАСИЯ

Вот и ступай. Пошто же ты...

ЕВФРОСИНИЯ

Настасья!

Угомонись.

ВЛАДИМИР

Да ты садись, Нефедыч.

Рассказывай. Ты повидал немало,

Как шел в Москву. Небось медведя встретил?

НЕФЕДЫЧ

Медведя не видал, но видел сон.

ЕВФРОСИНИЯ

Ой, расскажи, Нефедыч!

ВЛАДИМИР

Сон-то вещей?

НЕФЕДЫЧ

А это уж глядите сами.

ВЛАДИМИР

Вон что!

Ну, расскажи, Нефедыч, сделай милость!

ЕВФРОСИНИЯ

Да не артачься, милый!

НЕФЕДЫЧ (вопросительно глядя в глаза Анастасии)

Как царица?

ВЛАДИМИР (умоляюще)

Настасьюшка...

АНАСТАСИЯ (сухо)

Ну что же, расскажи.

НЕФЕДЫЧ

Как шел я бором сквозь глухие дебри,

Двуствольную увидел вдруг березу.

Глухой бор, но не живой, а картинный, будто рисованный. Из темных зарослей выходит на полянку Нефедыч, бодро постукивая посохом. И сам Нефедыч кажется сейчас иконописцем, сказочным.

ГОЛОС НЕФЕДЫЧА

В ту пору спать мне вовсе не хотелось,

Но как увидел — будто чья-то воля

Взяла меня за плечи, привела,

К стволу-то прислонила и сморила.

И тут-то, братцы, я увидел сон:

Явилось мне пречистое виденье.

Евфросиния, Владимир и Анастасия жадно глядят на рассказчика.

НЕФЕДЫЧ

Я хоть и сплю, а жмурюсь плотней —

От страху то-ись. Может, испарится?

Но только слышу, говорит мне голос:

«Из сей березы станет капать мирра.

Сбери его да отнеси царице.

Как отопьет — родит она младенца.

Он будет вам наследником престола,

Все прочие до трона не дойдут».

(Анастасия ахнула)

Очнулся — нету никого. Встаю

И сразу же к березе. Вижу: верно,

Из трещины в коре стекает струйка...

Добрал смолки — жидко, для водицы — густо.

Собрал её в домашний туесок,

Ну и принес. А дальше — дело ваше.

Теперь пойду. Прощайте.

ЕВФРОСИНИЯ

Погоди!

Виденье это было — ангел?

НЕФЕДЫЧ

Ангел.

ЕВФРОСИНИЯ (деловито)

И херувим аль серафим?

НЕФЕДЫЧ

Не вспомню.

Да я в упор и не глядел. Боялся.

ВЛАДИМИР

Да крыльев сколько: шестеро аль два?

НЕФЕДЫЧ

Не вспомню, милый... Хоть убей — не вспомню.

Пресветлое такое... Неземное...

А крыльев не считал. Ну, я пойду.

АНАСТАСИЯ (скрывая волнение)

Постой, Нефедыч... Ты меня прости...

Сурова я была с тобою.

НЕФЕДЫЧ

Ладно.

Я не в обиде. Кто таков Нефедыч?

Соборный служка.

АНАСТАСИЯ

На-ка вот. Бери!

Снимает с пальца золотой перстень и протягивает Нефедычу. Старик жадно хватает перстень. Руки его дрожат.

НЕФЕДЫЧ

Спасибо, государыня, спасибо...

Уж подлинно сказать-то: царский дар!

Дай бог те долгой жизни... Туесок —

Он ладный. Из бересты. А вот мирра —

Кто его знает...

ЕВФРОСИНИЯ

Ты, старик, ступай!

НЕФЕДЫЧ

Велели — я и вот он! Туесок...

А в туеске-то, может, и водица,

А, может, и...

ЕВФРОСИНИЯ

Ступай, ступай, ступай!

Евфросиния выпроваживает его. Анастасия ничего не видит, не слышит. Она держит обеими руками туесок и расширенными глазами глядит вдаль.

Шатер Курбского. Курбский и Довойна.

ДОВОЙНА

Козлов повешен вами?

КУРБСКИЙ (спокойно)

Мною.

ДОВОЙНА

Так.

А кто убил... Адашева? Шибанов?

КУРБСКИЙ (вскочив)

Как вы узнали?

ДОВОЙНА

Соглядатство, пане.

Теперь вы, пане, видите, что вам

От нас деваться некуда. Не так ли?

Всё как по шахматам, не так ли?

Собор в Москве. Ночь. Свечи. Гроб с телом Анастасии. У гроба на ступеньке — одетый в чёрное шут. Он сидит с закрытыми глазами, припав головой к покрывалу. Царь мечется по собору. За ним мечется по иконам страшная его тень. Он точно обезумел.

ЦАРЬ

О, господи... О, боже... Что мне делать? Что было у меня? Она да друг.

Мать отравили... Сына утопили...

Она да друг. О, господи... Мертва!

Мертва? Не может быть... Ана-ста-сия!!!

(Соборное эхо повторяет имя царицы. Иван бежит ко гробу, схватывает жену в объятия и прикивает к её лицу головой. Зажженная свеча из рук мертвой падает на пол)

Настюша... Ну очнися... Дорогая!

Очнися, родненкья...

(Пламя свечи подхватывает край гробового покрывала)

Да очнись!!!

Иван бешено трясет Анастасию за плечи, глядит на её закинутую голову и сразу снижает, в бессилии опускается на ступеньку помоста. Бессмысленно глядит на загоревшееся покрывало.

Шут, который сначала в испуге съежился и отбежал, теперь выходит на свет, снова подымается ко гробу, гасит пламя, укладывает царицу во гробе согласно благочинию, скрещивает ей руки, вкладывает в них свечу, потом спускается по ступенькам и садится рядом с царем.

ЦАРЬ

Что, братец? Нет у нас с тобой царицы...

Кто будет шалости с тобой водить?

Кто будет разговаривать-журчать

Со мной ночами до зари?

(С рыданием)

Ах, Настя!

Царь встает. Сутулый и как-то сразу одряхлевший, снова спускается к образам. Разговаривает с ними тихо, задушевно, по-домашнему.

ЦАРЬ

Никола, а, Никола! Подсоби!

Сам видишь... Власий! Помоги мне, Власий!

Предтеча... Ты-то тезоименитый!

А? Тезоименитый... Ну? Иване!

В собор вошли Евфросиния, Владимир, Курлятов, братья Юрьевы-Захарьины.

ЕВФРОСИНИЯ (шепотом)

Вы, братья, ко сестре своей подите!

Молитесь за неё. А к государю

Отныне вам дороги нет.

ЗАХАРЬИН

Пошто?

ЕВФРОСИНИЯ

Да вы-то уж теперь-то не шурья!

(Подходит к царю)

На богомолье надо бы, Иван.

ЦАРЬ

На богомолье...

Евфросиния берет его под руку и, подмигнув сыну, чтобы тот взял царя с другой стороны, ведет его к выходу.

ЕВФРОСИНИЯ

Нешто тут молитва?

Сверканье да пышность. Суета, Прости мне, господи, словцо такое. Вдобавок пропасть всякого народу.

ЦАРЬ

Народу...

ЕВФРОСИНИЯ

Ну и я с тобой поеду.

Схороним и поедем. Ладно?

ЦАРЬ

Ладно.

(Вдруг встрепенулся)
Схороним, говоришь? Кого схороним?
О, господи... О, боже мой... Настюша!
Чего мне делать? Я-то сам да друг!..

Дворец князя Радзивилла в Вольмаре.
Курбский один. Он пишет послание к царю
Иоанну. На столе горит оплывшая свеча.

КУРБСКИЙ
«И кровь моя, излитая за Русь,
Яко вода горячая — отныне
Ко богу вопиет на тя, Иване!
Не вем себя... И в мыслях не найдох
Ни в чем же пред тобою согрешивша...»
(Грызет перо. Ищет слов)
«Хождах я перед войском...»
(Снова грызет перо)
Рассвело.

(Задул свечу. Синее окно стало алее, золоти-
стее — и сразу выплыли стрельчатые
костелы и острые крыши литовского города)
Зачем пишу? Ищу ли оправданья
В глазах царя? Иль для себя пишу?

(Сжал голову руками)
Нет, бегство не всегда измена. Нет!
От праотцов я в вотчине своей
Был самодержцем. Но Иван желает,
Чтоб царство Ярославское мое
Влилось в Русь, как речка в океан.
Но, стало быть, на нашей на Руси
Отныне безбоярщина настанет:
Ведь не боярин тот, над кем сидит
Другой боярин, хоть и царь московский!
(С новой страстью принимается за перо)
«Хождах пред войском и не исхождах.
Никого тебе бесчестья — токми
Одни пресветлые победы, царь,
Аз помощью ангела господня,
Бывало, приведохом...»
(Поднимает голову. Смотрит на литовский
город)

В чем измена?
Измена ль то, когда свободный сокол,
Завидя рядом грозного орла,
Навек покинет теплое гнездо
И улетает в поиске свободы?

Входят князь Радзивилл и Довойна.
ДОВОЙНА (указывая на Курбского)
Князь Курбский!

РАДЗИВИЛЛ (с полупоклоном)
Крайне лестно. Радзивилл.

Берег реки. Очертания города Вольмара.
Два потухших костра. Малюта, воины и со-
кольничий Антипка.

АНТИПКА
Да вот они, следы-то.

МАЛЮТА
Ну, следы.
Да почему же Курбского?
АНТИПКА

А чьи же?
Ведь он один из всей из нашей рати
Коня подковывает серебром.
А в серебре-то молодец оттиснут
С воскрыльями на шлеме. Вот он! Вот он!
МАЛЮТА

Не врешь?
АНТИПКА
Гляди-тко: молодец! И здесь!
И тут. И вот тут.

Песок у отмели. На песке следы подков
с отпечатком головы Меркурия. Малюта
разглядывает их.

МАЛЮТА
А ведь правда:
Мальчонка с крылышками на мурмолке.

АНТИПКА
Ну он и есть. А кто ж ещё-то? Курбский!
Так пряменько на речку и уходит.

МАЛЮТА
На городок Вольмар?
АНТИПКА
А то куда ж?

Вольмар. Дворец князя Радзивилла.
РАДЗИВИЛЛ (раскинув на столе
карту)

У Полоцка произойдет скопление
Семидесяти тысяч наших войск.
Здесь орденские рыцари, конечно,
Но более поляков да литовцев,
Датчан, германцев, венгров и валахов.
Главенство же над этими войсками
Мы, князь, отныне поручаем вам.

КУРБСКИЙ (вздвогнув)
Мне?
ДОВОЙНА
О, какая честь! Благодарите!

РАДЗИВИЛЛ
Ведь вам, пан Курбский, ведомо отлично,
Где слабое, где сильное крыло
Московской рати и откуда легче
Подмять его иль вовсе обрубить.

ДОВОЙНА
Ну разумеется! Ещё бы!
КУРБСКИЙ

Князь!
Я не изменник. Я беглец — и только.
Я русской крови не пролью.

РАДЗИВИЛЛ
Изменник?

Кто говорит об этом, пане? Вы
Есть полководец. Ныне вам дают
Великое обученное войско

Семи народов. Это ли не слава?
КУРБСКИЙ
Не славы я пришел сюда искать —
Свободы!

РАДЗИВИЛЛ (сухо)
Но... вы можете обрести
Темницу, пан.

ДОВОЙНА (примиряюще)
Но это лишь тогда,
Когда откажетесь от полководства,
Не правда ли, пан Радзивилл?

РАДЗИВИЛЛ
О да!

Легкий полупоклон — и Радзивилл уходит. Довойна трусливо следует за ним, боясь остаться наедине с Курбским. Но Курбский этого не заметил. Глубоко подавленный движется он по залу, сам не зная зачем. И вдруг увидел себя в зеркале. Он содрогнулся. Затем приблизился к зеркалу и глядит, точно впервые себя видит.

КУРБСКИЙ
Глаза как будто те же... Те же губы...
Лицо — мое. Но сквозь него глядится
Какой-то лик. Чужой. Как будто чуждый.
Да полно, ты ли это? На Руси
Андрей Михалыч Курбский был сверкающ
Не только бранной славой, а и честью.
Но как же всё это случилось? Как?!
Да, я воевал опасные беседы
С крамольными боярами да с ляхом.
Но что беседа? Это гул пустой.
Я дел-то не вершил! Как говорят:
«Valentia non quam injuria»^x
Я, государь, из шапки Мономаха
Остиночки не выдернул! Я чист!

Поле. Дорога на Москву. Малюта и два
всадника мчатся, припавши к гривам коней.

Вольмар. Дворец князя Радзивилла.
КУРБСКИЙ (у зеркала)
Козлов... Но как же не казнить Козлова,
Когда вошёл Адашев? Чем иначе
Спасти от подозренья? Но потом
Я понял, что душевный друг Адашев
Поведает о подвиге царю...
А у царя-то ум, как молонья.
А царь Иван... Иван не умилится,
Он скажет: «Э! Коли пришли к Андрею
С изменническим делом от поляков,
Знать есть за что! К другому не придут!»
Увы... Пришлось с Адашевым покончить:
Не оставлять же «языка»? Но тут
Явился лях и обличил меня,

Как если б сам повешенный явился.
Пришлось бежать к тому же ляху. Ладно.
Здесь, думалось, конец моим злодействам,
Которых — видит бог — я не искал,
Однако же которые меня,
Меня искали! Вот она, судьбина!
Ведь не было на то моей-то воли!
Я ничего. Я лишь один беседы.
Но за беседой выскочил Козлов,
А тут уж и Адашева втянуло —
И сразу всё пошло само собой!
Я только знай повёртывался... Что ж?
Не лезть же под топор?!

(Всматривается в зеркало)
Глаза всё те же.

Всё те же губы. Господи... Я страшен!

Крепость Полоцк. Вдалеке, на холме перед
русским лагерем, стоят воевода Щенятев
и Алексей Басманов.

ЩЕНЯТЕВ (глядя из-под руки на цвет-
ной шатёр)

Шатер-то командорский?
БАСМАНОВ

Командорский.

ЩЕНЯТЕВ

А перед ним, пожалуй, командор?
Или гермейстер... Как их? Не упомню.

БАСМАНОВ (вглядываясь)

Щенятев!

ЩЕНЯТЕВ

Аиньки?

БАСМАНОВ

А ведь гермейстер —

Никто как наш Андрей Михалыч.

ЩЕНЯТЕВ (дико)

Врёшь!

БАСМАНОВ (убежденно)

Андрей! Михалыч!!!

ЩЕНЯТЕВ

Слушай, друг Басманов:

Ты понимаешь, что ты говоришь?

БАСМАНОВ

Да вот те крест — Андрей Михалыч!
В и ж у!!!

Холм командора в виду крепости Полоцка,
Перед шатром Курбский.

КУРБСКИЙ

Давно ли, Курбский, ты стоял вот так
Перед такой же крепостью на Волге?
Вокруг меня то пела, то гудела
Родная речь... Вокруг меня толпились
Родные лица москвичей, смолян,
Владимирцев, белёвцев, ярославцев...
Каким я был тогда счастливым!

ДОВОЙНА (подойдя)

Князь!

Не время ль начинать?

КУРБСКИЙ (не глядя)

А где датчане?

^x Желание еще не создает преступление (лат.).

ДОВОЙНА
Не подошли. Да их не очень много.
КУРБСКИЙ
Но им ведь обещали остров Эзель?
ДОВОЙНА
Почти.
КУРБСКИЙ
Тогда пускай они воюют.
ДОВОЙНА
Что за упрямство, князь? Ведь вам известно...
КУРБСКИЙ (резко)
Без Дании мы, сударь, не начнем.
ДОВОЙНА
Ну хорошо. Появятся датчане,
Но запоздают венгры. Вы опять
Заявите, что битвы не начнете.
КУРБСКИЙ (с надеждой)
А разве нет венгерцев?
ДОВОЙНА
Что вы, что вы!
Венгерцы здесь, и все валахи здесь,
Ну, разумеется, Литва, поляки.
Одни датчане...
КУРБСКИЙ
Подождем датчан.

Москва. Кремль.
В Золотой Палате — строй русских красавиц со всех краев государства. Перед ними старик Курлятев. Он широко раскрывает дверь и удаляется. В палату входят рынды, которыми распоряжается Захарьин-Старшой. Подняв секиры, они становятся по обеим сторонам входа. Глаза всех девушек устремлены к раскрытым дверям. И вот из двери в Палату важно входит гусь, запряженный в тележку. На тележке шут, вытянув вперед валенки, подъезжает к девушкам. На повороте вдруг становится ясно, что валенки пусты, а ноги шута упираются сзади в пол и двигают тележку за гусем. Остановившись, шут соскакивает и вытаскивает маленькую лестницу-стремянку.

ШУТ
Эй, девки! Слушаться меня! Понятно?
Я есть царев пособник. Что ни день
Я перед тем, как государю кушать,
Его еду отведывать обязан.
Что одобряю, то Иван и ест.
Отныне царь жениться замышляет.
Ну, стало быть, как я царев пособник,
То должен все отведать поцелуи
От первой до последней девки.
Кого одобрю, ту-то царь и... Смирно!

Он подходит к первой — высокой и статной боярышне, утверждает стремянку и поднимается по ступенькам, становясь девушке под рост.

ШУТ
Как звать?
БОЯРЫШНЯ
Анфусой.
Шут протягивает к ней губы, но девушка закрывается рукавом.

ШУТ
Но, но, но... Не балуй!
Отдирает её руку и целует в щеку. Затем задумался, жуя губами, точно пробует вкус.

ШУТ
Солодко. Ничего. Теперь второй.
(Боярышня снова закрывается)
Тпру, ты! Анфуска-дура! Надо трижды. Обычай. Слышишь? Тут тебе не дома!

Он снова отдирает её рукав, целует в другую щеку, но на третий раз пытается поцеловать её в губы, за что получает такую затрещину, от которой летит в сторону вместе со своей стремянкой. Звонкий девичий хохот.

ОДНА ИЗ ДЕВУШЕК
Что? Сладки ли все три?

ШУТ (потирая бок)
Четвертый лишний.

Снова смех. И вдруг обрывается: девушки увидели Курлятева, который, забегая вперед, ведет Ивана. Рядом с царем митрополит Макарий, далее глава телохранителей Захарьин, за ним Евфросиния, Владимир, бояре.

МАКАРИЙ (царю)
Грешно пред богом убиваться эдак.
Все смертны. Все преставимся. Христос
Воззвал к себе царицу — и она
В небесной тверди. Ты же на земле.
И, стало быть, твори свое. Земное.

ЕВФРОСИНИЯ
Святая истина, отец Макарий!
Святая истина!

ВЛАДИМИР (матери)
Пошто ты, мать?
Что мне-то пользы от его женитьбы?
ЕВФРОСИНИЯ

Молчи. Не всё же сразу. Поначалу
Избавимся от Юрьевых. Иван
Всё жалует их, помня про Настасью,
А коли он оженится...

ВЛАДИМИР
Понял.

КУРЛЯТЕВ (к царю)
Здесь, государь, боярышни твои
Со всех краев Руси. Тут вологжанки...
Они белым-белы, светловолосы,
Высоки, статны и довольны телом.
А поведут плечом — душа займётся!
Смолянки — эти гибки и тонки,
Да с огоньком. А ходят, будто пляшут.
Рязанки тут, великий государь:

Чуток туманны и чуток раскосы,
Татарской кровью тронутые в предках.
Москвички — распрекрасная утеха,
Затем что все живые, озорные...
А уж с лица! Взгляни хотя на эту:
Ведь брови-то — пушные соболя!
Не нравится?

(Иван проходит мимо)

Ну, а вот эта пава?

(Иван глядит равнодушно и снова шествует
дальше)

Не нравится и эта?

ШУТ (в хвосте шествия)

Хороши!

Ну, хороши! Одна другой-то краше!
Пустить меня бы в этот лебедятник,
Уж я бы показал им!

ЕВФРОСИНИЯ

ТЬфу ты, пёс!

И показать-то неча!

ШУТ (поглаживая бороденку)

А! Ревнуешь?

ЦАРЬ (Макарию)

Ты вот что... Отпусти меня, отец.
Невозмогу. Душа полна одною,
А эта вот единая — мертва.

МАКАРИЙ

Се ересь, государь. Анастасия
Отныне во блаженном во успеньи
Вкушает вечный сладостный покой,
А ты смущаешь прах её, Иване.
Кошунство!

МАЛЮТА (вбегая)

Государь!

ЦАРЬ (удивленно)

Малюта?

МАЛЮТА

Я.

ЦАРЬ (тревожно)

Зачем явился?

МАЛЮТА

Отойдем в сторонку.

Отошли. Малюта тихо рассказывает Ивану,
зачем прибыл. Царь сразу как бы омертвел.
Жезл вывалился из рук. Крупный пот
выступил на высоком челе.

ЕВФРОСИНИЯ

Чего ему Лукьяныч рассказал?

ВЛАДИМИР

Бегут поди?

КУРЛЯТЕВ

Смотрите: как он страшен!

Царь отошел от Малюты. Руки его шарят
по воздуху, точно вдруг ослеп. Он то крепко
зажмуривается, то широко разевает веки.
Девушки хлынули вон из палаты. За ними,
в ужасе озираясь, шут. Бояре столпились
в кучу.

ЦАРЬ

Бежал... Отъехал... Почему отъехал?

Чего ему недоставало? Милый...
Ведь мы сыздетства... А неужли то,
Что я тебя однажды заподозрил?
Нескладно было. Верно. Но ведь царь —
Не просто друг: он должен быть, Андрей,
Премного обозрителен. О, боже...
На мне живого места нет... Сиротство!
Вдовство! А вот теперь — теперь и друг...
С кем говорить отныне на Руси?
В миру нас было двое. Только двое!!!
Палящая горит на сердце язва —
И пластыря на это нет, ни масла,
Ни обаяния... Бежал. Отъехал.

БАСМАНОВ (вбегая)

Где государь? Иван Васильич...

ЕВФРОСИНИЯ

Тихо!

КУРЛЯТЕВ (шепотом)

Сюда, Басманов!

БАСМАНОВ

После. Недосуг.

(Подбегает к царю)

Я от Шенятева. Мы заперлись.
Под Полоцком орда за семьсот тысяч.
Там нынче семь народов, государь:
Литва, да Польша, да Ливонский орден,
Ещё какие-то валахи, что ли.
Ну, всякие. А ихний командор...
Как бы сказать...

МАЛЮТА

Ну, ну?

БАСМАНОВ

Казни аль милуй —

Сам видел! Накажи меня господы!

Не мог я обознаться!

МАЛЮТА

Кто ж таков?

БАСМАНОВ

Страшуся...

ЦАРЬ (звонко)

Князь Андрей Михалыч Курбский?

Басманов падает царю в ноги. Но царь
преобразился: он как бы вырос, он вдохнул
всей грудью, расправил плечи, словно вот-
вот собрался лететь.

ЦАРЬ (глубоким сильным голосом)

Подобье смерти ты привез, Малюта.

Ты отобрал единственного друга:

Нет после Насти у меня таких!

Но ты царя, Басманов, исцелил:

Ты подарил мне страшного врага,

Которого я знаю так, как знают

Самих себя. А это для войны

Великое могущество. Коней!

Малюте и Басманову с мной,

А ты, Захарьян-Юрьев...

Эй, бояре!

Сегодня умер юный тот Иван,
Что был вам родичем и другом. Ныне
Пред вами, каты,— Иоанн Четвертый —

Гром бытия и наказание божье!
Макарий! Кто из древних из князей
Имел прозвание «Грозный»? Александр?

МАКАРИЙ

Он, государь.

ЦАРЬ

Пускай зовется «Невским»,
А «Грозным», каты, будем звать меня!
Захарьин! Этих ближних-то моих,
И братца, и Курлятева, и тётку —
На дыбу! Всех!

МАКАРИЙ (в ужасе)

Опомнись, Иоанн!

ЦАРЬ (упиваясь мукой)

Опомниться? Эх ты! Первосвяитель...
Ведь я сейчас за все за эти годы
Опомнился впервые! Осмотрелся!
Прозрел и выключулся изо лжи!

(Захарьину-Юрьеву)

Всех, всех моих ласкателей — на дыбу!
Пускай они признаются под пыткой,
Кто ведал об измене и сокрыл,
Кто связывал поляка с князем Курбским!
И кто извел мою Анастасию!

(Евфросиния падает замертво)

ЗАХАРЬИН-СТАРШОЙ

Ну вот, одна наша.

ЦАРЬ

На коней!

Военный зов труб. Курбский скачет по
бранному полю в долине меж реками Дви-
ною и Полотою. Вокруг него наемники семи
королей. Кличи звучат на всех языках. Орда
мчится.

Но вот вдали — сразу по окаёму —
встала русская конница, как бурьян, подня-
тый ветром: Она растёт, ширится, прибли-
жается и на всем скаку врывается в орду
Курбского.

Главным полком командует Морозов.
Правая рука — князь Серебряный. Левая —
Щенятев.

Через мгновение никого нельзя узнать,
ничего разглядеть. Взвиваются гривы, полы-
хают сабли. Жеребцы визжат, грызутся,
ревут, бьют друг друга передними копытами,
кидают задом. Всадники воют, кличут,
матерятся. Прах встает тучей.

На бугре сидят на конях царь, Малюта
и Басманов.

Они жадно глядят в тучу, разыскивая
Курбского. Вдруг Басманов указал рукой:
— Курбский!

Все трое ринулись с бугра к изменнику

Князь Курбский скачет на черном коне
в пернатом шлеме и белом польском плаще.
Перед ним возникает конь Малюты.

МАЛЮТА (яростно)

Так вот ты где!

КУРБСКИЙ

Малюта?

Он рубанул его по шлему. Шлем на-полы!
Оглушенный Малюта падает с коня. Но
тут же возникает Басманов.

БАСМАНОВ

Курбский?

Курбский ударом сабли выбивает тесак
из руки Басманова. И вдруг перед изменни-
ком появился Иоанн.

КУРБСКИЙ

Царь?

Царь не подымает меча. Он только глядит
страшными своими очами, в которых Андрей
никогда уже не узнает прежнего Ивана.
И Курбский попятился, точно увидев приви-
дение. Он поворотил коня и помчался назад.
Увидев его бегство, трубач заиграл отбой
и кинулся за ним. Вся огромная орда наем-
ников дрогнула, потянулась вспять и, сметая
друг друга, понеслась назад, преследуемая
русскими воинами...

...А царь Иван Васильевич, Малюта Ску-
ратов-Бельский с обвязанной головой, Алек-
сей Басманов и на карликовой лошадке
шут Гвоздев едут полем к балтийскому
берегу. И вдруг среди сосен и песчаных
дюн перед ними открылось море.

Все лицо Иоанна осветилось, точно отра-
зило оно морские блики. Ноздри жадно
вдыхают мокрый ветер. Очи купаются в мор-
ской шире.

ЦАРЬ

Так вот оно какое, море... Море!

Ка-кое море!

ШУТ

А какое, правда?

Ну, серое.

ЦАРЬ

Не то.

ШУТ

Ну, с голубинкой.

Царь отрицательно качает головой.

МАЛЮТА

Зыбучее?

БАСМАНОВ

Большое?

ШУТ (нетерпеливо)

Да какое ж?

ЦАРЬ (нежно улыбаясь)

Какое? Обмечтованное, братцы.

Эпоха Ивана Грозного и мощная, трагическая фигура самого грозного царя привлекли внимание Ильи Львовича Сельвинского еще до войны. Довольно долго вынашивался замысел эпической драмы-трилогии «Россия». В заявке, поданной им в Комитет по делам искусств и датированной февралем 1941 года, он отмечал: «Идея борьбы за торговые пути... стала делом жизни Иоанна Грозного... От решения ее зависело не только дальнейшее развитие русской державы, но и самая ее независимость... Движение русских товаров на Восток встречало препятствие со стороны Казанского ханства, а поток сырья на Запад преграждал Орден Ливонских рыцарей. Таким образом волжская проблема и балтийский вопрос стали для Руси жизненной исторической задачей.»

Эпическую трилогию «Россия» Илья Львович по договору должен был закончить к 1 сентября 1941 года. Война прервала эту работу. К этому моменту были готовы лишь фрагменты «Ливонской войны», первой части трилогии.

Однако творческий процесс продолжался, и желание работать над этой темой так и не покидало И. Л. Сельвинского. В дневниковой записи от 25 августа 41 года, будучи уже на фронте, он сетовал: «...ужасно тоскую по «Ливонской войне», по образу Иоанна и Курбского. Написал было три картины и как будто удачно. Грозный ругался там по-татарски — «У нашего брата, царя, таков обычай!» etc. Получилось как будто убедительно.» В 1942 году в письме жене из действующей армии он писал: «Мечтаю о трагедии «Ливонская война»...»

В печати «Ливонская война» появилась лишь в 1946 году. А в 1952 году известный кинорежиссер Иван Александрович Пырьев предложил Илье Сельвинскому написать сценарий о молодости Ивана IV. Илья Львович с радостью и энтузиазмом взялся за предложенную тему. Кино уже давно привлекало его возможностью и зрительно и масштабно воссоздать эпические картины нашей истории. Еще в ходе работы над сценарием И. Пырьев охладел к этому замыслу, увлекся новой темой. Несмотря на это, Илья Львович продолжил и закончил работу. Этот сценарий, с некоторыми сокращениями, мы и предлагаем вниманию читателей альманаха.

Наш альманах не публикует киноведческих исследований и теоретических статей. Работа Дмитрия Писаревского «Подводная часть айсберга» привлекла внимание редакции тем, что речь в ней идет о создании киносценария, ставшего основой шедевра кинематографии, о связи кино и литературы как одной из важнейших проблем современного кинематографического процесса. Автор, исследуя сценарный опыт режиссеров братьев Васильевых, используя литературные источники (прежде всего роман Д. Фурманова «Чапаев») и приводя конкретные примеры из различных вариантов сценария, убеждает, какое большое значение имеет выразительная драматургия фильма. Надеемся, эта публикация будет интересна и широкому кругу читателей, и профессиональным кинодраматургам.

Д. ПИСАРЕВСКИЙ

ПОДВОДНАЯ ЧАСТЬ АЙСБЕРГА

О сценарных уроках «Чапаева»

В истории советской кинодраматургии немало славных страниц. Одна из них — сценарий бессмертного «Чапаева». Братьям Васильевым удалось написать литературное произведение и поставить по нему ленту, поражающую редкостным сплавом высокой идеи, острой политической мысли и огромной художественной силы, эмоциональности, увлекательности.

«Чапаев» вот уже полвека несет все новым поколениям радость знакомства с ярчайшим из образов экранных героев. Этот самый «зрительский» фильм не имеет себе равных по глубине воздействия на народную жизнь. На мировом экране он стал действенным оружием в идеологической борьбе, участником многих освободительных битв века.

Сценарий этого фильма стал важным этапом укрепления связей кино с литературой. Речь идет не только об использовании одноименного романа и дневников писателя Дм. Фурманова, но и о высоком литературном мастерстве, с которым на-

писано произведение Васильевых. Это была реалистическая проза — ясная, образная, отмеченная кинематографическим видением, дающим зримое представление о будущей картине. Авторы были щедры в описаниях изобразительного строя фильма — пейзажей, интерьеров, облика персонажей. Огромное внимание они уделили звуковому фону действий. И аккорды «Лунной сонаты», и дробь капеллевских барабанов, и радостная трель пулемета Анны, и любимые песни Чапая, и зловеющий цокот пуль, настигающих героя, — все это уже в словесной ткани сценария стало волнующей частью драмы. Страницы сценария доносят каждое слово героев в его единстве с интонацией, жестом, действием. Такая кинематографическая зримость текста, дающая возможность читателю ощутить сцены будущего фильма во всем богатстве их пластики, динамики, звучания, была новаторским шагом на пути к экранной литературе. «Чапай» братьев Васильевых стал первым сценарием звукового фильма, напечатанным в литературно-художественном журнале. И он читался с захватывающим интересом.

Задача настоящей статьи — привлечь внимание к сценарному опыту и художественным традициям Васильевых. Разборы драматургии их «Чапаева», содержащиеся в ряде критических статей и киноведческих исследований, касались результата работы — законченного фильма.

Писаревский Дмитрий Сергеевич — Заслуженный работник культуры РСФСР, доктор искусствоведения, автор многих статей и книг по киноискусству («100 фильмов», «Рождение фильма», «Братья Васильевы — жизнь в искусстве» и др.).

Между тем, много важного и поучительного содержится в том, как этот результат формировался, какими способами был достигнут. Подобно подводной части айсберга, не видимая взору огромная творческая работа по постепенному выращиванию образной структуры произведения дала высоту, красоту и силу его завершающей, блестящей на виду вершине.

Опираясь на сценарные черновики и творческие документы, на свидетельства самих Васильевых и их ближайших сотрудников, мы рассмотрим эту «подводную часть айсберга», дающую представление о сложном, многоступенчатом пути от первоначального замысла к его воплощению; о ходе творческих поисков, экспериментов, о пробах, ошибках, противоборстве различных вариантов — т. е. коснемся самого процесса художественного творчества, движения ищущей мысли авторов. На протяжении более чем двух лет Васильевы сами (без редакционных замечаний и поправок) написали несколько вариантов литературного сценария, улучшали его на этапе режиссерской разработки и позднее, во время съемок, вплоть до монтажного периода, продолжали работу над совершенствованием драматургии. В общей сложности фильму предшествовало пять вариантов сценария. Мы коснемся творческих проблем, решение которых обусловило появление уникального фильма.

Пolemичность замысла

Началось все с того, что летом 1932 года сценарный отдел «Ленфильма» познакомил Васильевых со сценарием «Чапаев», написанным вдовой Дм. Фурманова в соавторстве с В. Трофимовым по одноименной книге писателя. Рукопись разочаровала их. Она была записана без знания кинематографа, плакатно, дидактично. Но Васильевых привлекли источники сценария — книга и военные дневники Дм. Фурманова. Знакомство с ними, встречи с соратниками Чапаева дали толчок воображению. Постепенно забрело свое видение вещи. Их увлекла возможность рассказать с экрана о героических подвигах, о ярком человеческом характере, о народе, его породившем, о времени. В рассказе студентам ВГИКа о том, как создавался «Чапаев», в статье «Заметки к постановке» Васильевы раскрыли свой замысел, свои принципиальные позиции, с которыми они приступили к работе над сценарием.

Весьма показательным для идейного роста художников — а оба они были беспартийными — стали поиски ими магистральной темы. Они писали: «Мы стремились найти такую тему, которая была бы действительно основной, центральной темой. Мы остановились на роли партии. Потому что все наше сегодня — это результат мудрого, умелого руководства партии. Тема волновала и воодушевляла нас. Но как ее разрешить, на каком участке?»

Так как мы оба — участники гражданской войны и материал гражданской войны хорошо знали, мы решили обратиться к нему...

В творческом плане материал гражданской войны привлекал нас и по другим соображениям.

Опыт советской кинематографии в этой области был скорее отрицательным, чем положительным. Гражданская война была поводом для создания неглубоких примитивных агиток, полуприключенческих, полудетективных фильмов, всегда вызывающих досаду и неудовлетворенность... Материал был дискредитирован в глазах зрителя, захватан «нечистыми руками», оштампован и затрафаречен. Надо было его реабилитировать. Трудности создавали лишний стимул для нашей творческой «заряженности».

Рождение, формирование замысла — тайная тайных творчества. К своему «Чапаю» Васильевы шли, не только изучая и осмысливая горы нового материала, но и вживаясь в него эмоционально, постепенно влюбляясь в своих героев. В одной из неопубликованных статей они так написали об этом: «Несколько месяцев ушло на изучение и обработку всей массы материалов. И лишь после того, как мы почувствовали, что уже персонально знаем и крепко любим наших будущих героев, только тогда мы приступили к сценарию».

Цели и стремления Васильевых, весь художественный замысел вещи были пронизаны духом новаторства. Многие им хотелось впервые испробовать, совершенно по-новому решить, опровергнуть устоявшиеся каноны. Их намерения были остро полемичны и по отношению к кинематографической практике тех лет, и к стереотипам зрительского восприятия кинозрелища.

Они писали о вставших перед ними сложных вопросах жанра и стиля будущего произведения, о необходимости найти новые формы сюжетосложения, о принципах подачи материала.

Вот один из этих вопросов. «Проблема батализма требовала нового разрешения. Чем страдали в основном наши картины о гражданской войне? Стрельба ради стрельбы, дым и грохот заслоняли политический смысл происходящих событий. Пулеметы стреляли — люди безмолвствовали, да, их по существу и не было.

Был и другой подход, подход натуралистический — нарочитый показ «ужасов» войны, запугивание зрителя раскroенными черепами, оторванными руками и т. д. и т. п. Подмена классового смысла физиологическими аттракционами.

Оба эти подхода казались нам неверными, снижающими самое существо изображаемых событий. Мы отказались от такого батализма.

Важно не то, что пулемет стреляет, а как он стреляет, зачем и почему. А это можно показать только через людей. Поэтому мы хотели показать, как мы говорили в нашей заявке, **«людей, которые движут события, и события, которые движут и раскрывают этих людей»**. Взаимосвязь этих двух линий — линии человека и линии событий — была для нас центральной творческой задачей в этой картине».

Вспомним начало фильма: раздольную ширь полей, заливающий звон бубенцов, вылетающую из-за бугра тройку. И то, как Чапаев остановил паническое бегство партизан, повернул их вспять, увлек за собой. Дальнейший ход атаки не развернут. Это не баталия. Авторы интересуют лишь волевой порыв начдива, его взаимоотношения с бойцами. А ведь именно это изменило ход события.

Или другое: после штабного совещания у Чапаева, где разрабатывался план боя, по всем кинематографическим канонам полагалось, чтобы этот бой был показан. Но неожиданно возникает надпись: «В занятой станции». Авторы заменили ею снятую сцену сражения у станции Сломинской, обошлись без этой баталии.

А разве сцена сражения с капеллецами напоминает обычную кинематографическую баталью? В контрасте мертвенного автоматизма офицерских колонн и живого волнения в цепи красных войск открывается скорее моральный поединок противоборствующих сил.

Одним из серьезных моментов был вопрос об историзме и биографичности произведения. Чапаев в фильме — образ конкретный, предельно индивидуализированный и в то же время обобщенный — он несет в себе многие типические черты других народных полководцев гражданской войны.

Новых решений требовал и вопрос о «подаче» героя. «Как себе представляет героя зритель?.. Девяносто девять из ста представляют себе героя с чрезвычайно эффектной внешностью, с какими-то необычными глазами, косою сажени в плечах... Как совместить, с одной стороны, легенду, а с другой стороны — реальные события, реалистически показанные? Надо было создать советского героя, не идя по линии обычных представлений о герое в батальной картине, найти такой подход, чтобы зритель поверил в него, прежде всего поверил в возможность реального существования этого героя. Если вы преподнесете героя, наделенного сверхчеловеческими качествами, героя на котурнах, то вы услышите от зрителя: «Да, это действительно герой, но я таким быть никогда не смогу»... Вопрос о том; чтобы заставить зрителя убедиться в реальности героя, поверить образу на экране, полюбить его, захотеть подражать ему — вопрос чрезвычайной остроты и важности*.

Сплав легенды и реальных событий, поиски героики в будничном и обыденном уже в замысле выделяли произведение Васильевых из всего, что было создано до них нашим искусством.

Тема, материал, ход работы

Книга Фурманова «Чапаев» завоевала известность еще в двадцатых годах. Это классическое произведение молодой советской литературы изучают в школах. Второе, экранное рождение «Чапаева» — фильм, который, по справедливому мнению А. Фадеева, «прославился еще больше, чем книга**», дает поучительный пример подлинно творческого отношения мастеров кино к литературной классике.

Хотя братья Васильевы в титрах своего фильма подчеркнули, что он поставлен не по книге и даже

* «Как мы работали над «Чапаевым», архив С. Д. Васильева, ЦГАЛИ, фонд № 2733.

** См. Фадеев А. «Бессмертие», М., «Советская Россия», 1981 г., с. 336.

не по ее мотивам, а «по материалам Д. А. Фурманова и А. Н. Фурмановой», главным из этих материалов все же была книга.

Фильм по составу событий и действующих лиц во многом от нее отличается. Из 57 его сцен только 4 (столкновение с ветеринарами, речь Чапаева на митинге, нападение на Лбищенск и гибель героя) почерпнуты непосредственно из книги и, хотя и в измененном виде, вошли в фильм. 53 его сцены написаны наново. В фильме появились действующие лица (пулеметчица Анна, бородастый крестьянин, партизан-верзила и др.), которых не было в книге. В ней не было ни белогвардейского полковника Бороздина, ни его денщика Петровича, ни заносчивого поручика — писатель по другую сторону баррикад не заглядывал.

Новизна материала сценария очевидна. Однако столь же очевидно, что фильм передает характер обрисованного Фурмановым героя, дух и идейную сердцевину книги писателя. Диалектика взаимоотношения сценария с книгой сложна, и в ходе работы их взаимоотношения существенно изменялись. Вначале Васильевы шли по пути киноиллюстрации многих сцен и эпизодов книги. Так, в первом и втором вариантах сценарий начинался с пролога, в котором после мульткарты (республика в огненном кольце фронтов) шла написанная буквально по книге сцена проводов добровольцев на Иваново-Вознесенском вокзале. Были в ней колоритные образы уезжающих на фронт и провожающих, были эпизоды прощания, речи, оркестр, воинский эшелон с плакатом «На Колчака!» и старенький паровоз, не сразу сдвинувший состав с места.

В следующем варианте эту большую народную сцену сменили тоже навеянные страницами книги эпизоды в теплушке, в которой ивановские ткачи едут на фронт.

Из мыслей впервые едущего на фронт комиссара Клычкова (автобиографический образ самого Фурманова) в сценарии родилась фантастическая сцена сна комиссара, в которой иронически показаны его представления о войне, наивные мечты необстрелянного новичка, а заодно и пародируются псевдогероические батальные фильмы.

Дальнейшая работа подсажала Васильевым решение исключить пролог, связующий действие фильма с общим ходом гражданской войны, и пародийно-фантастический плакат «сон комиссара», который явно выпадал из общей стилистики фильма. Число сцен, непосредственно взятых из книги, постепенно сокращалось с тринадцати до четырех.

«Чапаев» Дм. Фурманова, как и его военные дневники, послужили Васильевым основой, которую они дополняли другими материалами, черпая их в военных документах, исторической и мемуарной литературе, в архивах и музее Красной Армии. Они знакомились с подлинниками приказов и рапортов Чапаева, глубоко изучили сказы, былины, армейский фольклор о нем. Очень многое дали встречи с чапаевцами и другими участниками гражданской войны, в том числе с казаками, воевавшими в белой армии.

Книга Дм. Фурманова, в которой был герой и его окружение, были живые люди, мысли, характеры, события, очень много дала сценарию, но ее литературная ткань не поддавалась непо-

средственному переводу на язык кинематографических, зримых образов. Роман был построен в форме исторической хроники, где описание увиденного Фурмановым в чапаевской дивизии перемежаются с его дневниковыми записями, раздумьями и лирическими отступлениями. Так, с чувством восхищения он пишет о чапаевцах, как, преодолевая невероятные трудности, они шли вперед — «неудержимые, непобедимые, терпеливые ко всему, гордые и твердые в сопротивлении, отважно смелые и страшные в натиске, настойчивые в преследовании. Сражались героями, как красные рыцари, попадали в плен и мучениками гибли под пыткой и истязаниями!»

В сценарии вдовы писателя подобные тексты попросту вкладывались в уста персонажей. Но ведь важно было не услышать это с экрана, а донести в живых картинах, в драматическом действии.

Вот другой характерный абзац книги:

«Чапаев был из тех, с которым сойтись можно легко и дружно. Но так же быстро и резко можно разлететься. Эх, расшумится, разбунтует-ся, зло рассечет оскорбленьем, распушит, распахнет, ничего не пожалеет, все оборвет, дальше носа не глянет в бешенстве, в буйной слепоте. Отойдет через минуту — и томится. Начинает трудно припоминать, осмысливать, что наделал, разбираться, отсеивать важное и серьезное от случайной шелухи, от шального чертополоха. Разберется — и готов пойти на уступку. Распахивался иной раз так, что сердце видно».

Вспоминая фильм, сцены стычек Чапаева с Фурмановым, видишь, как все это соответствует приведенному отрывку из книги. Именно такого вспльчивого и отходчивого Чапаева мы и увидели в картине. Но ведь в книге показанных на экране сцен нет. Нет в ней и описания чапаевской атаки, и сцены с картошкой, и «купанья» партизан. Сцены эти на основе рассыпанных в книге черточек и деталей созданы творческой фантазией сценаристов. Они «переводили» литературные описания на язык драмы, смело, творчески, не связывая себя с задачей буквального перенесения на экран или копирования книги.

Иногда Васильевы, используя упомянутые в ней факты, разворачивали их в целые драматические эпизоды и роли. Иногда обогащали их новыми художественными деталями. Еще чаще, лишь отталкиваясь от книги, привлекая множество других источников, создавали свои драматургические решения.

Из нескольких строк описания встречи комиссара с местными жителями, сетовавшими на трудности войны, родился острый, афористический монолог крестьянина-бородача о карусели.

Примером творческой трансформации, развития материалов книги может служить и сцена сражения с каппелевцами. Этому бою в книге посвящено лишь несколько строк:

«Черными колоннами, тихо-тихо, без человеческого голоса, без лязга оружия шли в наступление офицерские батальоны с каппелевским полком... Была, видимо, мысль — молча подойти вплотную к измученным, сонным цепям и внезапным ударом переколоть, перестрелять, поднять панику, уничтожить»...

В тексте Дм. Фурманова нет упоминания о «психической атаке». В сценарии и фильме каппе-

левцы, маршируя под барабанную дробь, как на учебном плацу, не обращая внимания на потери, демонстрировали свою неустранимость и этим психологическим фактором стремились решить исход боя.

Свободно komponуя эту сцену, Васильевы отошли от свидетельства книги о том, что сам Чапаев из-за ранения не принимал участия в этом бою. В фильме конная атака, возглавляемая начдивом, решает исход сражения.

Возьмем сцену, где Чапаев ночь напролет готовится к бою, где Петька сравнивает его с Наполеоном и между ними идет задушевная беседа. Она родилась из двух источников. В одном месте книги Дм. Фурманов описывает, как работал начдив: «Всю ночь, до петушиного рассвета, мерил он карту и слушал молодецкий храп командиров».

В другом месте книги автор приводит эпизод ссоры Чапаева с комиссаром. Обиженный, что его считают только «спецом», Чапаев стал зло измываться над «проклятыми штабами», хвалиться, что и «без академиев» он отличный «стратех». Приведем отрывок из их диалога:

«— А ты спокойнее, — злорадствовал Федор, довольный, что хоть немного пронял его за живое, — что тут нервничать? Чтобы быть хорошим военным работником, чтобы знать научную основу стратегии, — да поймай ты, что всему этому учиться надо... А тебе некогда было, ну, не ясно ли, что...»

— Ничего мне не ясно... Ничего не ясно... — оборвал его Чапаев, — я армию возьму и с армией справлюсь.

— А с фронтом? — подшутил Федор.

— И с фронтом... А что ты думал?

— Да может быть, и главноком ты не прочь?

— А то нет, не справлюсь, думаешь? Осмотрюсь, обывкну и справлюсь. Я все делаю, што захочу, понял?»

Текст в сценарии остался почти тем же. Но как изменилось содержание сцены!

Васильевы отбросили в ней все случайное, наносное, порожденное обстоятельствами раздражения, ссоры. Этот разговор — единственный документальный факт — они сопоставили с целым рядом других известных им фактов и свидетельств о безграничной вере Чапаева в свои силы. И в фильме эпизод прозвучал большим поэтическим обобщением.

Стремление опозитизировать материал, найти героинку в будничном и обыденном, пронизать образ реалистически обрисованного героя чертами эпической легендарности — в этом была одна из главных линий творческого переосмысления книги Фурманова, который писал Чапаева с натуры и подчеркнуто прозаично. Писатель аналитически отделял то, в чем он видел подлинный героизм Чапаева, от народной молвы о нем. «По молве этой чудится, — писал он, — будто «сам Чапаев» непременно носился по фронту с обнаженной занесенной шашкой, сокрушал самолично врагов, кидался в самую кипучую схватку и решал ее исход. Ничего однако подобного не было. Чапаев был хорошим и чутким организатором того времени, в тех обстоятельствах и для той среды».

Писатель всячески подчеркивал различия сказов и легенд о Чапаеве с его документальным повествованием.

Для Васильевых народная молва стала одним из важнейших источников сценария. В ней было запечатлено поэтическое осмысление событий, образа героя, которого народ сам сотворил согласно своим идеалам. Армейский фольклор о Чапаеве не скупился на штрихи, придающие его образу аромат богатырства и чудесности. Эта перешедшая из жизни в искусство оценка личности Чапаева была драгоценна для Васильевых. Они ощущали, что здесь неминуче возникнет живая переключка с эстетическим отношением к герою современных зрителей.

Постепенно изменялась и стилистика сценария. Книга как свидетельство очевидца была во многом протокольна, фактографична, погружена в быт. Фурманов писал о своем стремлении «дать зарисовку быта, родившегося той порой и для той поры характерного». В первых вариантах сценария — в эпизодах проводов добровольцев, в теплушке и др. — Васильевы, следуя за книгой, тоже становились на путь бытописательства. Такова, например, и сцена знакомства с чапаевцами (I-III варианты). «...Дверь с треском распахнулась, и в комнату с шумом ввалилась чапаевская «вольница». Закидала углы вещами. На столы, на стулья, на подоконники набросали шапки, ремни, револьверы, сумки, гранаты. Суровые, мужественные лица, угловатые движения, нескладная отрывистая речь... Чапаевская «вольница» ведет себя непринужденно и неорганизованно» (третий вариант, стр. 8—9). Многие сцены были буквально сотканы из сочных бытовых деталей, почти дословно взятых со страниц книги.

Появление шумной «вольницы» авторы заменили сценами панического бегства с хутора и «купанья» — поисков оружия. Сцены тоже чрезвычайно колоритные. Но они показывают уже не проявление партизанщины в быту, а схватывают самые существенные ее социальные стороны.

Одним из важнейших принципов работы над сценарием была концентрация образных решений, то, что А. Довженко называл работой «под давлением ста атмосфер», а В. Пудовкин «мощью концентрированной динамики».

Поиски Васильевых шли по нескольким направлениям. Во-первых, надо отметить их стремление уйти от «широкоохватности» и иллюстративности. Первоначально, увлекшись ярким и сочным материалом гражданской войны, авторы черпали его из множества источников и щедро несли на страницы сценария. На первом этапе преобладала тенденция центробежная. Вещь разрасталась вширь. Каких только вопросов они не «затронули». Состав чапаевской дивизии был многонационален. И вот рождается сцена у красноармейского костра, где свои песни поют мадьяры, чехи, китайцы. Как отразить связи Красной Армии с местным населением? И Васильевы пишут сцену о создании ревкома в селе Аксютине, о переименовании села в Чапаевку. Чтобы показать связи дивизии с тылом, с командованием фронтом, они вводят письма Фурманова Иваново-вознесенским землякам и товарищу Фрунзе.

Подробно был освещен и вражеский лагерь. Кроме эпизодов в штабном вагоне, действие разворачивалось и в солдатской теплушке белых, и на марше их колонны, и на привале.

Значительно больше, чем мы это увидели в фильме, было сцен с Чапаевым, Фурмановым,

Петькой, Анной. Все это не могло вписаться в рамки односерийного фильма, и на втором этапе работы возобладала тенденция центрирующая. Авторы старались сжать, сконцентрировать материал, безжалостно отбрасывая все менее интересное и ценное.

Общий результат противоборства этих двух тенденций можно проследить, сопоставив количество сцен в различных вариантах сценария. В первом варианте их было 57. Во втором — 70. В третьем — наиболее подробном и расширенном — 76. В режиссерском сценарии их осталось 66. В фильм вошло 57.

Следующей линией концентрации было стремление сосредоточить внимание на главном, не расплывать его на частности. Началу капелевской атаки, например, предшествовала артподготовка. Но показ этой части баталии опустили. Внимание было сосредоточено на прямом столкновении чапаевской цепи с офицерскими колоннами.

Сценаристов не привлекли такие значительные исторические реалии, как описание в книге взятия Уфы, встречи героев с М. В. Фрунзе. Они взяли отнюдь не решающие для судеб гражданской войны события — бой за безвестный хутор, сражение с капелевским полком. И на таком локальном материале сценаристы развернули тему воспитательной работы партии, тему героизма и подвигов, принесших народу победу. А ведь это и было главным в книге Васильевых. Роман дал толчок их замыслу. Сценарий буквально встроил материалы книги, и экранный «Чапаев» по отношению к ней — произведение дочернее, родственное литературному предшественнику. Однако авторы не только следовали ему, но и обогащали новыми, кинематографическими средствами. Подчас их фантазия вступала в творческое единоборство с записями писателя. Здесь много диктовало время, которое всегда выступает соавтором — современником художников. Этот «соавтор» разительно изменился. Чтобы взглянуть на людей и события глазами зрителей тридцатых годов, нужно было многое развить, переосмыслить. Стремясь передать существо книги языком экранных образов, они все дальше уходили от ее формы, строения, стиля. И чем более творчески и решительно это делали (особенно в период постановки картины), тем больше приближались к ее сути.

Герой. Открытие характера

Для Дм. Фурманова — непосредственного участника событий — Чапаев был конкретным историческим лицом. Писал он его с натуры. Образ был сугубо биографичен. Наблюдая нацидыва во множестве самых различных обстоятельств, он описал характер яркий, сложный, противоречивый, но целиком обусловленный обстоятельствами времени и среды и потому исторически ограниченный. «Его, — писал Фурманов, — родила та масса, в тот момент и в том состоянии... Масса была героическая, но сырая, момент был драматический, и в пылу битв многое сходило с рук, прощалось, оправдывалось исключительно

ностью обстоятельств». Все это в конкретном сочетании с особенностями натуры героя привело писателя к выводу: «Чапаевы были только в те дни — в другие дни чапаевых не бывает и не может быть». К тому же, несмотря на отдельные упоминания об интересе к новым мыслям, принесенным комиссаром, образ Чапая лишен внутреннего развития. Каким его встретил Фурманов весной 1919 года, таким он и уходит со страниц книги.

Васильевы задались целью создать на историческом материале современного по звучанию, подлинно народного героя. Они писали: «Располагая большим материалом, чем Фурманов, будучи более «посторонними» событиями, чем он, мы должны сделать ряд поправок к его трактовке образа Чапаева».

Подход Васильевых к личности героя с позиции более широкого обобщения сказался не только в обогащении образа рядом черт, взятых от других героев-полководцев гражданской войны, но и в стремлении выразить в этом образе общенародные (не только крестьянские) интересы, прогрессивные идеи и устремления, свойственные народу, ставшему творцом своей истории.

Прочертив путь героя от партизанского вожака к командиру Красной Армии, рост его личности, они выявили стержневые, обращенные к будущему черты и свойства его характера. Они много дали своему герою «на вырост», и это снисколо ему горячий отклик многих поколений — от зрителей тридцатых до зрителей восьмидесятых годов. И не только в нашей стране — чапаевскую бурку овевают революционные ветры всей планеты.

Усиление народного звучания образа знаменовало собой более высокий этап становления метода социалистического реализма. Таким же новым шагом вперед в области творческого метода был показ действительности и образа героя в их революционном развитии. Однако как формировался образ, как удалось достичь таких впечатляющих его вершин?

Третьему варианту сценария Васильевы предпослали две странички, озаглавленные «Характеристика главных действующих лиц». О Чапаеве в ней сказано: «Богато одаренный от природы человек. Умный, быстро соображающий, инициативный. Прямолинеен, обладает твердой волей, настойчив... Вспыльчив, но легко отходчив. С огромным темпераментом, который иногда перехлестывается... Любит прихвастнуть, но не чванлив, прекрасный товарищ... В военном отношении — безусловно, талантливый полководец... Несколько переоценивает себя». Эти черты непосредственно опираются на материал книги Фурманова, а дальше идут черты, во многом отличающиеся от нее. Сравним: «Политически развит, хотя слаб в теории. Это сознает сам. Но это не мешает ему быть идейно направленным и убежденным борцом за дело пролетариата» (сценарий). В книге иное: «У Чапаева... младенческие мысли... сыр, знать, больно...» «По политическим вопросам не понимал, не знал ничего и знать не хотел. Больше того: многому вовсе не верил... Программы коммунистов не знал нисколько, а в партии числился вот уже целый год — не читал ее, не учил ее, не разбирался мало-мальски серьезно ни в одном вопросе». Или строки

об отсутствии у Чапаева жизненной перспективы: «Орел с завязанными глазами, сердце трепетное, кровь горячая, порывы чудесны и страстны, неукротимая воля, но... нет пути, он его не знает, не представляет, не видит».

Продолжим сценарную характеристику: «Выходец из крестьян — несет в себе «родимые пятна» мелкобуржуазного анархизма, борьба с которым и является сутью его внутренних противоречий... Воспитанный на партизанщине — с трудом перестраивает старые навыки... Однако лично дисциплинирован и требователен к дисциплине в своих частях».

У Фурманова речь не идет о «родимых пятнах» или изменении старых навыков. Анархизм в самой сути натуры начдива: «Пребывание, правда очень краткое, в группе анархистов, крестьянское прошлое Чапаева и удаляя его натуру, невыдержанная, беспланируемая, недисциплинированная, — все это настраивало его на анархический лад, толкало к партизанским делам».

Васильевы сразу же отказались от показа Чапаева «дичка», темного, политически отсталого, несправимого анархиста. Многие его черты они считали временными и преходящими и поэтому не взяли из книги его мнительность, скороспелую безоглядность решений, пустые демагогические речи, хмель честолюбия, приверженность к лести, шумную крикливость, «скандалы и скандальчики», грубость, мордобойство.

Значит ли это, что образ был рафинирован, искусственно очищен от отрицательных черт? Отнюдь нет. Изменился лишь угол зрения. Сценаристы не брали его в бытовом плане, или, как выражался Фурманов, «со всей человеческой требухой». Они поставили в центр своего повествования преодоление его внутренних противоречий, процесс роста его как командира и личности. И здесь отрицательных свойств и их резких проявлений осталось больше чем достаточно. И взрывы необузданного чапаевского гнева, и заблуждения, от которых не так легко отказаться. Борьба Чапаева с самим собой, преодоление Чапаевым партизанщины были остро драматичны.

К раскрытию характера героя, выявлению его наиболее существенных, типических черт Васильевы шли, опираясь на ленинскую мысль: «давно уже замечено, что недостатки людей большей частью связаны с их достоинствами». Это можно проследить буквально в каждом эпизоде сценария. Возьмем хотя бы сцену столкновения Чапаева с дивизионными медиками. Его отношение к «гнилой интеллигенции», его угрозы расстрелять их за то, что они отказались экзаменовывать коновала на доктора, могли бы выглядеть проявлениями темноты и дикости. Именно под таким углом зрения эта сцена описана в книге Фурманова — как пример «врачного самодурства, необыкновенной наивности, граничащей с непониманием самых простых вещей». Васильевы, развив эту сцену, добавив несколько дополнительных мотивировок и найдя новое ее окончание, добились того, что она открывает и лучшие стороны натуры героя. В том, что этот человек, который сам «два года, как грамоту знает», добивается, чтобы «мужик мог на доктора выйти», раскрываются его высокие идеалы и стремления.

Подчеркивая глубокую веру Чапаева в свои силы и возможности, авторы прослеживают, как эти драгоценные качества порой переходят в свою противоположность, в самомнение («Я Чапаев, а ты кто такой, кто тебя прислал?») и т. д. И здесь недостатки и достоинства Чапаева — лишь различные проявления его цельной и сильной натуры. Но важно было схватить не только эту живую диалектику характера, но и раскрыть то, что породило, сформировало его. А это требовало дать героя в живых связях с его средой.

Противоречивость натуры Чапаева отражала социальные противоречия его крестьянских полков. Он нес в себе в какой-то мере и отрицательные свойства массы своих бойцов — элементы анархизма, стихийности, — но прежде всего ее страстный протест против рабского прошлого, ее революционную волю к переустройству жизни.

Эта революционность и непримиримость в борьбе со старым, святая вера в высокие идеалы, готовность отдать за них жизнь — предстают в фильме решающими, стержневыми чертами характера героя. Именно они объединяют, цементируют весь строй его мыслей и чувств, придают характеру героя такую определенность и кристальную ясность. При всей своей противоречивости характер Чапаева предельно органичен, целостен. Он не идеален в смысле отсутствия недостатков. Но в то же время в своей героической сути он — выразитель народных чаяний и идеалов: заступник, борец за справедливость, отважный герой, не щадящий своей жизни в борьбе за интересы «мужика да рабочего». Эти легендарные, песенные, былинные начала стали важнейшим средством обогащения Васильевыми образа Чапаева. Здесь придется подробнее коснуться взаимоотношения фильма и фольклора, того, чем Васильевы углубили связь экранного искусства с народно-поэтическим творчеством.

Народные песни и сказы о Чапаеве, естественно, героизировали его образ. Фурманов, суммируя свои впечатления от пребывания в чапаевской дивизии, на заключительных страницах книги он задумывался и сомневался: «Где героичность Чапаева, где его подвиги, существуют ли они вообще?.. Где же конкретно те факты, которые надо считать героическими?» Он видел героизм Чапаева не в том, что приписывала ему народная молва, а в том, что он был хорошим организатором, воспитателем воинского духа своих войск, в результате чего чапаевская дивизия не знала поражений. Здесь даже в книге возникло известное противоречие, ибо на одной из ранних страниц можно было прочесть о Чапаеве: «...Он полнее многих воплотил в себе сырую и героическую массу своих бойцов».

В тон им пришелся своими поступками, обладал качествами этой массы, особенно ею ценными и чтимыми, — личным мужеством, удастью, отвагой и решимостью». Однако на поступках, раскрывающих эти качества, писатель не останавливался.

Васильевы, полемизируя с таким самоограничением писателя, в своей работе опирались скорее на опыт Пушкина, дополнившего в «Капитанской дочке» документальность историческо-

го исследования о Пугачеве его художественным образом, вспоенным народной памятью. Сценаристы вернули образу Чапаева его фольклорные черты, пронизали ими весь фильм. Это с особенной силой сказалось в нескольких направлениях: в раскрытии героики поступков начальника; в воссоздании в фильме образа родной земли, ее природы; в фольклорных поэтических инсказаниях ряда постановочных решений.

Поэтому их Чапаев как бы прямо из легенд и песен врывается в фильм на своей тройке, чтобы самолично повести бойцов в атаку. Поэтому он так решительно мчится во взбунтовавшийся кавэскадрон, а на предложение взять с собой людей отвечает: «К черту! Один справлюсь!». Поэтому он как птица, в крылатой бурке летит впереди своих конников и сам, своей саблей крушит врага. Протоколно скупое описание Фурмановым последнего боя в Лбищенске сменилось подлинно былинным сражением, где Чапай у пулемета противостоит «троесильному» противнику и его не могут сломить ни сотни вражеских солдат, ни броневик, ни пушка. В этом авторы шли от былин об Илье Муромце.

Природа, пейзаж, занимавшие в книге нейтральное, фоновое место, в фильме стали существенной частью «национального образа мира». Избегая протоколизма, авторы показали не безводные прикаспийские степи, где в то время сражались Чапаевцы, а дали обобщенный образ русской земли с ее неоглядными просторами, зеленью лесов, многоводьем рек. «Неравнодушная природа» стала активным участником действия (это и раздолье пейзажей в первом появлении Чапаева на тройке, и лирический рассвет, провожающий Петьку в разведку, и осенние мотивы прощания с комиссаром, и контраст темной злойшей чащи, укрывающей крадущихся врагов, и солнечных равнин, по которым несутся на подмогу чапаевские конники). Образ природы органически слит с образами народа и его героя. Бескрайняя ширь русской земли неотрывна от их национального характера, ибо, как отмечал в «Заметках о русском» академик Д. С. Лихачев, «воля вольная — это свобода, соединенная с простором... Русское понятие храбрости — это удаль, это храбрость в широком движении, храбрость, умноженная на простор».

Завершая тему влияния на фильм народного творчества, нужно отметить беспрецедентную обратную связь произведения Васильевых с фольклором и профессиональным искусством. Всенародный успех фильма породил новую волну сказов о Чапаеве. В них стали вплетаться образы и эпизоды, почерпнутые из фильма (Петька и Анна* психическая атака и мн. др.).

Живая вода народно-поэтического искусства не раз возрождала Чапаева и в сказах, родившихся в годы Великой Отечественной войны. Он появлялся всегда там, где было трудно, и приносил победу. На легенде о бессметрии героя был построен снятый в июле 1941 года агитфильм «Чапаев с нами», где чудом спасшийся

* После фильма их образы вошли и в произведения профессионального искусства: в поэму П. Железнова «Чапаевцы», в оперу Б. Мокроусова «Чапаев» и многие другие.

Чапаев (в исполнении Б. Бабочкина) призывает защитников Родины беспощадно громить врага.

Созданный по высоким меркам народной памяти образ Чапаева своей смелостью, удастью, размахом, талантом, богатством души пришелся по сердцу миллионам людей. Он ответил народному представлению о героизме. Но все это как бы результат просмотра всего фильма. А каков герой в отдельных сценах картины? Чаше всего он неожидан. Его первое появление в фильме так экспрессивно, сцена так стремительна, что это не позволяет как следует присмотреться к Чапаеву. Но он возвышен, героичен, красив. Первые же кадры фильма дают пластический образ его волевого порыва, энергии, отваги. Это привлекает интерес зрителей, рождает желание поближе узнать промелькнувшего, как метеор, героя.

Но вот следующие кадры — смотр после боя, разговор о винтовках. Чапаев подчеркнуто прост, будничен, отнюдь не героичен. Такой неожиданный поворот, по закону контраста с только что увиденным, поражает. Но это касается внешнего облика.

А вот другое — ход мысли, характер, темперамент. В начале знаменитой сцены с картошкой комбриг Елань не без оттенка гордости докладывает о полученном в бою ранении. Чапаев его обрывает: «Ну и дурак!.. Подставлять свой лоб всякой дурацкой пуле не имеешь права!» И такая реакция начдива, которого мы только что видели во главе лихой атаки — неожиданна, как неожидан и весь его урок на тему об умной смелости.

И в других сценах фильма множество раз герой поступал не так, как ждалось, не так, как думалось. Он все делает не по шаблону, а по-своему, по-чапаевски. В нем все индивидуально, неожиданно, своеобразно. И то, что характер раскрывается именно так — подчас эксцентрически, подчас вопреки устоявшимся представлениям о положительном герое, — рождает пристальный интерес зрителей.

Жизненная реальность образа достигается многими приемами и, в частности, тем, что сценаристы чередуют два типа сцен: сцены «раскрытия», где авторы знакомят со все новыми гранями его сложного характера, и сцены «развития», в которых конфликтные ситуации, ход действия показывают внутреннее движение героя, преодоление им былых заблуждений, постижение новых истин, изменение строя чувств.

Все начало фильма — вереница сцен первого типа. «Урок тактики», например, раскрывает не только воинский опыт Чапаева, но и его фантазию, воображение, предметность и быстроту мышления. Сцена эта высвечивает его темперамент, страстность его натуры, его наступательность.

К сценам «раскрытия» относятся также «Ночная беседа с Петькой», «Чаепитие после боя», «Последний вечер в Лбищенске».

Сцен «развития» больше, каждая из них связана с острым конфликтом. Столкновение с Фурмановым по поводу ветеринаров приносит не только преодоление личных заблуждений начдива, но и знаменует начало уважительного отношения к комиссару.

Инцидент с грабежами заставляет начдива изменить отношение к опаснейшему проявлению партизанщины.

Эпизоды прощания с уезжающим комиссаром — конфликт с обстоятельствами. Превозмогая себя, Чапаев изменяет свое обычное отношение к штабам. Торжество чувства дружбы к комиссару.

Оборона в Лбищенске — упорство и стойкость в бою. И лишь ранение заставляет покинуть чердак.

Гибель героя — борьба до последнего вдоха.

Чтобы достичь органической цельности сложного и противоречивого характера героя, Васильевым пришлось перебрать немало вариантов сценарных решений. Здесь, как в науке, открытию предшествовало множество лабораторных опытов. Шел невидимый будущим зрителям, но упорный и огромный по объему творческий труд. Авторы делали множество проб, подвергали их сомнениям, от многого отказывались. Они не боялись «многописания». На различных этапах сценарной работы было написано более 30 сцен с участием Чапаева. В фильм вошло меньше половины из них.

Приведем примеры отвергнутых «проб».

Наивность начдива подчеркивал такой эпизод: увидев присланные из политотдела Армии плакаты о Колчаке, он простодушно восхищался ими. А предложение забросить несколько экземпляров солдатам противника его искренне удивило: «Ну и хитрый ты, комиссар» (I-III варианты, стр. 33).

Ограниченность взглядов начдива проявлялась в сцене разбора «бабьего вопроса» и его решения «изгнать из дивизии женское племия» (I-III варианты, стр. 59).

Приверженность Чапая к «командирскому вранью» проявлялась в сцене спора по поводу рапорта, в котором начдив преувеличил число пленных и резко занизил цифры трофейного оружия — чтобы не отняли (I-III варианты). Не сумев переубедить начдива, Фурманов воздействовал на него, пообещав послать телеграмму Фрунзе.

Проба на «необузданный нрав» Чапаева выглядела так: начдив хватается за горло и начинает душить бойца, привезшего ему весть о волнении в кавэскадроне. Боец, задыхаясь, даже не пытался освободиться. Эпизод прошел через все варианты сценария и был заснят. Но в фильм не вошел.

Была и проба, отдающая мелодраматическими нотами: в сцене беседы с Анной и Петькой о будущем Чапаев, видя ласковые отношения молодых героев, с тоской говорил им: «Счастливые вы... а я вот бобылем и проживу... Хорошо еще — коли в бою умру... Может, вспомнит кто добрым словом... Умирать-то кому же охота?..» (II вариант — режиссерский сценарий, №№ 816, 818).

Эти пессимистические, исполненные мрачных предчувствий слова сменил другой текст. В фильме прославленный полководец, герой, который, казалось бы, в войне нашел свое жизненное призвание, в самый разгар боевой страды мечтает о том, чтобы мирно жить и работать. Он уносится мыслью в будущее. И его мечты и стремления созвучны народным чаяниям.

В первых вариантах сценария авторы явно увлеклись предельно напряженными ситуациями и в своих решениях подчас перегибали палку. В этой связи коснемся сложного хода поисков

сцены, имевшей принципиально важное значение для трактовки образа Чапаева, его взаимоотношений с бойцами. Речь идет о сцене пресечения им «бузы» в кавэскадроне. Напомним, как это выглядит в фильме.

Митингует эскадрон, в горячей «сшибке» столкнулись два противоположных понимания целей борьбы, два устремления. Боец-украинец призывает в бой: «Треба усих панов бить... З своего села иди у вси села. Скрись, скрись!» Ему противоречит долговязый бузотер, которого уже успели заметить, когда он первым, бросив винтовку, драпал с хутора или когда тащил свой визжащий «трофей» в ночь грабежа у крестьян. Взобравшись на пень, он призывает бойцов дезертировать. «Хватит, навоевались! Пускай теперь другие повоюют. Чего ж нам от своих домов уходить...»

Как растревоженный улей шумит эскадрон. И вдруг — тишина. Люди отхлынули от долговязого, побежали в строй. Оратор остался один. Обернувшись, он увидел Чапаева, злобно схватил винтовку, но в ту же секунду упал, сраженный его выстрелом.

Это стало кульминационной точкой конфликта, определившей перелом. Чапаев закрепил его своей короткой, берущей за душу речью.

В этой сцене авторы нашли средства выразить слитность, неразрывность Чапаева с массой. Он не «распекал», не поучал. Он дал понять бойцам, что готов разделить с ними ответственность за случившееся. «Кровью искупите вину свою... Я сам впереди пойду!» И здесь, «когда надо», он пошел впереди, увлекая бойцов личным примером.

К такому решению сцены, которое дано в фильме, авторы пришли не сразу. В первых вариантах сценария прискакавший в эскадрон Чапаев требовал выдать зачинщиков. Ответом ему была тишина. Тогда Чапаев командовал рассчитаться по порядку номеров и каждому десятому выйти вперед. Тринадцать пар отделились от строя...

«Чапай медленно подошел к первой паре.

Вот он подошел к здоровому парню. Парень стоит неподвижно, только щеки его нервно дрожат. Чапай подошел вплотную. Парень мигнул глазами. Чапай поднял руку... Блеснул ствол нагана. Люди в строю напряженно вытянули головы. Все глаза устремлены на Чапая.

Аппарат медленно движется вдоль фронта, и в ту же минуту за кадром грохает выстрел. На лицах крайнее напряжение. На лицах страх. Загадочная радость. Злоба.

Аппарат все еще движется вдоль фронта... А откуда-то сзади, из-за кадра, слышится выстрел... Еще один... еще...

Нервно подергиваются веки у людей в строю. Широко раскрыты глаза. Облизывают пересохшие губы, и голос из-за кадра: «Петька, заряди!». Чапая трудно узнать. Петька трясущимися руками вкладывает в барабан патроны.

Тишина... Канонада вдали стала чаще и ожесточеннее.

Неподвижно замерла линия фронта: неподвижна маленькая одинокая фигура Чапая, стоящего к ней спиной.

Лицо красноармейца... У него закрыты глаза, и губы что-то шепчут.

Выстрел за кадром.

Чапай подходит к нему...» (III вариант, стр. 75, 76).

Это, оказывается, боец, призывавший идти всех панов бить. Чапаев прекращает расстрел и обращается к бойцам с речью.

Такая трактовка сцены могла подтолкнуть зрителей к выводу: масса ушла от Чапаева, он не находит опоры в ней и вынужден прибегать к чрезвычайным, карательным мерам. Это грозило извратить правду о взаимоотношениях Чапаева с людьми. В эмоциональном же плане сцена «расстрела», как и всякий показ откровенной жестокости на экране, «работала» против героя. «Он перестал бы для зрителей быть своим», — так позднее Васильевы объясняли студентам ВГИКа свое решение изменить сцену.

Не все «лабораторные опыты» сценаристов, как мы видим, были удачны. Применительно к сцене «расстрела» Васильевы начали понимать это довольно рано. Подготавливая рукопись сценария к печати в «Литературном современнике», они изменили ее таким образом, что герой собственноручно расстреливал не шесть-семь человек (как в предыдущем варианте), а лишь одного. Это же решение осталось и в режиссерском сценарии, где сцена так и называлась «Расстрел».

Зрелость Васильевых проявилась и в умении отказываться от нелегко давшихся, подчас очень эффектных решений, если хоть малейшая частность в них могла пойти во вред целому. Здесь уместно повторить, что речь идет отнюдь не об указаниях редакции, руководства студии и т. п. Все эти инстанции сцена «расстрела» прошла и даже была напечатана в толстом литературном журнале. Их сценарий был рассмотрен и утвержден к производству кинокомиссией Оргбюро ЦК партии, состоявшей из старых партийцев, и возглавлявшейся зав. агитпропом ЦК А. И. Стецким. С большим вниманием Васильевы восприняли совет одного из членов комиссии, рекомендовавшего еще раз подумать о трактовке сцены «расстрела». В фильме Васильевы убрали акцент карательной акции. Выстрел начдива, сразивший кулацкого агитатора, воспринимается иначе. Это и ответ на его вражескую речь, и одновременно — мгновенная реакция на его угрожающий взмах винтовкой. Акт революционного возмездия изменнику неразрывно слит с моментом схватки, поединка, борьбы. Здесь Чапаев не каратель, а борец. Он верен себе, своему наступательному характеру. Мгновенный взрыв его кипучего темперамента, его волевая вспышка создают перелом, который позволит начдиву сплотить воедино людей, повести их за собой.

Как мы видим, авторы на шадиле сил для поисков все более и более точных и впечатляющих решений. Чапаев — и в сценарии, и в фильме — восхищает не только ярким темпераментом, ответственностью, энергией, волей. Но и острым умом, интуицией, знанием людей. Он зачаровывает удалую поступков и веселостью нрава, приверженностью к меткой шутке, а главное, своей цельностью, революционной устремленностью. Это яркий национальный характер, рожденный революционной эпохой. Сколько новых черт и свойств проявилось в нем! Поистине его второе кинематографическое рождение не напоминало тиражирования уже однажды найденного. Во многом это было открытием нового, того нового,

черты которого непосредственно связаны с поисками героя экрана сегодняшнего дня — личности духовно богатой, социально активной, покоряющей своей жизненностью, обаянием, цельностью, устремленностью в будущее. Многие из того, что принес собой экранный Чапаев, вошло и еще войдет в образы новых героев, призванных властвовать над умами и душами современников.

Другие персонажи. Образ народа

Значительно изменился по сравнению с книгой и образ другого ее героя — комиссара. Поначалу автобиографический материал Фурманова казался Васильевым выигрышным для создания живого, достоверного образа комиссара, делающего первые, еще неуверенные шаги на военном поприще. Эпизоды его бегства с поля боя они в сценарии драматически заострили. Встречи беглеца с одиноким пахарем (в III варианте — со стариками-жнецами) звучали как суд народа. Не нашедшая должных психологических мотивов сцена трусости комиссара — вырванный из широкого контекста биографический факт — нарушала художественную правду образа. Авторы сосредоточили внимание на главном — на его воспитательной работе в дивизии, на том, как он постепенно переходит в наступление на партизанщину.

Образ комиссара дан не таким, каким автор описывал себя в книге, а таким, каким он был уже в конце гражданской войны. В сценарии и фильме комиссар непосредственно опирается на рабочих, добровольцев-ткачей. Весть о грабежах ему принес рабочий паренек Тереша. Пожилой ткач — «очкарник», выполняя приказ комиссара, арестовывает Жихарева, а позднее преграждает путь самому надчику.

Как мы видим, образы основных героев, взятые из книги, сценаристы переосмыслили довольно радикально. Что же касается остальных персонажей фильма, то они, по существу, написаны заново.

Данные о жизненном прототипе Петьки в книге более чем скромны. Дм. Фурманов лишь вскользь упоминает о «чумазом галчонке», расторопном и вездесущем Петьке Исаеве. Приводит его рассказ о том, как он бежал от белых из плена, описывает героическую гибель ординарца. Отталкиваясь от этих скудных строк, взяв в них главное — преданность юноши революционному делу и своему командиру, Васильевы заново написали роль ординарца, насыщенную диалогами, поступками, активным действием. Они создали полноценный характер, обобщивший лучшие черты молодых бойцов тех лет, с их революционной окрыленностью, храбростью и беззаветной верой в победу.

Не было в книге пулеметчицы Анны. О том, как нелегко было ей завоевывать свое место в строю революционных бойцов, первоначально в сценарии повествовала довольно обширная, интересно написанная роль. Но в процессе работы над сценарием она была значительно сжата. Ситуация с «бабьим вопросом» в армии отпала. Осталась самая суть, зерно темы — равнопра-

вие женщины-пролетарки в защите Родины, остаётся тема героического подвига и светлой очищающей любви.

Перебирая в уме обширную галерею персонажей, рожденных фантазией сценаристов, видишь, что это не «фон». В них дорисован портрет Чапаева. Как остроумно подметил В. Шкловский, «Васильевы — хитрые люди. Они правильно решили ребус «где должен быть командир?»».

Он в центре, он в гуще массы, он — ее частица. Герой показан в живом, органичном для него окружении. Стремление авторов выявить индивидуальность ближайших сподвижников было дополнено яркой обрисовкой «коллективного героя» — всей чапаевской дивизии. Ее образ, многогранный, очерченный и в массовых сценах, и в действиях десятков безымянных эпизодических персонажей, раскрывается как живая среда, породившая героя, а эпизодические персонажи — люди массы — являют собой как бы наиболее яркие штрихи ее коллективного, собирательно-го портрета.

Благодаря этому вся художественная система фильма воссоздает величественный и монументальный образ революционного народа. Народ в фильме стал главным действующим лицом драмы, определяющим весь ее ход, все судьбы отдельных героев.

Ничего не приукрашивая, не сглаживая острых углов, сценаристы повествуют об отрицательных явлениях, в преодолении которых и состояло внутреннее движение народа. Причем рассказывают о них так, что факты трусости, недисциплинированности, анархических настроений не только не заслоняют того здорового, что прежде всего определяло лицо чапаевской дивизии, но, по закону светотени, помогают ярче это вывить.

Кровную связь героев с породившей их средой нужно было показать в живом действии.

Сцена знакомства Чапаева с Фурмановым в первых вариантах сценария происходила в избе с глазу на глаз. Как изменилось ее звучание, когда авторы вынесли его на волю, в гущу событий — связали это и с прибытием отряда рабочих добровольцев, и с поисками оружия в реке!

Или еще пример. Свою замечательную речь о недопустимости грабежей Чапаев сперва произносил перед несколькими людьми, случайно оказавшимися в это время в избе. В следующем варианте сценария он просил позвать бойцов. Избу заполнял десяток партизан. И лишь в окончательном варианте сценария Чапай просит: «Слышь, комиссар, ты созови митинг». Сцена вынесена на площадь, и эта беседа надчида с бойцами и крестьянами «на миру» обрела народный характер.

Страницы сценарных рукописей свидетельствуют о том, что любя, даже малосенькую роль Васильевы тщательно выстраивали, филигранно отделяли каждую реплику.

Вспомним сыгранного Б. Чирковым крестьянина-бородача. Каким огромным содержанием и чувством наполнены его рассуждения о «карусели». А сколько мужичкой хитрецы в его «сумлениях», в том, как он прошуливает Чапаева — «за большевиков он али за коммунистов?» Каждый такой эпизод дает простор для актерского творчества.

Бородач в фильме, несмотря на то, что он появляется всего лишь в нескольких эпизодах, имеет свою линию развития, свою судьбу. Со-

нения и колебания, вызванные грабежами, сменяются благодарностью Чапаеву. Беседа с начальником на митинге закрепляет перелом в его настроении. Дальше мы видим, как он привозит к полевой кухне продовольствие для бойцов, и наконец, уже в финале именно бородач свершает акт народного правосудия — убивает полковника Бороздина.

Пунктирной линией этих небольших эпизодов оказалось достаточно не только для того, чтобы обрисовать яркий, запоминающийся человеческий тип, но и осветить настроения крестьян-середняков, решавших, по какую сторону баррикад им встать в развернувшейся борьбе.

Можно привести еще один пример авторской работы над крохотной ролью, которая в различных сценарных вариантах именовалась то «долговязым партизаном», то «великаном», то «верзилкой». Этот отрицательный персонаж, носитель худших черт партизанщины, сперва был всего лишь одной из колоритных фигур чапаевской «вольницы» и отличался поступками и репликами, говорящими о его бытовой распушенности. В первом варианте сценария верзила пытался «приударить» за Анкой, из-за нее вступая в драку с Петькой, а позднее оправдывался: «Он пользуется, а мы вприглядку». Он был и пьяным виночерпием, о котором мы скажем чуть ниже. Этот же персонаж во втором варианте сценария возглавлял бойцов, пришедших выручать арестованного комвзвода, а позднее с занесенной гранатой кричал: «Бей комиссаров!». Но дальнейшая судьба верзилы была не ясна. Авторы не возвращались к нему в ходе повествования.

Был в сценарии еще один персонаж — «фигура в шинели с оторванным рукавом» — кулацкий агитатор, пытавшийся поднять восстание в кавэскадроне.

На этапе съемок Васильевы кардинально перестроили образ верзилы: слили в нем труса и бузотера первых вариантов с мародером в сцене грабежа и с кулацким агитатором в сцене бунта в кавэскадроне. Вобрав в себя и поступки «фигуры с оторванным рукавом», линия образа выстроилась логически четко и социально заостренно. Вся логика поведения персонажа неизбежно обуславливала тот конец, которым явился выстрел Чапаева, сразивший изменника.

И бородач, и верзила — безымянные эпизодические персонажи (первому уделено в фильме всего 2 минуты и 6 секунд, второму — 1 минута и 20 секунд). Но они вырастают до значения типических образов.

Добиваясь богатства индивидуальных характеристик людей, Васильевы стремились передать многогранность и глубину образа массы. В народных сценах постановщики как бы на мгновение выхватывают из массы, укрупняют отдельные лица, доносят их мысли, ярким светом освещая самую суть происходящего.

На всем протяжении сценария рассыпаны меткие, афористичные, исполненные глубокого социального смысла реплики бойцов и крестьян. Это и беседа часовых в дозоре, и предсмертные слова старого пулеметчика, и реплики бойцов в сцене отражения «психической атаки».

В ночной сцене грабежа старуха-крестьянка, коря «иродов», обращается мыслью к Советской власти.

«За что люди на смерть идут?» — допытывался паренек-кашевар. И слышит ответ умудренного собственным нелегким опытом казака Потапова: «Ясно за что... за... за... жизнь. Каждому хорошей жизни хочется».

Уже в сценарии чапаевцы показаны и в боях, и в часы отдыха. Моменты растерянности и упадка сменяются подъемом и наступательным порывом. Бойцы предстают и в минуты шумного веселья, и в минуты лирических раздумий, и в героической обороне, и в стремительном всесокрушающем наступлении.

В этой широкой гамме психологических состояний массы проступает сила, стойкость, жизнелюбие и оптимизм русского народного характера, проступают новые его черты, родившиеся в огне социалистической революции.

Тема народной борьбы и народной победы не могла бы быть раскрыта так глубоко и впечатляюще, не покажи авторы противника во весь рост. Народному герою как воздух был необходим достойный антагонист. В отличие от свойственных фильмам того времени упрощенных и плакатно-карикатурных образов белогвардейцев, Васильевы предложили принципиально иной подход к изображению противника. Умный, волевой, критически мыслящий полковник Бороздин; способное на смертельный риск «психической атаки» белое офицерство. Это было ново и неожиданно. Для некоторых, пожалуй, даже чересчур смело. О том, как порой нелегко было преодолевать устоявшиеся взгляды, свидетельствуют дошедшие до нас критические замечания по сценарию и постановке «Чапаева». Одни критиковали Васильевых за то, что на роль белогвардейского полковника они пригласили крупного актера, народного артиста республики, а на роль Чапаева — молодого, в то время еще мало известного исполнителя. Другим казалось недостаточным, что полковник рассуждает о правоте взглядов Ленина, а Чапаев не может ответить на вопрос об Интернационале. Третьи усмотрели в сцене «психической атаки» героизацию белого офицерства.

Васильевы сумели отстоять свои решения. Противник тоже рассмотрен изнутри, в живом движении жизненных противоречий. Ведь победа революционного народа вызревала и там — внутри белого лагеря, где солдатские массы, постепенно прозревая, порывали с былыми хозяевами.

Эту тему авторы решают на примере всего лишь нескольких человеческих судеб. Причем выбирают сложный переплет социальных, служебных, личных отношений. В драме преданного офицеру денщика-казака, в крушении иллюзий и надежд полковника, в судьбах этих людей раскрывается глубина социального конфликта между офицерскими верхами и солдатской массой — русским крестьянством, русским народом.

Образ белогвардейского офицерства обрисован теми же реалистическими красками. Васильевы представили врага, сильного своей организацией, военным опытом, вооружением, врага, озлобленного неудачами, готового идти на все и потому еще более коварного и опасного.

В первых вариантах сценария, кроме знакомых по картине персонажей, были и разуверив-

шийся в целях борьбы прапорщик, и начинающий осознать положение белой армии ефрейтор. В пяти эпизодах действовал засланный к Чапаевцам белогвардейский агент-летчик.

Все это разрасталось в большую самостоятельную тему, которая начинала теснить основной материал фильма. Заметив это, авторы постепенно более чем на треть сократили количество сцен, посвященных вражескому лагерю.

Мы коснулись основных «составляющих» сценария, борющихся в нем социальных сил, главных действующих лиц, их окружения. Как же связано, сопряжено все это в драматургии сценария?

Сюжет и композиция

Добиваясь органической взаимосвязи «линии людей и линии событий», Васильевы находили новые принципы сюжетного строения. Борьба двух лагерей — эпическая линия фильма — лишь очерчивает круг событий, их направленность, стягивает в единый узел, насыщает единым пафосом. Это как бы основа, на которой выткана драматическая ткань фильма. Главное в нем происходит внутри каждого из лагерей, где взаимоотношения людей, истории характеров раскрываются в острых противоречиях и драматических конфликтах героев. Для кинематографа такое сюжетное строение было открытием.

М. Горький, разбирая причины успеха «Чапаева», говорил о Васильевых: «Судьба героя — это главное, что вызывает интерес к художественному произведению. Васильевы это поняли. Они обострили конфликты, углубили их, сблизили, так сказать, враждебные силы... Их настоящие учителя — Шекспир и Толстой, знавшие цену конфликту. Васильевы пошли по верной дороге сюжетного искусства. Сюжет, то есть связь жизненных явлений, выраженная через людей, через их поступки и чувства, — основной стержень картины, ее скрепа и сила...».

С. Эйзенштейн, радуясь тому, что «Васильевы сумели дать незабываемые образы людей и незабываемые картины эпохи», подчеркивал: «Это не возврат к старым сюжетным формам, снятым на первом этапе нашего кино. Это не «назад к сюжету». А именно: «Вперед, к новому виду сюжета». Сохраняя эпическую форму, популярную для начала нашего кино, авторы внутри ее сумели обрисовать такую яркую галерею героических личностей, как это раньше удавалось разве только замкнуто фабульным традиционным сюжетам». И дальше он сравнивает сюжетное строение фильма с историческими хрониками Шекспира.

Взглянем на то, как Васильевы выстраивали линию конфликтов, заостряли и углубляли их. И здесь было немало вариантов. По какому поводу должно произойти решающее столкновение — «главный бой» комиссара с партизанщиной? В первом варианте сценария таким поводом стала чисто бытовая проблема.

Партизаны добыли спирт, и в одной из изб идет повальная пьянка. Начдив и комиссар застают

такую картину: у бочонка очередь. Огромный детина, обмотанный пулеметной лентой, — котелком разливает подходящим их «паек». Сам он уже на «последнем взводе». В ответ на приказ Фурманова очистить избу «виночерпий» выхватил гранату и с криком «бей комиссаров» занес ее над головой. Здесь Васильевы отдали дань предельно заостренным ситуациям. Вот как это записано в сценарии:

«...Медленно, как бы боясь испугать эту страшную руку, комиссар осторожно вынул револьвер. И, протягивая его дулом к себе, рукояткой вперед — к партизану, сказал: — Комиссаров, говоришь?.. Бей меня... одного!

Глаза партизана забегали.

Фурманов неподвижно смотрит на него в упор, протягивая револьвер, ближе... еще ближе... Все еще не опуская руки с занесенной гранатой, партизан медленно протянул другую руку вперед и взял револьвер...

...Но партизан неожиданно как-то весь обмяк. Его занесенная с гранатой рука медленно опустилась. Он покачнулся и вдруг рухнул с высоты своего огромного роста вниз на колени.

— Сдаюсь...

И, протягивая комиссару гранату и револьвер, как раздавленный червяк, пьяно заплакал: «Я... сын революции...»

Фурманов покачал головой: «Сукин ты сын!..»

Острота столкновения в данном случае была мнимой, искусственной. Для комиссара, как и для всех присутствующих, было ясно, что в переполненной народом избе партизан не может воспользоваться гранатой, и то, что Фурманов отдавал ему свой револьвер, выглядело опасной и неоправданной бравадой.

Отказавшись от этой истории, Васильевы продолжали искать, перебирали десятки возможных вариантов и наконец нашли значительно более емкий и социально значимый конфликт, связанный с грабежами у населения.

При сопоставлении вариантов сценария видно стремление Васильевых каждую сюжетную линию, каждый конфликт в сложной полифонической структуре вещи развивать «по нарастающей».

Как складывается линия взаимоотношений Чапаева и Фурманова на всем протяжении фильма?

К моменту их первой встречи зритель успел узнать «степного полководца». Но Фурманов еще неизвестен ни зрителям, ни начдиву. И он представлен как бы с точки зрения Чапаева, который критическим взглядом окидывает подошедшего к нему человека, явного интеллигента, и встречает его очень холодно. Вопрос комиссара о «купальщиках» и ответ Чапаева завязывают первый узелок конфликта между ними.

На первых порах начдив и комиссар как бы приглядываются друг к другу. Следующая их встреча происходит в совершенно иных, более выгодных для Чапаева условиях: на штабном совещании. Своим вопросом: «А как думает комиссар?», повергшим Фурманова в замешательство, начдив берет реванш.

И в следующей сцене «Урок тактики» Фурманов, которому предстоит многому научить Чапаева, восхищенно учится у него военной премудрости.

В сцене с ветеринарами, которой мы уже касались, комиссару удается во многом переубедить начдива. Его глаза открываются и на другое. В разговоре об Александре Македонском возникает: «Ты вот знаешь. И я должен знать». С горечью говорит Чапаев о своей малограмотности и просит: «Слышь, комиссар... Расскажи мне».

С этой сцены начинается внутреннее сближение между Чапаевым и Фурмановым. Но возникающей между ними дружбе еще предстояло пройти через большие испытания. Их кульминацией стала сцена пресечения комиссаром барачности. В ней борьба идет не за мелочное и личное, а за принципы и убеждения. В чапаевских взглядах на единоначалие, в его защите командира, потакающего мародерству, еще сказываются настроения партизанской «вольницы», стремление жить по старинке, недооценка революционного порядка и законности, а ведь от этого во многом зависело, в какую сторону склонится, за кем пойдет крестьянство.

Нарастание напряженности конфликта Чапаев — Фурманов было достигнуто множеством композиционных средств, в частности тем, что сцена с ветеринарами идет в фильме раньше, чем сцена их столкновения по более важному для жизни дивизии поводу. (В первом варианте сценария сперва шел «главный бой» комиссара с партизанщиной, а потом столкновение из-за коновала).

Нарастания остроты конфликта авторы добивались и компоновкой элементов каждой из этих сцен. С точностью инженерного расчета наиболее «взрывчатые» ситуации и куски диалогов они перемещают из сцены с ветеринарами в сцену ссоры после ареста Жихарева. Именно в нее перенесен вопрос Чапаева «Кто хозяин дивизии — я или ты?», его обвинение «К чужой славе примазаться хочешь», его безапелляционное «А ну, вон из дивизии к чертовой матери!». Сюда же Васильевы перенесли ответ комиссара, что его прислала в дивизию партия.

В сцене пресечения грабей Васильевы нашли значительную форму разрешения этого конфликта. Неожиданная благодарность крестьян коренным образом меняет отношение Чапаева к Фурманову. Митинг, страстная речь Чапаева убеждает в этом. Так правда комиссара становится внутренним убеждением Чапаева. Так подтверждаются фурмановские «ты» и «я».

На протяжении всего 50 минут экранного действия перед глазами зрителей проходит волнующая повесть о возникновении дружбы таких сильных и разных по характеру людей. Где и как возникла она? Ведь большинство их встреч было исполнено острого противоречия. Почему чапаевское «обидели они меня» в сцене отъезда комиссара и грусть расставания не выглядят поспешной и немотивированной «закадровой перестройкой»? В чем секрет правдивости и жизненной убедительности таких перемен?

Сцен, раскрывающих взаимоотношения этих героев фильма, немного. Но здесь в выборе конфликтов и обстоятельств действия авторы опирались на непреложные законы искусства. «Для характеристики явления, — говорил об этом С. Васильев, — не обязательно показывать его широко, стремиться к полноте охвата многих его сторон. Важнее показать часть, но такую, в которой зритель мог бы схватить главное, существенное, оп-

ределяющее для этого явления или процесса. А остальное дорисует, внутренне восполнит воображение зрителей».

Авторы опровергли бытовавшее мнение, что самым сильным средством завоевания зрителей является острота фабулы, авантурная интрига. Они сами отказались от очень выигрышной в этом отношении ситуации — предательства вражеского агента-летчика: Чапаев отправлял его в разведку; летчик видел приближающуюся колонну белых; полковник Бороздин запрещал обстреливать появившийся над колонной аэроплан; вернувшись, летчик докладывал, что разведкой ничего не обнаружено; позже, в момент боя в Лбищенске, летчик улетел в сторону белых. Эти эпизоды прошли через все варианты сценария, включая режиссерский, однако в фильм не вошли. И не только потому, что эта версия исторически не была доказана (хотя здесь Васильевым пришлось преодолеть разногласия с консультантом картины, чапаевским комбригом И. С. Кутяковым), а по резонам художественным.

Сознание того, что Чапаев предан, ожидание уже начавшегося, приближающегося нападения неминуемо сняло бы проникновенно-лирическое звучание вечерней сцены в Лбищенске (отдых, песня, думы о мире), ибо когда «зажжен бикфордов шнур», восприятие переключается на другую волну, и это — не время для лирических излияний. Но главным для Васильевых была правда характера. Они вовремя поняли, что объяснение гибели героя только предательством чревато невосполнимыми потерями, обеднением образа и темы Чапаева, в гибели которого, конечно, есть элемент его собственной трагической вины. Для Васильевых этот воспитательный мотив произведения, призывающий к собранности, к борьбе с самоуспокоенностью, с утерей бдительности, был очень важен.

Расхожий фабульный стереотип с объяснением трагедии только предательством был отвергнут. Но случилось это уже на этапе съемок, когда складывался не только позитивный состав фильма, но и его композиция. Уточнялся сложнейший вопрос о начале — «запеве» картины.

Было три сценарных варианта финала. В фильм вошел четвертый, не предусмотренный ни одним из сценарных вариантов. Фильм окончательно сложился на монтажном столе.

Изложение темы в фильме полифонично. Эпические сцены, освещающие общий ход исторической борьбы, прослоены сценами драматическими, раскрывающими движение отдельных характеров. Линии Чапаев — Фурманов как бы аккомпанирует дуэт Петьки и Анны. Своеобразно контрастируя с этим, развиваются линии Бороздин — поручик, Бороздин — Потапов. Сложная художественная структура многолинейна, широка по охвату жизненного материала. Борьба постепенно поднимается на более высокую волну. В этом движении есть акты героические, лирические, трагические*.

Говоря о композиции фильма, важно подчеркнуть не только то, что каждый акт — дра-

* О драматургической конструкции фильма см. И. Долинский «Чапаев. Драматургия». Госкиноиздат, 1945 г., с. 156—161.

матургическое целое, но и такую особенность строения, при которой доминантные сцены произведения являются как бы сжатой моделью развития главных образов-характеров. В каждую из таких сцен как бы заложен генетический код всего фильма.

Его «запев» знакомит с легендарным Чапаевым. Его «птица-тройка», он сам, его действия стремительны, неукротимы. Гнев и презрение к трусам, решимость, отвага — все чувства обнажены, выражены крещендо. Затем как бы остановка, своеобразная цезура, за ней перелом — переход в другое качество. Следующие эпизоды по звучанию контрастны, предельно прозаичны. И командир и многие из его войска представлены отнюдь не в героическом ореоле. Партизаны, ныряющие в реку, — жалкое зрелище. Эпизоды «запева» развиваются по такому графику: от высочайшего накала чувств к контрастному снижению, к нелегкому осознанию неблагоприятности проявлений партизанщины. Однако последнее слово остается за Чапаевым. Его ответ на вопрос комиссара — «Купаются, жарко!» — был явным вызовом пришельцу. Надив не любил «выносить сор из избы».

Вспышкой яростного гнева, «буйной слепоты» начинается инцидент по поводу пресечения грабежей. В «сшибке» с комиссаром возникают

все новые «пики» натяженности. И лишь приход крестьян с благодарностью за возврат награбленного открывает Чапаеву путь прозрения, постижения истины. И опять последнее слово за Чапаевым — его яркая и страстная речь на митинге по поводу грабежей.

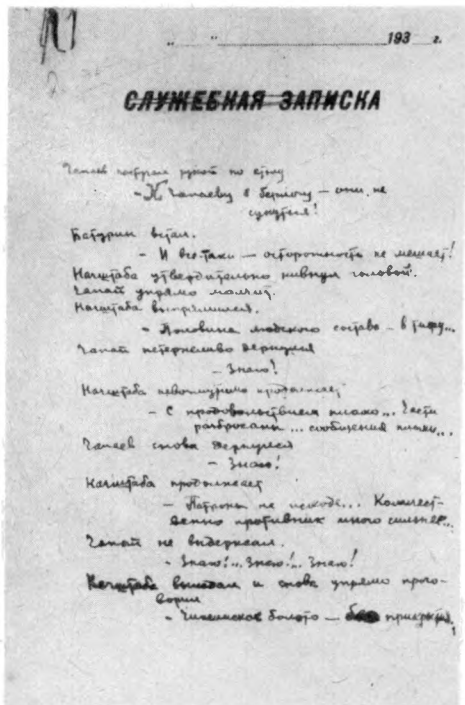
Высочайшее напряжение воли и духовных сил передает и последний бой героя в Лбищенске. Его оборона у пулемета. Потом снижение — вынужденное ранением отступление к реке. И перед тем, как броситься в волны Урала, опять подъем — отстраняет бойцов: «Плывите, я сам!». До последнего вздоха он борется. Его последние слова: «Врешь, не возьмешь!» — с ними он уходит в бессмертие.

Элементы единой цикличности развития раскрываются и в характеристике бойцов чапаевской дивизии — важнейшей части многогранного образа народа в фильме. И такая, как и в образе героя, цикличность — повторяемость уже знакомого в новом и неожиданном — не только закрепляет и наращивает силу художественного воздействия, но и придает фильму удивительную гармонию и целостность.

Сценарий и режиссура

В творчестве Васильевых счастливо сочетались литературный талант и талант режиссерский. Все сценарное, предэкранное, написанное пером было произведением большой литературы. Режиссерское видение будущего фильма придавало сценарию зримость, энергию сжатости, емкость диалогов. Сценарий они писали для себя. Казалось бы, это должно было уберечь его от перекройки в производстве, однако этого не произошло. Именно на этапе постановки сценарий и его режиссерская разработка претерпели самые значительные изменения. 21 сцена была исключена, 11 сцен были дописаны вновь. Редакционной правке подверглось множество диалогов и эпизодов. Объявление этому нужно искать в отношении Васильевых к творческому процессу. По их убеждению, он должен продолжаться до последнего дня работы над фильмом. Сценарий для них не был догмой, и так называемый «железный сценарий» они считали бредовой идеей. Следование такой канцелярской затее, по их убеждению, было ремесленничеством.

К тому же, считали они, в коллективном искусстве кино важно сотворчество: на этапе постановки и оператор, и художник, и актер — любой участник съемочной группы может внести свою лепту в развитие сценарной основы фильма. Так оно и случилось. Б. Вабочкин — актер, ставший единомышленником Васильевых, а во многом и соавтором образа Чапаева, — обогатил роль своими находками характерных фраз и словечек. В сценарии, например, Чапаев резюмировал совещание штаба подробно и уважительно. Актер предложил текст, вошедший в фильм: «Ну, на то, что вы тут говорили, наплевать и забыть. Теперь слушай, чего я буду командовать». Эта реплика безошибочно точно работает на характер Чапаева. Ва-

Фрагмент рукописи сценария «Чапаев»

Васильевы приняли это предложение, так же как «Я академиев не проходил, я их не закончил» и другие фразы, найденные актером в материалах Фурманова.

Б. Чирков в характерной роли бородастого мужика шел от облика, манер, ухваток, колоритного говора конкретного прототипа — своего земляка. Режиссеры охотно принимали его пожелания и кое-где дописали текст этой роли. Так, в эпизоде прихода крестьянской депутации он попросил текст «почуднее», и возникло: «Хм... а что, товарищи, граждане, красные армейцы, который из вас Чапай будет?».

Л. Кмит рассказал, как Васильевы ценили зоркость актерских наблюдений. Он привел характерный случай: «Ко мне приехал брат. На вопрос: «Как дома?» — не ответил, неопределенно покрутил в воздухе пальцами. Мол, «ни шатко, ни валко». Мне этот жест запомнился. Я предложил его в сцене, где Петька высказывает свое отношение к Фурманову. Васильевым это понравилось, они увлеченно репетировали, добиваясь, чтобы это место было посмешнее». И выразительность актерской игры добавила в сценарий строки:

«— Василь Иванович! А комиссар-то парень...

Он не может подобрать выражения и только жестом подчеркивает свое уважение к Фурманову.

— А я думал...

И снова жестом он пытается определить свою ошибку».

Участники съемочной группы рассказали, как однажды во время коллективного обеда в экспедиции кто-то, увидев рассыпавшиеся по столу картофелины, вспомнил строку из сценария об идущем отряде и командире на лихом коне. Кто-то другой, показав на принесенные огурцы, добавил: «Показался противник», так возникла идея овеществить сцену «урока тактики», которая поначалу была значительно бледнее, хотя в тексте «урока» — от первого варианта сценария до фильма — не изменилось ни слова. Но первоначально Чапаев рисовал свои пояснения прутьем на земле. В режиссерском сценарии — карандашом на бумаге. Лишь найденное овеществление «урока» дало простор актерской импровизации и превратило эту сцену в маленький кинематографический шедевр.

От сцены к сцене образ Чапаева рос, все больше покоряя своей глубиной и художественной силой. Когда были сняты основные павильонные сцены с Бабочкиным, Васильевы не только по-новому ощутили силу героя, но и увидели его масштаб. Образ как бы зажил самостоятельной жизнью, властно потребовал расширения своего «жизненного пространства». Окрепла уверенность в том, что Чапаев Бабочкина заставит поверить в реальное существование героя, а если это произойдет, были уверены Васильевы — зрители ему поверят во всем.

Камерно решенная в режиссерском сценарии и довольно прозаическая сцена первой встречи Чапаева с Фурмановым в избе перестала удовлетворять авторов. Возросший в их сознании образ героя требовал иной экспозиции. На новом этапе развития творческой мысли они стали мечтать о том, чтобы герой ворвался в фильм как бы прямо из легенд и народных песен. И тогда в корзину

Режиссеры Сергей Дмитриевич и Георгий Николаевич Васильевы.

полетели рулоны отснятой пленки. Взамен встречи в избе возникли новые сцены — появление Чапаева на тройке, лихая атака, смотр после боя, встреча на мосту.

В окончательном варианте впервые появился и такой эпизод: Чапаев на белом коне, в испускающей бурке стоит на холме перед атакой капелевцев. Кадр этот напоминает монументальный памятник. Но это не вызывает ощущения преувеличенности. Чапаев уже заработал у зрителей право на такую подачу. Но Васильевы и здесь верны себе, и первая же реплика начдива: «Часа через пол начнут атаку» возвращает к земному Чапаеву.

Трудно переоценить значение для фильма и других изменений, произведенных авторами в период съемок. Правда, этому во многом способствовал фактор случайности и тот элемент счастья, которому «несчастье помогло». Речь идет о неудачно сложившейся экспедиции осенью 1933 г. Отсутствие солнца, дожди не позволили отснять летнюю натуру. Ее пришлось отложить на следующий год. Зимой сняли все павильонные сцены, и они-то дали толчок к дальнейшим изменениям сценария, к пересъемкам и нескольким заменам актеров (в частности, вместо исполнителя, у которого «не шла» роль Петьки, был приглашен Леонид Кмит). Короче говоря: если бы не дождливая осень 1933 года, зрители увидели бы во многом другой фильм.

Коснемся связи литературного сценария со стилистикой постановки. Памятуя о ярко выраженном актерском характере картины, ее многочисленных артистических удачах, необходимо подчеркнуть, что и в этом постепенное выращивание, улучшение сценария подкреплялось режиссерской работой с исполнителями. Ограничимся характерным примером: в сюжете действие активно ведет комиссар Фурманов. Чтобы противостоять такой крупной личности, как Чапаев, а тем более выходить победителем из поединков с ним, была нужна равновеликость человеческих масштабов. Без этого комиссар мог выглядеть резонером. Но легко ли было молодому актеру Борису Блинову поставить зрителей на свою сторону, за-

вовевать их симпатии? Его роль по тексту и метражу намного меньше чапаевской. И уж очень различно эти герои «оснащены». У одного красота боевой отваги, разящий клинок, у него же и развернутые монологи, и неожиданность поступков, и ярость гнева, и лирические излияния, и мечты, и песни. Другой лишен всего этого. Комиссару отведены рамки лишь повседневной будничной работы. Никаких эффектов, личных переживаний, «утепляющих» моментов. Однако Б. Блинов берет за живое не только природным актерским обаянием. Постановщики не жалели ни сил, ни времени на репетиционную работу с ним, отработывали каждый жест, каждое слово и интонацию, постепенно усиливая действенную линию роли, остроту ситуаций, напряженность «сшибок» — и это позволило открыть интеллект, волю, целеустремленность, выдержку, душевность и остроумие Фурманова.

Актеры, их игра, работа с ними — все это было главным для режиссеров, но далеко не единственным.

Правильно оценивая роль звука в кино, они вместе с тем задумывались и о потерях, возникших на первом этапе овладения этим средством выразительности, — о вреде, нанесенном фильмам многословием, заменой речами поступков, недооценкой визуальных средств воздействия.

Подлинными рыцарями кинематографа, они стремились возратить ему былую силу. А это наряду с использованием выразительных возможностей звука требовало возрождения изобразительной культуры и ряда приемов, накопленных «Великим немым». Васильевы жестко «экономят» слово и в ряде сцен добиваются того, чтобы самое глубокое содержание, самые сокровенные душевные движения героев раскрывались при очень немногословном тексте.

Около трех минут идет в фильме сцена «Лунной сонаты», насыщенная напряженным кинематографическим действием. На всем ее протяжении сказана всего лишь одна фраза — четыре слова денщика об умершем брате. Но изобразительные, пластические средства при максимальной скупости текста позволили передать напряженный драматизм происходящего. В этой сцене все — и приглушенное освещение вагона, и тревожная игра световых бликов, и нарастающий драматизм музыки, — создает эмоциональную атмосферу, подготовляющую окончательный разрыв между персонажами. Крупные планы доносят до зрителей сложную гамму их чувств, передают их психологические состояния. Зрителям открывается ход мыслей Потапова. Зримо ощущается момент перелома в его сознании. И глаза казака, в которых впервые блеснул огонь ненависти к своему барину, красноречивее слов говорят о созревшем решении, мотивируют его дальнейшее поведение в фильме.

Сцена эта показательна и в другом отношении. Уже с первых эпизодов в штабном вагоне Бороздина, в суждениях заносчивого каптелевского поручика звучит тема сословного разделения людей и культур. Ему, «белой кости», доводилось сражаться «с самим фон Людендорфом», а тут какой-то фельдфебель, мужик — Чапаев. Это кастовое, сословное презрение к народу с большой силой звучит позднее в эпизодах офицерской «психической атаки». Сцена же «Лунной сонаты»,

где сопоставлены музицирующий и наслаждающийся Бетховеном барин и натирающий пол его раб, мужик Потапов, с огромной эмоциональной силой дает почувствовать глубину пропасти, разделяющей социальные миры. Здесь метафоричность драматической формы обретает отчетливый и заостренный характер. Следует отметить, что сцена «Лунной сонаты» от первого варианта сценария до фильма не претерпела ни единого изменения.

То, что постановщики так широко пользовались возможностями зрительской детализации, интенсификации действия, было заложено уже в сценарии и сделало такими выразительными и впечатляющими многие, почти лишенные слов сцены.

Безмолвно ведет свою роль Потапов, принесший полковнику рапорт с резолюцией о расстреле перебежчика. Здесь безмолвный диалог рук — холеной барской и загрубелой солдатской, укрупнение планов, обыгрывание мельчайших деталей явились в фильме одним из многих примеров бессловесной кинематографической выразительности.

Безжалостно убирая информационные тексты, призванные лишь пояснить происходящие события, постановщики добивались того, чтобы каждое слово героев было органично связано с действием, вытекало из него, служило подготовкой следующего действия.

Первый вопрос Чапаева о винтовке — далеко не случайно оброненные в пылу атаки слова. Будучи повторенными в следующей сцене, они связывают ее с предыдущей и служат поводом для действия в эпизоде поисков оружия. Мимолетный разговор Петьки с Анной в сцене первого «урока» (о том, что он приведет «языка») находит подтверждение в дальнейшем действии. Авторы стремятся многие реплики отыгрывать в последующих сценах. Так, замечание комиссара о «затрапезном виде» повторяется в эпизоде, где, угрожая Петьке трибуналом, Чапай говорит ему почти те же слова, которые он услышал незадолго до этого от комиссара.

Сопоставление сценарного материала и фильма показывает, как настойчиво боролись авторы с многословием. В сценарии, например, в эпизоде отъезда комиссара, Фурманов говорил: «Не горюй, Чапай, живы будем, встретимся». Чапаев отвечал ему: «Спасибо тебе за все, за речи, за ум-разум. Многому научил. Спасибо». Затем этот текст стал короче: «Спасибо за все, хоть и ругались — спасибо». В фильме всех этих слов нет, их сменило молчаливое объятие друзей, тихая и грустная музыка, долгий взгляд Чапаева, устремленный на уходящую вдаль дорогу, по которой уезжает комиссар. И это убеждает гораздо сильнее слов.

В ряде случаев — там, где требовалось прояснить или заострить диалог, авторы не скупались на текст. Сцена у белого генерала кончалась так:

«— Вам, полковник, я вручаю судьбу нашего фронта! — Он протянул Бороздину руку».

В окончательном варианте сценария Васильевы нашли более острую и разоблачительную концовку: «Бороздин почтительно, но соблюдая достоинство, склонил голову. Генерал пошел к выходу. Бороздин выпрямился, и на его губах можно уловить едва заметную ироническую улыбку».

ку. У самых дверей генерал вдруг замедлил шаги, нерешительно остановился, потом как-то неловко повернулся к Бороздину:

— Между прочим... Вам, вероятно, известно, что союзное командование... оценило голову Чапаева... в двадцать тысяч...

Бороздин привычным жестом снял пенсне... В его глазах огоньки все той же иронии...

— Союзное командование, ваше превосходительство, могло бы дать и **дороже...** Ведь позади — Гурьев... А в Гурьеве — **нефть!**

Монтажное решение фильма тоже было предопределено сценарием. Авторы стремились сочетать ясность, простоту и доходчивость с острой выразительности, богатством музыкально-ритмического рисунка. Они избегали внешне эффектных зрительных или звуковых тождеств или противопоставлений, монтажных метафор, замысловатых «связок», всего того, что в те годы было предметом щегольства многих кинемастеров.

Постановщикам удалось убрать какую бы то ни было искусственность в сцеплении отдельных сцен и эпизодов. Для их поисков в этом направлении показателен такой пример. В III варианте сценария момент перехода от сцены пимки Петькой «языка» к его докладу о том, что он отпустил казака, был решен внешне эффектным монтажным приемом.

«— Отпустил бы ты меня,— просит Петьку Потапов. Петька долго молчит. Он молчит так долго, что это кажется уже перетяжкой». И на этом крупном плане задумавшегося Петьки звучит уже другой голос — Чапаева: «— И ты отпустил?». Переход от сцены к сцене на одном искусственном, затянутом плане обнаженностью приема мог бы вызвать ощущение искусственности. Постановщики отказались от этого.

Огромный интерес представляет и ритмический рисунок фильма, то, как постановщики пользуются сменой ритма повествования для характеристики противоборствующих социальных сил. Замедленный ритм первых сцен в салон-вагоне передает атмосферу тревоги и неуверенности в стане врага. Здесь все шатко, непрочное. Зрителям дано почувствовать, что тишина и покой салон-вагона искусственны, что загнанные в глубь противоречия должны вот-вот вырваться наружу.

С этим контрастирует быстрый, напряженный ритм соседствующих сцен в чапаевском лагере. Здесь жизнь бьет ключом. И такой ритмический контраст — одна из режиссерских красок, ярко и образно несущих мысль.

Виртуозности монтажа обязана своим рождением одна из наиболее волнующих сцен фильма — отражение «психической атаки», вошедшей в историю мирового кино как один из высочайших, классических образов монтажного искусства. Строй и монтажный рисунок сцены были детально выписаны в сценарии.

Не учтенный врагом моральный фактор авторы дают ощутить множеством средств. Объединяющим их, главенствующим становится монтаж... Наступающие капеллевы сняты с разных точек — фронтально, с боков. Зритель видит их так, как они рисуются чапаевцам, лежащим в цепи. Черные валы надвигаются со зловещей неуязвимостью. Изображение офицерских колонн постепенно укрупняется. Увеличение длительности

этих планов визуально и ритмически подчеркивает нарастание опасности. В безмолвном, механическом движении капеллевы ощущается мертвенный автоматизм.

Красноармейская сценка, наоборот, дана живой, волнующейся. Она снята так, чтобы вызвать у зрителей эффект присутствия. Камера выхватывает на мгновение из общей картины крупные планы бойцов, доносит их реплики. У каждого свой «градус кипения». Спокойствие и выдержка большинства не исключают проявлений паники и трусости. Живые переживания людей прочерчивают перипетии сражения, его драматические взлеты и неожиданности.

Сложный монтаж стал звуко-зрительным. Тему врага ведет зловещая нарастающая дробь барабанов. Она обрывается новым звуковым ударом — заливающей трелью Анкиного пулемета. Когда он захлебнулся — вышли патроны, — в наступившую тишину врывается отдаленный повист и гиканье казачьей лавы. Несколько кадров паузы и новый взрыв — вступает мажорная музыка чапаевской конной атаки. Нужно подчеркнуть, что покадровое сравнение сценария с фильмом показывает, как точно режиссеры видели монтажный рисунок «психической» задолго до съемок.

Большинство планов буквально совпадают со сценарием.

Кадры «Чапаева» своей правдивостью, простотой и «скромностью» изобразительного решения напоминают съемки кинохроники времен гражданской войны. Эта скромность, как бы документальность изобразительного решения во многом определяет стиливое единство фильма и рождает у зрителей ощущение достоверности, подлинности разворачивающегося на экране действия.

Огромное внимание постановщики уделили прорисовке его «второго плана». И здесь многое было намечено и записано уже в сценарии. Жизненная среда в фильме предельно конкретна, достоверна. О том, насколько постановщики были скрупулезно точны в этом, говорит хотя бы такой штришок: в первых кадрах фильма Чапаев появляется не на легендарной, воспетой в песнях о гражданской войне тачанке (хотя именно «тачанка» фигурирует во многих статьях о фильме), а на обычном, доставшемся ему в качестве трофея экипаже, и именно «пролетка» была указана в сценарии.

Если говорить о непосредственно режиссерских решениях, то стремлением Васильевых было елико возможно остаться в тени, сделать незаметным режиссерский «указующий перст», избежать такого подчеркивания, акцентирования, выделения (монтажом, ракурсом и др.), при которых режиссер открыто ведет зрителя за руку или становится его единственным собеседником. «Незаметность» режиссуры, такая якобы «безыскусность» требовала высокого искусства. Новаторская стилистика режиссуры воздействовала на зрителей (применим выражение Станиславского) как «потрясающая, оглушающая, осеняющая неожиданность».

Режиссерский сценарий ввел в проект фильма важнейший компонент — расчет времени. Разметка метража определила внутреннюю динамику каждого эпизода, ритмический рисунок вещи в целом. Общий метраж режиссерского сценария составил 3527 метров. Однако авторы стремились уложить фильм в принятые в то время 100 минут. В ходе съемок и монтажа они сжали картину

больше, чем на 1000 метров. Экономия дало изменение «запева» и финала.

Вместе с тем на пути от режиссерского сценария к фильму некоторые сцены при постановке удлинились по метражу. В «уроке тактики» добавочные метры ушли на фиксацию деталей замечательной игры Бабочкина. Был добавлен метраж сцен столкновения Чапаева с Фурмановым после грабежей, ночной сцены Петьки с Чапаевым перед боем, сцены отдыха чапаевцев в Лбищенске и песни о Ермаке. Васильевы не скупилась на секунды и метры там, где этого требовали художественные задачи.

Авторы и зритель

Творчество Васильевых буквально пронизано неотступной мыслью о зрителе. Свой фильм они задумывали, ощущая веление времени, когда от пожара рейхстага потянуло гарью большой войны. Задачи военно-патриотического воспитания зрителей они связывали с проблемами, выдвигаемыми развитием событий. По их убеждению, рассказ о крупном героическом характере, о росте человеческой личности должен быть созвучным современной созидательной жизни страны и народа. Уверенность в таком сопряжении истории и современности, в эмоциональной переключке героини двух эпох была рождена тем, что художники жили делами, помыслами, настроениями своего времени, и это стало камертоном их творчества. Духовный климат первых пятилеток определял победы на трудовых фронтах и стройках, героические перелеты летчиков, штурм стратосферы и Арктики, челюскинская эпопея — все это формировало и закаляло новый советский характер.

Поколению строителей и борцов герой фильма должен был помимо всего прочего импонировать своей яркой действенностью, своей кипучей энергией и наступательным духом. И то, что это случилось, наполняло сердца Васильевых чувством счастья и гордости. «Счастья и гордости потому, — говорили они, — что основным в нашей работе мы считали чувство действительности, ощущение мыслей, созвучных эпохе, мыслей, которые идут наравне с мыслями тысяч других людей. Мы считали основным передачу чувств, которые движут лучших людей нашей страны»...

В своей «режиссерской заявке» они это выразили так:

«Вместе с актером, через актера мы хотим волновать зрительный зал, хотим, чтобы зритель любил наших героев и ненавидел наших врагов.

Только в случае полного контакта со зрительным залом мы будем считать нашу задачу выполненной до конца. Фильм, оставляющий нашего зрителя холодным и равнодушным, — это безусловный брак, это как бы нераззорвавшийся снаряд, а время у нас военное, и все мы должны быть готовы выйти победителями из любой войны, если нам ее навязжут»...

В создании экранных образов и в учете их восприятия аудиторией Васильевы шли от богатства и многообразия самой жизни. Это стало ариадновой нитью их поисков.

«Чапаев» — фильм героический. Но, вспомните, сколько моментов в нем вызывает смех, улыбку, веселую реакцию зрительного зала, сколько сцен рождает лирические чувства. Героическое перемежается с комедийным, лирическое с трагическим. Такая многоплановость рождает ощущение необычайной полноты жизни.

Понимая, что нельзя держать аудиторию в постоянном напряжении, Васильевы давали паузы, приносящие разрядку, умело «дозировали» различные средства эмоционального воздействия.

Большое ли, например, место занимает история зарождающейся любви Петьки и Анны? Но эта лирическая линия, расширяя душевный диапазон произведения, очень существенна для его успеха*.

Комедийные эпизоды умело вкрапливаются и в героические, и в драматические, и в лирические сцены. Только что закончилась стремительная атака на хутор, и тут же начинается смешное «купание» партизан. Вызывающие улыбку Петькин выстрел и призыв: «Тихо, граждане, Чапай думать будет!» предвворяют военный совет чапаевцев.

Драматический накал возникающего столкновения в сцене с ветеринарами разряжает юмористическая реплика из «Ревизора» о табуретке. На юморе построена и концовка сцены, где Чапаеву удается «поддеть» комиссара, и они оба весело смеются шутке об Александре Македонском, который не воевал в белых перчатках.

Веселье и шутки окрашивают неантагонистические по характеру противоречия в чапаевском лагере. Лагерь противника начисто лишен комедийных красок.

Стремясь избежать всего нарочитого, искусственно «развлекательного», постановщики искали психологически оправданные комедийные положения, и здесь было множество отвергнутых сценарных проб. Они отказались от эпизодов, где Петька, развлекаясь, залез из винтовки по галкам, где он вступал в драку с «верзилой», где он же в сцене кизгнания из дивизии женского племени старался утешить подругу пляской и различными смешными колечками.

К числу найденных с актерами комедийных эпизодов относится, например, концовка сцены изучения пулемета, когда Петька вновь заговорил о «щечках». Сколько подлинного комизма в этом маленьком столкновении героев, в немом диалоге их глаз, в ритме одновременно поднимающихся, а затем опустившихся к пулемету фигур. В режиссерском сценарии этот эпизод выглядел иначе: после настояний Анны Петька продолжил урок: «А это называется... А это называется «кожух» — для водяного охлаждения». Сцена кончалась «на серьезе». И лишь в репетициях с исполнителями режиссеры поняли, что здесь была бы хороша комедийная краска, и «щечки» неизменно вызывают в зале оживление и смех.

Но смех смеху рознь. Там где рождается об отрицательных и враждебных явлениях, теплый дружеский юмор сменяется злой, острой сатирой.

* Хотя в дни выхода фильма в критических статьях можно было встретить упреки, что эта линия — «дань авторов американшине».

Смешон «долговязый» партизан, «драпающий» с хутора, ныряющий за винтовкой, «хотящийся» за поросенком. Но это не тот дружеский смех, которым зрители встречают выходы Петьки или монологи крестьянина-бородача.

Васильевы не принадлежали к числу кинематографистов, увлекшихся чисто внешней динамикой и эффективной зрелищностью кинематографического действия. Материал гражданской войны представлял огромный искус в этом отношении. В сценарии и фильме нет бешеных скачек, звенящих клинками кавалерийских сеч, «подсечек», когда лошади падают на всем скаку, или других головокружительных каскадерских трюков — всего того, чем в изобилии были оснащены фильмы о таких героях гражданской войны, как Олеко Дундич, Кочубей и многие другие.

Избегая внешних эффектов, Васильевы были сторонниками глубоких, эмоциональных средств воздействия. Среди них на одно из первых мест они ставили музыку.

В процессе работы над фильмом количество песен и музыкальных кусков по сравнению с тем, что было намечено в сценарии, возросло более, чем вдвое. Композитор Гавриил Попов, чья музыка ярка, доходчива и подлинно национальна, внес большой вклад в эмоциональную партитуру фильма.

Нужно отметить, что движению чувств своей будущей аудитории Васильевы придавали огромное значение. О том, как они представляли себе амплитуду колебаний зрительских эмоций, свидетельствует любовный творческий документ, условно названный «сердцеграммой» фильма. Отлично понимая всю условность количественного выражения такой тонкой категории, как эмоциональное воздействие, авторы в рабочем порядке решили прикинуть, как может развернуться эмоциональная «кривая» будущего фильма. Оценив для себя потенциал каждой сцены с точки зрения ее интереса для зрителей, сопереживания и душевного волнения, которое она может вызвать, авторы, распределили их по десятибалльной шкале и выстроили графическую кривую, напоминающую температурный лист.

Сделано это было так: на длинном листе клетчатой бумаги по верхней горизонтали слева направо шли номера сцен по режиссерскому сценарию (от № 1 до № 66). С левой стороны листа по вертикали располагалась «шкала эмоционального воздействия». Ее градации шли снизу от одного балла вверх до 10 баллов.

Каждая сцена на пересечении ее порядкового номера и намечаемого балла отмечалась точкой. Линия, соединяющая эти точки, образовывала кривую.

Эта схема, воссоздающая эмоциональную модель будущего фильма, интересна как пример вспомогательной творческой аппаратуры Васильевых и, главным образом, как фиксация их самооценки эмоциональных возможностей сценария, она помогла им ощутить нехватку в отдельных эпизодах нужных красок, искать их в период съемок, подтолкнула к поискам нового финала.

Как выстраивалась «сердцеграмма»? Низшие баллы 1—4 отданы проходным, связующим эпизодам. Начиная с графы 5 идут более выигрыш-

ные в эмоциональном плане куски. Сюда, как ни странно, авторы отнесли одну из лучших сцен фильма — «Урок тактики». Правда, нужно отметить, что здесь она дана в редакции, предшествовавшей ее «овеществлению» (начдив рисует схемы на бумаге), и поставлена она была в режиссерском сценарии после «психической атаки» (под № 35), где она могла прозвучать лишь иллюстрацией только что увиденного («когда надо», командир шел впереди).

К графе 6 отнесены обе сцены с молодыми героями (изучение пулемета — № 6) и уход Петьки за «языком» — (№ 20), здесь же проникнутые большим чувством сцены прощания с Фурмановым (№ 39) и вечерняя песня в Лбищенске (№ 44). К этой же графе отнесена первая сцена в вагоне Бороздина (№ 9), где зрители впервые заглядывают во вражеский лагерь. Сюда же отнесен эпизод приезда Анны в Сахарную (№ 60), где возникает момент фабульного напряжения — «успеет или не успеет подмога?».

На мой взгляд, оказались заниженными эмоциональные возможности сцены ночной беседы Петьки с Чапаевым (№ 27). Впрочем, мы судим о ней под воздействием фильма, где она блестяще поставлена и сыграна.

К графе 7 отнесено наибольшее число сцен — тринадцать. Назovem лишь вошедшие в фильм: военный совет (№ 3), просьба Потапова о брате (№ 13), «Лунная соната» (№ 24), сообщение о «бузе» в кавэскадроне (№ 31). И, наконец, здесь же сцены открытой драматической ситуации — нападение на Лбищенск, неравный бой героев, отъезд Анны, поединок с броневиком (№№ 50, 51, 52, 56, 58).

В графе 8 нарастающие по драматизму сцены обороны в Лбищенске (№№ 53, 54, 57). К этой очень высокой графе авторы отнесли сцену, где Петька берет в плен ловящего рыбу Потапова, а затем отпускает его (№ 22). К графе 8 отнесено отражение «психической атаки».

В графе 9 наиболее полно проявилось отношение Васильевых к открытым драматическим столкновениям героев — это «сшибки» после жалобы ветеринаров (№ 10), ссора Чапаева с Фурмановым после ареста комвзвода (№ 19).

Трагическая сцена гибели Чапаева (№ 62), ставшая высшей кульминационной точкой фильма, в единственном числе отнесена к графе 10.

Прогнозируя эмоциональную силу той или иной сцены, Васильевы добивались точного социального характера и адреса этих эмоций. Очень показательны в этом отношении поиски высшей точки их «сердцеграммы» — решения сцены гибели героя. Ее трагический накал, ее насыщенность пафосом борьбы разительно отличает эту сцену от лаконичного и протокольного описания гибели в книге Дм. Фурманова.

Смерть Чапаева уже в сценарии предстала как подвиг. (Хотя в первых вариантах сцена кончалась резким, пронзительным криком боли).

Авторы подчеркнули, что до последней секунды он боролся с врагами. Его последними словами были: «Врешь! Не возьмешь!..»

Первоначальный вариант постановочного решения сцены был основан на упоминании

Дм. Фурманова о том, что Чапаев гибнет ночью в бурных волнах Урала. Художнику и операторам казалось, что именно это обстоятельство дает возможность ярче выявить драматизм борьбы героя за жизнь. Бурная река привлекла их потому, что давала возможность изобразительно эффектного решения. В эскизе этого варианта сцены низко плывущие косматые облака, седые вспененные волны. Чапаев борется со стихией. Но огромный кипящий вал настигает его. Луч света выхватывает из тьмы последний взмах его руки...

Все это могло выглядеть достаточно эффектно и впечатляюще. Но постановщики отказались от такой внешне романтической трактовки сцены. Чапаевское «Врешь! Не возьмешь!» в этом случае могло относиться не только к врагу, но и к слепым силам разбушевавшейся стихии. Сцена была снята иначе: Чапаев гибнет не ночью, а утром, не в бурной, а в спокойной реке. И такое, казалось бы, более простое постановочное решение гораздо сильнее «работает» не только в смысле социального адреса последних слов героя, но и в эмоциональном плане. Средствами кинематографической живописи были воссозданы крутой обрыв над рекой, широкий изгиб ее серебряной ленты, беспредельность неба. И эти картины величия вечной природы, принявшей в свое лоно героя, помогают рождению мысли о его бессмертии.

Авторские раздумья о зрителях, об их запросах и требованиях базировались на знании зрителей, подкреплялись глубокой верой в них. Поэтому их сценарий и фильм программно антидидактичны, лишены прямых политических высказываний, пояснений или поучений. Основная тема сценария ни разу не обнажается в прямых диалогах, как и тема сближения основных героев. Все это раскрывается в подтексте. Васильевы видели перед собой будущего зрителя — политически выросшего советского человека. Они верили в его ум и художественное чутье, в то, что он сам, без подсказок с их стороны разберется в сути происходящего, даст ему свою оценку, сделает свои выводы.

Авторы настойчиво уходили и от другого, к сожалению, часто встречающегося в фильмах недостатка — стремления все досконально разъяснить и мотивировать в сюжете, все уточнить и разжевать, расставить все точки над i. Ясна ли в фильме судьба казака Потапова? В последний раз его видели в рядах чапаевцев, у полевой кухни, слышали его слова о том, за что люди на смерть идут. Поступки казака не оставляли сомнения в том, что, выстрадав свое решение, он навсегда порвал с белым лагерем. Но в сценарии линия этого персонажа не обрывалась этим эпизодом. В разгар сражения с капеллецами он выпрыгал лошадь и устремлялся в бой. Позднее он вновь предстал перед полковником, но на этот раз в качестве пленного. Эпизод был снят. В нем полковник ругал Потапова, говорил ему: « — Понимаешь ты, дурак, что я теперь тебя расстрелять должен?

И казак, чтобы все уточнить, отвечал: — Понимаю, Сергей Николаевич... я-б, может, тоже вас... расстрелял... кабы там пымал...

Бороздин встал. Ничего не ответил... Подошел к окну. Не поворачиваясь, махнул рукой — веди-те!» (реж. сценарий №№ 686-715).

Васильевы опустили этот эпизод.

Но если они решительно шли на сокращение отдельных реплик, эпизодов, сюжетных линий, то значительно сложнее, драматичнее шли поиски финала картины.

Кончать фильм гибелью любимого героя в то время казалось слишком «рискованным». Многие, в том числе сами авторы, опасались, не прозвучит ли такая концовка слишком «пессимистически». Васильевы выдвигали и сами же отвергали несколько вариантов. Им казалось, что внести в фильм жизнеутверждающие ноты, связать действие с современностью должен был эпилог. В сценарии они написали его. Это сцена в освобожденном Лбищенске, где у свежего могильного кургана звучат торжественные речи и траурные марши. Эскадроны, склоняя знамена, проходят мимо братской могилы. Пехота. Артиллерия. Конники. На санитарной двуколке — Анна и Петька (авторы сохранили ему жизнь). На их лица «ложатся» слова Чапая: «Счастливые, говорю, вы с Петькой... Молодые... Вся жизнь впереди... Дальше, фраза за фразой, звучат знакомые зрителю слова Чапаева о будущей жизни, о борьбе за нее.

Под нарастающие мажорные звуки чапаевского марша перед зрителем возникают: «Части современной Красной Армии. Двигутся моторизованные отряды. Ползут танки. Броневики. Танкетки. В воздухе туча краснозвездных самолетов...» (реж. сценарий, кадры №№ 990-1030).

Такой плакатный апофеоз не вязался с образом строем фильма. В период съемок Васильевы разработали другой вариант эпилога. Эпизод был снят на Кавказе в г. Гори. Ни пленки, ни литературной записи сцены не сохранилось. Удалось разыскать лишь фото и восстановить содержание этого варианта по воспоминаниям участников съемки.

Пышный яблоневый сад. Среди огромных куч уже собранных фруктов Анна играет с детьми. Приходит Петька. Он уже командир дивизии. Его радостно встречает Анна и дети. Герои счастливы своей любовью, окружающим их изобилием. И за кадром, так же как в предыдущем варианте, возникает голос Чапаева, звучат его знакомые зрителям слова о будущем: «Вот поженитесь, работать вместе будете. Война кончится, великолепная будет жизнь. Знаешь, какая жизнь будет, помирать не надо!».

Нуждалась ли мысль о том, что кровь, пролитая отцами, не пропала даром, в подтверждении такой идиллии? Отснятая сцена финала в саду не дошла даже до монтажного стола.

Финал фильма не прозвучал пессимистически. Связь героя с современностью зритель установил сам по поэтическим законам искусства. Без подсказки со стороны авторов и без приема с закадровым голосом в финале Чапаев, «как живой с живыми», говорит со многими поколениями зрителей.

Интересы зрителей авторы отстаивали, когда после написания сценария перед его постановкой они вступили в битву за звуковой вариант фильма (трест «Роскино» планировал запустить его в производство немцам) и выиграли эту битву.

Вторая битва разыгралась после просмотра готового фильма. Считая чрезмерно раздутой линию белогвардейцев в фильме, ГУКФ предложил исключить из фильма всю сцену отражения «психической атаки». Согласиться с этим авторы не могли. Васильевым с помощью К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и других военных руководителей удалось отстоять эту сцену.

Сценарий не только пишется, фильм не только ставится, снимается, монтируется. Они создают

ся всей жизнью художников. Это — проверка не только таланта, энергии, работоспособности, но и принципиальности, способности отстаивать свои взгляды, бороться за свои убеждения. Высокая гражданственность позиции Васильевых была выражением их кровной связи с народом. с многомиллионной зрительской аудиторией, для которой они творили, интересы которой были для них святы.

Читатели из г. Луховицы Московской области прислали в редакцию для замены неправильно сброшюрованные экземпляры альманаха. Сообщаем, что в случае обнаружения типографского брака в номерах альманаха «Киносценарии» следует обращаться в Чеховский полиграфкомбинат по адресу: 142300, г. Чехов Московской области.

1р.20к.
70434

КИНОСЦЕНАРИИ

1986

2